

**Розалин
Шайлз**

**Треховная
связь**

Роберта Мейтленда ожидало блестящее будущее: окончив один из лучших колледжей Австралии, он нашел хорошую работу, не за горами свадьба с прекрасной Клэр... Но все рушится в одночасье — внезапно вспыхнувшая страсть к девушке-подростку перечеркивает жизненные планы Роберта. От него отворачиваются все. Изгой вынужден покинуть родной город, уехать в Европу. Через двадцать лет он возвращается. Ему кажется, что он сполна заплатил за ошибки молодости, но в городе остались люди, которые не смогли простить ему греховную связь. Розалин МАЙЛЗ — автор супербестселлера “ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ”. Ее романы — увлекательное чтение для женщин всех возрастов: любовь и ненависть, верность и измена, неожиданные повороты сюжета и счастливый финал.

- [Розалин Майлз](#)
  - [ПРОЛОГ](#)
  - [КНИГА I](#)
    - [ВЕСНА](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
      - [6](#)
      - [7](#)
      - [8](#)
      - [9](#)
      - [10](#)
    - [ОСЕНЬ](#)
      - [11](#)
      - [12](#)
      - [13](#)
      - [14](#)
      - [15](#)
    - [ЗИМА](#)
      - [16](#)
      - [17](#)
      - [18](#)
      - [19](#)
      - [20](#)
  - [КНИГА II](#)
    - [ВЕСНА](#)
      - [21](#)
      - [22](#)
      - [23](#)
      - [24](#)

- [25](#)

- [ЛЕТО](#)

- [26](#)

- [27](#)

- [28](#)

- [29](#)

- [30](#)

- [ОСЕНЬ](#)

- [31](#)

- [32](#)

- [33](#)

- [34](#)

- [35](#)

- [ЗИМА](#)

- [36](#)

- [37](#)

- [38](#)

- [39](#)

- [40](#)

- [ЭПИЛОГ](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
-

Розалин Майлз

Греховная связь

*Деянья наши — суть наши ангелы — в добре и зле,
Словно роковые тени, они не покидают нас.*

Джон Флетчер

ПРОЛОГ

АВСТРАЛИЯ

ВЕСНА

1965

Голый, словно Адам в раю, юноша бежал по песку. Лучи восходящего солнца огненными бликами играли на его гибком стройном теле, венчали голову золотой короной и горячим прикосновением сушили первый жаркий день года. Весь отдавшись своему бегу, он пронесся по холодному песку и с торжествующим криком бросился в воду. Прибой гнал громады волн величиной с дом, но с опытностью мальчишки, привыкшего целыми часами не вылезать из воды, он нырнул под нависшую волну и смело устремился к искрящемуся горизонту.

— Роберт! Роб! Да подожди меня, черт бы тебя побрал!

Второй юноша на берегу торопливо сбрасывал одежду, путаясь в своем рабочем комбинезоне.

— Ну, я тебя обставлю, Эверард, — доносилось из мерцающей морской дали. — Как пить дать обставлю! Ты проиграл!

— Попробуй-ка сначала повкалывать в ночную, потом посмотрим, кто проиграет! — с воплем насмешливого раздражения Поль Эверард наконец выбрался из своего комбинезона и ринулся в море.

Уплывший далеко вперед пловец резвился, как дельфин, то уходя под воду, то выныривая. Движения его были полны силы и естественной грации. Наконец он устал, перевернулся на спину и отдался созерцанию калейдоскопической игры красок тропического рассвета. Солнце между тем поднималось все выше.

Господи! И за что же такая благодать! Во всей Австралии нет человека счастливее и удачливее его! Этот мир принадлежит ему! А сколько еще впереди! От этой мысли он радостно рассмеялся, и в этот момент сильная рука схватила его за ногу.

— А вот и я, Мейтленд! — проревел Поль, набрав полный рот воды. — Теперь посмотрим, кто кого обставит!

Как водилось у них с детских лет, подводная борьба по обоюдному согласию закончилась вничью. Потом они лежали рядом на песке, наслаждаясь тишиной и покоем. Одни-одинешеньки в пустынной бухте, отделенной от остального мира скалами и гигантскими складками головокружителей круч вдали, словно первые живые существа в пробуждающемся мире.

Наконец Роберт вернулся к действительности:

— Ну вот мы и исполнили ритуал весны... — И он приподнялся, потягиваясь, как тигр, всеми членами своего молодого мускулистого тела.

— Ритуал весны? — лениво пробормотал Поль. — Так вот что это такое. А я-то наивно думал, ты решил повидать старого друга перед тем как свалить. Или вернуться к природе, прежде чем влезть в праздничный костюм.

Роберт бросил на друга ехидный взгляд:

— Ну, ты у нас работяга — да еще в ночной смене. Тебя теперь попробуй догони. А что

до возвращения к природе, это, приятель, по твоей части. — И он снова хихикнул. — Хотя, сказать по правде, то, что ты выдавал с Дженис Писли в субботу на танцах, природным и гармоничным не назовешь — скорее что-то животное! Ты помешан на сексе. Ты вообще о чем-нибудь другом можешь думать?

— Да брось, — запротестовал Поль, — я просто хотел ее развлечь. Представь себе, я провел с ней весь вечер, а в конце она выдает мне, что в голове у нее только ты!

— Я?

„Если бы Роб хоть на минуту осознал, как он хорош, — не впервые подумал Поль, глядя на друга, — перед ним никто бы не устоял“. Он знал, что и сам не урод, знал, что его высокий рост, мускулистое тело, уже достигшее мужской зрелости, смуглое цыганское лицо с твердым выражением блестящих черных глаз неотразимо действовали на девчонок. Но — увы! — не всегда самых лучших, тех, кто ему больше всего нравился. Да что говорить, размышлял Поль, все его приключения давались ему дорогой ценой.

А Роб... Бросив украдкой взгляд на широкоплечую и узкобедрую фигуру Роберта Мейтленда, на его светлую с золотистым оттенком кожу, на красивое лицо с крепкой челюстью и копну отливающих золотом волос, Поль снова ощутил знакомый приступ зависти, с которой он яростно боролся еще в далекие школьные годы. Да, все, на что так падки женщины, было дано этому парню, с этим он родился.

И слава Богу, что сам Роберт об этом даже не догадывался. Еще в школе девчонки крутились вокруг него, как мухи вокруг банки с вареньем, ловили каждое его слово, не спускали с него глаз, а ему хоть бы что. Он просто не понимал, что его манера обращаться с любой женщиной, как с неким гибридом Ким Бесинджер и царицы Савской, гарантировала ему обожание прекрасной половины человечества. А Роберту даже в голову не приходило, какие возможности он упускает.

Поль вздохнул.

— Да, да, ты! — нехотя выдавил он. — И она не единственная. Есть еще Ноэллин Фоли, которая всегда была к тебе равнодушна, прямо с пеленок. А Джоан Макинтош на днях спрашивала о тебе.

— Хотел бы я знать, как это тебе удастся поддерживать со всеми отношения, когда целый день, а то и ночь ты проводишь в забое на шахте? — рассмеялся Роберт.

— Верность, дружище, — расплылся в улыбке Поль. — Верность и постоянство. Шахта это так — работа. А девчонки — мое...

— Горизонтальное вдохновение?

Громко смеясь, Роберт ловко уклонился от кулака Поля.

— Ах ты сукин сын, — с преувеличенным негодованием завопил тот. — Говорил же я, что не следовало отпускать тебя в колледж. И как в воду глядел: теперь я тебе не пара.

— Я должен был уехать, и ты отлично это знаешь.

Роберт внезапно насупился, и Поль сразу заметил резкую перемену в настроении друга.

— Знаю, знаю, — с некоторым смущением пробормотал он. — А у меня так все наоборот. Мне и в голову не приходило жить где-нибудь, кроме Брайтстоуна. Ну, прежде всего, я никогда не был таким умником, как ты.

— Да дело не в этом. Ты же и сам прекрасно знаешь, что я имею в виду моего отца... — Роберт замолчал, пристально вглядываясь в морскую даль с выражением, так хорошо знакомым Полю по бесконечным спорам на эту тему. Но через секунду веселость вернулась к Роберту, он передернул плечами и широко улыбнулся. — И все же на сей раз я победил —

и скоро снова уеду.

— Снова уедешь? — в голосе Поля звучало неподдельное изумление. — Но ты же только-только приехал! — он с трудом сдерживал упреки, готовые сорваться с языка. — Я-то полагал, что ты насовсем, что все будет как в добрые старые времена, когда мы были мальчишками. Ну съездил — и довольно. — Но, взглянув на упрямое лицо друга, Поль неуклюже пошел на попятную: — Ты же получил диплом, кончил колледж — чего еще?

— Да так-то оно так, — примирительно бросил Роберт. — Но мне еще надо столько сделать, столько увидеть! — В голосе его зазвучали жесткие нотки. — Я здесь и пару недель не пробыл, а уже задыхаюсь! Я просто свихнусь, если останусь дольше! Мне надо уехать, Поль, — и по той же самой причине, что и раньше!

Поль кивнул. Ему нечего было предложить другу, кроме молчаливого сочувствия. В глазах Роберта, вновь обращенных к морю, светился холодный огонь и вызов.

— Тебе с родителями повезло, Поль, — особенно с отцом. Не сомневаюсь, он был в восторге от твоего решения пойти по его стопам на шахту, но думаю, он вряд ли бы особенно наседал на тебя, если б ты захотел делать что-то другое. И вы с Клер для него равны, — его дети и все тут. А для моего отца Джоан — само совершенство, а я — блудный сын!

— Ну, Джоан девчонка что надо, уж это ты не можешь отрицать, — с горячностью вставил Поль. Он даже в пылу чуть не сказал: „свой парень в доску“, но не был уверен, прозвучит ли это как комплимент.

Лицо Роберта чуть смягчилось.

— Конечно, — в голосе его прозвучали нотки нежности. — Разве она виновата, что так похожа на отца, и характером вся в него, Какому отцу это не понравится? Он души в ней не чаёт и позволяет делать все, что она хочет. А вот мне любую мелочь приходится брать с бою. И прежде всего свободу. И бой все продолжается!

Глядя на твердый подбородок Роберта, на горделиво приподнятую голову друга, Поль любовался его горячностью. Несмотря на молодость, он умел сочувствовать страданиям ближнего, и тем не менее не мог даже мысленно представить себе, как можно постоянно ссориться с родителями.

— Так что ты собираешься делать? — спросил он.

— Все что угодно! — последовал незамедлительный ответ. — Я готов ко всему — к любой работе, стипендиям, грантам^[1], чтобы продолжить учебу. Больше всего мне б хотелось заниматься какой-нибудь научно-исследовательской деятельностью, да вообще чем угодно, лишь бы выбраться отсюда!

Только сейчас до Поля стал доходить смысл сказанного:

— Из Брайтстоуна?

— Из Австралии, старина! — Поль впервые слышал от Роберта столь определенное высказывание. — Этот остров, может, и самый огромный в мире, но пока на нем мой отец, он мал для нас двоих!

Томительная пауза затягивалась. Поль лихорадочно искал нужные слова:

— Что он может сделать, когда узнает, что ты не собираешься стать учителем?

Недобрая усмешка перекосила привлекательное лицо Роберта.

— Готовься к тайфуну „Мейтленд“! — расхохотался он. — Может, отец и человек Божий, но выходит из себя, как любой грешник. Боюсь, что эхо бури, которая разразится в обители священника, докатится и до города! И случится это сегодня же вечером, как только он придет домой. Дальше откладывать нельзя. И благослови свою судьбу, что можешь

отсидеться где-нибудь в тиши!

„Почему я сказал „обитель священника“, а не „дом“? — размышлял Роберт, поднимаясь по тропке, ведущей из бухты наверх, вдоль мыса. — Потому что пора в путь. Пора в путь-дорогу; там и будет мой дом — пусть не надолго — где бы ни пришлось мне остановиться“. Солнце уже поднялось высоко, и горячие лучи ласкали его спину и затылок. Он еще чувствовал мощный напор волн, в ноздрях был свеж вольный запах океана, на губах выступила соль, а в ушах звенел и струился теплый воздух. Жизнь в нем так и бурлила. Внезапно он с невероятной остротой ощутил уверенность, ясность и силу. Никому — даже отцу — не сбить его с пути. Жизнь разворачивалась как книга, и не руке человека остановить перелистывающиеся страницы.

Войдя в дом, он сразу прошмыгнул на кухню, где высокая стройная девушка готовила завтрак. Бросив на Роберта пронизательный взгляд близкого человека, она ободряюще улыбнулась. Взаимопонимание, сложившееся между ними, не требовало лишних слов.

Это действительно не были обычные отношения между братом и сестрой. С того самого момента, когда Джоан впервые увидела огромные глаза новорожденного братца, крупные викингские черты лица в ореоле светло-золотистого пушка волосенок, он стал для девочки объектом поклонения и защиты и возымел над ней неограниченную власть. Эта любовь была неизмеримо больше обычной сестринской любви.

С годами их близость и неизменная забота сестры только усилились. Когда Роберт пошел в школу и его рано пробудившиеся способности начали приводить всех в замешательство, Джоан настояла, чтобы брата перевели на класс выше, потому что он заметно обгонял своих сверстников. А когда Роберту запретили заниматься теми предметами, которые ему нравились, и он, впав в неопишумую ярость, стал грозить, что вообще бросит учебу, именно Джоан добилась для мальчика позволения изучать то, что ему по душе, и в любом порядке, чтобы он мог по достоинству проявить себя. А Роберт не терял зря времени и всячески старался наверстать три года форы, которые природа дала старшей сестре. В те дни их неизменно принимали за близнецов, прежде всего потому, что оба унаследовали от отца красивые нордические черты и стройность, открытый прямой взгляд.

Сами того не подозревая, они стали объектами восхищения или зависти брайтстоунских мамаш, чьи дети были, как правило, темнее кожей и не столь стройны и привлекательны, как юные Мейтленды, будто явившиеся с другой планеты.

С годами, однако, природа давала себя знать, и различия между братом и сестрой становились все явственней. С младенчества Джоан проявляла особенность, которая в дальнейшем стала едва ли не главной чертой ее характера — она отличалась поразительной целеустремленностью: раз вбив себе что-то в голову, ни на йоту не отклонялась от поставленной цели, и сбить ее с этого пути было никому не под силу. При этом цели Джоан всегда ставила четкие и ясные и уже со школьной скамьи твердо знала, что все, что ей надо, есть в Брайтстоуне, что она счастлива в своей семье и потому вполне довольствовалась учебой в местном колледже, где считалась одной из первых, если не самой первой ученицей.

Роберта же, напротив, природа наделила разносторонними дарованиями, что было одновременно его бедой и благословением. На лету схватывая любой школьный предмет, он приходил в отчаяние, если его заставляли чем-либо специально заниматься. Целиком отдаваясь любому делу, будь то футбол с его шумом и гамом или уединение с книгой, музыка или физический труд, он рано развил в себе характер, сочетающий страстность и

ответственность — и это тоже стало его силой и проклятием. Душа его жаждала трудностей, препятствий, постоянных перемен и новых целей — в противном случае она иссыхала, как растение, лишенное влаги.

Словом, трудно было найти большую противоположность его отцу, патриарху с ветхозаветными понятиями об отчей власти и сыновней покорности.

— Ну почему он всегда так уверен в своей вечной правоте? — возмущенно говорил Роберт сестре.

— Отнеси это к себе! — парировала Джоан.

— Если бы хоть мать почаще противилась ему! — жаловался он.

— А ты бы пореже! — не терялась она.

Когда же это все началось? Легкими их отношения никогда и не были. Строгие и чересчур заботливые, благочестивые и беспокойные родители слишком много упований возлагали на своих детей. С ним же, единственным сыном, всегда, насколько он помнил, связывались самые необоснованные надежды.

Он никак не мог вспомнить, когда в их отношениях впервые появилась трещина, это было уж очень давно — все началось с выбора занятий, товарищей, будущего, даже конкретных предметов в школе.

— Философия? А почему не теология? А чем тебе не нравится местный колледж? — ярость старого пастора не знала пределов, и ни малейшего впечатления не могли на него произвести школьные стипендии, которые уводили Роберта из захолустного шахтерского городишка в совершенно иной мир, открывая перед ним возможности, о которых отец не мог даже мечтать. И чем больших успехов добивался сын, тем большее раздражение вызывали они в старом священнике, который в глубине души испытывал ужас и отчаяние от яркой индивидуальности взрослеющего молодого человека и всеми силами пытался противостоять амбициям сына в твердом убеждении, что это не что иное, как бунт против его веры.

Так начинались пререкания, затем разгорался скандал, стоило только священнику потребовать от своего сына послушания, против чего в юном Роберте восставала каждая частица его души. Миссис Мейтленд находила убежище от этого ежедневного конфликта в непрекращающихся мигренях и нервных приступах; Джоан, боготворившая старшего Мейтленда не меньше, чем брата, с непрестанным, но — увы! — тщетным усердием пыталась примирить непримиримое, закаляя собственный характер в этом негасимом огне.

С первого взгляда Роберт мог с уверенностью сказать, что несмотря на начинавшийся прекрасный день, над домом священника сгущаются грозные тучи.

— Что, опять? — обратился он к сестре.

Джоан только пожала плечами.

— Он хотел, чтоб ты отвез его на Церковный совет. А тебя и след простыл. Он уехал совсем взбешенный.

— Но я же вчера вечером предложил довести его! — взорвался Роберт. — А он на меня же и набросился и прочел целую лекцию о том, что, дескать, он и сам с усами и прекрасно водит, и нечего мне соваться, и прочее!

Джоан не стала возражать.

— Мама очень беспокоилась за него сегодня утром. Говорила, что ночью у него был приступ.

— Типа того приступа, которые он никогда не признает, так что ли?

Джоан не прореагировала.

— Вечером он снова собирается ехать с мамой на собрание общества „Золотой век“. Мама уговорила его позволить тебе подвезти их, что стоило ей немалых трудов. Он сегодня встал не с той ноги.

Роберт хмыкнул.

— Боже мой, это никогда не кончится! Если он лезет на стену от всякой ерунды, как он проглотит известие о том, что я уезжаю навсегда и начинаю жить своей жизнью?

— Взятся за гуж, не говори, что не дюж, — тоном старшей сестры изрекла Джоан. — Поговори с ним сегодня же вечером — я прикрою тебя. Нет худа без добра. Может, ты преувеличиваешь, и все обойдется? — В голосе ее послышались новые интонации. — Давай поговорим о чем-нибудь более веселом. — Теперь голос ее звучал менее уверенно, она повернулась спиной к Роберту, возясь с закипающим кофейником. — Как насчет этих танцулек в субботу — мы снова отправимся туда с Полем Эверардом и его сестренкой?

— А почему бы нет? — нараспев протянул Роберт. Рука его потянулась к тарелке с намазанным маслом тостом, но перед глазами внезапно всплыло нежное миловидное личико, обрамленное темными кудрями. — Почему бы нет?

В этот вечер Роберт долго готовился к встрече с отцом, но ему и в голову не приходило, в каком неистовом гневе предстанет пред ним служитель Церкви. Без всяких приветствий и стука, преподобный Мейтленд, подхлестываемый собственным яростью, ворвался в комнату сына.

Высокий, с аскетически худым лицом — само олицетворение ветхозаветного гнева — почтенный священник являл собою внушительное зрелище.

— Ты!.. ты!.. — от ярости, распиравшей его, он не мог говорить.

Роберт поднял глаза от книги, которую читал, и встретил бурю с открытым забралом.

— А в чем дело, — смело обратился он к отцу.

— Купаться в чем мать родила в Эдемской бухте! И не пытайся увилить — тебя видели сегодня утром...

Роберт расхохотался.

— И это все? Я был с Полем Эверардом. Мы купаемся так с детских лет!

— ...Тебя видели... и узнали... моя прихожанка; она обратилась с жалобой в Церковный совет! Она была шокирована... ошеломлена и шокирована!

Роберт прикусил губу.

— Но, папа, мы не хотели никого беспокоить...

Однако старый священник его не слушал. Судя по мертвенной бледности щек и по глазам, пылающим тусклым огнем, он давно готовился к этой схватке, и никакая сила не смогла бы отвратить его от принятого решения.

— Какая гордыня! — скрежещущим голосом изрекал он. — Пренебречь законами Божьего мира, будто он сотворен только для тебя одного!

— Да будет тебе, папа!

Роберт чувствовал, как с каждым изреченным отцом словом терпение и все добрые намерения покидают его, как это уже было не раз.

— Но это ведь не смертный грех, ты же знаешь!

— Ах, не смертный? Ну, так я тебе назову смертный!

К ужасу Роберта отец в ярости взвинчивал себя все сильнее. При всей незначительности случай с купанием голышом спровоцировал некие неведомые силы, таящиеся в глубинах

подсознания пастора. Старик постепенно терял контроль над собой.

— И это мой сын! Мой единственный отпрыск! Тебе нравятся книжные науки, но ты и не помыслил добиться награды за знание Библии, тебя это не волнует!

Роберт вспыхнул.

— Что ты хочешь этим сказать?

Глаза старого пастыря засверкали, и он стал цитировать нараспев библейские слова. Голос его угрожающе нарастал:

— Кто нарушит одну из заповедей сих малейших, малейшим наречется в Царствии Небесном...

— Заповеди? Какие заповеди?

— Нет, ты не чадо мое, если не знаешь даже пятой заповеди, а тем более не подчиняешься ей!

Роберт сдерживался из последних сил.

— Я знаю пятую заповедь, — спокойно ответил он. — И почитаю отца своего и мать свою — я вас обоих уважаю, папа, и ты это отлично знаешь, но „подчиняться“...

— Отцу да надлежит подчиняться, — громовым голосом провозглашал старший Мейтленд. — Ему ведомо, что хорошо для детей его!

— Пока они его дети, наверное, — голос Роберта прерывался, но он все еще пытался сдерживаться. — Но я уже не дитя. Мне двадцать один год, и я вправе принимать собственные решения. И я хотел тебе сказать, пап, что не буду поступать туда, куда ты мне велел. Я стану зарабатывать, получать стипендии и учиться тому, чего хочу сам, не буду тебе мозолить глаза, и вам больше не придется беспокоиться за мою судьбу.

В разразившейся буре, которая не ослабевала до самой темноты, Роберт наговорил столько резких слов и выплеснул столько накопившейся горечи, что воспоминания об этом жгли его долгие годы. Время от времени сестра и бледная болезненная мать отваживались вторгаться в самое средоточие урагана, пытаясь остановить священника или хотя бы сдержать его неистовство, но все было тщетно. В пылу перепалки никто, не говоря уже о самом разъяренном пастыре, не замечал, как пепельный налет все сильнее покрывал его лицо, как все более прерывистым становилось его дыхание, в то время как уста изрыгали все более яростные проклятия, обрушиваемые со страстью ветхозаветного пророка на голову сына.

Только интуиция несчастной миссис Мейтленд подсказывала ей, к чему идет дело.

— Роберт! Роберт! — со слезами на глазах выкрикивала она, и эти крики звучали в ушах Роберта всю его жизнь. — Ты же разбиваешь отцовское сердце, неужели ты не видишь!

— Ах, мама, — стонал он, — это он, он сам разбивает свое сердце — и мое!

И все же мягкость одержала победу там, где твердость тирана не пробила ни малейшей бреши. Взяв себя в руки и подавив бушующий гнев, Роберт сделал первый шаг к примирению. Начав уже беспокоиться о состоянии отца и матери, он предложил отвезти их на собрание, как они договаривались.

Но отец уже закусил удила. Не приняв протянутую ветвь оливы, он предпочел до конца играть роль разгневанного патриарха и не внял примирительному слову сына. По дороге в город, пролегающей вдоль крутого обрыва над морем, со старшим Мейтлендом случился сильнейший сердечный приступ. Гибель отца и матери оставила глубочайший след в душе младшего Мейтленда, и с этой незаживающей раной ему суждено было жить дальше.

Поездка предстояла долгая и утомительная. Путь пролегал через весь континент, сквозь мертвое красное сердце страны. Купаясь в злом вечернем свете, поезд отошел от вокзала, пересек город и его окрестности и наконец, оставив позади рукотворную цивилизацию, устремился на запад, к выжженной солнцем пустыне.

Весь долгий день тяжелые тучи нависали над горизонтом; было время зимнего солнцестояния, когда зима давала свой последний бой наступающей весне. Близилась ночь, и небо играло и сверкало пурпурными, кроваво-алыми, огненными и золотыми переливами; лучи заходящего солнца пронизывали насквозь каждый вагон. А поезд мчался навстречу сгущающейся далеко впереди тьме.

Потихоньку собирающаяся на перроне утреннего брайтстоунского вокзала компания была более чем невелика, даже для Брайтстоуна. И тем не менее пришедшая вместе со всеми высокая красивая женщина сразу же оставила группку людей и отошла в сторону. Ранний воздух был свеж и чист, а дикие олеандры, вздымающие свои стволы вдоль железнодорожного пути, вспыхивали в лучах утреннего солнца красными и золотыми бликами. Но глаза Джоан не видели этой красоты. Чертовы Уилкесы, злилась она, зачем заявили сюда? Владеть шахтой еще не значит владеть всем городом. Явился на вокзал, да еще с этой гусыней! Они никогда не знали Роберта — ни разу даже не встречались!

— Как себя чувствуешь, Джоани?

Джоан повернулась и с улыбкой взглянула на доброе лицо женщины, с материнским вниманием обращенное к ней.

— Спасибо, Молли, все в порядке. — Джоан помолчала. Улыбка сбежала с ее лица. — Правда, я бы прекрасно сегодня обошлась без этого. — С горькой усмешкой она кивнула в сторону толстяка, с важным видом направлявшегося к начальнику вокзала; за ним неотступно следовала его жена.

— Роберт не будет иметь ничего против, милая, — умиротворяюще заметила Молли. — Служитель церкви является общественным достоянием — пора к этому привыкать.

Служитель церкви. Да, да. Не странно ли все это? Роберт будет служить вместо отца — займет место отца...

— А такой большой человек, как Уилкес, — продолжала Молли, — если захочет, может оказать немало услуг Роберту в его работе. Да вообще дался он тебе, этот Уилкес! Пока ты здесь, Роберту не о чем тревожиться. Кровь не вода, что ни говори, — торопливо подвела она общий итог. — У него есть ты, а у тебя есть он, и слава Богу!

Джоан кивнула в знак согласия. „Но ведь это правда!“ — подумала она. Однако привычка к сдержанности научила ее соблюдению приличий.

— Но у него есть и Клер, — вставила она автоматически.

— Ну, кто говорит, конечно, Клер. — При упоминании дочери простое лицо Молли, на котором жизнь оставила свой тяжелый след, смягчилось. — Ах, как бы я хотела, чтобы у них была замечательная семья, особенно теперь, когда Роберт вернулся сюда, домой — пора мне наконец сделаться бабушкой, пока не поздно! Надоело ждать, когда Поль остепенится и

перестанет повесничать! Но жена это все же не то, что сестра. Как ему повезло, что вы обе есть у него — особенно после того как...

— Я знаю. — Джоан отвернулась и сделала вид, что внимательно всматривается в красный от пыли железнодорожный путь: поля шляпы скрыли ее глаза с набежавшими слезами. — Роберт тогда находился в таком состоянии, что ему лучше было уехать... даже в голове не укладывается, что он возвращается... каково ему здесь покажется? Ведь столько лет прошло. Молли, столько лет...

Джоан сама собрала его вещи сразу после похорон и проводила на поезд, велев не беспокоиться о ней.

— „Не оглядывайся назад, Роберт! — говорила она. — Никогда не оглядывайся. Жизнь нельзя повернуть вспять, да тебе и не придется“. Голос ее был тверд как скала, но на сердце лежал тяжелый камень, черный, как смерть, брайтстоунский гранит. А теперь... каково ему будет теперь!..

— Уж слишком близко ты все к сердцу принимаешь, Джоани, нельзя так убиваться. — Характерный астматический кашель возвестил о появлении Джорджа, мужа Молли, ветерана и жертвы угольной шахты, являвшейся единственным производством и смыслом существования Брайтстоуна. — В этом вы два сапога пара — ты и этот твой братец. Да только переживаниями делу не поможешь. От них только в земляную постель до срока отправишься.

— Если только этот нас раньше туда не отправит! — прошипела Джоан, уставившись на торопливо приближающихся Уилкесов.

— Доброе утро, мисс Мейтленд! Вы, конечно, знакомы с моей женой. Доброе утро, миссис Эверард, доброе утро, Джордж. — Даже в треволнениях этого необычного утра владелец шахты не забывал о том, что он называл „необходимыми любезностями нашей жизни“. Он с покровительственной улыбкой оглядывал компанию. — Я только что имел честь получить последние новости от служащих станции. Скорый идет по расписанию, не опаздывая ни на минуту. Так что готовьтесь приветствовать преподобного Мейтленда и его супругу!

Все стояли молча. Джоан смотрела по сторонам. Растущее возбуждение сменилось разочарованием, и она нарочито безразличным тоном произнесла:

— А где же Поль?

* * *

Никогда не возвращайся. Никогда не возвращайся? О, Боже, неужели это всегда правда? Молодая женщина беспокойно зашевелилась, пытаясь подавить внезапно нахлынувшее чувство тревоги. Никогда-не-возвращайся, никогда-не-возвращайся, никогда-не-возвращайся, — насмешливо вторили ее мыслям колеса „Я уже начинаю слышать голоса“, — с изумлением подумала она Так долго в поезде ехать нельзя! В пыльное стекло с назойливым жужжанием билась огромная муха Отбросив книгу, Клер Мейтленд потянулась за сумочкой.

Сидевший напротив мужчина, казалось, прочел ее мысли и, не поднимая головы, спросил:

— Устала, милая?

Оторвавшись от маленького зеркальца, Клер нежно улыбнулась мужу. Как всегда при

взгляде на его красивое лицо с точеными чертами, сердце ее наполнилось чувством горячей любви. Память не сохранила время, когда она не знала этого человека. Сначала большеглазый семилетний мальчик пел в хоре в красивой старинной брайтстоунской церкви (она сама тогда была слишком мала, чтобы присутствовать на службах), затем он являлся неизменным товарищем старшего брата Поля — оба представлялись ей юными божествами.

В те дни вся прекрасная половина Брайтстоуна лежала у ног Роберта Мейтленда. В какое неистовство приходила она, когда он удостаивал своим вниманием представительниц ее пола! И менее всего тогда думала, что Роберт отвергнет блистательную светскую карьеру, ожидавшую его, и вступит на путь церковного служения, избрав ее, Клер Эверард, своей суженой.

Клер воспринимала все как чудо. И ей даже в голову не приходило, что ее бледное овальное личико, широко раскрытые задумчивые глаза и темные кудри, струящиеся по тонкой, как фарфор, матовой коже щек, производили неотразимое впечатление, которое сохранялось в душе в отличие от быстро улетающих воспоминаний о ярких загорелых блондинках с длинными ногами.

Волна беспредельной нежности охватила Клер; ей страстно захотелось, чтобы муж приласкал ее. Улыбка на лице Роберта свидетельствовала о том, что он с обычной чуткостью прочел все движения ее души и тела. Спокойно и ласково он привлек ее к себе.

Тишину разорвал пронзительный гудок. Поезд заскрежетал, затрясся и, повинувшись тормозам, начал снижать скорость.

— Приехали?

Роберт возбужденно поднял живое точеное лицо. Впереди смутно вырисовывались какие-то здания. Над ними вырастал, возвышаясь над городом темным массивом, гигантский срез породы с хитросплетением механизмов — совершенно футуристическая фантазия из черных от дыма колес, выступающих труб и надшахтных кранов. Даже сюда, в купе, проникали клацанье, грохот и шипение, свидетельствовавшие о том, что не только пассажиры, но и шахта провела бессонную ночь. Роберт впился глазами в знакомую громаду жадным взглядом вернувшегося домой странника...

— Брайтстоун! Приехали!

— Наконец-то!

Вдали над шахтой проступали очертания скалистого мыса, круто обрывающегося в море своими слоистыми напластованиями обнаженной породы — природной кладовой, снабжающей Брайтстоун своими угольными запасами. Сквозь вой и грохот работающих механизмов можно было явственно слышать гораздо более низкий монотонный рокот гигантских валов, которые Тихий океан неутомимо гнал на незащищенные берега. С нескрываемым восхищением Клер повела рукой в сторону этой величественной картины и затем стремительно бросилась в объятия Роберта. При взгляде на родное лицо, доверчиво тянущееся к нему словно цветок к солнцу, Роберт почувствовал, как все его существо пронзила сладкая боль, а тело с юношеской страстностью отозвалось непреодолимым желанием.

Высоко над беспорядочной круговертью нектарниц ^[2] с их пестрой сумятицей ярко-желтых и иссиня-черных пятен совершала свой неспешный круг стая тасманийских чаек. Сквозь горячий сухой воздух океан доносил, будто благословляя их, солоноватую прохладу ветерка. Роберт нагнулся и приник к губам Клер долгим страстным поцелуем.

— Ты только посмотри! Ты только посмотри на все это! — горячо проговорил он. —

Разве здесь может с нами случиться что-нибудь плохое, милая? Мы опять там, где должны быть. Мы дома!

— Ну! Ну! Посмотри-ка на своих стариков!

— О! Мама! Папочка!

— Чуть-чуть потише! Я уж слишком стар и мне вредны излишние волнения!

Прибывшие и встречающие естественно разбились на две группы: Клер рыдала в объятиях Джорджа и Молли Эверардов, а Роберт, стремительно пошвыряв из вагона весь багаж, который беспорядочной грудой высился теперь на платформе, оглядывался вокруг в поисках сестры.

— Да вот я, позади тебя.

— Как всегда.

И он заключил ее в свои объятия. Они стояли, прижавшись друг к другу, и не произносили ни слова. Говорить было нечего и не о чем. Джоан, улыбаясь, смотрела в глаза брата и знала, что в этот момент к ним вернулась их былая детская близость. Обычная ее настороженность уступила место чувству полного покоя. Все будет хорошо теперь, все будет хорошо... Все будет прекрасно — ведь она здесь, чтобы как всегда заботиться о нем. Начнем все сначала. Но не как в прошлый раз. На этот раз все будет прекрасно.

— Клер!

— Ну, здравствуй, Джоан!

Клер обняла склонившуюся к ней Джоан и осыпала ее горячими поцелуями.

— Господи, как же я рада снова увидеть тебя! Ты ни капельки не изменилась, Джоан, ну ни капельки! Боже мой, поверить не могу, что мы снова вместе после стольких лет! А где же он? Где...

— Дамы и господа!

На недовольной физиономии мистера Уилкеса было написано, что время, отпущенное на встречу родных и проявление чувств, вышло, и пора приступать к более серьезной части.

— Дамы и господа, отнюдь не тяжелые обстоятельства послужили причиной нашей встречи здесь...

Увы, истории так и не было суждено удостоиться счастья узнать, сколь благоприятны были эти обстоятельства. Послышался рев мотора, и открытый „додж“, окрашенный в вызывающе голубой цвет с металлическим отливом, на бешеной скорости подлетел к вокзалу, нагло проскочил прямо к перрону и устремился к ошеломленной толпе. Несмолкающий гудок заглушил оратора, и тот так и застыл в оцепенении с открытым ртом. Наконец, не сбавляя скорости, машина сделала крутой разворот и остановилась, обдав красноватой пылью цветастую вуаль миссис Уилкес. Словно дикий зверь, выпущенный из клетки, из кабины, забыв воспользоваться дверцей, выскочил водитель.

— Ах вы, сукины дети! Раньше прибыли! И ведь нарочно, чтобы лишить меня удовольствия возглавить комитет по встрече! — Восторженные вопли огласили воздух, и Роберт с Клер оказались в объятиях новоприбывшего.

— А вот и он, — пробормотала Джоан, охваченная знакомой волной противоречивых, но очень сильных чувств. — Я же знала, что он не пропустит этого. Вот и Поль собственной персоной!

Старенький голубой „дожд“ в торжествующем облаке пыли отъехал от вокзала. Стараясь перекричать шум мотора, водитель возвысил голос:

— Нет, вы только подумайте, я чуть было не опоздал! Черт возьми, я ведь видел поезд за несколько миль, слышал даже гудок! И все только ломал голову, успею или нет.

— Ну, если ты гоняешь так же, как раньше, ты и самого черта обставишь, — смеясь, бросил Роберт.

Поль Эверард закинул голову и звучно расхохотался. Крупное, мускулистое тело, смуглое подвижное лицо, сейчас особенно оживленное и веселое, горячие черные глаза являли собой полную противоположность поджарому стройному Роберту с его неизъяснимым обаянием. Однако трудно было усомниться в крепости уз дружбы, до сих пор связывающей двух молодых людей.

— Замолчи, преподобный! — со смехом выкрикнул Поль. — Все дело в том, что кое-кому из нас приходится зарабатывать себе на жизнь собственными руками. Я только что с ночной! — И он дружелюбно, но достаточно сильно хлопнул Роберта по плечу.

На заднем сиденьи женщины вели свой разговор, обмениваясь улыбками.

— Ну и фрукт твой братец, — беззлобно заметила Джоан. — Так он и на собственные похороны опоздает.

— Стало быть, он все тот же, — рассмеялась Клер.

Поль мгновенно откликнулся на ее замечание — резко повернул на крошечном перекрестке, бодро гудя, приветливо махнул рукой двум прелестным девушкам в ярких весенних платьях и одновременно нажал на газ.

— Ты ж меня знаешь, сестрица, — Поль бросил восхищенный взгляд через плечо. — Роскошные машины, ветреные женщины — здесь все как всегда.

— Ну, брось ты, — пробормотал Роберт сухо. — Это еще как сказать.

— Хантер-стрит, Макери-плейс, Таггера-парк. — Перед изумленным взором Клер одно за другим пролетали с детства знакомые брайтстоунские достопримечательности. Небольшой городишко разворачивал перед ней все свое богатство: сутолоку низеньких запыленных зданий, множество старомодных магазинчиков, заправочную станцию и в завершение всего замусоренную площадь с купами пальм, растущих здесь со времен Всемирного потопа.

— Все по-старому!

— В конце концов ты отсутствовала не так уж долго, — запротестовал Поль.

„Долго, очень долго“, — зазвенело в голове у Джоан, но вслух она проговорила:

— Немало лет.

— Вот что я вам скажу, друзья, — продолжал Поль все тем же бодрым голосом, оставаясь, как обычно, глух ко всяким тонкостям, — работка вам здесь предстоит немалая, это уж поверьте. Дело в том, что преподобный Паттерсон, эта старая перечница, исполнял свои обязанности из чистой любезности, чтоб приход не опустел; он-то сам давным-давно на пенсии, как и его жена. Так та постоянно болела...

— Хватит, Поль, — остановила его Клер, — я уверена, что он делал все, что мог.

— Твоя правда, сестричка, — подхватил Поль, но лицо его приняло серьезное выражение. — Делал все, что мог, для Уилкеса и начальства. Если б он мог молитвой подвигнуть рабочих вкалывать в забое по восемнадцать часов за доллар в день, то молился бы беспрестанно!

— Уилкес? — прервал язвительную эскападу Поля Роберт. — Не тот ли это похожий на

чиновника тип на вокзале?

— Он самый, — кивнул Поль. — Новый босс на шахте, появился сразу после твоего отъезда. Жаль, что ты из-за меня и моего старика „доджа“ не удосужился выслушать его приветственную речь!

— Действительно, жаль, — сухо отреагировал Роберт. — Хотя мне кажется, что мы виделись с ним не в последний раз. Впрочем, как знать? Может, случится так, что не он, а я сумею использовать его в своих целях?

— Ты сделаешь его орудием в своих руках, — с горячностью подхватила Джоан. — Здесь у тебя есть цель, и ты наделен властью осуществить ее. Ты любого заставишь делать то, что тебе нужно.

— Твоими бы устами да мед пить, Джоан, — с улыбкой отозвался Роберт. — Но от моего успеха здесь действительно многое зависит. Да я и так готов поработать на славу ради этого.

— Тут лишняя скромность ни к чему, дружище, — запротестовал Поль. — Хоть ты у нас нынче и преподобный, правда тебе все же не помешает, хотя бы в семейном кругу. Ты же не будешь отрицать, что у тебя язык хорошо подвешен?

— Поручаю тебе время от времени возвращать меня на землю, Поль, — засмеялся Роберт. — В общем, поживем — увидим. Работы, во всяком случае, здесь непочатый край. Мне прямо не терпится скорее добраться до дома и приступить к делам.

Все погрузились в свои мысли. Пригород и шахта уже остались позади, и они мчались теперь по прибрежному шоссе, ведущему к скалистому мысу, навстречу утреннему солнцу. Клер вся подалась вперед.

— Вот она!

На фоне залитого солнечным светом неба выросла небольшая, но удивительно красивая церковь. Рядом высился дом священника, выстроенный в английском стиле, с выступающими окнами, низким приветливым крылечком и высокой крутой кровлей. По всему периметру первого этажа тянулись прохладные веранды, защищающие дом от палящего австралийского солнца. Позади церкви простиралось небольшое ухоженное кладбище. На полной скорости Поль лихо подкатил к запыленному густому кустарнику у крыльца и резко затормозил у самых ступенек из камня, ведущих в дом.

— Дамы и господа — обитель Мейтлендов!

Роберт вышел из машины, буквально загипнотизированный видом дома. Клер застыла в оцепенении.

— О, Роберт, — шептала она, — он прекрасен, как всегда!

— И такой же чистенький, — отозвался Поль, энергично извлекая из машины привезенные вещи. — Весь дом был вылизан сверху донизу, снаружи и изнутри.

Клер подошла к Роберту, взволнованно рассматривавшему едва просохшую блестящую краску.

— Ты только посмотри, дорогая. Но кому же мы обязаны за все эти труды?

— А как вы думаете, кому? — смеясь, бросил Поль.

Взгляд Роберта устремился на Джоан; она поднялась по каменным ступенькам крыльца со связкой старинных, украшенных орнаментом ключей. В воздухе стоял густой, как вино, запах франгипании^[3], ползущей вверх по теплым камням стены. Прохладные стекла тяжелой входной двери дома — его дома — манили и приглашали войти. С торжествующей улыбкой Джоан распахнула дверь.

— Как же тебе все это удалось? — в полном изумлении спросил Роберт.

Поль протиснулся вслед за ними в прохладный, пахнущий сандалом холл, неся в каждой руке по сумке и еще одну под мышкой.

— Так же, как все, за что она берется, старина, и не говори, что забыл. Организаторский дар и способность насесть на кого угодно — такова наша Джоан.

Джоан бросила быстрый взгляд на Поля, и вся загорелась от его похвалы, на бледных щеках заиграл румянец.

— Да бросьте вы, — передернула она плечами, — я только получила краски и организовала работу. Поль помогал всюю.

— Что я говорил, — с обычной невозмутимостью подхватил Поль, бросая на Джоан дежурную улыбку завязанного волокиты. — Эта девушка создана верховодить. Она здесь мастер. Ее хлебом не корми, дай покомандовать. Мужики со всей округи на нее работали! — Он бросил вещи у лестницы и вернулся на крыльцо, где все еще стоял Роберт, охватывая жадным взглядом все вокруг. — Вот не знаю только, надо ли мне благодарить судьбу, что она твоя сестра, а не моя, — вполголоса бросил он Роберту, проходя мимо. — Для меня она слишком умна! Мне по сердцу более легкомысленные, старик, — ну, ты понимаешь? Если им и дал Бог мозги, то в другом месте, так я полагаю.

— Роберт!

Голос Джоан доносился из глубины дома. Роберт вздохнул полной грудью и в этот момент почувствовал в своей руке ладошку Клер. Его охватило волнение. Спрыгнув с крыльца, он схватил жену на руки, поднял и весело перенес через порог.

— Добро пожаловать в первый в нашей жизни дом, дорогая! — не переводя дыхание, произнес он. — Добро пожаловать в дом!

В доме на каждом шагу их ждали сюрпризы.

— Наш старый обеденный стол... и стулья — все, все! — восклицал Роберт с неподдельным восторгом, остановившись в дверях большой передней, выходящей окнами на простирающийся впереди мыс. В возбуждении он шагнул из холла в комнату. — Папин кабинет! Совсем такой, как был! И все его книги! — В эркере стоял старинный письменный стол, на нем несколько старых семейных фотографий, допотопная пишущая машинка, впрочем, вполне в рабочем состоянии; пачка свежей бумаги, карандаши и ручки, все под рукой. Подле них лежали Библия и Псалтырь.

— Теперь это твой кабинет, Роберт.

Он не расслышал, как Джоан подошла и стала у него за спиной.

— Но ведь, насколько я помню, ты писала, что все продала? — покачал он головой, не веря глазам от радости.

— Папины книги, машинку и все, что можно, я оставила. А когда узнала, что ты возвращаешься, то постаралась выкупить что можно обратно. Так собрала почти все. Да люди и рады были услужить. — Она помолчала, внимательно глядя на него. — Они желают тебе всяческой удачи, Роберт.

— Я понимаю.

— Они рады будут помочь, чем могут. А помощь тебе понадобится, — продолжала Джоан. — Ведь все, по сути дела, надо начинать сначала. Да еще Столетие на носу.

— Столетие? Ах, да. Молли писала нам...

— Столетие Брайтстоуна! У всех только это на уме, и всем хочется чего-нибудь

грандиозного. Специальной торжественной службы, церковного праздника; еще хотят сделать огромную выставку истории города в общественной библиотеке. И все, конечно, надеются, что организационную работу мы возьмем на себя.

— Не спеши, Джоан, — засмеялся Роберт. — Нельзя же так с места в карьер! Дай хоть вещи распаковать!

— Джоан! — послышался восторженный крик Клер с верхнего этажа. — Нет, это уму непостижимо! Распаковала все наши сундуки и избавила меня от самого нудного дела! Но и этого мало! Ты, я вижу, навела порядок и в саду!

— Надеюсь, ты ничего не имеешь против? Когда малость освоитесь, можете все переставить по своему вкусу. Мне во всяком случае эта возня доставила удовольствие. Моя хозяйка не позволяет и стул передвинуть, — подняв сумку, Джоан направилась к лестнице.

Навстречу ей из спальни вышла сияющая Клер с охапкой тряпья.

— Я даже голову себе не буду ломать. Ты навела такую красоту. В подобных делах ты всегда разбиралась лучше, чем я. Взгляни, пожалуйста, на эти украшения. Что с ними можно сделать? Когда я их покупала, мне они казались такими милыми, а сейчас уж и не знаю!

Роберт постоял в раздумье у окна, затем распахнул створки. Свежий морской воздух ворвался в комнату, словно приветствуя его, и он вздохнул всей грудью. Ему казалось, будто после долгого голода он заново открывает вкус пищи. Повернувшись к столу, Роберт взял одну из фотографий.

Поль еще издали узнал высокого, совсем юного человека в военной форме на поблекшем и пожелтевшем снимке; четко вылепленными чертами лица, выразительными глазами и густыми вьющимися кудрями он напоминал Роберта.

— Ну и красив же он, твой старик, — мягко произнес он, — что бы там ни было. А маман — вылитая леди с головы до ног, совсем как Джоан.

— Эта фотография стояла у них в спальне, — механически заметил Роберт. — У мамы на туалетном столике. Здесь он снят капелланом^[4]. Незадолго до того, как они поженились и переехали сюда, в Брайтстоун.

Поль внимательно изучал портрет.

— Сколько ж ему тогда было? Двадцать шесть? Тридцать? Наверно, приблизительно столько, сколько тебе сейчас, — и прямо вылитый ты, вот только военная форма.

— В моем возрасте он уже прожил целую жизнь, — с горячностью заметил Роберт. — И он знал, что ему было надо после войны — просто тихой спокойной жизни церковного служителя в маленьком мирном городке.

— А кто тебе мешает иметь все это? И разве не ради этого ты сюда вернулся? Или вас с Клер одолела тоска по дому?

— Клер? — удивленный взгляд Роберта, который перехватил Поль, убедил его в том, насколько безоговорочно верил его шурин в несомненную любовь и преданность Клер. Ему даже и в голову не приходило, что у жены могут быть свои, независимые от него интересы и желания. — Если Клер и испытывала что-либо подобное, она ничего не говорила. Ничего, — он помолчал, словно подбирая слова: — Мы вернулись потому, что нас избрали... и послали.

— Посланцы неба, старина, — с иронией поддакнул Поль. — Во всяком случае, похоже, так думает Уилкес — да и еще кое-кто, насколько я могу судить. Но как бы там ни было, чертовски здорово, что вы оба вернулись, это я тебе от всей души говорю! — И он пошел к двери, смущенный слишком ребяческим проявлением чувств.

— Пойду, пожалуй, закончу перетаскивать вещички, а то наши дамы убьют меня.

Посланы... Мы были посланы...

Мысли Роберта вернулись к совсем недавнему разговору — неожиданному и важному, после которого вся его жизнь приняла новое направление.

— Вы здесь хорошо проявили себя, Роберт, — зазвучал в его памяти хрипловатый строгий голос архиепископа^[5]. — Городской приход не из легких мест для начала, даже в таком современном городе, как наш. Сколько вы уже здесь? Год? Полтора? Вы не подумывали о следующем назначении, а?

Роберт не особенно задумывался о будущем, когда период ученичества подошел к концу. Но он понимал, что нечего и пытаться давать здесь волю своим собственным мечтам и амбициям.

— Да нет, сэр, не особенно. Я вполне счастлив здесь, — ответил он, затаив дыхание.

Архиепископ рассмеялся:

— А я уверен, что мы присмотрели местечко, где вам с вашей молодой женой будет еще лучше жить и работать. Немного запущенный приход, правда, уже многие годы без пастора, но вы, не сомневаюсь, быстро поставите его на ноги. Шахтерский городишко к северу от Сиднея по побережью в угольном бассейне Хантер-волли. Порядка двух-трех тысяч душ, не больше; местечко, может, несколько дикое, но красивое и вполне подходящее для энергичного человека. Итак, Роберт, мне бить во все колокола?

Роберт лишился дара речи.

Архиепископ сухо и деловито продолжал:

— Это хорошее назначение, Роберт. Ты созрел для Брайтстоуна, и Брайтстоун созрел для тебя. Посмотрим, что ты с ним сделаешь, договорились?

— Брайтстоун? Мы возвращаемся в Брайтстоун? — лицо Клер зажглось надеждой и восторгом. Роберт отвернулся:

— Клер... не знаю, смогу ли я.

— Сможешь? О чем ты говоришь?

Он наклонился к ней и взял ее руки в свои:

— Давай начистоту — мне не по силам занять место отца. Боюсь, кишка тонка. Я ему в подметки не гожусь. Да и на Брайтстоуне свет клином не сошелся. Нас могли бы направить и в другой приход...

— Ну конечно, скажем, теплое местечко в свите архиепископа или, еще того лучше — в кафедральном соборе, так что ли? — Клер безумно любила Роберта, но это не мешало видеть его насквозь. Кому как не ей знать, сколь важно для ее мужа, чтобы его способности были оценены и вознаграждены по заслугам.

Роберт вспыхнул от негодования и нетерпения.

— Разве желание проявить себя — грех? А ты, Клер, лучше других знаешь, сколько пользы я могу принести! Но Брайтстоун... Какое угодно место на земле, но только не это, ты же понимаешь...

Клер ответила ему долгим пристальным взглядом, который всегда потрясал Роберта до глубины души.

— Я знаю, что ты до сих пор казнишь себя за то, что произошло.

Роберт понял жену раньше, чем она закончила. Глаза ее загорелись, как будто ему вдруг явилась какая-то новая мысль.

— Так ты думаешь — ну конечно! — ты думаешь, что, может быть, нас посылают назад в Брайтстоун, чтобы я раз и навсегда покончил с призраками прошлого?

Призраки... Он знал, он хорошо знал, что души неупокоенных мертвецов должны пройти свой путь, пока не обретут мир и покой. Опустив голову на руки, Роберт погрузился в тяжелые думы. Рядом на столе лежала старинная Библия его отца, довольно потрепанная от постоянного употребления. Он взял ее и раскрыл наугад. „Если сотворишь сие, и будет на то Божия воля, — читал он, — то сподобишься претерпеть все, и весь народ Его отойдет с миром“.

С миром. Да. Мир Божий, превосходящий всякое разумение, низойдет в сердце твое и в разум твой...

— Роберт!

О Господи, ниспошли нам мир Твой...

— Роберт!

Ибо Господь дарует, Господь и отнимает...

— Ты где, Роберт?

Всему свое время, и время всякой вещи под небом... время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать...

— Роберт! — в дверях кабинета показалось сияющее от счастья лицо Клер. — Джоан приготовила завтрак, дорогой, — настоящий пир. Ты идешь?

3

— Господи, до чего же славно вернуться домой!

— А я что говорила!

Взявшись за руки, Клер и Роберт бродили по саду. Джоан отослала их туда сразу после завтрака, как только Поль предложил ей помочь помыть посуду.

— Это настоящий эдемский сад — сущий рай! — не переставала восхищаться Клер.

— Жаль только мы не можем поиграть в Адама и Еву, — сжав ей руку, шепнул Роберт с видом змея-искусителя.

— Что, что?

Проследив за взглядом мужа, Клер увидела высокую стройную фигуру Джоан, направляющуюся к ним. Вид у нее был серьезный, будто она хотела сообщить что-то важное.

— Все в порядке, — с деланно виноватым видом окликнул ее Роберт, — я здесь не прохлаждаюсь, а обдумываю план кампании по завоеванию Брайтстоуна! Сегодня уж куда ни шло, а дальше обещаю ни на йоту не отступить от своих обязанностей!

— Приятно это слышать! — всегда чуткая к быстрой смене настроений брата, Джоан сейчас с трудом попадала в тон, — тем более что тебе, очевидно, придется тянуть этот воз на себе — от воскресной службы до причащения!

— М-м-м, — пробормотал Роберт. — Но, похоже, сначала надо все же создать приход и наладить приходскую жизнь.

— Все это делал папа, — возразила, не задумываясь, Джоан, и Роберт не мог сдержать улыбки, услышав знакомые поучающие интонации старшей сестры.

— Слава Богу, у меня теперь есть его стол и книги, и все прочее.

— Джоан и говорит, что слава Богу, — вмешалась Клер, — не вернись мы сюда, Роберт, все старые книги и вещи пришлось бы выбросить на помойку.

Роберт бросил на Джоан вопрошающий взгляд. Выражение лица сестры сначала удивило его, но потом он стал узнавать эту суровость, настороженность и даже горечь.

— Мне пришлось все упаковать в коробки и хранить в чулане за домом, где я поселилась. Там, где старая аптека, ты знаешь это место? Сырость ужасная и тараканы — но ничего другого не было, и до библиотеки рукой подать — всего два шага, да и что еще я могла снимать на заработок библиотекаряши!

Роберт и Клер переглянулись.

— Не сладко тебе приходилось, милая, — с нежностью произнес Роберт. — Мы очень огорчились, когда узнали, что у вас с Филом все развалилось.

Тень пробежала по лицу Джоан.

— Ну, здесь нечему сочувствовать. Он никогда по-настоящему не любил меня. — Рассеянно глядя перед собой, она сорвала маргаритку и начала обрывать белые лепестки. — А мы так долго были вместе — разве ты не помнишь, как мама ко всему этому относилась. Мне кажется, ей нравилась сама идея иметь зятя-фармацевта. Бедный старина Фил, он считал, что должен соблюсти приличия и жениться на мне, особенно когда я осталась одна-одинешенька после смерти папы и мамы и твоего отъезда. Но я-то прекрасно знала, что не выйду за него. Он просто не был...

Она пристально всматривалась в морскую даль, а перед глазами у нее мелькали, сменяя друг друга, совсем другие образы: сильная мужская фигура, загорелые руки и плечи, твердый взгляд милых глаз и чарующая улыбка. Джоан с трудом стряхнула наваждение и острый приступ физической тоски по теплу и ласке.

— ...Моим типом, — расправив плечи, она повернулась с вызывающей улыбкой. — Словом, мне, по-видимому, суждено жить в гордом одиночестве, а мистер Райт пусть идет своей дорогой!

— Совсем не обязательно, — проговорил Роберт, и в голосе его звучали тепло и надежда. Он взглянул на Клер, словно ища у нее поддержки, и с нежной улыбкой обратился к Джоан. — Мы уже обсудили все, Джоани, и просим тебя вернуться в пасторский дом и жить здесь с нами.

Кровь прилила к шее и щекам Джоан, и в глазах мелькнуло какое-то затравленное выражение:

— Вы это серьезно?

— Еще бы!

Возвышавшийся на другом конце лужайки дом манил своей надежностью и незыблемостью; его эркеры и большая остроконечная крыша предлагали надежное пристанище всем проходящим. Клер видела, как в Джоан борются противоречивые чувства: радость и гордость.

— Я действительно могла бы быть полезной.

— Не бери в голову.

— Скажем, взять на себя печатание на машинке. Я всегда печатала папе. Да и никто кроме меня не может справиться с этим допотопным „ундервудом“.

Клер коснулась ладонью руки Джоан и почувствовала, как затвердели ее мускулы.

— Ты и без того столько сделала, чтобы мы чувствовали здесь себя как дома.

— У тебя будет много работы, Роберт, — словно не слыша, заговорила Джоан, — особенно с этим юбилеем. И приход придется создавать заново, в сущности, на пустом месте, как это сделал папа, начинать с самого начала... там, где папа остановился... Тебе,

Клер, тоже не придется сидеть сложа руки, ты начнешь учительствовать... А ведь надо кому-то смотреть за папиными розами; они все на месте там, за домом, вы, может, видели, я рядом устроила новый цветник...

Роберт ласково взял ее за плечи:

— Все решено!

Бледные щеки Джоан зарделись ярким румянцем.

— Боже мой, у меня никогда не было другого дома! — горячо заговорила она. — Я о другом никогда даже не мечтала! Я все сделаю, Роберт, чтобы он был вашим домом. — И вдруг, смутившись от своей чрезмерной горячности, она снова вернулась к обычной несколько суховатой манере поведения и заговорила тоном старшей сестры. — Ну а если мы все дружно возьмемся за дело, мальчик мой, епископа мы из тебя все же сделаем, как, Клер?

Роберт захохотал от восторга:

— Архиепископа, и не меньше, сестренка, иначе к чему весь этот сыр-бор. И без промедления, будьте любезны — скажем, к следующему году, а?

— Веселитесь, ребятаки?

Полю одиноко маячил на крыльце; его высокая крепко сбитая фигура занимала весь проем.

— Компания изволила выйти на свежий воздух. Не возражаете, если я тоже с вами поиграю? Или, может, подкинем сперва Клер к папочке и мамочке, не то они подумают, что вы ее снова умыкнули, Ваше преподобие?

— Как он себя чувствует, мам?

Молли быстро бросила на Клер предупреждающий взгляд, но — увы! — слишком поздно.

— Если у меня и есть какие пороки, так только не глухота, — резковатый голос принадлежал Джорджу, который вел Роберта и Поля через крошечный домик в еще более крошечный задний двор. Опечаленная Клер догнала отца и взяла его под руку.

— Я просто беспокоилась о тебе, папочка.

— И напрасно, — погладил Джордж ее ладонь. — Лучше посмотри на мой садик. Я еще хоть куда — могу его поливать каждый день, сую шланг под каждый сорняк и гоняю котов. Вот как, Молли. И не бери в голову, я еще не одну весну переживу, детка!

Озабоченное выражение на лице Молли говорило о том, что ей не до веселья:

— Это, милая, пожалуй, и все, на что он нынче способен, — спокойно заметила она Клер.

Но с Джорджем не так-то легко было спорить.

— Присаживайтесь, милейшие, приятно вас здесь видеть. Нечасто, Роберт, тебе приходится отдыхать. Дел в приходе по горло? Не Бог весть сколько монет — то бишь молитв — возносится нынче у святого Иуды. Прихожан, боюсь, не густо.

Роберт улыбнулся, вспоминая с теплым чувством склонность Джорджа к зубоскальству.

— Есть какие-нибудь идеи по части исправления этого прискорбного положения? Скажем, явить заблудшему городу добрый пример, став моим верным прихожанином?

Джордж рассмеялся, устроившись в удобном шезлонге; воздух со свистом выходил из его груди, словно из лопнувшей шины.

— Не по адресу обращаешься, сынок. В церковь меня теперь доставят только в деревянном бушлате.

Роберт покачал головой:

— Не пойдет, Джордж, мне нужны те, кто еще может откликнуться!

Джордж расхохотался.

— Ну, в таком случае препоручаю твоим неусыпным заботам прямо здесь и сейчас моего блудного сына! Если кто и нуждается в спасении души, так это он.

— Это кто, я? — По лицу Поля расплылась довольная улыбка, и он радостно включился в игру. — И все только потому, что я люблю женщин. Ты просто ревнуешь, пап! Во всяком случае на самом деле им нужен ты, а не я! Куда мне, я всего лишь новичок; это ты у нас старый греховодник!

— Твоя правда, сынок, — с шумным восторгом подхватил Джордж. — В общем, так или иначе, я там буду. А как все сойдутся на пышные похороны, вот и будет тебе церковь набита битком, Ваше преподобие!

— Что правда, то правда, — Поль помрачнел. — Доказательств искать не надо.

— Ты о чем? — Роберт почувствовал, как хорошо понимали друг друга отец и сын.

— Шахтеров убивают, — коротко ответил Поль.

— Убивают? Как? Но не...

— Нет, не туберкулез. — Поль старался не смотреть на отца. — Фатальные несчастные случаи, которых, впрочем, можно было бы избежать. Два за последние полгода.

Роберт был поражен.

— Но потери... страдания... и это при современных методах добычи угля?

— О, мы все собираемся изменить, не беспокойся, — Поль говорил с твердостью и решительностью, чего Роберт никогда раньше в нем не замечал.

— Упаси тебя Боже, сынок. — Джордж тоже стал серьезным. — Мне-то уж поздно; я знаю, что это так, не переживай. Но для тебя я бы хотел лучшей доли, Поль. Боже Всемогущий! — внезапный гнев охватил старика и он даже забыл о присутствии Роберта. — Никогда бы не подумал, что буду отговаривать собственного сына от шахтерской жизни! Но если ничего не изменится к лучшему, Поль, вали отсюда ко всем чертям! Нечего подыхать за Уилкеса и его шайку, это я тебе как отец говорю!

Со щемящей болью в сердце Клер последовала за матерью на кухню.

— О, мама, он гораздо хуже, чем я думала — гораздо хуже, чем был!

— А чего ты ожидала? — Молли занялась приготовлением гигантской горы бутербродов. На лице ее застыло скорбное выражение привычной к страданиям простой женщины. — В старости с шахтерами всегда так, пора бы это знать, дорогая. А ну-ка, помоги. И выше нос! Ему незачем видеть тебя такой огорченной. Пусть хоть порадуетесь остаток жизни.

Разгоряченный от присутствия близких людей, Джордж чувствовал себя как никогда хорошо.

— Да, здесь у нас, куда ни глянь, проблемы. Начальство все против шахтеров, а шахта одна против всего города. Но сейчас там Поль, и кому как не ему исцелить все эти болячки. Ты же знаешь, он теперь у нас большой человек. Профсоюзный босс всей округи. Пусть попробуют обойтись без Поля Эверарда!

Роберт с изумлением повернулся к Полю:

— А ты даже и не заикнулся о том, что стал профсоюзным лидером!

Поль отмахнулся от поздравлений друга.

— Не пытайся делать вид, что это пустяки, сынок! — Джордж хотел сполна насладиться триумфом сына. — Не так-то просто было разрушить все планы Уилкеса и выгнать в шею этого сукина сына Калдера...

— Уилкес? — Что-то сегодня слишком часто звучит это имя, подумал Роберт.

— Я тебе сейчас кое-что расскажу о нем, — мрачно заговорил Поль. — Новый человек наверху, напичкан всякими новомодными бреднями об „экономической эффективности“ вперемежку с библейскими сентенциями — все, разумеется, к вящей славе его, Уилкеса. Он прямо до смерти жаждал твоего приезда, дружище! Он спит и видит, как переманить Господа Бога в компанию боссов.

— А кто такой Калдер? — Роберта не покидало чувство, что ему очень скоро придется столкнуться с этими людьми.

— Калдер? — Красивое лицо Поля исказила гримаса отвращения. — Пресмыкающееся подлее змеи; годами был здесь профсоюзным боссом. Продажен до мозга костей и при этом страшно активен — все, разумеется, в пользу начальства, и собственное гнездышко не забывает. Все они — Калдер, Уилкес с братией — повинны в безобразной технике безопасности на нашей шахте. Этого Калдера надо раздавить как клопа, и я готов взять на себя это дело!

Когда, когда появилась в нем эта жажда насилия? Роберт не узнавал своего друга.

— Да, да, — наклонился вперед Джордж, пальцы его судорожно ловили воздух. — Годами все изнашивалось, вся эта техника безопасности ни к черту не годится. Нет денег — они не хотят выкладывать ни копейки. Шахты старые — их нужно ремонтировать — работы сейчас ведутся на большей глубине...

— А Калдер все вынюхивает и нашептывает Уилкесу и дирекции, что я смутьян и подстрекаю шахтеров к забастовке, лишь бы подложить боссам свинью. Раздавить гадину! И я это сделаю!

Вновь Роберт видел другого Поля, совершенно не похожего на веселого друга его юности, у которого в голове были одни только машины да девчонки.

— Но Поль дал ему жару, правда ведь, сынок? — Старика Джорджа так и распирало от гордости за своего первенца. — Поль таки вышиб его, как тот ни старался.

— Этого он мне до конца дней своих не простит! — На секунду Роберт увидел прежнего ребячливого Поля. — Он меня держит на мушке. Да только кишка тонка, не так-то просто будет ему меня достать!

— Все это звучит как речь готового политика, — пробормотал с увлечением слушающий Роберт. — Ну а как насчет идеи плюнуть на шахту и поискать удачи в другой лотерее?

— Одно другому не помеха, — подмигнул Поль. К нему вернулось его обычное веселое расположение духа. — Сначала я хочу разобраться с шахтерскими делами; надо же разгрести эту кучу дерьма, которую Калдер и присные оставили нам. А потом, пожалуй, можно и свалить отсюда.

— Что, не хотелось бы заканчивать жизнь такой развалиной, как твой папаша? — без всякой злости вмешался Джордж.

— Само собой, пап. К тому же не всем Эверардам суждено выйти замуж за священнослужителя и получить пропуск в уважаемую обеспеченную жизнь!

— Вот те на! — смеясь, запротестовал Роберт. — А я-то полагал, что твоя сестра вышла за меня по любви!

— А я полагаю, — заявила Клер, внося вслед за Молли огромный поднос с едой, — что после всех моих усилий я получила собственный паспорт, так что премного вас благодарю. И у меня диплом учительницы младших классов, прошу не забывать. А теперь, если будущий премьер-министр и будущий архиепископ сподобятся сойти со своих пьедесталов, прошу к столу — кушать подано!

Огромная тропическая луна стояла в блеклом весеннем небе, Южный Крест переливался далеко на западе, четко выступая на бархате ночи. Поодаль купы призрачных каучуковых деревьев, словно чуткие стражи, застыли над залитым лунным светом утесом: „Боже мой, как я люблю эту страну“, — подумал Роберт. Тихо прикрыв за собой входную дверь, он нырнул в теплую пахучую ночь, как пловец в воду.

Без всякого труда он прошел на кладбище и в уединенном тихом уголке нашел то, что искал.

„ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ РОБЕРТА ДЖОРДЖА МЕЙТЛЕНДА И ЕГО ЖЕНЫ ЭММЫ ЛАВИНИИ МЕЙТЛЕНД“... Роберт осторожно прикоснулся к еще острым краям букв, выбитых на мягком камне, и опустился на колени.

О, если б он внимательнее слушал нежные и полные беспокойства слова матери, которые столько месяцев она шептала ему! О, если бы не отстранял ее с воинственным пылом, поглощенный своими планами на будущее и не способный увидеть то, что происходит у него под носом. О, если бы они с отцом не были вечно на ножах — если б отец не был столь твердолобым, столь упорным в своих притязаниях на правоту — если бы он был! О, если бы он нашел в себе силы в тот день и отговорил отца садиться за руль...

И самое главное... если б только ему было дано время, дарована возможность исправить случившееся. Ведь конец наступил с такой жестокой беспощадной неожиданностью. Трагедия отняла у семьи Мейтлендов годы, необходимые для того, чтобы любовь и умиротворенность залечили раны, нанесенные взаимным озлоблением и постоянным раздором.

Роберт понимал, конечно, что не на кем одном лежит вина. Как потом выяснилось, отец выехал из дома и гнал машину на бешеной скорости, подстегиваемый неутихающей яростью, поэтому, когда у него внезапно отказало сердце, которое давно уже серьезно пошаливало, у них, по существу, не было шансов спастись. Именно поэтому отец не мог затормозить, и машина, сорвавшись со скалистой кручи, рухнула в смертельные объятия черных скал.

Сразу же после похорон Роберт сел на поезд дальнего следования, даже не представляя, куда направит свои стопы. Одиссея эта длилась довольно долго, он носился с места на место, пока не нащупал, наконец, нужную дорогу. Он понимал, что никогда не развяжется с прошлым, пока не найдет способа рассчитаться с ним, к чему он стремился всей душой. Когда эта мысль окончательно созрела в его сознании, обрел черты и план будущих действий.

Ни у кого не спросив совета, он поступил на теологический факультет в колледже на другом конце Австралии и, начав с простого студентуза, постепенно поднялся до рукоположенного священника^[6]. Тем самым он давал обет посвятить свою жизнь Богу, чтобы, насколько было в его силах, встать на место отца, вину за гибель которого он полностью принимал на себя.

— Но Брайтстоун... здесь, где я согрешил... Отец небесный, неужели такова воля твоя? Полнейшее молчание было ответом на его страстный шепот. Роберт ждал упорно и

почти ни на что не надеясь; и мало-помалу в его сердце стали проникать живительные капли умиротворения и покоя. В бесконечности неба недвижно сияли звезды, и огромная луна застыла, безразличная к течению времени.

* * *

Бдение его было долгим. И все это время за ним непрерывно следила маленькая фигурка в окне второго этажа. А когда Роберт наконец на цыпочках пробрался в спальню, его не удивил голос Клер, донесшийся из темноты:

— Иди в постель, дорогой. Поспи немного. Завтра тебе надо быть в форме, чтобы встретиться с людьми.

Роберт не спеша раздевался.

— С какими людьми?

Клер глубоко зевнула и потянулась как кошка.

— Я прекрасно понимаю, что община в Брайтстоуне совсем развалилась в последние годы, но мы молоды, Роберт, мы будем трудиться, не покладая рук, и ты все восстановишь. Все будет хорошо, я уверена. Епископ послал тебя сюда, потому что не сомневается, что ты тот самый человек, который здесь нужен...

— Епископ послал меня сюда ради моего блага, потому что считает, что я слишком молод и честолюбив.

Клер не могла понять, куда он клонит.

— Чего ты хочешь, Роберт?

Он устроился под простынями, вытянувшись всем телом, и она услышала его смех.

— Если б я только сам знал!

— Ты считаешь, что слишком хорош для Брайтстоуна, так что ли?

— Да нет же, нет! — он понизил голос. — Нет... если я чего и боюсь, так только того, что недостаточно хорош.

— О, милый...

Он страстно потянулся к жене, желая прижать к своему обнаженному телу, слиться с ней, стать одним существом. В нетерпении он сбросил с нее ночную рубашку; руки его ласкали ее с привычной и в то же время каждый раз новой силой. Прижав Клер к груди, он покрывал ее лицо поцелуями, с какой-то неутолимой жаждой впиваясь в губы.

Он чувствовал в себе прилив юношеских сил. Смеясь от восторга, он попытался немного умерить свой пыл. Он нежно ласкал ее шелковистые плечи, бока и гладкие округлые бедра; ладони его совершали круги, двигались неустанно, и наконец она застонала и вся потянулась к нему, и когда его пальцы коснулись грудей, затвердевшие соски были ему наградой за все усилия, красноречиво свидетельствуя, что она созрела и готова ко всему, что он ни пожелает.

— Роберт! — Голос у нее был хриплый, выходящий откуда-то из глубины ее существа. Смеясь ликующим смехом, лаская и играя ею, как настоящий мастер, он растягивал ее ожидание. Ночь длинна, и только он мог умиротворить и удовлетворить это рвущееся из глубины ее существа желание. Рассвет уже зажег горизонт и начал заливать мир белыми и золотыми потоками света, когда они, наконец, уснули, возрожденные друг в друге, в предвосхищении наступающего дня.

Брайтстоун лежал в утреннем свете, словно цветок, раскрывшийся навстречу солнцу. С каждым днем становилось все теплее, бриз, дующий с моря, овеивал желанной прохладой в послеполуденную жару. Роберт отъехал от пасторского дома; церковь, казалось, напутствовала его своим благословением, незыблемо высясь над скалой и над всем городом. Сердце его наполняла надежда, в то время как руки и ноги сражались с незнакомым управлением новенькой машины. Да черт с ней, успокаивал он себя. Есть время подумать, как заменить арендованную машину купленной; в конце концов, можно научиться управлять ею; главное, что он приступил к работе, к которой был призван.

Почти бессознательно рука его потянулась к шее и длинные чуткие пальцы притронулись к непривычно жесткому воротничку. Когда он служил в городском приходе младшим диаконом^[7] сразу после рукоположения, ему редко приходилось полностью облачаться в одежду церковнослужителя. В его обязанности входило помогать жертвам городской жизни двадцатого века и стараться не отпугивать их одежаниями, напоминающими о принадлежности к миру власть имущих, которые и были в глазах этих отверженных повинны в их несчастьях. Своим прихожанам Роберт представлял скорее в лучах братской заботы, а не как Отец, облаченный в ризы Божьей власти.

В Брайтстоуне роль его совсем иная. Здесь он должен быть отцом, братом, духовным наставником, а с Божьей помощью душепопечителем и утешителем униженных и оскорбленных. С горечью прикоснулся он пальцами к манишке, тяжелому официальному черному костюму, от которого, наверняка, ему придется страдать уже к вечеру. Может, он чересчур серьезно относится к себе? Поживем — увидим. Про себя Роберт отметил, что этим вопросом надо будет заняться специально в конце недели.

Шоссе, ведущее в Брайтстоун и являвшееся главной улицей городка, разворачивалось перед глазами, как лента, по мере того, как он спускался с мыса. Череда низеньких лавочек из красного кирпича, маленький пыльный банк, а дальше вниз „супермаркеты“ с железными крышами и снэк-бары, разбросанные вокруг возвышающегося над ними кинотеатра — то, что мать называла „бедный конец города“ — все это живо волновало его, как место его будущих действий. Брайтстоун! И так, да будет! Он припарковался и вышел из машины.

Несмотря на ранний час, по улице сновали люди: одни торопились на работу, другие шли за покупками. Сам того не ведая, Роберт привлекал всеобщее внимание — и своим приятным лицом, и изысканными манерами, и непривычным священническим одеянием. Идущая навстречу женщина внимательно посмотрела на него, будто узнавая. Роскошные соблазнительные формы и платье уважаемой преуспевающей дамы не могли скрыть ее довольно юный возраст. Когда она, улыбаясь, направилась к нему, Роберт совершенно неожиданно вспомнил:

— Дженис Писли!

— У тебя отличная память! — рассмеялась Дженис, продемонстрировав прекрасные острые белые зубы на загорелом лице. — Но если уж на то пошло, я тоже не забыла тебя. — Она облизнула маленьким розовым язычком свои губы. — Я частенько спрашивала Поля Эверарда, куда ты запропастился — все пыталась чего-нибудь вынюхать.

В ее манере было нечто большее, чем простое заигрывание. Ну и ну, подумал Роберт со смешанным чувством изумления и симпатии. Он вспомнил, как бегал за ней в старших классах Поль, и тут же в ушах зазвучала брошенная в досаде фраза самого Поля:

— В голове у нее только ты!

— Ну, вот я и вернулся, — мягко сказал Роберт. — И надеюсь увидеть тебя в церкви, Дженис. С этого воскресенья мы начинаем регулярные службы.

— Если кто и может затащить меня туда, так это ты! — в смехе ее чувствовалась горечь; Дженис пристально посмотрела на него. „Боже мой, какая потеря“, — подумала она. — Нельзя скушать, так хоть послушать. Коль все равно тебя зацапала церковь...

— Никто меня не сцапал, Дженис, — как можно мягче ответил Роберт. — Это мой выбор. Дай мне шанс убедить вас всех. А вообще рад тебя видеть. Ну, до встречи в церкви?

Помахав ей рукой, он перешел улицу и вошел в первое же здание. В этот ранний час в молочном баре „Парогон“ никого не было, кроме грустного греческого иммигранта, известного в округе под именем Вик. Детские годы, посвященные греческой православной Церкви, в лоне которой по настоянию набожной мамы он подвизался совершенно против своей воли алтарником, не прибавили бедняге Вику любви к религии, а потому он не был склонен прерывать обычные утренние занятия даже при появлении нового брайтстоунского пастора, — что уже само по себе могло считаться событием незаурядным.

— Доброе утро!

Вик небрежно кивнул в знак приветствия, продолжая как ни в чем не бывало протирать молочники за стойкой, отмечая про себя по запаху ягодные соки для коктейлей — клубничный, малиновый, ананасный...

— У меня здесь объявления о службах в церкви святого Иуды — не возражаете, если я у вас оставлю немного?

Вик снова кивнул.

— Бросьте их на стойку, преподобный. — Хозяин бара предпочитал не вступать в разговоры.

— Роберт, называйте меня Робертом. У вас здесь, должно быть, полно молодежи — после сеанса, не так ли?

Очередной кивок.

— Я был бы очень признателен, если бы вы обратили внимание на мои приглашения.

— Я скажу. Дочка зайдет с друзьями...

— Премного благодарен, — и Роберт повернулся к выходу. Уже у дверей ему в голову пришла новая идея, и он повернулся: — Если вам нужны еще экземпляры...

В глубине бара, прямо напротив него, стояла девушка. Вероятно, она так бесшумно вышла из задней двери, что он не услышал. Чуть выше среднего роста, очень худенькая, она стояла в потоке солнечного света, отчего ее белокурые волосы сияли, словно нимб над головой. Она была прекрасна в своем детском целомудрии, и, как ребенок, полностью сосредоточилась на том, что собиралась произнести:

— В кладовке осталась всего одна коробка чипсов.

Голос ее был чуть низковатый, по-особому музыкальный, в интонациях явно проскальзывал какой-то акцент. Вдруг она заметила стоящего в дверях Роберта. Ясные, спокойные синие глаза лишь на секунду задержались на нем и затем столь же внезапно девушка отвела взгляд.

— Закажи еще, раз так. Больше ничего, преподобный?

— Да, да.

Роберт не мог оторвать от нее глаз. Что она здесь делает? Девушка из другого мира... Вик говорил что-то о своей дочери — но любой отец предпочел бы для своего чада что-

нибудь получше бара Может, ей нужна его помощь... С усилием он заставил себя вернуться к делам.

— Ну, если вы разложите эти объявления...

— Девочка положит их на стойку — о'кей?

Она смотрела на него со странным любопытством, словно спугнутая в лесу лань — внимательно, но без страха Несмотря на поразительную белизну кожи и белокурые волосы, миндалевидный разрез глаз, чуть раскосых в уголках, наводил на мысль о какой-то экзотической примеси к англо-саксонской крови. Роберта смущала пристальность ее взгляда. Но когда она отвела глаза в сторону, он чувствовал, что девушка продолжает искоса наблюдать за ним.

— Очень хорошо...

Странно, но он никак не мог решиться уйти.

— Итак, надеюсь увидеть всех вас в церкви. Мы каждого, — он посмотрел прямо в глаза девушки и с удовольствием встретил долгий ответный взгляд, — рады видеть у нас.

У нее была ангельская улыбка.

— Да, да, святой отец, отлично. — „Не пора ли тебе убираться“, — яснее слов говорила манера, с которой Вик произнес их.

Как мог этот шут гороховый, этот чернявый жирный коротышка произвести на свет Божий такое создание?

— Зовите меня Робертом, будьте любезны.

— О'кей, преп... Роберт, идите, идите. Всего хорошего. До скорого. Удачи.

Девушка стояла молча, внимательно провожая взглядом высокую, облаченную в черное, фигуру.

— Вик, кто это был?

— Архиепископ Макариос, черт бы его драл. А теперь берись за стаканы и пошевеливайся.

Предвечернее солнце склонялось к горизонту, бросая длинные тени на сад и заливая все окна дома золотом. Джоан стояла возле жалкой кучки накопившихся за ее жизнь скудных благ мира сего, перевезенных из Брайтстоуна, и думала, что здесь никогда не было так прекрасно. Знакомые каменные ступени, едва проглядывающие сквозь поросли малины, франгипании и фуксии, приглашали ее войти. Призвав на помощь все свои силы, Джоан сглотнула комок, застрявший в горле, и поднялась к входной двери.

— О, вот и ты! Давай помогу! Ну, входи же.

Со своей всегдашней доброжелательностью Клер слетела по ступенькам, подхватила пожитки Джоан и, не переставая говорить, помогла ей войти в дом.

— Ты, наверное, хотела бы в свою прежнюю комнату, правда? Но если передумаешь — не стесняйся, места здесь полно!

Дрожа от волнения, Джоан положила сумку подле узкой односпальной железной кровати и двинулась к старомодному туалетному столику в эркере. За окном простиралось играющее на солнце Тасманово море, сливающееся вдаль с горизонтом. На глаза ее навернулись слезы, и все предметы вокруг расплылись.

— Мне и в голову не приходило, что я когда-нибудь... — Она помолчала и затем продолжила: — Ты не пожалеешь об этом, Клер, я обещаю!

— Джоан! — взрыв смеха поверг Джоан в недоумение. — Ну что за глупости! Да я уже

счастлива видеть тебя! Роберт вернулся из Брайтстоуна сам не свой и с тех пор не выходил из кабинета, так что я рада обществу!

— Роберт? — внимательная любовь Джоан жаждала найти себе выход в деле. — Как он? Что делает?

— Пишет проповедь для воскресной службы. Важный день, его первая служба! Он в отличной форме, честное слово. Все, как мы мечтали и о чем молились. Возвращение в Брайтстоун — все это пробудило в нем былые призраки — чувство вины... Я уверена, что жизнь здесь пойдет на пользу ему — и нам всем тоже.

— Да, да, а ты как? — Открыв первую попавшуюся сумку, Джоан принялась распаковывать вещи, не переставая говорить. — Как твои успехи? Есть работа для учительницы?

— В отделе образования говорят, место найдется. Можно начинать сейчас же, с первого дня учебного года — в Вестерн-Пойнт.

— Но это же у черта на куличках, Клер, — надо ездить на ту сторону мыса.

Клер присела на краешек кровати, подняла ладони и стала внимательно рассматривать небольшие розоватые ногти на пальцах.

— Может, это ненадолго.

Наступило глубокое молчание. Джоан откашлялась:

— Ты хочешь сказать...

Клер порозовела.

— Нет, нет, еще не сейчас. Но мы обсуждали это. Я думаю, самое время, Джоан. В конце концов, мы уже четыре года женаты. Я, сама понимаешь, моложе не становлюсь, а Роберт почти на три года старше, не хочется откладывать дело в долгий ящик. Сначала Роберт учился, потом мы не знали, где будем жить. И вот наконец мы здесь, лучшего времени и места для ребенка не придумаешь. — Клер хихикнула совсем как девчонка. — Теперь понимаешь, почему я так хотела, чтоб ты была с нами: когда час пробьет, мне понадобится помощь?

Сердце Джоан наполнило чувство гордости. Сын Роберта! Еще один Роберт Мейтленд! А, может, сначала девочка, старшая сестра — история повторится в новом поколении. Все не так плохо, мысленно улыбнулась она. А после — маленький Роберт. Ее бледное лицо зарделось.

— Ребенок — что может быть лучше! Замечательно для Роберта. Для всех нас. Пора ему стать отцом. Я буду молиться за тебя, милая Клер.

— Договорились, если Роберт будет столь же поглощен приходскими делами, как сегодня, ты первая узнаешь, — засмеялась Клер. — Честное слово, он вошел сегодня и сразу удалился в кабинет, и вид у него был такой, будто он меня просто не заметил!

В прохладе и торжественности церковных сводов сами камни, казалось, вторят льющим звукам первого гимна воскресной литургии:

„Господь и Отец человеческий,
Прости прегрешения наши...“

Роберт выступил вперед, лицо его, оживленное чувством, резко выделялось на фоне

черной священнической одежды; адреналин мчался по венам, словно у бегуна перед стартом. Не слишком ли он поторопился, приняв решение начать службы с самого первого воскресения по возвращении? Не было времени создать мало-мальски приличную общину, не было времени написать достойную случая проповедь, не было времени вообще написать сносную проповедь — так трудно оказалось сесть за работу после того первого утреннего посещения Брайтстоуна в начале недели.

Нервы его были натянуты до предела. Чувствуя боль во всем теле, Роберт бросил сердитый взгляд на жалкие заметки, которые с трудом можно было назвать проповедью: он набросал их всего за час до начала воскресной службы. Что с ним происходит? Он не может сосредоточиться на деле — ничего подобного с ним еще не бывало. А теперь, что бы он ни делал — пытался ли заставить себя работать, думать, строить планы или писать, мысли его возвращались к странной встрече в молочном баре „Парагон“. Эта девчонка — дочка Вика — почему она не идет у него из головы? И почему он чувствует такое разочарование, не увидев ее среди собравшейся паствы? Даже выдающиеся священники не могут привлечь себе всех и каждого. Внезапно в голову пришла нелепая мысль: „Я даже не спросил ее имя...“

„Остуди жар наших соблазнов
Своей миротворной прохладой,
Да смолкнет борение чувств и уснет плоть,
Донеси в ветре, буре, огне
Тихое дыхание Твоего покоя,
Тихое дыхание Твоего покоя.“

Песнопение смолкло на последней ноте, и прихожане сели на свои места, готовые слушать проповеди. Закончив молитву, Роберт встал с колен, поклонился огромному резному Распятию за алтарем и поднялся на кафедру. В приветствующей его глубокой тишине он слышал монотонный низкий рокот бьющихся об утес морских волн и легкий непрерывный лязг и скрежет неутомимо вращающихся шахтных механизмов.

Перед ним внизу на скамьях красного дерева сидели немногочисленные прихожане. Он узнавал отдельные лица: Клер и Джоан, Джордж и Молли Эверарды; множество пожилых людей, которых он не знал вообще, группа молодых женщин, среди которых — благодарение Богу — не было видно Дженис Писли; на первом ряду, как оно и полагалось, хозяин шахты Уилкес, рядом его неизменная супруга с блеклой улыбкой и в новом образце переливающейся летними цветами вуали. И это все? Вдруг позади всех в дальнем конце церкви он увидел Поля, сидящего в тени колонны. Поль был совершенно неузнаваем в своем лучшем воскресном костюме, какие обычно надевали по праздникам шахтеры; его непокорные вьющиеся черные волосы были приведены в порядок щедрым количеством бриллиантина, вечно улыбающаяся физиономия впервые совершенно серьезна, беспокойные руки пребывали в необычном покое и послушании, а сам Поль являл собой воплощенное внимание; он весь был поглощен происходящим.

Теплая волна радости охватила Роберта. С такими друзьями, такой искренней поддержкой, какое он имел право провалиться? Он почувствовал, как у него вырастают крылья; сердце, ум, душа — все вдруг собралось в одну точку. Он набрал полную грудь

воздуха, спокойно раскрыл свои записи и Библию и начал. Голос его, полный чувств, яркий и искренний, наполнил маленькую церковь.

— Обо всем истинном; обо всем честном; обо всем справедливым; обо всем чистом; обо всем прекрасном и достойном — задумайтесь, братия, я умоляю вас, задумайтесь об этом...

5

Собравшаяся в это солнечное воскресное утро на службу в церкви св. Иуды паства свою малочисленность с лихвой окупала искренностью и горячим участием.

— Замечательная проповедь, преподобный, разрешите выразить вам искреннее восхищение, — настойчиво повторял мистер Уилкес трясая руку Роберту. — Не стану скрывать, что у меня были некоторые колебания — даже сомнения, — когда вопрос о вашем назначении впервые обсуждался в окружном церковном совете мирян, почетным председателем которого я имею честь состоять.

Роберт со свойственной ему любезностью внимательно слушал разливающегося соловьем местного воротила. Из-за голов стоящих у крыльца прихожан Клер поймала счастливый взгляд мужа и подмигнула в ответ.

— Тогда я сказал, об этом знает миссис Уилкес, он слишком молод, сказал я...

— О да, ты так говорил, — кивнула в знак согласия цветочная клумба вуали. — Слишком молод, сказал ты тогда.

— А вашего отца, насколько я знаю, заменить было не так-то просто... но покончим с этим. Видит Бог, молодой человек, если вам удастся вернуть рабочих в церковь, чтобы снова прочистить им мозги Библией, можете положиться на меня в дальнейшем — что бы вы ни задумывали, мой голос будет всегда за вас!

— От всей души вам благодарен, мистер Уилкес, — сдерживая улыбку, серьезно ответил Роберт. — У меня масса планов, и можете быть уверены, я все время буду держать вас в курсе. Что касается моей молодости, то, боюсь, здесь мне придется признать вашу правоту. Но приходский совет и миссис Уилкес, само собой, — он почтительно склонил голову перед реющей на утреннем бризе вуалью, — могут быть спокойны, поскольку я обещаю предпринять на своем поприще все, что от меня зависит, чтобы исправить это положение!

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, — согласно кивал головой мистер Уилкес, смутно чувствуя, однако, что его ловко обставили. — Во всяком случае, я рад, что вам удалось затащить сюда шахтеров, среди них есть смутьяны, и они нуждаются в умиротворяющем влиянии, в этом не приходится сомневаться. Вы сделали замечательный почин, залучив сюда их профсоюзного деятеля. Продолжайте в том же духе! Мы надеемся на вас! — И небрежно кивнув Полю Эверарду, направляющемуся в их сторону, мистер Уилкес подхватил свою раздувающуюся на ветру половину и ретировался.

— Прекрасная проповедь, дружище! — с горячностью выпалил Поль; его обычное легкомыслие мгновенно вернулось к нему, как только он покинул церковные стены и ступил на грешную землю. — В жизни бы не поверил, что ты такое можешь выдать, провалиться мне на этом месте! Нет, это ж надо, как ты им врезал — прямо промеж глаз! И причем без всяких шпаргалок! Да, вот что значит... — Он чуть было не ляпнул „язык подвешен хорошо“, но спохватился и закончил, — достать до самых печенок, святой отец!

— Так тебе понравилось? — сухо переспросил Роберт.

— Потрясающе! Лучше чем в кино. Раз в неделю, конечно И потом, стоило прийти хотя бы для того, чтоб посмотреть, как вытянулась физиономия у этого старого крючка Уилкеса, когда он увидел здесь меня.

— Да, это на него произвело неизгладимое впечатление, — расхохотался Роберт. — Но ты, правда, хочешь сказать, что Господь Бог и я имели счастье лицезреть тебя на службе один-единственный раз?

— Чистая правда, старина, — признался Поль, развязывая галстук и расстегивая пуговицу на рубашке. — Не хотел бы, чтоб ты вознесся от чувства собственной важности. Один-единственный раз, так сказать, для затравки. Считай меня временно исполняющим обязанности добровольного командира Божиих новобранцев. А еще твоим служащим по вопросу развлечений.

Роберт разразился веселым смехом.

— Что ты такое несешь?

— Как что, неужели ты думаешь, что я в свой выходной день тащился в такую даль, не имея никаких других планов? — ухмыльнулся Поль, черные глаза его лукаво поблескивали. — Все замечано. Где девочки? Клер? Джоан? Подобрал подол? А? И никаких споров, преподобный. Даже служитель Божий имеет право на послеполуденный отдых. Все уже готово. Садись в машину — и за мной. О'кей?

Начинался прилив. Могучие валы громоздились, вздымаясь во весь свой гигантский рост, и медленно двигались к берегу, словно пытались скрыть от непосвященного свою истинную мощь. С тропинки, петляющей по круто обрывающемуся в море утесу, небольшая уединенная бухточка, покрытая ослепительно белым, искрящимся в полуденных лучах солнца песком, казалась правильной подковой. Стоило, однако, спуститься ниже, и груды острых черных камней, молчаливо громоздящихся вдоль выхода из бухты, служили постоянным напоминанием о том, как это местечко получило свое название.

Роберт набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Его охватило чувство полного блаженства. Он всегда любил бухту Крушения, и в немалой степени за ее безлюдность. Расположенная совсем рядом с Брайтстоуном, она тем не менее никогда не являлась излюбленным местом ребячьих компаний; те предпочитали более просторную и шумную Закатную бухту, чуть дальше от бухты Крушения по побережью. А эту еще детишками выбрали своим прибежищем Роберт и Джоан, и многие годы юные Эверарды — Клер в сопровождении верного старшего брата Поля — также с неустанным постоянством оказывались здесь в долгие, наполненные блаженной ленью и жгучим солнцем, уикэнды нескончаемого австралийского лета.

— Ну, давай! Или ты плавать разучился! — бросив сумку-холодильник и пляжные принадлежности, Поль поспешил избавиться от воскресного костюма — ему не терпелось утереть Роберту нос в водной стихии.

— Готов?

Обменявшись снисходительными улыбками, две женщины смотрели, как мужчины устремились по песчаному пляжу к морю с беспечностью прогуливающих уроки школьников.

— Я обставлю тебя!

— Кишка тонка, — доносил ветерок, а Клер и Джоан тем временем доставали полотенца, раскладывали матрасы и подушечки, расставляли сумки, пляжные зонты, закуски и напитки, как испокон веку делали это на морском берегу все женщины.

— Кажется, мы здесь не одни, — заметила Клер, указывая в сторону компании молодежи, резвящейся на другом конце пляжа.

— М-м-м? — Джоан, с нескрываемым интересом наблюдавшая, как двое мужчин преодолевают прибойную волну, с рассеянным видом выдавливая на свои длинные, красивые руки и ноги крем от ожогов и плавными движениями растирала его по коже.

А Роберт заново переживал восторженную радость от столкновения своей бьющей через край силы с неизмеримо превосходящей мощью морской стихии. С внезапным изумлением он вдруг осознал, что за все то время, что они с Клер прожили в городе, ему ни разу и в голову не пришло поплавать или побегать, не говоря уж о занятиях другими видами спорта, — настолько он ушел в работу, работу и еще раз работу.

— А от работы лошади дохнут! — рассмеялся он, и в этот момент очередная водная громада навалилась на него. С невообразимой грацией и бессознательной природной беспечностью он отдался медленному накату стихии, оседлав сметающий все на своем пути гребень, и устремился на нем к берегу.

У Роберта всегда все получалось прекрасно, думала Джоан, следя за ним с чувством гордости и любви. Танцы, плавание, любые игры, он всегда был, что называется, „естественным“; ловкий, проворный и грациозный, брат прекрасно владел своим телом и умел подчинять его своей воле. Он немного похудел, что правда, то правда. Отметив это, она решила ввести в меню нового священника кое-что из его любимых детских лакомств. Для начала нормальный завтрак по утрам. А потом можно добавить имбирный торт ее приготовления или, скажем, добрый старый яблочный пирог с кремом, — она скоро вспомнит все его мальчишеские склонности и быстро вернет брату былую форму.

Но Поль... От одного взгляда на него ее окатила горячая волна. Поль Эверард представлял собой нечто иное. Прекрасно сложенный и мускулистый, благодаря тяжелой работе под землей, с бронзовым загаром, которым немногие счастливчики могли похвастать, он был мужчиной в полном расцвете своего физического совершенства и наслаждался этим, как молодой играющий зверь. Сквозь черные очки Джоан сосредоточенно наблюдала, как Поль неумоимо нырял и играл на волнах, словно дельфин, катаясь на гребнях, как заправский чемпион по серфингу, и, казалось, сила его не уступала силе стихии. Снова, как это бывало не раз, острая боль пронзила ее сердце и горячей постыдной волной отозвалась между бедер. Поль... О, Поль...

— Надеюсь, эти взрослые дети скоро вылезут из воды, — зевнула Клер. — Я что-то проголодалась. — С ленивой грацией она приподнялась и посмотрела вдаль, где искрящийся песок сменялся водой. — Неужели они наконец выходят? А это еще кто там?

Даже издали было очевидно, что две бегущие к воде девушки хорошо знакомы с Полем. Подлетев на разбившемся гребне прямо к их ногам, он запрыгал перед ними, крича и улюлюкая, смеясь и пританцовывая, пока не обрызгал их с головы до ног. Только удостоверившись, что девушки вымокли насквозь, Поль прекратил свои забавы, весело распрощался с ними и побежал к Клер и Джоан.

— Что это за парочка?

— Не имею представления. Во всяком случае не из наших мест, — ледяным голосом откликнулась Джоан.

— Сдается мне, что Поль выбирает себе нынче подружек со стороны, — с некоторой ноткой ревности заметила Клер. — Пора бы ему взяться за ум и малость остепениться. Он ведь ровесник Роберту, ты же знаешь.

— Знаю. — „Лучше тебя, и меня это не удивляет“, — пронеслось у нее в голове.

— Впрочем, он всегда был романтиком, — с сентиментальной улыбкой протянула Клер. — Всегда твердил, что ни за что не женится без любви. А он страсть как любит быть влюбленным! Но я знаю, что мама хотела бы, чтоб он наконец нашел порядочную девчонку...

— Не обязательно девчонку, — откликнулась Джоан, поглощенная распаковыванием запасов для пикника. — Главное, чтоб была с устоями и хорошая домохозяйка, такие и делают мужчину счастливым.

— Что касается умения готовить, так это неперемное условие, — засмеялась Клер. — Ну вот наконец и они. Держу пари, что Поль сейчас скажет: „Нет ли чего-нибудь пожевать, девоньки?“

Роберт медленно шел вдоль тихой темнеющей воды. Солнце клонилось к западу, прилив достиг своей полноты и начал неслышно отступать, унося с собой остатки дня. Все было великолепно, просто великолепно, думал Роберт, наслаждаясь забытым ощущением своей телесности и каждым движением ноющих от приятной усталости членов. Сейчас, когда начинался вечер, ему не хотелось уходить.

Отвернувшись от гладкой, почти маслянистой поверхности спокойно дышащей бухты, он оглянулся на пляж. Острый взгляд выделил Клер, Джоан и Поля; словно на старинной картине их фигуры застыли в несвойственной живому окаменелости. Клер терпеливо сидела на песке и ждала его; ладони ее поглаживали колени. Поль восседал, словно Самсон в храме, под крышей пляжного зонта, а Джоан наклонилась к нему, пожирая его глазами. Сердце Роберта устремилось к сестре — ее тайна не была тайной для него с первого же момента, как он увидел ее с Полем. О, если бы эта пара могла обрести то счастье, какое выпало им с Клер!

Все трое и маленький островок золотого песка вокруг них купались в янтарном потоке вечернего предзакатного солнца, заливающего их, словно толстый медовый слой лака на старинной картине. Ему показалось, что он видит их из странного далека, что эту картину он выхватил и удержал на долю секунды благодаря какой-то необъяснимой игре света, будто время остановилось, и им не суждено никогда постареть. Всю жизнь потом он не забывал это мгновение и не переставал оплакивать его утрату.

Он инстинктивно двинулся в ту сторону, чтобы присоединиться к этой драгоценной группе. Но что-то удерживало его. Еще мгновение побыть наедине с самим собой, — услышал он настойчивый голос и почувствовал, что уступает необоримому внутреннему зову. Через секунду присоединюсь к ним... Только несколько мгновений побыть самим собой... побыть самим собой.

Отвернувшись и от пляжа, и от моря, он побрел куда глаза глядят, двигаясь в сторону разрушенных скал, чья роковая притягательность для кораблей былых времен дала бухте Крушения ее зловещее имя. Коварно погруженные почти целиком в воду, черные и глянцево отсвечивающие и днем и ночью, они притаились, почти невидимые, по обеим сторонам устья бухты, некогда, очевидно, привлекательной для мореходов. Не думая ни о чем, всем своим существом отдавшись красоте вечера, Роберт подошел к подножию низкой, округлой скалы, названной еще аборигенами „Мать и Дитя“. Задумчиво обходя скругленные гладкие стены камня, он внезапно лицом к лицу столкнулся с девушкой из кафе.

Очевидно, она пришла из соседней бухты: сюда можно было пройти только потому, что

низкий прилив оставил узкую полоску плоского мокрого песка между бухтами. Столь неожиданно было ее появление, столь поразителен вид этого странного, невесомого существа в гаснущем вечернем освещении, что он чуть не столкнулся с ней. Инстинктивно Роберт вытянул руки, чтобы схватить ее, но она с ловкостью атлета удержалась сама без посторонней помощи и молча стояла перед ним, словно ожидая, что он узнает ее перед тем, как заговорить. Закатное солнце расцвечивало белокурые, почти бесцветные волосы опаловыми, огненными и золотыми оттенками; ее глаза, глаза молодой сиамской кошки, смотрели на него не отрываясь, с каким-то невысказанным упреком.

— Простите, — услышал Роберт свой собственный голос, — я чуть не сбил вас с ног.

— Да пустяки — со мной все в порядке.

И снова ухо его уловило чуть заметную необычную интонацию ее голоса.

— Мы уже встречались, — сказал он, — в кафе. Я новый...

— Я знаю, вы — преподаватель.

— Зовите меня Робертом. — Почему вдруг ему стало важно, чтобы она называла его так? — Пожалуйста, я вас прошу.

— Роберт, — она произнесла его имя так, как ребенок пробует на вкус конфету. — Ладно, Роберт, так Роберт.

Девушка стояла так близко, что он мог вдыхать свежий детский запах пота и соли на ее золотистой коже. Она была ниже ростом, чем ему показалось в первый раз; потом он сообразил, что здесь, на пляже, она без туфель. Девушка с любопытством глядела на него, но не прямо, а искоса, из уголков глаз, каким-то странно волнующим взглядом, поразившим его еще в кафе. Сколько ей лет? Восемнадцать? Девятнадцать? Слишком юная! — кричал в нем голос. — Слишком юная!

— Роберт! Ау! Роберт!

С другого конца песчаной полосы доносился с порывами вечернего ветра тонкий голос Клер. Он никак не мог выдавить из себя слова прощания.

— Роберт! РОБЕРТ! Оглох ты, что ли? Куда ты, черт побери, запропастился?

Нетерпеливый голос Поля разорвал туман, в котором он находился. Роберта пронзила мысль, что Поль сейчас явится сюда — Поль, этот дамский угодник с его презрительным отношением к „девонькам“, не мог, не должен был приближаться к этому... этому прекрасному юному существу, этому беспризорному ребенку. Он должен защитить ее от него. Роберт бросил торопливый взгляд через плечо. Поль направлялся к ним, пересекая пляж в сгущающихся сумерках.

На горизонте огнедышащий солнечный диск стремительно опускался к горизонту; тропический закат очень быстротечен. На какое-то краткое мгновение он встретил взгляд девушки в огненном всполохе угасающего дня, она тут же отвела глаза, и мир вновь погрузился в плотную тьму ночи.

На следующее утро вся радость удивительного дня на пляже бухты Крушения непонятным образом исчезла бесследно. С отсутствующим видом сидел Роберт за завтраком ни к чему не притрагиваясь, кроме крепкого черного кофе. Он сам не знал, что с ним творится. Но в одном был уверен: все идет не так, как надо. После дня, наполненного

сражением с волнами, серфингом и плаванием, он должен был бы валиться с ног от усталости. Однако еще до того, как пойти спать, он знал, что его ждет бессонная ночь. А потом, в постели с Клер, впервые глухой к ее мягкому сопротивлению, подкрепляемому жалобами на усталость и ссылками на то, что завтра рано вставать и идти на работу, он почувствовал, что совершает все эти движения, должны удовлетворить нужды своего и другого тела, с безразличием машины, недостойным мужчины, не говоря уже о любящем и нежном муже.

Он не обманывался относительно причин своего беспокойства. Но почему случайная встреча с девушкой на пляже так подействовала на него? Это происходит уже во второй раз, и он даже толком не может понять, в чем дело? Она почти не обмолвилась с ним словом, да и он не многое сказал ей. Эта девушка значила для него не больше, чем другие женщины-прихожанки, — меньше, гораздо меньше, чем некоторые из них: миссис Андерсон, например, одна из многочисленных шахтерских вдов, трясущаяся от страха при мысли, что ее единственный сын собирается тоже стать шахтером; Молли Эверард, разрывающаяся между больным мужем и ветреным сыном; и даже сам бедняга Джордж, дышащий на ладан и хватающий воздух синими губами. Это было какое-то наваждение! Вымотанный до предела своими мыслями, Роберт погрузился в глубокое молчание.

Клер с Джоан обменялись вопросительными взглядами. Какой чудесный был вчера денек, а Роберт — такой свободный, такой счастливый и беззаботный, ну, совсем как в былые времена, до того, как гибель родителей омрачила их жизнь. Ах, какой краткий миг длилось это — и снова долг, работа, неизбежная ответственность, с нею связанная, а то и просто требования времени — и вот Роберт уже сам не свой.

Над столом сгустилась тяжелая тишина. Внимательная Джоан отметила, что невестка выглядит грустной и подавленной. Для Клер, которая этим утром распростилась с очередной надеждой на ребенка, молчаливое сочувствие Джоан означало почти откровенное приглашение излить душу; а душа ее действительно болела после горького открытия, что Роберт слишком погружен в свои заботы, чтобы разделить с ней ее огорчения. Однако лицо Джоан тут же приняло свое обычное суровое и сдержанное выражение вечной настороженности, — а ведь вчера на пляже этого и в помине не было. Нет, и здесь не будет утешения, подумала Клер. Видать, каждый из них занят своими проблемами.

Молчание становилось невыносимым. Пробормотав извинения, Роберт поспешно покинул столовую, скрылся в своем кабинете и сел за стол, уронив голову на руки. Надо все хорошенько обдумать. Но рука его непроизвольно потянулась к телефону.

— Алле! Это Молли?

— Роберт? Здравствуй. Как вы поживаете? Как Клер?

— Все нормально. А как Джордж?

— Знаешь... в общем доктор сказал, что не стоит надеяться на чудо.

— Да. Понятно... Я звоню, чтобы поблагодарить вас обоих за все ваши усилия... за ту поддержку, которую вы мне оказали на утренней службе. Это для меня так много значило. И для Клер тоже. Мы вам оба так благодарны.

— Ах, было бы за что! — Молли не привыкла, чтобы ее благодарили. Искреннее смущение тещи давало хороший повод переменить тему.

— У меня есть к вам еще кое-что, Молли, и вы можете мне помочь, если захотите. Мне бы хотелось поближе узнать местную молодежь в округе, убедиться, что весть о том, что церковь вновь открыта, дошла до них, как и до их матерей и отцов. Кстати, насчет дочки

Вика, ну, этого грека, у которого бар на том конце города...

— Дочки? Которой? У Вика куча детей!

— Ну, такая, совсем молоденькая, лет восемнадцати-девятнадцати, тоненькая, очень светлая...

Молли от души расхохоталась.

— Но это не его дочь!

— Не его...

— Никакая она не родственница Вика, и как вам взбрело в голову... вы только посмотрите на эту красоту. Это Алли Калдер. Дочка бывшего профсоюзного босса Джима Калдера — Большого Джима, как тут его прозвали — того самого, что Поль обставил, когда бился за это место на шахте. Но папаша у нее суров и глаз с девчонки не спускает.

— А вы не знаете... — Роберт, движимый ему самому неведомой силой, продолжал расспрашивать Молли, — вы, случайно, не в курсе, у нее какие-то сложности?

— Ничем не могу тебе помочь, дорогой. Вот разве что Поль... Он знает всех в округе — буквально всех до тридцати и в юбке, это уж можешь мне поверить!

Поль? Ну, нет! С его-то репутацией! Чтоб такая девушка пересеклась с Полем? Это уж последнее дело. У нее и так, видать, проблемы с собственным папашей — может, поэтому она и занимает его мысли? Девушке нужна помощь, и она ее получит, решил Роберт и сразу вздохнул с облегчением. Он отыщет ее, непременно. И без всякого Поля. Он отыщет ее другим способом.

— Спасибо, Молли, хорошо. Это я так, между прочим. Еще раз благодарю за вчерашний день. Всего вам лучшего, и привет вашему мужу.

Он положил трубку, в которой еще звучал приятный смех Молли, и долго сидел, задумавшись. Брайтстоун невелик. Что тут странного или подозрительного, если он заскочит в „Парагон“ выпить чашечку кофе во время беготни по городу. Рано или поздно он сделает это... рано или поздно... скорее, рано...

Другой такой красавицы

На свете не сыскать...

Весело насвистывая сквозь зубы, Поль медленно вел машину по главной улице Брайтстоуна; закрывающиеся магазинчики и банки свидетельствовали о том, что еще один рабочий день подошел к концу. Скатившись с холма, он выбрал место, осторожно припарковал машину так, чтобы иметь хорошее поле обзора, воткнул кассету в „доджевское“ стерео и стал ждать. Зазвучал рок, и Поль весь отдался ритмичной музыке.

— Ну, давай! — шептал он, не отрывая глаз от строения напротив. — Ну, давай же! — Не успела закончиться первая сторона кассеты, как его нетерпение было вознаграждено: из дверей вышли две юные девушки и остановились на тротуаре, оживленно разговаривая. Одна девушка держала в руке старую хозяйственную сумку, набитую провизией, а другая катила перед собой детскую коляску; малыш регулярно выражал свой протест против затянувшейся, с его точки зрения, болтовни, вопя что есть силы, всем своим поведением показывая, что готов лопнуть, а своего добиться. Наконец, когда вопли и стенания младенца стали невыносимы, подружки распрощались и двинулись в противоположные стороны. Девушка, нагруженная тяжелой сумкой, направилась вверх по улице в „лучшую часть города“.

По тому, как поникли ее узенькие плечики, было видно, что путь предстоял долгий и безрадостный, по жаре и пыли утомительного дня. Поль бросил беглый взгляд в зеркальце, пригладил волосы и подмигнул своему отражению. Ухмыляясь как лис, он включил мотор и на первой скорости не спеша покатил вслед за двигающейся фигуркой, словно охотник, крадущийся за добычей.

— Привет, Алли!

— Поль! — Бросив быстрый взгляд на пустынную улицу, будто желая убедиться, что никого поблизости нет, она заглянула в машину, а Поль нагнулся и с видом зазывалы открыл дверцу.

— Я просто проезжал мимо. А ты домой? Подбросить?

Девушка заколебалась.

— Да... ладно... давай... почему бы нет? — Она с трудом засунула в машину тяжелую сумку.

— Как жизнь, Алли? Давненько тебя не видел.

— Да у меня все в порядке.

Этот безразличный ответ ничего не сказал Полю, зато красноречивее всяких слов говорило другое — этот взгляд искоса, брошенный на него сквозь пряди пепельных волос и золотистое бедро, мелькнувшее в разрезе тоненькой летней юбчонки — черт побери, он чувствовал, как все в нем поднимается! Не дури, скомандовал он самому себе. Заведи, Бога ради, какую-нибудь приличную беседу! И он вновь заговорил.

— Ты так и работаешь два раза в неделю?

По нежному лицу пробежала тень.

— Вик считает, что чаще я ему не нужна. Но даже если бы и была нужна... — она с какой-то горечью замолчала.

— Твой папаша, а? — с сочувствием произнес Поль. „Бойтся потерять свою маленькую домработницу, старый эгоист“, — подумал он. Вслух же сказал: — Может, он малость поотпустил бы узду, если б решил, что место более солидное. Как расчет работенки в Шаэ Холле?

Она смотрела в окно.

— Я ее не получила. Сказали, что у меня нет опыта.

Поль сочувственно подхватил:

— Им же хуже, Алли. Такая симпатичная девушка, как ты...

Ее нежные и еще не сформировавшиеся черты лица вдруг приобрели новое, им раньше не виданное, выражение.

— Здесь у девушек одно будущее — симпатичные они или нет, — но это не про меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы видели девушку, с которой я разговаривала у дверей молочного бара?

Поль тут же понял — ей прекрасно известно, что он специально ждал ее напротив кафе и что байка про то, что, дескать, просто „проезжал мимо“ не прошла. Он попытался придать голосу холодность:

— Крупную девицу в голубом с младенцем? Да, а что с ней?

— Она училась со мной в одном классе. Ей обещали тогда университетскую стипендию. У нас с ней была одна мечта — уехать в большой город, снять вместе квартиру... И вот посмотрите на нее теперь. Том уже второй ребенок. Жизнь ее сломана.

— Эй, что такое? — пораженный, запротестовал Поль. — Уйма девушек любит детей,

ты же знаешь. Славный муж, славный дом, спокойная жизнь — да за это руками и ногами подписалось бы большинство. А дети делают жизнь богаче, так многие говорят...

Даже ему было странно слышать эти речи, ему — Полю Эверарду. Никогда прежде он не задумывался над такими проблемами, считал, скорее, наоборот, что семейная жизнь — это цепи да обуза для нормального парня, а дети — чистый кошмар, от которого надо держаться подальше. Что эта девчонка делает с ним? А он-то полагал себя охотником, а женщин — дичью. На самом же деле она видела в нем ту сторону его существа, которая самому Полю была неведома. В ответ на его неожиданную тираду в защиту брака и материнства по личику Мадонны скользнула тень, которую следовало бы истолковать как презрительную улыбку. Затем она окинула его своим долгим ясным взором и промолчала.

— Так что же ты собираешься дальше делать, Алли? — спросил Поль, чувствуя, что вступает на незнакомую зыбкую почву, где его былой опыт отношений с женщинами не имел ни малейшего значения. — Что еще тебя здесь ждет, если не считать какой-нибудь неважнецкой работенки, а там... — боясь заикнуться еще раз о браке и детях, он не стал продолжать и деликатно умолк.

— Все, что угодно! — ее обычно серо-голубые глаза побледнели от внутреннего огня. — Поль, вы бывали в Сиднее, правда?

— В Сиднее! Ха, это же на другом конце света... — Он остановился. — Ну, был пару раз. Для развлечений местечко что надо.

Она не ответила.

— Ты хочешь развлечься, а? — спросил он со странным ощущением, что отлично знает ответ.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Новую жизнь, — очень мягко произнесла она, — вот что я хочу. Здесь мне ничего не светит. Как только подкоплю достаточно денег, сразу уеду, и духу моего здесь не будет. Умотаю! И никогда не вернусь!

Поль вцепился в рулевое колесо, лихорадочно соображая, что ей сказать.

— Ты уверена, что не торопишь события?

И снова она посмотрела на него своим прямым вызывающим взглядом.

— Чего мне здесь дожидаться?

— Ну... — Поль не знал, что и ответить. — Может, тебе стоит посоветоваться с кем-то постарше?

— С вами? — Она вновь окинула его сверху донизу пристальным оценивающим взглядом. — Сколько вам лет?

— Двадцать восемь. — „Чуть не на десять лет старше тебя“, — подумал он со странным чувством разочарования.

— Не так уж много, — глубокомысленно заметила она. — Ну, и каков совет?

— Подождать, до двадцати одного года Или хотя бы еще годик. Многое что может измениться за это время. — „Или изменить“, — про себя продолжил Поль. — И тогда будет легче сделать то, что ты задумала. Да и деньжата сэкономим. Это не шутка — взять и свалить в Сидней, тем более если тебе там не на что жить.

— Какое-то время протяну. Все равно мне некуда податься.

— Как так, моя девочка! — со смешком воскликнул Поль, боясь, чтобы не сложилось впечатление, что он слишком серьезное значение придает только что начавшемуся знакомству. Вроде душа его и не пела так, словно он после работы пропустил стаканчик.

Но девушка как будто ничего не замечала.

— Поль, — с отсутствующим видом обратилась она к нему, глядя куда-то вдаль, — вы знаете нового священника, ну, того, что сейчас в церкви святого Иуды?

— Еще бы не знать. Он мой шурин, муж моей сестры. А что такое?

Короткий звук, который она издала, можно было понять как реакцию на сказанное или зевок от скуки.

— Да так, ничего. Он заходил к нам в кафе на прошлой неделе, вот и все.

— Ах вот ты о чем! — Поль с радостью ухватился за предоставленную ему судьбой возможность поправить дело. — Поверь мне, теперь все изменится, и он первая ласточка! Из Роберта так и прут новые идеи, он для тебя город на уши поставит, уж поверь моему слову. Всякие там штуки — дискотека по вечерам в церкви или что-нибудь такое, вот увидишь! — импровизировал он.

— Дискотека по вечерам? — на нее это явно не произвело никакого впечатления.

— Ну не обязательно диско. Но у Роберта башка варит, он парень что надо. Вот он жил в большом городе, если хочешь знать. Четыре года служил в Перте.

— В Перте? — можно подумать, он сказал: „в раю“.

— Да, Перт. Тебе бы надо с ним поговорить об этом. — „А я помогу это устроить, если надо, — подумал он про себя. — Все что угодно, лишь бы держать крошку здесь, пока не представится случай доказать ей, что не все здесь кретины и пустозвоны. В конце концов должна же быть какая-то польза от родственничка-преподобного!“ — Тебе надо с ним встретиться.

— Я бы не против, — кажется, на этот раз она говорила серьезно, с одобрением отметил Поль.

— А если тебя действительно интересует работенка получше, я замолвлю словечко. У меня масса всяких связей через Союз, сама понимаешь. Нет ничего проще, как подыскать тебе чего-нибудь поперспективней, чем молочный бар!

Вдруг до него дошло, что их поездка подходит к концу.

— Ты не собираешься в субботу на танцы, Алли? Я бы подбросил тебя, если ты не против...

— Не думаю. Пустая трата времени. Да мне и танцевать-то не с кем. — Не успел он оправиться от нанесенного удара, как она вдруг столь же легко изменила решение. — Впрочем, если хочешь меня пригласить, я, пожалуй, пойду. В восемь на углу. А теперь лучше я выйду здесь, не дай Бог отец увидит...

— Знаю, знаю.

— Он нормально относится только к тем мужчинам, которых сам выбирает — а уж вас-то он люто ненавидит за то, что вы вышибли его из профсоюзного кресла. Он там просидел тридцать лет, сами знаете.

Поль с трудом удержал рвущийся на язык ответ, осторожно подъехал к тротуару, выскочил из машины и протянул ей руку. Завозившись с непомерно тяжелой сумкой, они не заметили проехавшую мимо машину. Зато ее водитель прекрасно разглядел Поля и его пассажирку.

Завернув за угол, Джим Калдер зло выругался. Чертов Эверард! Так вот оно что! То-то Алли пару раз возвращалась из бара слишком рано. У него и тогда мелькнула мысль, что тут не обошлось без какого-нибудь хахаля с машиной, — но чтобы Эверард!

Ах ты, сучка. Двучная маленькая сучонка... Похоже, пора разок-другой хорошо

проучить эту девчонку! Впрочем, не надо торопиться. Не сейчас. Посмотрим, что будет дальше...

Когда она подошла к дому, отец встретил ее у калитки с беззаботным видом, но в глазах у него светилось что-то недоброе.

— А я уж тебя поджидаю, Алли, — протянул он.

„Господи, до чего ж он противный“, — подумала она, в тысячу первый раз оглядывая раздувшееся от пива брюхо, всю его неуклюжую медвежью фигуру, громадные мясистые лапищи, лоснящиеся неухоженные волосы, черные полумесяцы под ногтями и вечный кисловатый пивной дух, исходящий от него.

— Я здесь, — отрывисто бросила она и попыталась прошмыгнуть мимо него. Но отец схватил ее за руку.

— Вечером у нас гость, — хитро подмигнул он. — Не приготовишь ли чего-нибудь вкусенького? Мик, я полагаю, рассчитывает поесть как следует в доме, где есть хозяйка. Ему, старому холостяку, не часто приходится наслаждаться домашней стряпней, как ты думаешь!

— Мик? Мик Форд?

— Да, да, он самый. Чем он тебе не угодил?

Чем не угодил... Это напоминающее обрубок огромного дерева волосатое тело, эта дурацкая противная ухмылка, вечно мокрые руки, хитроватые подлые глазенки, сама дружба с отцом...

— Ничем, — только и ответила она.

— Если кто приходит ко мне в дом, его надо принять по высшему разряду, усекла? — Лицо его склонилось к ней, вызывая отвращение; угроза в голосе и железная хватка говорили яснее слов. — Что уставилась? Ты ведешь себя как твоя чертова мать, эта старая корова! Я-то думал, что научил тебя лучшим манерам. Ан нет! Но поучить еще не поздно. Усекла? — Он замолк и ждал ответа.

— Усекла, — сказала она.

Он засмеялся грубым скрежещущим смехом.

— Надеюсь, усекла. А теперь живо в дом и займись обедом. А пока будешь готовить, поднапряги свои мозги и поразмысли, что как бы ты высоко ни взлетала со всеми твоими прелестями, мисс, — все равно задницей о землю шмякнешься!

Маленький коттедж Эверардов как две капли воды был похож на другие дома, выстроенные впритык друг к другу в классическом стиле „тяп-ляп“ специально для трудового люда дирекцией шахты, мало озабоченной тем, насколько отвечают эти жилища современным требованиям в плане удобств. Идя к дому родителей, Клер поневоле сравнивала изящество пасторского дома, его просторные комнаты, элегантные и такие уютные, с жильем своих стариков, и не могла отделаться от чувства вины. Всю жизнь родители надрывались, неужели они не заслужили чего-то более достойного? Особенно отец, бедняга, с этим проклятием шахтеров — болезнью легких. Ему бы жить на высоком месте, дышать чистым свежим воздухом, а не ютиться в этой низине, в уличной пыли и пекле!

— Клер! Что ж ты не сказала, что без машины — я б встретила тебя на остановке. Для

пешеходных прогулок становится жарковато!

Клер тепло улыбнулась и обняла невысокую, привыкшую к труду женщину.

— Никаких беспокойств, мам! Прогулка мне только на пользу. Роберт забрал машину. У него уйма дел — сегодня он собирался на шахту.

— Как твой красавчик муженек? — Молли внимательно посмотрела на дочь. В глазах ее соседок „пасторский сынок“ был невероятной удачей Клер Эверард.

Но уже в то время, когда Роберт Мейтленд, еще учившийся в колледже, начал проявлять первый интерес к Клер, Молли сердцем чувствовала, что этот брак, ежели и суждено тому случиться, не будет усыпан розами. И когда Роберт уехал из Брайтстоуна после похорон родителей, вернее, сбежал, будто адские псы гнались за ним по пятам, Джордж и Молли приняли на себя удар и нянчились с чахнувшей от безнадежной любви Клер. А когда через год он вдруг попросил ее приехать к нему на другой конец Австралии в качестве невесты, кто как не Молли помогал ей покупать подвенечное платье, фату и прочее и провожал ее на поезд? О, эти невысказанные горькие чувства, понятные любой матери, лишенной возможности присутствовать на свадьбе собственной дочери...

А сейчас... нет, не все еще позади, ах, не все. Да разве может это добром кончиться, с таким человеком как Роберт? Еще не все испытания кончены, еще немало их впереди — и здесь чуткое сердце Молли не обманывало ее.

— Ничего не случилось? — осторожно прощупывала она, а ястребиная прозорливость материнской любви сразу отметила грустный взгляд Клер.

— Да ничего, мама, все у нас в порядке. Все в полном порядке.

Молли решила взять быка за рога.

— Ты как-то не очень уверенно это говоришь, доченька, — заметила она и, взяв Клер под руку, провела ее на крошечную кухоньку. — Давай сделаю чашечку чая. Папа спит в садике, так что мы можем спокойно посидеть и поболтать.

Клер взяла чашку чая с таким видом, будто в ней было спасение от всех бед.

— Да нет, я действительно в порядке, мама. Просто у меня очередное разочарование... ну, ты понимаешь, в этом месяце. На этот раз мне казалось, что я беременна. Я была так уверена, что возвращение в Брайтстоун непременно скажется, просто уверена была, что все образуется. А теперь...

— Конечно, образуется, — мягко проговорила Молли, взяв дочь за руку, — только образуется тогда, когда придет нужное время, вот и все. Надо ждать. Я знала одну женщину с Блю Маунтин Бей, так та ждала двенадцать лет, пока наконец у нее не появился первенец.

— Двенадцать лет? О, мама, ради Бога! — Клер смеялась и плакала одновременно. — Мне кажется, я умру, если нам с Робертом придется ждать так долго!

— Не умрешь, дорогая, — серьезно заметила Молли, — но горевать будешь, уж от этого никуда не денешься. Только ведь печалью горю не поможешь. От печали дети не рождаются.

— Но что же делать, мамочка?

Молли задумалась, ее ясные глаза внимательно смотрели на затуманенное горем личико дочери.

— Пусть все идет своим чередом; нужно время, Клер, с этим придется смириться. Доктора не будут обследовать тебя, покуда ты еще не попробуешь как следует.

— Но сколько потребуется времени, мам?

— Месяцев шесть... год. Как долго вы с Робертом без?..

Клер вспыхнула и рассмеялась.

— Совсем недавно.

— Всегда вы так! Поднимаете шум, когда и причин для беспокойства еще нет. Или ты думаешь, стоит только муженьку повесить штаны на спинку кровати, как говорят французы, и дело сделано? Надо дать природе действовать самой.

— Я понимаю. — Клер вздохнула с облегчением и, отгоняя последние сомнения, спросила для большей уверенности: — Ну а если ничего не выйдет?

— Ну, а если не выйдет... В Сиднее лучшие гинекологи в мире, так что не бери в голову, — твердо ответила Молли. — Все будет в порядке. Природа знает свое дело. Только перестань попусту терзаться, это главное. А сейчас мне надо дать твоему отцу таблетки и ингалятор; потом можешь выйти в сад и взглянуть на него. Он будет так рад — а радостей у бедняги последнее время не много.

Когда раздался вой сирены, Роберт ехал к шахте. Поскольку быстро растущая община святого Иуды пополнялась в основном женщинами, он хотел завязать отношения с шахтерской братией, чтобы добиться какого-то равновесия. Сердитые мужья новообращенных жен и папаши несовершеннолетних дочерей могли бы продолжать клевать носом в кружку пива как и прежде, если бы новый пастор был толст и немолод; слово Божье, проповедуемое с кафедры каждое воскресенье, не имело бы такой притягательности. Но уже многие из их дружков и собутыльников начинали ощущать воздействие личности нового священнослужителя и предпочитали на время попридержать языки.

И в конце концов, что тут такого сногсшибательного, если он заскочит в „Парагон“ выпить чашечку кофе и посмотрит, что там делается? Его мысли опять вернулись к девушке, в то время как тело сражалось с очередным незнакомым устройством коробки передач. Вой сирены, надсадно и тревожно разорвавший полуденную тишину, вызвал у Роберта что-то вроде шока.

Подъехав поближе, он увидел перепуганные лица людей, бегущих к шахте, и с каждым мгновением растущий жужжащий рой шахтеров у разреза. В этой толпе выделялась фигура хозяина шахты; жестким выражением лица и оживленными жестами он резко отличался от того самодовольного елейного Уилкеса, с которым Роберт познакомился после воскресной службы. Рядом с ним был Поль Эверард; они о чем-то горячо спорили. К несмолкаемому вою сирены присоединялись сирены пожарных и санитарных машин, своими минорными жалобными гудками усиливая общую картину катастрофы.

Выскочив из машины, Роберт бросился к Полю и Уилкесу.

— Что случилось?

Поль бросил на него озлобленный взгляд:

— Двое парней завалены в забое.

— Что? Убиты?

— Пока еще там, внизу. Рано говорить. Есть несколько тяжелораненых. Скоро все выясним.

— Кто-нибудь еще остался в опасной зоне?

— Благодарение Богу, нет, — ответил Поль, сам не сознавая того, что произносит фразу, звучащую в душе Роберта. — Но не ему! — Он со злобой и негодованием ткнул пальцем в сторону Уилкеса, который воспользовался появлением Роберта, чтобы скрыться от нападок Поля. — Сколько я твердил о безопасности на шахте — все из-за этих стволов, из-за них до сих пор люди наживают болезнь легких...

— Из-за стволов?

Поль тяжело вздохнул, проведя черным от ввевшейся угольной пыли кулаком по еще более черному лбу и сдвинув на затылок каску, отчего открылась узкая полоска белой кожи чуть ниже волос.

— Эти шахтные стволы не очищали годами, не меняли, как полагается, крепления. Уилкес, знай, бубнит свое, что, мол, „существующее экономическое положение“ против нас. Этой тарабарщиной он пытается замазать то, что и слепому ясно, — что он готов поставить на кон жизни людей! Думаешь, он хоть разок рискнул своей драгоценной задницей и спустился вниз? Черта с два!

Последние слова были произнесены достаточно громко, чтобы достичь ушей маленького назойливого человечка, который пытался успокоить небольшую группку шахтерских жен. Судя по реакции Уилкеса, он слышал каждое слово.

— Поль, — спросил Роберт, — почему бы тебе не познакомить меня с женами шахтеров? И как насчет тех двоих, получивших особенно тяжелые ранения?

Как он и рассчитывал, практический ум Поля мгновенно переключился в нужном направлении.

— Конечно, Роб, ты как всегда прав. Будет здорово, если ты нам хоть чем-нибудь поможешь. Профсоюз сделает все, что можно, для этих двух бедолаг, что остались в забое — Ниппера и Джорди. Но если они выкарабкаются, то рады будут компании. После таких передраг шахтеры выздоравливают очень медленно, и им в больнице валяться — скука смертная, лучше, говорят, уж сразу конец.

С этими словами Поль двинулся вперед, энергично прокладывая путь в толпе. Роберт не мог не видеть, с каким радушием встречали его друга — он был здесь своим всем и каждому.

— Вот и мы, девушки, — обратился он к женщинам с доверительной фамильярностью, умудряясь в то же время сохранить необходимую для данного случая меру серьезности, что с удивлением отметил про себя Роберт. — Вот, девушки, позвольте представить преподобного Роберта Мейтленда. Роб, это миссис Миллиган, жена Ниппера. Ниппер... он... завален в забое, неизвестно... — ужасные слова повисли в воздухе. — А это Бетти Бредли, мама Пита; ты знаешь миссис Андерсон, маму молодого Джонни; а это миссис „Шип“ Макгиннис; супруга Франко Беллоке — она еще не очень говорит по-английски, не правда ли, Мария? А это жена Тома Френча, Эллен. Оставляю вас, знакомьтесь. Надо еще пару слов Уилкесу сказать, пока не забыл.

Женщины стояли молча, рассматривая его. Слишком хорош для священника! — пронеслось не в одной женской головке, несмотря на скорбную ситуацию. Роберт был поражен до глубины души выражением безнадежности, вечной заботы и неизбывной печали на изможденных лицах и поникших плечах каждой из них. Что за жизнь! День за днем посылать мужей под землю и жить в постоянном страхе, ожидая катастрофы!

— Рад познакомиться со всеми вами, — мягко начал он, — хотя вы и сами понимаете, мне было бы приятнее сделать это при других обстоятельствах. Я новый священник прихода святого Иуды. И шурина Поля Эверарда.

Это последнее замечание несколько разрядило атмосферу напряженности и подозрительности.

— Ах, Поля!

— Почему вы сразу не сказали, преподобный?

— Поля? Быть не может! — все говорило о том, что наконец-то эти женщины приняли его.

— Преподобный Мейтленд? Роберт Мейтленд? — заговорила женщина, представленная ему как жена Ниппера Миллигана. Она выглядела лет на сорок, волосы сильно выгорели под палящим солнцем, лицо было бледным и изможденным.

— Да.

— Я вас знаю.

Он улыбнулся.

— Вполне возможно. Я здесь раньше жил, несколько лет назад...

— Я знаю. Мы учились с вами в одной школе. Меня раньше звали Ноэллин Фоли.

— Ноэллин Фоли? Еще бы! Ну конечно!

Только какое уж тут „конечно“! Ноэллин Фоли училась на класс младше него и, стало быть, ей сейчас и тридцати нет. Но весь облик, каждая морщинка и каждая мышца, так и вопили о том, что жизнь ее сломана. Женщина сплела костистые пальцы, прекрасно понимая, что творится в голове у Роберта.

— Неудивительно, ведь мне пришлось работать сразу после школы, — смущенно, словно извиняясь, заметила она. — У меня несколько детей... Но если с Ниппером что случится... если мы лишимся его...

Она сказала это так, будто жизнь ее кончилась, а потом тихо и беспомощно разрыдалась. Он инстинктивно обнял ее и попытался утешить, а она судорожно всхлипывала у него на плече. Поддерживая Ноэллин, Роберт вдруг понял, что ему надо делать. „Я должен помочь этим несчастным женщинам! — поклялся он в душе, — и не только сейчас, но и в будущем“. В голове у него мелькали идеи и замыслы: попечительский фонд шахтеров — жертв катастроф, ясли для их детей... Женщинам этого города нужна такая помощь, с горячностью думал он. И кто же еще ее даст! Надо начинать прямо сейчас! Жизнь намного шире этого замкнутого скорбного круга с внезапным поворотом в смерть. Гораздо шире — должна быть шире — для них всех.

Мягко и не торопясь он успокаивал отчаявшуюся женщину. Ноэллин Миллиган никогда не забывала его улыбку.

— Как хорошо, что мы встретились снова, — сказал он. „Будто я одна в мире — прямо королева Английская“, — потом рассказывала она своим подругам, еще не забывшим, какой хорошенькой Ноэллин была в юности. — Надеюсь, мне предоставится случай лучше узнать вас и вашу семью. А теперь — не будем думать о худшем. Я слышал, обвал остановлен. Никаких новых происшествий не ожидается, так что давайте-ка попробуем узнать что-нибудь насчет Ниппера и Джорди...

Плохие новости быстро оббегают шахтерский городок. Когда наконец Поль и Роберт добрались до пасторского дома, Джоан уже ждала их во всеоружии: в ванной бурлила горячая вода, и были приготовлены чистые полотенца для Поля, а стол буквально ломился от яств: таким количеством съестного можно было бы вполне накормить всех шахтеров городка. Джоан недаром прожила здесь всю свою жизнь, — она знала, что первое, чего захочется Полю, как только он переступит порог — это холодное пиво.

Впрочем, с порога почувствовав ярость, клокотавшую в Поле, она поняла, что одним пивом тут не отделаешься. Выхватив у нее из рук стакан, он мерил шагами кабинет, как лев, готовый к прыжку.

— О'кей, Ниппер и Джорди остались в живых! — в бешенстве бросал он. — Но десять человек получили ранения, и двое в тяжелом состоянии! А он все талдычит об экономике!

Это что, „экономика“ — взять да ни за что ни про что списать дюжину хороших мужиков!

— Я полагаю, ты все это ему выложил с предельной ясностью, — решительно поддержал Поля помрачневший Роберт. Там, на шахте, только его вмешательство предотвратило беду, потому что доведенный до бешенства Поль готов был броситься на босса, который при всей своей мелочности и занудстве оказался совершенно непробиваемым и отвечал на нескончаемые атаки серией злобных выпадов.

— Я полагаю, отныне вам лучше обсуждать вопрос о состоянии техники безопасности на шахте с дирекцией на официальном уровне.

— На официальном уровне! — взревел Поль с негодованием. — Хорош себе уровень, если Уилкес до сих пор слушает этого подонка Джима Калдера и его прихвостня Мика Форда...

— Калдера? — быстро спросил Роберт.

— Ну да, Джима Калдера, — засопел Поль. — Я же тебе о нем уже говорил, забыл, что ли? Он был профсоюзным боссом до того, как я выступил против него и вышиб к чертовой матери. Продажен до мозга костей. Получал одной рукой зарплату от профсоюза, а другой — еще одну от Уилкеса за то, чтобы решения профсоюза никогда не выполнялись.

— Калдер, — повторил Роберт, пытаясь справиться с участившимся пульсом. Именно эту фамилию назвала ему Молли Эверард — это же отец той девушки из кафе! — Он из местных? — спросил он как бы между прочим. — Здесь обитает?

— А где ж еще, только какое это имеет значение? Все дело в том, что мы бы не лишились дюжины стоящих парней, если бы эта каналья не продавал нас направо и налево целых двадцать лет!

Роберт попытался собраться с мыслями.

— А людям все известно? И об уровне безопасности на шахте тоже?

— Разумеется, и компания все это отлично знает. И Уилкес знает получше нас с тобой. Но Калдер хитрая лиса, он все проворачивал так, что комар носа не подточит. А если мы и получим поддержку, так это означает закрытие шахты как минимум на полгода, и, следовательно, потерю работы — а люди просто не могут на это пойти — у всех семьи. Вот и опять эта чертова „экономика“!

Отчаяние Поля отозвалось болью в сердце Роберта.

— Да, все это ужасно, — тяжело выговорил он. — Но ты же в конце концов возглавляешь местный профсоюз! Как ни крути, придется нажать на дирекцию и принять какое-то решение. Я помогу тебе, чем смогу. — Он улыбнулся. — Должны же друзья как-то помогать друг другу.

— Осторожнее, Роберт! — Джоан что есть силы сдерживалась, не желая вмешиваться в мужской разговор, но неожиданная декларация Роберта вынудила ее выступить против своей воли.

— Ради Бога, Джоан, о чем ты? — повернулся к ней Роберт. — Речь вдет о жизнях людей — жизнях их семей, их жен...

— Ого! — глаза Поля загорелись холодным огнем. — Слушай, слушай, преподобный, здесь все кругом сплошная борьба. Твой блаженный предшественник, Его Пресвятое Преподобие Джо Паттерсон, тот знал свое место. Большим начальникам не угодны радикальные священники. Подумай о своей драгоценной карьере, прежде чем пачкать лилейно-белые ручки в грязной политике!

— Роберт, одумайся! — Джоан видела, куда идет дело: на чашу весов ставились ее

планы, и мешкать было нельзя. С еще большей настойчивостью она продолжила: — Восстанавливать против себя людей, значит перечеркнуть свое будущее! Ты же сам знаешь — тебе многое дано, и ты должен многое сделать в жизни — и гораздо больше пользы ты принесешь людям — всем без исключения — занимая достойное положение — настоятеля, скажем, или епископа — гораздо больше, чем если останешься простым священником небольшого прихода. Но ты же не хочешь оставаться здесь навсегда, застряв в Брайтстоуне на всю жизнь, не хочешь ведь!

— Вот так так! — сардонически рассмеялся Поль. — Тут все и вышло наружу. Что скажешь, Ваше преподобие?

— Я знаю, что тебе бы не хотелось, чтобы я остался здесь на всю жизнь, Джоани, — как можно мягче произнес Роберт.

— Поэтому ты и не должен — не смеешь вставать на чью-то сторону! — закусив удила, выпалила она. — Они здесь все передрались друг с другом — город расколот надвое. Что можешь ты в этих условиях сделать?

Роберт глубоко вздохнул.

— Вопрос не в том, чью сторону принять, Джоан. Надо показать, что церковь тоже часть их жизни, что я служу здесь не ради воскресных шоу!

Поль зафыркал от удовольствия:

— Это уже интересно! Я рад, что занял местечко у самого ринга! Но послушай, Роберт, ты просто не понимаешь, во что можешь влезть. Уилкес и начальство держали Калдера, Форда и других в кармане и платили им, хорошо платили, чтобы те успокаивали работяг. Но больше замазывать происходящее на шахте им не удастся! Теперь у них будет куча неприятностей — и я возглавлю все это, я суну голову в петлю и подниму знамя. Ты мне сочувствуешь, но куда это тебя заведет?

— Уилкес твой работодатель, Поль, а не мой, — спокойно парировал Роберт.

— Ах, вот как! А много ли епископов, по твоему просвещенному мнению, делят харчи с шахтерами? И много ли едят из одного корыта с шахтовладельцами? Пошевели мозгами, преподобный? И нечего разводить по этому поводу благочестивый вздор! — Он закинул голову, чтобы выплеснуть в рот остатки пива, демонстрируя полное презрение к словам Роберта.

— Благочестивый вздор!

Наконец Роберт разозлился не на шутку, подумала Джоан. Эскапады Поля, кажется, возымели эффект. Роберт вскочил.

— Роберт... — с нескрываемым испугом вмешалась она, — Поль...

Пронзительная трель телефона прозвучала как еще один разгневанный участник спора. Наступила долгая болезненная пауза. Роберт взял трубку.

— Кто-кто? О, Молли... здравствуйте. Что? — Он вцепился в край стола. — Поль? Да, да, он здесь. Держитесь — мы сейчас будем.

Он положил трубку и взглянул на Поля как человек, собирающийся сообщить дурную новость.

— Поль, мне очень жаль. Это твой отец... врач уже едет...

Эверарда. Едущие в головной машине Молли Эверард и Поль не проронили ни слезинки. Как и многие вдовы, тысячи раз пережившие смерть мужа до самого события и понявшие, что хуже внезапной смерти бывает только смерть, затянувшаяся на многие годы, Молли обратилась в гранит. Она восседала между своими детьми, словно каменное изваяние, ее полная отреченность и величие воплощали горе всех женщин мира.

Сидящий рядом с ней Поль чувствовал, как разгорается в кем пламя ненависти. Накопившееся недовольство положением дел на шахте, гибель товарищей, а теперь еще смерть отца, которая, несмотря на долгие годы медленного умирания, явилась для него неожиданностью, — все это обрушилось на него и совершенно выбило из колеи. Одна только Клер тихо и скорбно плакала, забившись в уголок огромного похоронного автомобиля.

У порога церкви похоронную процессию встретил Роберт. Склонившись перед гробом, он поклонился приехавшим и обратился к ним с традиционными словами: „Я есть Воскресение и Жизнь, сказал Господь... нагие явились мы в сей мир, нагие и отходим...“

Медленно, как во сне, все вошли в церковь и один за другим расселись по местам. Осторожно внесли гроб красного дерева и водрузили его на помост, заранее поставленный перед высоким алтарем. Носильщики незаметно удалились, а по проходу к гробу направился Роберт со словами заупокойной молитвы на устах:

— „Научи нас исчислять дни наши, о, Господь, Бог наш, ибо сокровеннейшие из грехов наших станут явными пред ликом Твоим...“

Гроб был усыпан цветами — последняя дань ушедшему, которого все любили. Повернувшись лицом к присутствующим, Роберт с искренним волнением увидел, что впервые с того момента, как он появился здесь, храм был полон. За небольшой семейной группкой на первом ряду все скамьи были заняты мужчинами, скорее привыкшими, несмотря на черные добротные костюмы, аккуратно причесанные волосы и строгие лица, к суровой борьбе за существование в угольных забоях, чем к подобным событиям. На другом конце церкви он разглядел чету Уилкесов и, насколько можно было понять, всю дирекцию шахты. Несколько семей, вероятно, соседи Эверардов, держались тесной обособленной группой.

Сердце Роберта переполняла боль. Это не было похоже на его первые похороны в городском приходе, где он служил раньше. Время научило его, что в жизни священника бывают тысячи „первых“ погребений — первое отпевание младенца с обеспамятевшей от горя матерью на краю могилы; первое погребение молодой матери — и осиротевшие детишки с застывшими в глазах слезами, с недоуменным вопросом к нему, священнику: „Почему, святой отец, почему?“ Но сейчас он впервые должен был проводить в последний путь человека близкого ему, который пусть на краткий период был ему отцом больше, чем его собственный. Он молился о ниспослании сил, чтобы пройти через это испытание тогда, и он повторял эту же молитву сейчас.

Пребуди со мной, как скоро ночь пришла,
Тьма сгущается, Господь, со мной пребуди:
Когда некому помочь и утешенья нет,
Помощник немощным, со мной, Господь, пребуди.

Паства запела первый гимн.

— Он, может, и ужасно старый, святой отец, но Джордж любил его, — извиняющимся голосом сказала Молли, — а мне кажется, что сейчас он заслужил то, что любил.

— Какие могут быть возражения, Молли, — ласково ответил Роберт, опечаленный этим неожиданным „святой отец“ вместо обычного „Роб“, к которому он привык, чувствуя себя вторым сыном Молли.

Время настало. Роберт опустился на колени и склонил голову на ладони.

— Тебе, — прошептал он. — Это тебе.

Протяни Свой крест к моим очам,
Сияй сквозь мрак и освети путь к небесам,
Воссияла утренняя заря, и земные тени рассеиваются,
В жизни ли, в смерти — Господь, со мной пребудь.

Пора Закончив молитву, Роберт поднялся на кафедру. Сверху он взглянул на Клер в первом ряду, пытаясь в одном сострадательном взгляде выразить всю свою любовь и все свое сочувствие, понимая, что скорбь ее безгранична. Глубоко вздохнув, он начал.

— Блаженны плачущие, возвещает нам Евангелие, ибо они утешатся. В этих словах Господа нашего мы находим ключ к жизни Джорджа Эверарда, человека, который был утешением для всех, его окружающих. Помню, как влекла меня к себе и очаровывала шахта, когда я рос здесь в Брайтстоуне, с каким живым интересом относился я к жизни людей под землей и как трогали меня они сами; и чем больше я узнавал о них, тем большим уважением проникался к их повседневному мужеству, их вере и их терпению. Джордж был одним из многих, большая часть трудовой жизни которых прошла вдали от солнца и бесценного света дня, так глубоко под землей, что, наверное, порой они сами себя считали скорее обитателями подземного мира, чем жителями нашего. Они знают, что такое мрак, они знают, что такое тяготы, и они знают, что такое вечно подкарауливающая опасность — опасность, вроде той, о которой нам напомнила к счастью обошедшаяся без жертв катастрофа в шахте на прошлой неделе.

У Уилкеса на щеках заходили желваки. Это что еще такое? Неужели преподобный решил нажить политический капитал на недавнем обвале? А вроде казался таким ручным. Впрочем, этих интеллектуалов не всегда раскусишь... чересчур умниками стали, кое-кто...

— Жизнь шахтера, — продолжал Роберт, для которого не осталось незамеченным беспокойство, мелькнувшее на физиономии Уилкеса — может повергнуть в ужас даже сильного духом. Но никогда я не слышал, чтобы шахтер жаловался; это особое племя людей, которые, рискуя собой, сохраняют бодрость, юмор, доброту и отзывчивость все дни своей жизни. Таким был Джордж Эверард. Как-то Джордж сказал мне: „Настоящий мужчина должен давать в своей жизни больше, чем оплаченный труд“. И Джордж жил согласно своим принципам. Он давал и давал.

Уилкес расслабился. Ложная тревога. Да и чего общего у политики с религией? Тем более на похоронах старика, многие годы бывшего на пенсии. Этот малый не промах, знает, с какой стороны намазан маслом хлеб, если он правильно его понимает. Присматривает местечко. С мозгами. Амбициозный. И чего ему пилить сук, на котором сидит? Да еще раньше времени!

Ну вот, теперь о жене... семье... все как полагается. Уилкес глубоко вздохнул и почти отключился. Внезапно его вернул к действительности новый выпад.

— Но более всего Джордж отдавался своей работе, людям, которых он любил, своим товарищам по шахте. Разве это не трагическая ирония: человек, положивший столько сил, чтобы улучшить условия труда шахтеров, сам пал жертвой трагической и неодолимой болезни, известной нам всем как „шахтерская болезнь легких“. Смерть Джорджа еще раз напоминает, что нам далеко до того, чтобы шахты стали достойны работающих там людей. Ни один человек не должен подвергаться опасности болеть и умирать ради прибылей и благополучия тех, кто под угледобычей понимает собственную безопасность и не рискует заглядывать в забои!

Поль выпрямился на своей скамейке и во все глаза смотрел на Роберта; помимо искреннего изумления в них светилось настоящее уважение.

— Этот урок, который дает нам Библия — слово Божие. Если Иисус и учит нас чему-либо, так это тому, что вера фарисеев в букву Закона, а не дух, негодна Всевышнему. Ибо Бог видит все наши грехи — преднамеренные и непреднамеренные — и рано или поздно Он призовет нас с отчетом. Тем, кто сегодня несет ответственность за жизни и безопасность людей в брайтстоунском разрезе, пора спросить у своей совести, готовы ли они к собственному судному дню, тому великому дню, который нынче предстоит Джорджу.

Джордж Эверард боролся за правое дело, и его дело будет жить. Теперь его сын Поль идет по стопам отца на посту, который когда-то в молодые годы занимал и Джордж. Я убежден, Поль будет трудиться не покладая рук, чтобы быть достойным имени своего отца. Джордж, как всем вам известно, был скромным человеком. Но то, что его сын вступил на путь борьбы, являлось предметом его особой гордости. Я верю, что Поль будет продолжать это дело с таким же успехом и достоинством, как и Джордж. В память о Джордже окажем поддержку его сыну! И пусть эти нынешние похороны будут с Божьей помощью последними похоронами жертв брайтстоунских шахт.

В абсолютной тишине он спустился с кафедры и преклонил колени перед алтарем.

— Отче, внемли словам уст наших и направь помыслы сердец наших на Твою предвечную волю и цель...

О, Боже, наша защита в веках,
Наша надежда на будущее,
Прибежище от яростных бурь,
И наш дом в вечности...

С последними звуками прощального песнопения вперед выступили шестеро рослых шахтеров во главе с Полем. Осторожно подняв на плечи тяжелый гроб, они двинулись неторопливыми шагами вслед за Робертом к кладбищу. Уилкес стоял у своего места, склонив голову и внимая заключительным аккордам, плывущим по проходу, и скрежетал зубами от ярости.

— Тебе, Господи, ведомы сокровенные помыслы наших сердец... из смертной сени греха изведи нас, дабы нам жить...

Так этот молокосос считает, что вправе совать свой нос в дела шахты, лезть в проблему безопасности? Вмешиваться в политику профсоюзов? Ну и хорош! Нет, чтобы не подпускать

к своим церковным делам этого своего шурина. Ну, тут мы еще посмотрим, полный мстительных чувств подумал он. А ваша песенка, преподобный, спета. Теперь-то я знаю, какого вы поля ягода. Ладно, ладно, утешал он себя, стараясь вернуть прежнее скорбное выражение, чтобы достойно ретироваться и не испортить себе утро. Но в общем мы воздали старине Джорджу. Так что даром время не потеряли. Знаем теперь, откуда ветер дует у святого Иуды. С чувством выполненного христианского долга Уилкес натянул шляпу, подхватил миссис Уилкес и удалился.

На ступеньках церкви Роберт с болью в сердце пробился к Молли и Клер, а затем вернулся с Полем, чтобы поблагодарить всех тех, кто явился воздать последнюю дань уважения умершему. Поль, глубоко тронутый словами Роберта, всего только и произнес:

— Спасибо, старина, — но эта краткая фраза сопровождалась крепким рукопожатием, говорящим о глубине его чувств выразительнее любых слов.

Начинали подходить другие.

— Вы сделали для него так много, — проговорил прежде, чем уйти, пожилой шахтер.

— Да, чего говорить, он бы остался доволен, старина Джордж, — поддержал товарища человек помоложе.

— Спасибо.

Роберт не притворялся — он был очень тронут и доволен. Любое замечание, вплоть до такого лаконичного, как „лучшие похороны, на которых мне доводилось бывать“, показывало Роберту, что его самые высокие надежды осуществились — ему удалось проводить Джорджа в последний путь так, как он хотел. Очередное рукопожатие и очередное благодарное слово:

— Спасибо за то, что пришли... рад, что вы так думаете... благодарю.

Внезапно что-то резко изменилось, словно холодом повеяло. Перед ним стоял человек, явно намеревающийся нарушить спокойствие. Крупный мужчина, пугающе мощного телосложения, сильный и сейчас, несмотря на возраст. Но ему не хватало той прямой осанки, сухощавости и подтянутости, которые, как правило, сохраняют даже очень старые шахтеры, напротив, было в нем что-то отталкивающее. Роберт отдернул протянутую было руку от недружелюбной повисшей в воздухе лапы подошедшего — он почувствовал инстинктивно, что этот человек его смертельный враг, враг всего доброго, хорошего и достойного защиты.

Но новоприбывший даже глазом не моргнул.

— Старина Джордж может гордиться, преподобный. Вы молодчина, вот что я вам скажу! — Он, ухмыляясь, подмигнул Роберту с заговорщицким видом и посмотрел на него как-то исподлобья, откинув голову, отчего его и без того крупные мясистые челюсти казались еще мощнее.

— Вы знали его, мистер?.. — поинтересовался Роберт, стараясь не слишком выказывать холодность.

— Знал его?

У собеседника Роберта глаза вылезли из орбит от деланного удивления, и он весело хлопнул его по плечу. Роберт почувствовал острое желание ответить ударом.

— Знал его? Еще бы. Он да я, мы были как братья, если можно так сказать, — рассудительно продолжал он. — Там в шахте лет тридцать с гаком бок о бок. Ну, не всегда, конечно, с глазу на глаз...

Словно ледяная рука схватила сердце Роберта. Что-то забрезжило у него в голове. Что там Поль говорил?..

— Так вы с Джорджем работали вместе, мистер?.. Простите, не знаю вашего имени.

— А откуда вам знать, преподобный? Калдер, Джим Калдер. — Давясь фальшивым смехом, он оглянулся назад и протянул свою длинную лапу прямо в небольшую кучку народу, стоящего у него за спиной. — А это моя дочь — мое единственное чадо — Алли. Крещена как Алисон, но все кличут ее Алли.

Она снова предстала перед ним; вытщенная бесцеремонной рукой из толпы, девушка при этом сохраняла поразительное спокойствие и отстраненность, словно ее не касались ни шутовство отца, ни стоящие вокруг — такой она была и в кафе. Она подняла голову и одной рукой откинула прядь серебристо-пепельных волос. Он видел нежный изгиб шеи, маленькое ухо. Глаза — какого цвета у нее были глаза? Или никакого — просто бездонные. Ее тонкая фигура казалась еще более притягательной, еще более выразительной. Перед ним стояла молодая женщина, а не подросток-беспризорник, как тогда. На сей раз она казалась еще милее.

— Рад был прийти сюда как старинный приятель Джорджа, — напыщенно продолжал Калдер. — Как не проводить родного человечка, мы, шахтеры, все одним миром мазаны.

— Служба была замечательная, — девушка протянула ему руку. — Спасибо.

Ладонь у нее была теплая и неожиданно крепкая. От нее будто шел электрический ток. Ему не хотелось, чтоб она ушла.

— Спасибо, мисс Калдер, — мягко ответил он.

Калдер хмыкнул.

— Это необязательно, преподобный. Она, чего доброго, задаваться начнет. К чему это? Зовите ее Алли, как все.

— Алли? Вы хотите, чтобы вас так называли? — обратился он к ней вполголоса.

Она бросила на него мгновенный взгляд и отвела глаза.

— Все зовут меня Алли, — бесцветным монотонным голосом ответила она.

— Да, Алли, — повторил ее дикий папаша; добродушный юмор вернулся к нему сразу же, как только она проявила покорность. — Дочь моя — Алли. И больше, чем дочь, преподобный. Мы с ней на пару мыкаемся — Алли да я — с тех самых пор, как женушка моя ушла от нас, лет уж восемь тому назад, если не больше. — Злобная гримаса исказила его лицо при этом воспоминании. — Вот я вас спрашиваю, преподобный, какая же это женщина бросит на произвол судьбы свою крошечную дочурку, свое единственное дитя?

„А какая же женщина останется с таким человеком, как ты?“ — с негодованием подумал Роберт.

— Не могу сказать, мистер Калдер. Извините, пожалуйста... — Он показал рукой в сторону толпы, ожидающей, чтоб он попрощался.

Калдер ухмыльнулся.

— Ясно, ну мы трогаемся. Всего, преподобный, увидимся.

— Я надеюсь. Рад буду видеть вас... и мисс Калдер... здесь в церкви, и чем скорее, тем лучше, — твердо сказал Роберт. Теперь он не сомневался, что увидит ее. Она слышала его слова, и сердце Роберта заныло, когда девушка чуть заметно кивнула, прежде чем покорно последовать за отцом из церкви.

Благоговение и печаль, естественно пробуждающиеся в человеческих существах перед

лицом смерти, почти всегда сменяются возрождением духа жизни. Это с особой силой свойственно людям, жизнь которых находится в постоянном, можно даже сказать яростном, соприкосновении со смертью. Толпа шахтеров, собравшихся в этот вечер в единственном пабе, не была склонна к особой сдержанности. Не было также, по понятиям любого из пришедших, никакого резона пренебречь выпивкой. Проводы есть проводы, и старина Джордж вправе получить в полной мере все удовольствия сразу.

В центре компании шахтеров постарше, навалившись на стойку, которая в данном случае служила ему лучшей и более надежной опорой, чем собственные ноги, выступал Поль.

— Вот босс и говорит ему — тогдашний босс, еще до этого ублюдка Уилкеса — так говорит: „Я не собираюсь слушать предложения от вас и от ваших людей, мистер Эверард“, — а мой папаша ему тут же, глазом не моргнув: „Разумеется, мистер Феррис, откуда вы взяли, что я вам предлагаю руку и сердце?“

Дружный хохот не встретил поддержки в другом углу бара, где Джим Калдер в компании своего неразлучного собутыльника Мика Форда уже благополучно преодолел обычную корму, позволяющую ему держаться в рамках приличия, и его потянуло на подвиги. Поднявшись из-за столика, он пьяной походкой направился к компании, окружавшей Поля.

— Твой старик был парень что надо, — агрессивным тоном обратился он к Полю. — И по этому случаю я тебе поставлю! — он явно лез на рожон.

Прищурившись, Поль рассматривал Калдера.

— Я, кажется, накачался или ослышался, — обратился он к хохочущим друзьям, — мне показалось, что я слышал, как Джим Калдер сказал, что хочет поставить мне выпивку!

— Всем ставлю! — проревел Калдер, приходя в ярость от того, что стал всеобщим посмешищем. — Налей им всем, Фай! — бросил он барменше. — Этот парень... мне надо бы преподать ему урок по части профсоюзных правил.

Глаза Поля превратились в узкие щелки.

— Да я, видать, не просто набрался, у меня, никак, галлюцинации! — загрохотал он. — Джим Калдер собирается учить меня профсоюзным правилам? — И он с полным презрением повернулся спиной к могучему старику. — Иди, отлей в свою шляпу. Тебе только и учить, как задницу подтирать. Вали. Здесь без тебя обойдутся. Наше вам!

— Слушай, сынок, и слушай внимательно, — Калдер медленно закипал. — Ишь развоображался, возомнил из себя Бог весть что — а ты жалкий любитель, сопляк! Ну, ну, давай, изложи свою теорию закрытия шахты ради безопасности, валяй — изложи ее людям, я уж не говорю о дирекции. Посмотрим, сколько у тебя собутыльников останется. — Он помолчал, на лбу у него выступил пот. Выждав немного, он нанес решительный удар. — Они только попусту время с тобой теряют. Ты глупый сопляк. Ни черта не кумекаешь и за душой у тебя ни черта нет, и как был пустое место, так им и останешься. Ты хоть сто лет проживи — никогда не станешь и половиной твоего папаша — ни как мужик, ни как шахтер. Ты ему в подметки не годишься!

Из всей брайтстоунской шахтерской братии ни у кого не было ни малейшего сомнения, в чью пользу закончится потасовка. Но Поль только и сделал всего один выпад, сжал кулаки и тут же остановился и одумался под одобрительные крики присутствующих: всем было ясно, что драка с пожилым человеком, годным Полю в отцы и к тому же в дымину пьяным, чести ему не принесет. Но удар был сокрушительный — прямо в челюсть, и две недели после этого Калдер просыпался с чувством собственного унижения и поражения — удар был

Больше всего Роберт любил церковь после службы. Когда последний член общины покидал храм, когда затихали последние звуки в чреве старого органа и песнопения молящихся, когда смолкал шепот последних молитв, были сделаны последние наставления и выдыхалось едиными устами последнее „Аминь!“ — тогда наконец церковь и пастырь могли побыть немного в покое, — роскошь, которой не удавалось насладиться на протяжении всей хлопотливой трудовой недели, не имевшей „нормированного“ рабочего дня с ожидающим впереди отдыхом.

Однако в это воскресенье, вынужден был признаться себе Роберт, долгожданный покой не наступал. Продвигаясь вдоль скамеек, собирая молитвенники и возвращая на надлежащее место под передним рядом подушечки для коленопреклонений, он вынужден был с горечью отметить, что не чувствовал привычного мира, и не чувствовал давно — с каких пор? Да уже несколько дней. А в это воскресенье было как никогда тягостно после службы, когда стало очевидно, что надежды, которыми он себя тешил всю неделю, не оправдались.

Девушка не появилась. Она не придет, начинал он понимать: она и не собиралась приходить. Дважды он уже приглашал ее посетить храм, и она, как ему казалось, кивала в знак согласия. Каждое воскресенье он жил этим обещанием. Но она не являлась.

Господи, ну и денек предстоит! Жара уже сейчас несносная: к концу дня будет просто невыносимое пекло! Закончив дела, он запер церковь и инстинктивно в поисках прохлады повернул направо, а не налево, к пасторскому дому. Надо было подумать. Почему он с таким нетерпением ждет Алли? Почему из головы не идет эта девушка?

Он попытался еще раз все проанализировать. Там, где она работает, ей не место, это и слепому ясно — такая девушка не могла быть счастлива в кафе у Вика. Ясно как день, что у нее нет никого, кто бы мог помочь ей или дать совет. Как ни крути, но факт остается фактом: этот ее папаша — самовлюбленное животное, ни о чем не желающее думать, кроме своих прихотей, такой не остановится ни перед чем, чтобы заставить дочь покориться. Словом, ей нужна помощь — это очевидно. А помогать людям — его работа, поэтому он и здесь.

Но это не все. Он продолжал идти, не разбирая дороги, поглощенный своими мыслями. Солнце жгло спину с какой-то сладострастной свирепостью, а теплый ветерок с моря ласкал своими нежными дуновениями. Почему, почему все чувства обостряются, почему он становится самим собой и, этого уже невозможно отрицать, счастливее — когда думает о ней?

Это было невозможно объяснить. Ничего подобного он в своей жизни не испытывал. Может, это предостережение, указание, призыв к осторожности? К большей осторожности? Так, пожалуй, сказала бы Клер с ее вечным страхом за него. Клер... Воскресный завтрак! Он же опоздает! Случайная ассоциация вернула его к реальной жизни. Роберт резко остановился, развернулся и заспешил домой.

— Как цыпленок?

— Почти готов. Когда они должны быть?

— Не раньше часа. Ах, Джоан, как мило с твоей стороны взять на себя все эти хлопоты

— ты же понимаешь, что маму сегодня никак нельзя оставлять одну.

Джоан и Клер совсем запарились с приготовлениями воскресного завтрака. Если учесть, что сегодня исполнялся месяц со дня кончины Джорджа, и должны были явиться Поль и Молли, дел было невпроворот. Готовили они так же, как делали все — дружно и сообща, что бывает между хорошо знающими друг друга людьми, уважающими привычки ближнего.

Однако только что сообщенная Клер новость нарушила спокойный ритм налаженных движений Джоан.

— Ты действительно хочешь, чтобы в доме появился чужой человек?

— Ну, не настолько уж это чужой человек, — откликнулась Клер, все внимание которой в этот момент было приковано к десерту, над которым она колдовала. — Поскольку Роберт и я уходим на весь день, мы даже не заметим. Хорошо, что кто-то будет дома и сможет отвечать на телефонные звонки.

— Чужой в доме будет совать нос не в свои дела, — пробормотала Джоан, яростно разделяваясь с бобами. Она даже сама себе не могла бы объяснить, почему ее так взволновала эта новость, хотя совершенно очевидно, что эта идея пришла ей не по нраву.

— Какие дела? — с язвительным смешком отозвалась Клер. — Священнослужитель — общественное достояние. Тебе должно быть это известно от отца. Я только сейчас начинаю сознавать, как мало мне самой достается мужа. А тайн у нас нет — ни у Роберта, ни у меня. Так что совать нос некуда.

— Но все же, — Джоан не могла успокоиться, — это не очень хорошая семья, ты же знаешь. Мать была — ну, как там, хористка или что-то в этом роде.

— Хористка? В Брайтстоуне? — на сей раз Клер залилась искренним смехом.

— Она разъезжала с трупой, — объяснила Джоан. — Заехала сюда. Ну кое с кем сошлась и решила остановиться. Только надолго ее не хватило. Потянуло к прежним друзьям и веселой жизни. Вскоре она сбежала и бросила их. А папочка...

— Да, я знаю. Наслышана от Поля. Но нам с ним детей не крестить. Речь идет всего о паре лишних рук, чтобы помочь Роберту в подготовке к Столетию. Ты же знаешь, как многого требует от нас Церковный совет — организовать празднество, большую выставку в библиотеке по истории Брайтстоуна, ну, и все такое, — а мы так заняты... Я думала, что смогу помогать Роберту гораздо больше. Но ты же сама видишь. А если ребенок появится?

Не без удивления Джоан отметила это „если“. Когда произошла перемена? Все случилось так незаметно, что и вспомнить было невозможно. Она украдкой посмотрела на Клер. Та стала бледнее, похудела, но это после смерти Джорджа вполне естественно. Однако было кое-что и еще — какая-то новая непривычно горькая складка у уголков губ.

Бедняжка Клер! Острая волна жалости и любви охватила Джоан, так что ей пришлось даже стиснуть зубы, чтобы не вскрикнуть от прилива чувств. Не время быть сентиментальной, осадилась она себя. А ребенок в конце концов их дело — дело Клер и Роберта — и вот уж действительно нечего совать нос куда не следует. Но тем не менее Джоан умирала от любопытства и сочувствия.

— А как Поль? — спросила она, чтобы переменить тему.

— Поль? Да с ним все в порядке. С головой погружен в профсоюзные дела — думаю, он нас изведет всей этой скукотой за завтраком.

— Для Роберта это не скукота, — заметила Джоан, ревнивая любовь которой не упускала ничего.

— Ну и говорили бы между собой, — равнодушно парировала Клер. — Ну вот и они,

легки на помине Я только надеюсь, что у нас достаточно еды, чтобы накормить Поля.

Ждать от молочного бара особых прибылей в таком городишке, как Брайтстоун, да еще в понедельник в конце долгого жаркого лета, прямо скажем, не приходится. И Вик это прекрасно знал. Но этот тип, сидевший в конце стойки, заказал молочный коктейль с фруктами уж, наверное, час назад и ни тпру, ни ну: и доест не может, и заказывать еще что-нибудь не собирается. Битый час проторчал и, слава Богу, сматывается — с девчонкой. Придется завтра так ей и сказать: заруби себе на носу, чтоб никаких дружков! Если, конечно, не придут всей кодлой и не высосут у него все запасы молока и мороженого.

— Готова? Ну» наконец-то!

Поднявшись с неудобного крошечного пластмассового стульчика, Поль потянулся всеми членами и подхватил сумку Алли. Вместе они вышли на улицу, где, греясь в последних лучах заходящего солнца, ждала их „Голубая стрела“, как с гордостью называл свой „додж“ Поль. Полю не терпелось тут же включить мотор и с ревом на полной скорости умчаться подальше от заведения Вика.

— Черт побери, я терпеть не могу молоко! Нет, чтобы продавать пиво, как все порядочные люди.

Она улыбалась, с издевкой глядя на него:

— Так зачем пришел?

Он понизил голос и бросил на нее пристальный взгляд:

— А ты как думаешь?

Она ответила быстрым заигрывающим полувзглядом и отвернулась. Придется вылезти из машины, если он начнет мозги пудрить; в то же время ей вовсе не хотелось топтать с этой тяжелой сумкой в такую даль.

Алли откинулась на спинку.

— Я получила то место, о котором вы говорили. Ну, ту работу, что вы мне нашли.

— Да, слышал.

— Это будет хорошее начало, — с воодушевлением заговорила она. — Тут тебе не „Парагон“. Полный рабочий день. Вик говорит, я там и неделю не выдержу. Только это чушь. Мне действительно нужны деньги, и я готова работать, понимаете. — Она помолчала и затем заговорила снова: — Поль... вы знаете нового священника... мистера Мейтленда?

Поль ловко проскочил между двумя медленно едущими машинами.

— Ну да, а что такое?

— Да нет, ничего.

Она снова погрузилась в молчание.

— Новая работа, а? — вступил Поль. — Я же говорил тебе, это чистая везуха. У тебя все отлично получится, Алли, вот увидишь. Все до последнего пенни ты заработаешь по праву, помяни мое слово.

— Я знаю, — в глазах у нее появился странный блеск, повергший его в недоумение.

— Ха! Ты, никак, уже и нос задираешь!

Она не поддавалась на приманку.

— Я знаю, что кое-что делать умею, — сказала с расстановкой, словно подчеркивая смысл сказанного. — Только я уверена, что мое место не здесь. Но я знаю, что кое в чем могу преуспеть — и в один прекрасный день своего добьюсь. Вот увидите.

Он подумал про себя, что это, наверное, правда, и у него засосало под ложечкой.

— Но не здесь, говоришь? — как эхо повторил он.

— Что такое Брайтстоун? — продолжала она. — Так, дыра, шахтерский городишко.

— И набит шахтерами, — закончил с горечью Поль. Ему даже на секунду не приходило в голову, что когда-нибудь придется стыдиться своей профессии — и из-за кого — из-за девчонки, почти ребенка, которая еще и в жизни-то ничего не нюхала! Но, может, оттого-то ее слова и ранили так больно — она смотрела и говорила с непреднамеренной детской жестокостью — и, как знать, может, говорила правду.

— Итак, ты спишь и видишь, как бы стряхнуть брайтстоунский прах со своих ног, так что ли? Послать... всех? — он чуть было не сказал „нас“.

— Да, — спокойно подтвердила она.

Поль в сердцах нажал на акселератор и с ревом и визгом погнал машину от поворота к повороту.

Алли глянула в его сторону.

— Но, Поль, — лукаво обратилась она к нему, — если я не хочу жить в шахтерском городишке, это не значит, что я ненавижу шахтеров.

Успокаиваясь, он кивнул головой.

— Я понимаю, что у тебя есть причины сбежать из этого города, Алли, и я считаю, что они вполне резонны — вернее, одна-единственная, и самая важная! Но если оставить в стороне твоего папашу — ну представим на минуту — Брайтстоун не такое уж плохое место — здесь полно славных людей, если только не полениться поискать их.

— Я и сама знаю, — нетерпеливо закивала она, — перестаньте занудствовать, Поль.

Ее снисходительный тон снова привел его в раздражение.

— Что ты прикажешь мне сделать, чтоб вбить это в твою упрямую башку, Алли? — воскликнул Поль сердито. Он резко затормозил у самого тротуара и повернулся к ней. — Ты готова весь город с дерьмом смешать только потому, что твой отец старая дубина! Но он же не один в городе! Есть и другие... — он чуть было не сказал: „которые любят тебя, беспокоятся о тебе, которым ты нужна“. Но остановился. Несмотря на то, что слава сердцеда бежала впереди Поля, он никогда еще по-настоящему не любил. Ему не приходилось много трудиться, чтобы расположить к себе женщин. Чужая зов его животного естества, очарованные девушки слетались к нему, словно пташки к кормушке, без каких-либо особых ухищрений с его стороны. И он получал удовольствия беззаботно, даже эгоистично, где и когда хотел, не зная ни верности, ни вины. Ему никогда не приходилось домогаться женщины или молить ее о любви. Да он по сути и говорить-то с ними толком не говорил — любовная интрига заключалась для него в простенькой операции: рука на колене, а то и выше. И вот наступил один из тех роковых моментов, когда человеку открывается нечто такое, после чего возврат к прежнему уже невозможен. Поль вдруг понял, что никогда еще не был по-настоящему, безнадежно и бесконечно влюблен — вплоть до этого момента. А нужных слов он не знал. Наконец, завершая недосказанную фразу, тяжело повисшую между ними, он смущенно произнес:

— люди... которые будут скучать по тебе, если ты уедешь.

Она бросила на него взгляд из уголков своих чуть раскосых миндалевидных глаз, но никакой другой поддержки с ее стороны не последовало.

— Я тоже буду скучать о вас, Поль. И обо многих других, если уж на то пошло. Ну так как насчет того, чтобы отвезти меня домой? А то там по мне соскучатся раньше времени, и придется выдумывать кучу объяснений.

Совершенно выбитый из колеи Поль завел машину и, не говоря ни слова, поехал дальше. Когда ярко-синий „додж“ проезжал по главной улице Брайтстоуна, ни Поль, ни Алли не заметили, как в окне городской библиотеки мелькнуло бледное лицо Джоан, полускрытое грудой тяжелых томов истории города, которые она штудировала, готовясь к столетнему юбилею; как Мик Форд, пропускающий с лентой свою слепополуденную стопочку в городском пабе, удовлетворенно крикнул, получив информацию, неотложность которой, по его мнению, давала ему возможность напроситься к Джиму Калдеру на ужин.

Это поистине была ночь любви, ночь чувственного пиршества и невероятной страсти. А он не чувствовал себя насытившимся, не устал от тела, лежавшего рядом на широченной гостеприимной кровати, утомление как будто не коснулось его. Он снова хотел ее, был во всеоружии. Ну не чудо ли, думал он, чувствуя, как твердеет в нежной, но настойчивой ладони. И она его хотела. Боже, вообразить трудно, как она его хотела. Ее ненасытность, ее желание, ее любовь ни на шаг не отставали от него, отвечая на каждое его движение, и ей невозможно отказать. Это чудо, невероятное чудо, думал он.

Она нежно провела рукой по его волосам, погладила висок, твердый подбородок, теплую ямочку на шее. Прикоснувшись к плечу, она стала водить ладонью кругами по мускулам предплечья, по груди; движения были медленными, успокаивающими и возбуждающими одновременно. В плотной тьме он чувствовал себя слепым, беспомощным ребенком, но тело его откликалось на ее призыв как тело мужчины. Она склонилась над ним, осыпая его лицо шквалом поцелуев, а рука ее совершала свои круговые движения все ниже и ниже, гладила твердый плотный живот и гладкие сочленения бедер. Стоны и ликующий смех одновременно вырывались из его груди; сдерживаясь как мог, он всем телом отдался этим утонченным ласкам, предоставив себя на волю ее мастерству и точности движений.

Наконец, убедившись, что желанный момент наступил, она откинулась назад, оседлала его простертое тело и обхватила его бедрами. С безошибочной уверенностью она вобрала его, затем медленно, расчетливо опустилась и приникла к нему, смеясь низким горловым смехом. В ответ он издал крик радости, ощущение было невероятно — ничего подобного он в жизни не испытывал, даже в мечтах.

Тьма, тьма, полная тьма... маленькие ладони вновь гладили его грудь, большие и указательные пальцы нежно сжимали его соски, посылая одну чувственную волну за другой, отчего сотрясалось все его тело. Он чувствовал, как растет волна наслаждения, выходя за пределы возможного управления. Вытянув руки, он нашел ее груди в восторге извечного узнавания и в то же время потрясающей новизны — маленькие округлые соски, изящные и крепкие, как весенние бутоны, они были лишены привычной тяжести и полноты. В изумлении он исследовал шелковистую кожу, мягкий венчик, душистый, маленький бутон соска, распускающийся под его пальцами. Она вновь издала низкий горловой клекот, звук этот не был ему известен.

Темно... так темно... если б он мог увидеть...

Скачка набирала дикую скорость, он уже не мог сдерживаться. Крепко обхватив ее, он полуподнялся на постели и перевернул ее на спину, несмотря на сопротивление. С неистовой жадностью он проник в нее и, смеясь, крича и задыхаясь, взорвался ликующим извержением. И в этот миг вошло солнце, и комната начала светлеть. Взглянув вниз, он увидел тонкое, золотисто-коричневое тело и спутанную массу белокурых волос. Дрожа, он

отвел их в сторону: глаза его смотрели не на Клер, а на незнакомку.

Внезапно Роберт проснулся: весь в холодном поту. Ему стоило немалых усилий не закричать. Что это было? Сексуальные фантазии, близость с незнакомкой, прекрасной незнакомкой! Он попытался успокоиться, остановить бешеное биение сердца и нервную дрожь.

Одно по крайней мере ясно: наступил рассвет. Один за другим длинные янтарные персты света проникали в спальню, пока наконец вся комната не озарилась золотом. Роберт попытался сориентироваться. Подле него высился холм — это, несомненно, Клер, темные локоны разметались по простыне, тело свернулось калачиком, словно пушистый зверек в норке, Как это могло случиться, что он изменил ей, пусть и в кошмаре?

И все же... и все же... Разве это был кошмар? Он не мог припомнить в сне ничего ужасающего, пугающего или хотя бы враждебного. Не было и того безошибочного признака, отличающего кошмары, — он знал, знал еще до того, как задал себе этот вопрос, что на протяжении всего сна ни разу не хотел проснуться...

Передернувшись, он попытался взять себя в руки. Какой сегодня день? Вторник? Вторник всегда ознаменовывал начало „серьезной работы“ после полуотдыха, который он позволял себе в понедельник. После того первого — и, увы! последнего — потрясающего дня на пляже с Полем, Джоан и Клер Роберт сознательно пытался следовать уроку, который извлек тогда, а именно: никогда впредь не погружаться в работу, забыв о законных требованиях организма. Спортивные развлечения необходимы для здоровья. Он взял в привычку при любой возможности совершать долгие одинокие прогулки каждый понедельник, когда ему удавалось малость сэкономить время.

Но второй день недели он встречал во всеоружии, готовый к новым подвигам, и в немалой степени благодаря краткой передышке. Эту неделю он рассчитывал посвятить составлению планов и организационным вопросам в связи с брайтстоунским Столетием. В городе уже начинали поговаривать о юбилее. Однако на самом деле ничего еще не было сделано, и Роберт знал, что ему придется с головой уйти в подготовку праздника, чтобы освободиться от неясного, но все сильнее дающего о себе знать чувства вины, которое теперь охватывало его при одном упоминании о близящемся событии.

Он сообщил о своих намерениях Клер, и она с готовностью согласилась к утру подготовить ему материалы. Клер! Сердце его вновь сжалось от боли, которую он испытал до этого — как мог он предать ее, пусть мысленно?

Как, как, как? — безжалостно вопрошал он свою совесть. Как и почему? Разумеется, это был только сон. Но он-то знал, что сны это вестники наших подавленных желаний. Ему приснилась девушка? Какая девушка? Он не знает никаких девушек!

Кроме одной. Могла ли это быть девушка из кафе, Алли Калдер? Да нет, конечно, нет! Он так о ней не думал — в этом плане. Его ум пытался ускользнуть, уклониться от ответа. Юная девушка, такая юная — да к тому же одна из его прихожанок, даже если бы он не был женат, — и священник...

Он слишком много о ней думал, вот в чем дело. Перегруженный работой, перенапрягшийся, да еще смерть Джорджа и дела на шахте — вот он и позволил ей угнездиться в его сознании. Ясно, больше этого не будет! Сон — это предостережение, безусловно, предостережение, что в его сознании, пока что в сознании, не все обстоит благополучно. Он не вправе позволять этой девушке занимать непропорционально большое

место в его мыслях, его жизни, его суждениях, ставя под угрозу его самообладание, его достоинство и даже приличие, наконец. Он больше ее не увидит — не будет ее искать — он будет избегать любой встречи с нею. Само собой разумеется, ее тут винить не за что. Да он и не считал, что сам совершил что-то дурное. Но ответственный человек — а человек, служащий Богу тем более — обязан заботиться о ближних и о себе. Надо быть осторожным — очень осторожным.

Встав с постели в свете начинающегося дня, он бодро сбегал под душ; решимость его с каждым мгновением укреплялась. Наскоро позавтракав, он некоторое время провел за составлением предварительного плана праздника Столетия и затем забежал в церковь. Там, после длительной молитвы он изложил Создателю все, что его смущало, и страстно пытался очистить ум и сердце от мрачной тени, набежавшей столь неожиданно в ночной тиши.

Наконец покой вернулся к нему. Он поднялся с колен обновленный и освеженный, а главное — с твердым убеждением в правильности принятого решения всячески избегать девушки, покончить с искушением — если это было искушение — раз и навсегда. Чувство ясности, бодрости и силы вернулось к нему окончательно, и он обратился, радуясь, к проблемам дня насущного. Вернувшись домой он взял письма со старинного дубового стола, что стоял подле входной двери, и направился к кабинету.

— Клер! — позвал он по дороге. — Клер! Ты готова? Я прямо сейчас приступаю к работе.

Он остановился в холле.

— Я здесь, — отозвалась Клер из столовой.

Роберт открыл дверь и вошел в комнату. Клер стояла около обеденного стола красного дерева, который буквально ломился от тяжести наваленных на него старинных томов по истории края, книг, писем, бумаг — все в связи с празднованием Столетия. На губах ее играла детская озорная улыбка, и весь вид говорил о том, что она приготовила какой-то восхитительный сюрприз.

— Роберт, — заговорила она, насмешливо глядя на него. — Видишь ли, я поняла, что в одиночку нам с работой явно не справиться. Это меня, разумеется, беспокоило. Мы бы подвели кучу людей, понадеявшихся на нас. И я обратилась к Полю, мол, так и так, нет ли у него какой идеи. И у него на уме оказалось кое-что — вернее, кое-кто — да, кое-кто — и я уверена, что идея тебе понравится. Он подыскал нам помощника. Лишнюю пару рук. — Она засмеялась. — Приданных, надо сказать, очаровательной юной особе.

Клер отошла в сторону. Позади нее за столом сидела девушка. Она просматривала книгу и делала выписки, а по небольшой стопке бумаги подле нее можно было заключить, что работа уже кипит вовсю. Выглядела она совершенно спокойной, уверенной, совершенно...

— Роберт, дорогой, это Алли, Алли Калдер. Отец ее был шахтером. Она давно ищет секретарскую работу в Брайтстоуне, но здесь найти что-нибудь подходящее не так-то просто, да к тому же ее отец считает, что она слишком молода, чтобы покидать дом и постоять за себя.

Девушка встала из-за стола, подошла к нему и протянула руку, глядя с улыбкой прямо ему в глаза.

— Добрый день, преподобный.

— Да просто Роберт, зови его лучше Робертом! — с горячностью вмешалась Клер. — Все его так зовут. Он так больше любит, правда, ведь, Роберт? Он считает, что „преподобный“ чересчур официально — да и не по возрасту ему, — счастливо рассмеялась

Клер.

В теплых лучах раннего солнца девушка словно сияла. На ней было светлое легонькое платьице из хлопка, розовое, как ее губы, как нежные ямочки на сгибе гладких округлых рук. Он чувствовал юный свежий запах, запах летних цветов, таких же розовых, как ее...

Молча, он протянул ей руку.

— Рад, что вы можете присоединиться к нам, мисс... — он бросил взгляд на Клер и на нее, — Алли. Мы действительно ничего не успеваем, и нам нужна чья-то помощь. Надеюсь, вам понравится работа и мы. Я рад, что вы пришли.

— Ну, стало быть, все и решено, — заключила Клер, явно радуясь, что ее маленький сюрприз удался на славу. — Ну, я, пожалуй, схожу, приготовлю нам всем по чашечке кофе, а вы пока познакомьтесь поближе. Я же говорила тебе, Алли. Я же говорила, что Роберт будет рад вам. Он в самом деле рад, правда, Роберт?

— Да, конечно.

Так рад, что ты пришла.

Рад... рад... рад... что... ты пришла... наконец.

10

„Он тебя любит — да, да, да...“

— „Да, да, да, да...“ — пела она Простенькие слова вторили ее мыслям и ритму работы. — „С такой любовью не шути...“ — Пауза. И ее легкий голосок: — „Да, да, да, да-а-а-а...“

Эти „Битлы“, может, и малость старомодны нынче, но свое дело они знали. Чувствуя себя в своей комнате в абсолютной безопасности, Алли Калдер аккуратно раскладывала только что отглаженное чистенькое белье, выдавая время от времени мелодии, наполняющие сердце. Вот приехали бы эти „Битлы“ сюда, в Австралию! Или она съездила бы в Англию? Ничего в этом такого уж невероятного нет. Губы ее сжались, и песня замерла в горле.

Брайтстоун. Она даже название города с трудом могла выдать. Что за дыра — что за сучья дыра! Она знала, что отец убил бы ее, если б только услышал от нее такое слово. Но он тысячу раз произносил его сам, когда трепался со своими собутыльниками, думая, что она спит. Спит? Да в такие пьяные вечера и глухой не заснет — как начнут тут бузотерить — он, да этот Мик Форд, да прочая шантрапа — как бишь он их называл, — и имени их не запомнишь — накачаются пивом и начнут. Спит?

Иногда ей хотелось проспать всю жизнь, как Спящая Красавица. Но не сейчас. Она уже готова в путь.

„Она взяла билет...“ — пел Джон Леннон.

Она действительно взяла билет — это точно. Билет в одну сторону, не собьешься. Нет, она не собирается закончить, как Барбара — двое детей и третий на подхвате — а ведь ей и двадцати нет.

— Он ничем пользоваться не хочет, — жаловалась Барбара с такой безнадежностью, что самой хотелось заплакать. — Это, говорит, удовольствие портит. — Его удовольствие? С каких пор такая девчонка, как Барбара, оказалась создана ради его удовольствия?

Мужики — все одного поля ягоды, — козлы. Вот еще одно слово, за которое отец убил бы ее. Козлы. Да они и есть вонючие козлы. Она вертела слово на языке, как бы пробуя его

на вес, на вкус и на запах. А он первым делом. Козел номер один. Козел-аншеф. Капитан Козел. Она засмеялась, но это был какой-то не по возрасту умудренный и горький смех. Спасибо, папочка. Спасибо, Боже, что наградил меня таким козлом вместо отца.

Впрочем, ври, да не завирайся. Не все такие, как твой папаша. Он не такой. Он совсем другой. Он ни на что не похож... и ни на кого...

Он... какой? Рука ее вдруг замерла в груди нейлона и кружев, она улыбнулась своей странной задумчивой улыбкой и погрузилась в воспоминания того счастливого дня. Да, он что надо, прямо с картинки. Есть на что посмотреть, сбит крепко, но не мясист как Поль, — а стройный, ну, прямо киногерой. Фигура — закачаешься, он, наверное, сам этого не знает — глаза, руки, эти волосы, и как он смотрит на тебя — прямо в глаза — что тут говорить, он совсем, совсем другой. Она почувствовала, как что-то теплое поднимается из самой глубины ее существа. О да. Да.

Вот он не козел. Совсем нет. Такой внимательный:

„Вы уверены, что не устали, Алли? Вы сегодня столько всего переделали“. — Такой благодарный: „Это просто потрясающе, это как раз то, что нам нужно; просто чудесно: программа действительно обретает нужную форму“. — Такой вежливый: „Пожалуйста, извините, мне надо позвонить, и я тут же вернусь“ — Он такой... Он такой...

Он такой невероятный! Ни о чем подобном ей даже мечтать не приходилось, она никогда не думала, что такое существует или может существовать. А его глаза — как будто он всегда внимательно слушает тебя, что бы ты ни говорила.

„Замечательная идея, Алли“, — будто бы действительно она высказала что-то особенно умное. Причем для этого особых усилий не требуется. По части ума особой конкуренции в пасторском доме нет. Его жена, Клер, хоть и мила, особым умом не блещет, да и голова у нее явно забита другими делами. А сестрица Джоан — она тихо рассмеялась. Глупая старая кошелка. Думает, что на всех страху нагоняет. Зыркает как сыч, а что на нее смотреть одна умора, ей и в голову не приходит!

Вздыхнув и бессознательно передернув плечами, она вернулась к реальности. Давай, Алли. Хватит с этой постирушкой, надо разобраться с постельным бельем, а там и время обед готовить. А потом, коль повезет, и она освободится, снова сюда, послушать музыку, помечтать малость, посчитать, сколько заработано в Брайтстоунский Фонд Бегства — приятно видеть, что счет медленно, но верно растет, а потом... а потом...

— Алли? АЛЛИ!

Как это она не услышала, что он пришел? Алли бросилась к окну. Из ее угловой комнаты на первом этаже бунгало хорошо была видна дверь: отец как раз входил в дом. Позади него шел Мик Форд, его неразлучный дружок с шахты. Мик Форд! Это мерзкое пресмыкающееся. Что бы она не отдала — только бы отделаться от него. Надо же, после такого замечательного дня... идти к ним... Это же нечестно. Просто нечестно.

— Алли. Да, черт побери, где ты там запропастилась?

— Может, ее и нет, Джим? Молодые девушки, у них свое на уме. Им бы из дома усвистать.

— Из дома? Наша Алли? Чтоб без моего ведома, не спросясь и не сказав куда, это ты брось, у нас такое не водится.

— Девушку в узде не удержишь, как ты думаешь?

— Да она здесь, говорю я тебе. Алли. АЛЛИ!

Чудовищный удар в дверь ее комнаты, и папаша уже тут как тут, без стука.

— Тебе чего? — крикнула она, прижавшись к стене.

Его уже совсем развезло, всегда так набирается в жару, тем не менее закругляться он, кажется, не собирался: в каждой лапице покачивалась упаковка с полдюжиной бутылок пива для вечернего продолжения. И то Слава Богу! — руки были заняты и, стало быть, он не мог ее ударить. Если только в его пьяную башку не втемяшится врезать прямо упаковкой...

— Иду, пап. Обед готовится.

Отведя глаза, она прошмыгнула у него под рукой в коридор.

— Привет, Алли! Ай-ай-ай! — С таким же успехом Мик Форд мог приветствовать Мерилин Монро. — Ах, ах, ах. Как замечательно мы выглядим, милая. И как это ты всегда так выглядишь? Ну, что за прелесть! И где это ты пропадаешь? Каждый вечер я тут как тут, мечтаю увидеть тебя, а вижу только твоего старика.

Он вплотную приблизился, и она с отвращением вдыхала запах пота от его тяжелого тела. Мик загородил ей путь на кухню; сзади вырос отец.

— Мик хотел повидать тебя, Алли, — зловеще пророкотал он. — Где ты пропадала?

Прижавшись спиной к стене, она пыталась тихонько прокрасться мимо него в кухню.

— Сам отлично знаешь, где я была. В церкви. Работала над программой столетнего юбилея с миссис и мисс Мейтлендами.

— И как там, — дурачки ухмыляясь, бубнил Мик. — Все путем, Алли? Все путем?

— Конечно, путем! Чего ты заладил „путем! путем!“

Оба были совершенно пьяны. А какими им еще быть?

— Да, спасибо, все хорошо. — Что за идиотский разговор — и это после долгих разговоров с человеком, который действительно слушает тебя, которому интересно, что ты говоришь...

— Почему ты не сказала мне, где была? — продолжал тянуть свое Джим. — Не могу же я упомнить все твои побегушки. Надо было оставить записку. Я еще покамест твой отец. И обязан знать, что ты делаешь.

Одним ловким движением она обогнула угол коридора и добралась до кухни.

— Давай обедать, пап! Ладно? — Она быстро распахнула боковую дверь и начала со звоном доставать посуду из буфета.

— Эй, Алли!

Снова голос отца. Она прикрыла глаза.

— Что?

— Давай иди сюда. Мик хочет поговорить с тобой!

Она высыпала в кастрюлю полуфабрикат и плеснула воды, зажигая другой рукой газ.

— Я здесь занята, папа! Не могу болтать, когда готовлю.

Мик Форд стоял в дверях кухни, глядя на нее маслянистыми глазами и облизывая языком губы. Нетерпеливо отбросив рукой упавшие на лоб пряди волос, она повернулась к нему спиной, сделав вид, что не замечает его.

— М-м-м, еда! Ты знаешь, как ублажить мужчину, Алли.

Она демонстративно выхватывала жестянки из буфета, выбирая различные специи.

— Я вот заскочил, чтоб узнать, не пойдешь ли ты с нами в паб. Там сегодня небольшая компания соберется. Молодой Гарри — ты знаешь Газза, этого громадного малого, у которого одно плечо выше другого — у него завтра свадьба — ну вот и соберется компашка с девчонками.

Она взглянула на него. Его маленькие глазки поблескивали. Тут и голову ломать нечего,

и так ясно, что за вечернее развлечение предстоит.

— Нет, спасибо. Я не большая любительница выпивать.

— А там одна пьянь забубенная, так надо понимать?

Джим освободился от упаковок с пивом и сунулся на кухню, привлеченный разговором.

Вид его не предвещал ничего хорошего.

— Я так не говорила, папа. Просто мне в паб идти неохота. Я лучше дома посижу.

Она сделала вид, что поглощена булькающим содержимым кастрюли на плите, надеясь, что они отстанут. В крошечной кухоньке она была как в ловушке, хотя открытая во дворик дверь хоть чуточку помогала ослабить невыносимый пивной дух, исходивший от обоих мужчин. Но лето на исходе, а потом пройдет и праздник Столетия, и больше не будет работы в пасторском доме, и незачем будет туда ходить — вот тогда она действительно окажется в ловушке... в ловушке...

— Ах, тебе шахтеры не по душе, так что ли?

— Поостынь, Джим, она этого не говорила. — Девушка чувствовала близость Мика, ноздри ловили его запах; он подступил почти вплотную к ней.

— Так ты ничего не имеешь против шахтеров, Алли?

Его руки воровато коснулись ее бедер, она круто повернулась, и кипящие капли соуса с ложки, которой она помешивала в кастрюле, нарисовали дугу на его рубашке.

— Хочешь это в рожу? — прошипела она.

Он отшатнулся, со злостью и испугом.

— Полегче, полегче, доченька!

Удар кулака отбросил ее к стене.

— Попридержи язык, когда говоришь с моими друзьями! — взревел отец; лицо его побагровело от ярости. — Научись принимать гостей, а то я покажу тебе, где раки зимуют! — Второй удар пришелся по другому уху. — Пора, видать, тебя поучить уму-разуму, как я твою матушку чертову учил. — Тяжело сопя, он набычил шею, словно боксер, готовый к новому раунду.

— Да брось, Джим, не горячись!

Мик не был настолько пьян, как казалось.

— Пошли-ка лучше сядем да подождем, пока Алли все приготовит. Ты мне, кстати, еще не рассказывал, о чем ты там с Уилкесом говорил сегодня? — Схватив старика за руку, он потащил его через боковую дверь во дворик, подмигнув Алли перед уходом.

— Ты не будешь против, если я к чаю останусь, Алли, о'кей?

На кухне пасторского дома стояла обычная тишина; две женщины убирались и мыли посуду после завтрака, но сегодня мирная дружественная атмосфера словно куда-то улетучилась. Нервозность Джоан выдавали побелевшие костяшки пальцев, яростно терших и без того чистую плиту, некогда открытое и милое лицо Клер приняло выражение отчужденности, свойственное ей последнее время. Джоан снова вернулась к причине разногласия.

— Мне это не нравится и все тут!

— Но ты никак не можешь мне объяснить, чем она тебе не нравится? — усталым голосом произнесла Клер.

Джоан закусила губу. Это была правда. Она не могла сказать Клер даже намеками про те тысячи мелочей, которые пугали и настораживали ее. Ну да, она видела Алли Калдер в

машине с Полем. Но, может, он ее просто подвозил из чистой любезности, по-соседски. И как могла она сказать Клер, что инстинктивно чувствует в Алли соперницу, если не предъявляла никаких прав на Поля, если он никогда, несмотря на все ее усилия, не проявлял к ней ни малейшего интереса как к женщине. Она готова была заплакать от всего этого.

Клер продолжала сыпать соль на рану.

— Ты не хочешь оценить ее по достоинству, Джоан. Ты же знаешь, что всему, что умеет, она выучилась сама — готовить, шить; она сама сшила то платье, в котором была вчера, я это выяснила. Алли очень способная. Вот что ей никак не дается — так это водить машину. Я обещала разузнать, не сможет ли Роберт научить ее. Или Поль.

Роберт. Или Поль. Сигналы тревоги где-то на заднем плане сознания Джоан достигли полной мощи.

— Научить ее водить? — она постаралась, чтобы голос не выдал волнения. — Мне кажется, это не совсем удачная мысль. — Она даже попыталась засмеяться. — Ты что, Поля не знаешь — да он за рулем настоящий Джекил и Хайд^[8]...

— Ну, пусть Роберт. Он с ней так мил. Сначала, правда, несколько набычился, но сейчас он явно рад видеть ее в доме, поверь мне.

Роберт? Да почему непременно либо тот, либо другой, хотела спросить Джоан. Но она видела, что Клер ничего не хочет слышать.

— Послушай, Клер, — сделала она новую попытку. — Не кажется тебе, что у Роберта и так дел по горло, чтобы еще учить кого-то вождению автомобиля? Ну, ладно, она в конце концов пришла сюда работать. Не значит же это, что тебе надо ее удочерить!

— Я бы с радостью!

Джоан совсем растерялась от этого неожиданного заявления.

— Удочерить ее! Но помилуй, у нее есть семья!

— Но у нее нет матери.

А у тебя нет ребенка! Ну конечно. О нет, подумала Джоан в тоске, нет! Этого быть не может! Это так жестоко. Судьба не может быть столь коварной! На память пришел последний визит девушки: Клер встречает ее у дверей и всячески обхаживает с такой любовью и материнским вниманием — ну вылитая Молли Эверард со своим выводком; вот она торопится в столовую с полной тарелкой утренних бутербродов и стаканом молока: копна темных волос так и кружится вокруг нежного девически белого облака, словно насадка над единственным цыпленком...

О нет. Сердце Джоан сжимается. Последние дни Клер перестала говорить о будущем ребенке. Джоан известно о тайном визите к врачу и неясных намеках на необходимость обратиться к специалисту пока не поздно. Она почувствовала, что здесь действуют мощные силы первозданной стихии, и признала их превосходство и неодолимость. И склонила голову.

— Ну, да... ну, да...

Спокойно попрощавшись, Клер ушла из кухни, и скоро Джоан услышала шум отъезжающей машины. Закончив уборку, она вышла в холл и взяла свое пальто и сумку. Дни становились короче, а вечера прохладнее. Джоан завернула в столовую. Алли Калдер сидела за столом, составляя из газетных вырезок книгу для выставки по случаю Столетия. Большая груда бумаг слева свидетельствовала о том, как успешно она справляется со своим делом.

— Я уйду, — сказала Джоан, не замечая своей грубости: она даже не поздоровалась. — Когда закончите, оставьте книгу на столе. Я вернусь с работы и

просмотрю.

— Хорошо, мисс Мейтленд, — спокойно ответила девушка. Смотри на здоровье, сама прекрасно знаешь, что ничего там не найдешь, можно было прочесть в ее глазах, уставившихся на Джоан. Вы и сами понимаете, что говорите это, только чтоб достать меня. Да, только ничего из этого не выйдет, мисс Мейтленд.

Джоан вспыхнула.

— И сохраняйте здесь полный порядок, — резко закончила она. — Очень важно, чтоб все было на месте, вы понимаете.

— Понимаю. — Глаза Алли потемнели и стали жесткими и холодными, что совершенно не вязалось с почти детски нежным личиком, на котором суровые испытания жизни не оставили следа, чего Джоан не могла бы сказать о себе, хотя ее детство и близко нельзя сравнивать с детством этой девочки...

— Миссис Мейтленд вернется только к обеду, но вы уже к тому времени закончите и уйдете, не правда ли?

Снова спокойный непробиваемый взгляд.

— Боюсь, что нет.

— Вы все успеете, если не будете прохлаждаться и попусту тратить время, болтая по телефону. — Джоан понимала, что все это чистый маразм, что она своим занудством напоминает старую деву-учительницу.

— Мисс Мейтленд, — даже в самом обращении было что-то саркастическое, она бросала его как вызов, — я не звоню отсюда никому. Мне незачем пользоваться здешним телефоном.

— Ладно, ладно, — Джоан сердилась все больше, испытывая при этом острое недовольство собой, но девушкой еще сильнее. — В общем, как закончите, можете уходить. Нечего здесь попусту торчать! И не забудьте уйти через боковую дверь, как я вам показывала. И не беспокойте преподобного Мейтленда в его кабинете. Ему нужна тишина, вы понимаете.

Преподобный Мейтленд! Если б только бедняга могла слышать самое себя! В каком возвышенном стиле она говорит о собственном брате. Алли повторила про себя: „Роберт“. Он сам решит, нужно его беспокоить или нет. И что бы там ни бубнила „мисс Мейтленд“, он не будет иметь ничего против, если его побеспокоят.

— Да, мисс Мейтленд.

Она отвела глаза. Ну вот и хорошо, мрачно подумала Джоан. Укажи ей место, будь стойкой, пусть знает кто есть кто. Все еще, может, не так плохо. И чего это она, в конце концов, так разволновалась? У Поля тысячи девчонок; и эта ничем не лучше других. А Роберт — чего она так трясется за него? Сейчас он выглядит гораздо счастливее и спокойнее, чем неделю-другую назад. Все как-то образуется. Должно! И она повернулась, чтобы уйти.

— О, мисс Мейтленд...

С очаровательной невинностью — прямо ангел во плоти — Алли остановила ее:

— Мне кажется, вам следовало бы знать, что у вас сзади видна комбинация и на зубах помада. — Она торжествующе улыбнулась. — Я просто подумала, что лучше сказать...

В своем кабинете Роберт услышал, как вздрогнул весь первый этаж, когда Джоан в бешенстве хлопнула дверью, уходя на работу. Клер тоже ушла. Он совсем один.

Впрочем, не совсем.

Бесшумно поднявшись из-за стола, он пересек кабинет и вышел в холл. Дверь в столовую была открыта, и он увидел уголок стола с грудями книг и бумаг, пару маленьких ручек, орудующих ножницами и клеем, изящную круглую головку, склоненную над работой, водопад серебристых волос...

Он так же бесшумно вернулся к столу, оставив дверь открытой. Просто поразительно, как быстро он привык к ней, как спокойно ему в ее присутствии. И чего было поднимать такой шум из-за пустяков, — решил избегать ее, запретил себе встречаться с ней! Хотя тогда он поступил правильно, но и сейчас все идет хорошо! Даже удивительно, как все вышло. Он так беспокоился из-за Клер, а это сама Клер, его возлюбленная Клер совершенно непреднамеренно, без чьей-либо указки, увидела, что в девушке есть что-то необычное, что-то такое, ради чего стоит проявить к ней интерес, и ввела ее в дом, не поколебавшись ни на секунду.

В общем, все идет хорошо. Теперь она здесь, и он может лучше узнать ее, выяснить, как она жила, подумать, чем он может быть ей полезен как пастырь и как друг. Он чувствовал, что в ее жизни было нечто такое, чего он пока не понимал. Роберт уже не раз ловил на себе странный глубокий взгляд, но и в нормальном общении он чувствовал, что девушка наблюдает за ним, как бы присматриваясь. Что бы ни мучило ее, он должен до этого докопаться, сколько бы времени это ни заняло. Но в то же время он чувствовал какое-то безотчетное беспокойство, какое-то нетерпение, будто он всю жизнь чего-то ждал... но чего? И это беспокойное ожидание было связано с ней.

Но это не было беспокойство физического влечения, в этом он уверен. Она привлекательна, это правда — и не просто привлекательна — каждая линия ее тела, каждое движение всего ее существа в своей естественности и невинности были само обаяние. Он любил смотреть, как движется она по дому, и поражался, как буквально светлели комнаты мрачноватого старого дома, стоило ей появиться там. Но он был ее работодатель, ее священник, человек, намного ее старше, наконец, счастливо женатый мужчина. С ним она находилась в полной безопасности. Он мог наслаждаться ее Богом данной красотой, не чувствуя ни малейшего искушения воспользоваться ею. Все это было просто невыносимо, непростительно, достойно презрения. Он доказывал это себе каждый день ее присутствия здесь. Он может это подтвердить и сейчас. Движимый внутренним порывом, Роберт отбросил работу и пошел в столовую.

Алли почувствовала, что он идет к ней, каким-то странным животным чутьем, и ее глубокой синевы глаза уже смотрели на дверь. Безотчетно она потянулась к транзистору.

— Извините, вас беспокоит? Я думала, что сделала совсем негромко.

— Да нет, что вы. Все нормально, — улыбнулся он. — Меня это совсем не беспокоит.

Глаза у него такие добрые, такие ясные, а когда он так улыбается, у него появляются такие морщинки — просто закачаешься, подумала она. Ах, если б только он не был тем, что есть.

— Я просто... я просто собрался выпить чашечку чая, — продолжал он. — Хотел спросить, может, вы тоже не откажетесь?

В ответ она улыбнулась, и эта улыбка на маленьком чуть настороженном личике показалась ему внезапно вышедшим из-за туч солнцем.

— О да, — сказала она. — Конечно. Да. Не откажусь.

От нее исходил такой чистый запах, будто она полчаса назад купалась в детском шампуне Джонсона. В замкнутом пространстве машины он ощущал особую духовную и физическую близость. Длинные пряди пепельных блестящих волос закрыли от него ее лицо, но он помнил его сосредоточенное выражение — дуги бровей сошлись в одну прямую линию, кончик розового язычка чуть заметно высунулся между крепко сомкнутых губ. Он почувствовал, что улыбается. Ну кто бы подумал, что можно получать такое удовольствие от уроков вождения!

— Расслабьтесь, Алли! Это всего-навсего мотор, а не свирепое чудовище. Он вас не унесет, не бойтесь.

— Но так уже раз было. — Голос ее звучал громче обычного, манеры стали более раскованными, даже смелыми. Она явно не собиралась упускать полученный шанс.

— Что вы хотите сказать?

— Я уже пробовала учиться водить, — она бросила взгляд искоса, желая видеть его реакцию, — машина как раз и унесла меня, представляете? Прямо в дерево.

— Врезалась в дерево? Когда же это было?

— Перед окончанием школы. У одного мальчика была своя машина. И мне удалось уговорить его поучить меня водить.

Неважно как, подумала она. Да он слишком возвышен, чтоб спрашивать об этом.

— Но толку от этого не было. В первый же раз я потеряла управление и вылетела с дороги. Машина всмятку.

— Бедняжка Алли! Это было, вероятно, ужасно!

Она подумала, склонив голову набок.

— Да нет, не особенно. Машина-то не моя. Я расстроилась только, что так никогда и не научусь водить, что всегда буду во что-нибудь врезаться.

Он засмеялся.

— Ну, если дело только в этом, то все проще. Наметь себе дерево, в которое собираешься врезаться, и мы точно проскочим мимо него!

Она засмеялась в ответ каким-то неожиданно низким смехом и ослабила хватку на рулевом колесе.

— Ну что ж, уже лучше, — ободряюще заметил Роберт. — Никогда не встречал такого способного ученика, как вы.

Снова почти вызывающий взгляд искоса.

— Вообще-то правда... Я быстро всему учусь. Мне нужно только, чтобы кто-нибудь показал, как надо.

Наступила пауза. Внезапно он почувствовал себя не в своей тарелке, почти на грани паники. Похоже, она заигрывает с ним, прямо заманивает. Роберт нахмурился. Надо не позволять ситуации выходить из-под контроля — это его вина. Он отвернулся.

Подобно чуткому барометру ее настроение мгновенно изменилось. На смену самоуверенности пришла робость.

— Ну вот, — забормотала она ни к селу, ни к городу. — Ну вот, я же говорила, вот

опять, ну вот.

Он до сих пор никак не мог привыкнуть к ее странной манере выхватывать что-то из сказанного им и возвращать в виде полуответа-полуутверждения.

— Что вы имеете в виду? — уже в который раз за последние дни спрашивал он ее.

— Вообще-то я учусь быстро, правда ведь? Потому что мне многому надо научиться. Но я не могу научиться у вас — ведь так?

Костяшки пальцев у нее побелели: с такой силой она снова вцепилась в руль. И вновь он всем существом почувствовал ее близость, золотистый пушок на руке, линию бедра под тонким хлопком юбки. Лето было на исходе; с каждым днем становилось прохладнее и грустнее — сколько еще пробудет с ними это очаровательное существо, это дитя-цветок? В первый раз он вдруг увидел будущее без ее легкой ладно скроенной фигурки, ее нарядов, подчеркивающих каждый изгиб, каждую ямочку на девичьем теле; еще совсем немного — и она уйдет из его жизни, и не будет больше приходить в их дом три-четыре раза в неделю. У него было такое чувство, что время начинает двигаться вперед слишком быстро.

Напряжение в машине стало почти осязаемым.

— Помедленнее, не давите так на акселератор, — он перехватил управление. — Не гоните. Зачем так гнать?

— Это вам незачем гнать.

— Что вы имеете в виду?

Ну что он, действительно, заладил одно и то же? Почему из-за нее он чувствует себя чужаком, пытающимся понять язык, на котором он в жизни не говорил?

Она аккуратно сделала поворот и подумала, прежде чем ответить.

— А с какой стати вам гнать? У вас уже что-то есть, вы в своей жизни кое-что сделали, вы здесь, на своем месте, у вас все в порядке.

Ему показалось, что откуда-то сзади повеяло холодом. На своем месте? Все в порядке? Да так ли это? Он передернул плечами и почувствовал подступающую волну горечи. Может, в ловушке — это правильнее. Да о чем он говорит? Он избрал эту жизнь, он следовал своему призванию. Конечно, он должен с этим согласиться! На месте, в порядке — ну да! Что здесь плохого? Это замечательно, миллионы людей об этом мечтают.

— Ну в известном смысле, да. Но я надеюсь, и у вас все в порядке.

— Еще бы не в порядке! У вас положение, у вас работа! А у меня, у меня ничего нет.

— Ну будет, Алли! — запротестовал он. — У вас есть...

— Что? Что у меня есть?

В голосе ее не было и капли жалости к себе. А сразу посуровевшее лицо ясно давало понять, что она с таким же безжалостным презрением выслушает любое утешение, если он попытается с таковым обратиться к ней. Здесь, в уединении замкнутого пространства кабины, вдали от дома, она отбросила все формальности их отношений и обращалась к нему совершенно иначе. Сейчас она была предельно откровенна, ничего не скрывая от него и ничем не защищаясь. Снова его охватило острое желание помочь ей, исцелить, удержать эту трепещущую, уносимую ветром птаху в руках хоть ненадолго, прежде чем отпустить на волю.

— Но у тебя есть дом, Алли, семья — люди, которые тебя любят...

— Люди, которые...

Она вспомнила тот последний вечер, когда у них был Мик Форд, и двое взрослых мужиков заставляли ее сидеть с ними весь вечер, готовить им жратву и приносить выпивку,

опустошать пепельницы, но главное — слушать невыносимо дебильный треп, который становился все более мерзким, пока оба не вырубались.

— Люди, которые любят меня...

В остервенении она отбросила волосы со лба. Он не мог понять, действительно ли в уголках ее глаз закипели слезы, или это ему показалось. Она попыталась притормозить, чтобы переключить скорость, и беспомощно дергала рычаг.

— Выжми сцепление — медленно — переключи на нужную скорость. Нет, нет, это задний ход, попробуй вторую.

— Да я могу. Просто нога не туда попала. — В ее голосе вновь зазвучали непокорные нотки.

— Ничего, ничего, все бывает. На этой старушке не только твоя нога ошибается. Еще раз выжми сцепление, помедленней.

Машина снова начала набирать скорость, но ни критиковать, ни обсуждать ее действия не хотелось. Ему было не до этого.

— Знаешь, Алли, для нас — для нас обоих — ты стала чем-то большим, чем просто приходящий помощник по административным делам. Если у тебя какие-то проблемы — надеюсь и очень прошу помнить, что ты можешь всегда обратиться ко мне за помощью.

Машина завилала из стороны в сторону.

— Ну да, конечно...

Маленькие ручки вцепились в руль. Он всем существом чувствовал, как напряженно работает ее голова.

— Благодарю вас, Роберт. Да, я знаю, что вы заботитесь обо мне. — Он почувствовал, как между ними медленно, незаметно растет напряженное отчуждение. — И я обязательно приду к вам за помощью, если понадобится. Поживем — увидим! — Она взглянула на него с победоносной улыбкой и притопнула ногой. Машина дернулась и рванула вперед на бешеной скорости.

Конец лета; в этом всегда есть что-то отчаянно грустное. Что было, того не вернешь, а будущее не сулит особых радостей. С удивлением поймав себя на сих философских размышлениях, Поль продолжал шагать вниз по тропинке, вьющейся среди утесов, на последний в это лето пикник на пляже — паломничество со складными стульями, пляжными зонтами и тяжело набитыми сумками-холодильниками. Позади шли до предела навьюченные Джоан и Клер. Роберт чуть задержался на вершине утеса, чтобы бросить взгляд на море. Внизу открывалась совершенная чаша бухты Крушения, вдали на многие мили тянулись дюны. Впервые в жизни этот пейзаж поразил его своим меланхолическим пустынным видом: здесь можно пропасть... умереть — и никто даже не спохватится.

„Ну вот, по крайней мере Роберт намного спокойнее и собраннее эти дни“, — не без грусти отметил Поль. Неплохая была идея дать им помощницу! И как это его осенило предложить Алли в пасторский дом! Как оказалось, она прямо рождена для этой суеты со Столетием, с места в карьер влезла во все мелочи, поняла, что от нее требуется, и будто играючи, незаметно все переложила на свои плечи. Как знать, может тут-то и вся заковыка: Роберт слишком много берет на себя, и распределить работу некому. Теперь у него прямо девичник — и неизменные услуги „Бюро по найму Поля Эверарда“, лучшего из лучших. Алли просто здесь все оживила.

Клер в ней души не чаёт — ему это как бальзам на сердце. Она будто ее удочерила, даже

бегают за покупками для нее — всякие там тряпки, и учит, как лучше тратить деньги. А главное, Клер это нужно, коль уж так случилось, что детишки у нее не сыплются как из рога изобилия, хотя ему непонятно, в чем у них там дело. А Алли тоже у них счастлива, он это знает. Она прямо на глазах расцвела, стала доверчивее, даже говорит по-другому, свободнее — теперь, когда она столько времени проводит с ними, ей не надо следить за каждым словом. Он и сам был счастлив: у него появилось столько поводов видаться с ней; чего ж тут неестественного, если он нет-нет да и заскочит в пасторский дом повидать сестрицу или передать ей весточку от мамы.

Вот только Джоан все не по душе: это видно невооруженным глазом. Он усмехнулся, наблюдая, как пробирается Джоан по песку к выбранному им месту для стульчиков и зонтов. Нет, это невозможно! Оно и понятно, не многие старые девы за тридцать с восторгом встретят маленькую красотку восемнадцати лет, вот так ни с того ни с сего свалившуюся им на голову. Да еще к ногам ее бесценного брата!

Хотя жаль, конечно. Он исподтишка бросил критический взгляд на Джоан, раздевавшуюся в этот момент; со вздохом облегчения она высвободилась из платья и протянула руки к солнцу. Нет, она все же девушка что надо, высокая, с чертовски соблазнительным телом, ни капельки не утратившим своей стройности и упругости. Прекрасно готовит, хозяйка хоть куда, а этот ее четко вырезанный профиль, как у Роберта, и весь нордический облик — нет, она могла бы стать украшением любого мужчины.

Но было вместе с тем в Джоан что-то такое, что отпугивало любого парня. За все годы знакомства он не посмел к ней даже пальцем притронуться. Мужчина, решившийся жениться на Джоани Мейтленд, должен будет жить на лезвии кожа и всю жизнь играть вторую скрипку после ее брата — это уж как минимум если не хуже. Впрочем, настоящий мужчина сгладил бы ее острые углы горячей и сильной любовью, добрым сексом, тогда на лице у нее появилась бы улыбка, смягчающая все резкие непривлекательные для мужчин черты. И тогда б она была просто женщиной, которой нужно только получать тепло от мужчины. Если б она не была сестрой Роберта, он бы рискнул еще много лет назад. А сейчас даже думать об этом пустая трата времени; сейчас у него из головы ночью и днем нейдет эта маленькая крошка Алли Калдер, которая за все время кроме „привет“ и „пока“ не дала ему никаких авансов. А пропади все пропадом!

— Поль!

Джоан повернулась к нему с очаровательной улыбкой, но его уже и след простыл — он несся по песку в море, словно за ним кто-то гнался.

— Они захотят пожевать чего-нибудь сейчас или попозже, как думаешь? — Клер бросила подстилки и разлеглась на песке.

— Подожди, сами скоро скажут, вернее, их желудки, — саркастически заметила Джоан, располагаясь поудобнее и умащивал себя кремом для загара, настроение ее, впрочем, явно испортилось.

Сверху Роберту прекрасно был виден весь берег. Он даже не помнил, когда здесь бывало столько народу; можно подумать, что весь город решил не упустить последний сладкий денек уходящего лета и воспользоваться его прелестью, прежде чем навалится серенькое уныние зимы.

На приличном отдалении от берега на воде реяли двумя ровными линиями флажки, предостерегающие пловцов об опасности. На пляже резвилась молодежь: группки молодых людей играли в мяч, плескались в море, и порывы ветра доносили до него веселый смех. В

нем вдруг шевельнулось острое чувство зависти. Боже, что может быть лучше молодости, силы, свободы! Был ли он когда-нибудь таким? Трудно вспомнить. И куда делись молодость и свобода? Неужели впереди его ждет только старение и медленное угасание?

У кромки воды кучка парней обступила Поля; некоторых он помнил по поездкам в город, это были, судя по комплекции, шахтеры. Все смотрели в море, в какую-то одну точку. Их внимание привлекала одинокая фигура, — с серфингом — голова опущена, торс выпрямлен, словно копье, — воплощенная сосредоточенность, она взлетала на гребни самых громадных бурунов. Судя по повышенному интересу мужчин и белому купальнику, особенно яркому на фоне синевы и зелени моря, можно было догадаться, что это женщина. И когда морские скакуны, на которых она неслась, с последним неистовым всплеском обрушились на берег, смелая наездница оказалась у ног подоспевших парней. Явившись из морской пены, она пыталась подняться среди леса крепких ног.

Даже за полмили Роберт узнал Алли. Сотрясаясь от смеха, Поль подхватил ее одним ловким движением и бросил стоявшему рядом. С криками и воплями мужская команда играла с девушкой, как с куклой, подхватывая и снова бросая в воду, обдавая все вокруг каскадами брызг. И снова Роберт почувствовал острую зависть, приступ дикой ревности из-за того, что они вот так запросто могли прикасаться к ней, так вольно обращаться с ее телом, играть с ней, как мальчишки.

Он пришел в неопишумую ярость. Но из-за чего так беситься? Скорей всего, то были ее друзья; это вообще, наверное, обычный ритуал. И у него нет ни малейшего основания считать, что она огорчена — правда, он не мог сказать, счастлива ли она в этой ситуации или нет. Среди криков, воплей и гомона, заполнившего всю бухту, не было слышно ее голоса. Да и как мог донестись сюда ее негромкий, почти детский голосок? И почему в конце концов ей не веселиться — хорошо это или плохо — в компании своих сверстников? Что это с ним?

Медленно он стал спускаться по тропинке, не теряя из поля зрения сцену на берегу. Алли одним быстрым движением освободилась от своих мучителей, нырнула в воду и поплыла, энергично работая руками. И долго еще он наблюдал, как она уверенными движениями рассекает воду, направляясь вдаль; потемневшие от воды волосы струились за ней, как у русалки, а она все плыла и плыла, пока не превратилась в едва заметную точку.

— Честное слово, Джоан, это бесподобно — просто фантастика. Но я больше не могу. — Роберт аккуратно убрал свою тарелку с остатками еды и взглянул на небо. Солнце стояло низко, похолодало — близился вечер.

Какая-то меланхолическая грусть охватила его: еще одно лето на исходе, еще один год — а чем он может похвастать? Сколько еще лет предстоит ему проводить здесь, на брайтстоунском пляже, тоскуя по уносящейся юности и гадая, что стало с его мечтами, надеждами, обещаниями лучших дней? С болью сравнил он свои чувства с блаженством первого дня, который он, Клер и Джоан провели здесь, в бухте Крушения. Роберт был достаточно честен с самим собой, чтобы не знать причины свой хандры. Он понимал, что виной тому недавняя сценка: Алли с теми парнями — даже с Полем, который так с ней дурачился. Все это испортило день еще до того, как он начался.

Он встряхнулся. Господи, как же противны такие вот приступы жалости к самому себе! Надо с этим кончать, смотреться отсюда, пока не заразил других своим нытьем.

— Ну, прогулка на прощание. Кто со мной? Пойду, разомнусь, до камней и обратно.

Хор вялых возражений дал ему понять, что все слишком хорошо устроилось, слишком хорошо поели или слишком поглощены своими заботами, как Джоан, — забавы Поля и Алли не остались незамеченными ею, с грустью подумал он. Пытаясь стряхнуть с себя дурное настроение, обрушившееся на него с внезапностью летнего ливня, он быстрыми шагами направился к кромке воды, затем повернул и пошел вдоль берега к камням.

Справа над ним высилась громада скалы „Мать и Дитя“. За ней тянулись выглянувшие на свет Божий из-за отлива камни чуть поменьше, которые европейские поселенцы окрестили „Падшими Ангелами“. Роберт осторожно пробирался между ними, стараясь ступать на песок. В соседней бухте под прикрытием большого камня на пляжном полотенце сидела в обществе транзистора Алли.

Глаза ее излучали приветливое тепло, которого ему так не хватало сегодня. Не ожидая приглашения, он бесцеремонно опустился рядом.

— Совсем одна, Алли? Вы не знали, что мы здесь, на другой стороне, в бухте Крушения? Могли бы к нам присоединиться.

— Я видела, когда вы пришли. — В лучах заходящего солнца она была белой, розовой и золотой — падший ангел, невольно подумалось ему, — и дышала легко и тихо, словно котенок. — Но не знала, будете ли вы рады моему появлению. Вот и решила побыть одна, раз нельзя с вами. — Она смотрела на него в упор.

— И не хотела отдохнуть со своими, — он тщательно подбирал слово, — друзьями?

Глаза ее вспыхнули.

— Это не мои друзья! Просто шахтеры — невежественные свиньи — они только и могут, что пить и лапать. В гробу я видела такие компании. — Она сердито наклонилась вперед и стала ногою чертить на песке медленные круги. Ему вдруг вспомнился тот странный сон, когда он занимался любовью с незнакомой женщиной, и та вот такими же круговыми движениями ласкала его...

Его буквально завораживало каждое ее движение. Ноги у нее были длинные, стройные, коричневые от загара, с солью и песком; своими маленькими ручками она ритмично водила вверх и вниз по бедрам, как будто от этого зависела ее жизнь. Алли вновь посмотрела ему прямо в глаза своим открытым, доверчивым взглядом:

— Если нельзя быть с людьми, с которыми хочется — лучше оставаться одной.

Волевым усилием Роберт отвел взгляд и постарался отвлечься.

— Но в твоём возрасте...

— В моём возрасте, — перебила она, снова бросив при этом на него свой странный взгляд. — Готова поклясться, вам тоже хотелось бы побыть одному. Беда в том, что не дают.

Это была правда.

— Мне и сейчас хочется, — признался он, в который раз чувствуя, что эта девушка каким-то непонятным образом захватывает его врасплох. — Конечно, я многое хотел бы сделать прямо сейчас в своем кабинете. Но это, думаю, только потому, что я новенький в церкви и приходе. Ну, кроме того, я впервые здесь служу самостоятельно, а для этого многое приходится придумывать; на мне большая ответственность...

И снова это прозвучало фальшиво — не то, чтобы совершенная ложь, но просто не совсем правда — не вся правда.

Алли смотрела на него.

— Так здорово остаться одному, наедине с собственными мыслями, — просто сказала она.

— Но мы нуждаемся в людях, Алли, — заметил он, стараясь поддержать разговор. — Чтобы было кому помочь нам в жизни — научить чему следует. Вот, например, твои уроки вождения. Ты делаешь заметные успехи. Скоро сможешь сдать экзамены и получить права, без всяких сложностей, я надеюсь. Вот как люди помогают друг другу!

— Не все люди, — она наклонилась в его сторону. — Только вы. От вас я могу научиться всему на свете.

У него перехватило дыхание. Что она хотела этим сказать?

Будь на ее месте Дженис Писли или даже Ноэллин Фоли, он бы подумал, что это заигрывание — но Алли?..

Словно читая его мысли, она вдруг опять стала ребенком.

— Хотите винограда? — подмигнула она ему и указала на сумку.

Роберт взглянул на нее. Девушка извлекла гроздь винограда и, открыв рот, оторвала одну ягоду снизу.

— Берите. Вкусно!

— Спасибо.

Рука и плечо, пальцы, разрывающие грозди и кладущие ягоды ему на ладонь, — все было золотым, глянцево-коричневым с тончайшим пушком волосков, вспыхивающих как настоящая позолота... На лице выступали пятна соли, а обычно летучие пряди белокурых волос свисали по спине толстыми тяжелыми жгутами. От нее пахло морем. Что-то переполняло его сердце, и он почувствовал возбуждение, настоящее физическое возбуждение, как ни трудно было в это поверить.

— Вам нравится быть священником?

Вопрос застиг его врасплох своей резкостью, будто удар в солнечное сплетение. Он посмотрел на Алли. Ее глаза сверкали, как серо-голубые кусочки льда, и уклониться от их вопроса было невозможно.

— Даже не знаю. Это был мой свободный выбор — но я не уверен, что здесь уместно говорить „нравится-не нравится“...

— Как будто это не совсем подходящая работа для мужчины — если позволено будет спросить?

Он снова задумался.

— Никогда не узнаешь и не поймешь, пока не спросишь, Алли, — выдавил он наконец.

— Есть еще один вопрос. — Она помолчала, обдумывая, как далеко можно заходить. — А священники — они такие же, как другие мужчины?

— Ну конечно, совсем такие же.

— Такие же? Это значит, пьянство, драки, матерщина, вранье, воровство — все что душе угодно?

Ее презрительный тон озадачил его.

— Ну, мы не шахтеры, если ты это хочешь знать. Но мы тоже несовершенны. Нам не приходится нести на себе тяготы жизни под землей со всеми ее бедами, но мы такие же „живые люди“, как ты это называешь! Под воротничком и сутаной скрыты те же человеческие существа. Если в нас хватает честности, мы даже не притворяемся какими-то особыми! Мы такая же плоть и кровь, как и все вы — может, даже в большей мере, потому что нам из первых рук известна человеческая слабость и зло. Мы такие же грешники — всего лишь плоть и кровь.

Она молчала. Несколько смущенный своей горячностью, он бросил на нее косой взгляд.

Она наклонилась вперед и, трогательно обхватив колени, совсем как девочка, глубоко задумалась. Он видел подъем ее мягких округлых плеч, женственное движение и выпуклости груди, каждый изгиб стройного тела, обтянутого купальником.

Он вдруг успокоился, ему стало хорошо с ней рядом. Золотистая кожа ее ног, казалось, светилась в последних теплых лучах солнца. Он подумал, что перед ним совершенное создание Божие, и с восхищением смотрел на застывшую фигуру. И даже после того, как она прошептала легкие слова прощания и удалилась на пляж, он сидел, изумленный красотой меняющегося мира и благодатными щедротами Всемогущего, изливаемыми Им в своей любви на смертного.

12

Стало заметно холоднее. Закончились пикники на пляже. И никаких надежд на ребенка в этом году! Чувствуя, как наваливается знакомая горькая печаль, Клер вошла через боковую дверь пасторского особняка, и в то же мгновение уютное ощущение дома вернуло ей хорошее настроение. Но дом только тогда дом, когда в нем живут люди. О, как славно видеть в доме юное создание! Сейчас Роберт был завален работой и проводил с Алли каждую свободную минуту, настолько поглощенный предстоящим празднованием, что ему было некогда перебраться словом с ней или Джоан. О ком-то заботиться... о ком-то хлопотать и беспокоиться... Иметь рядом человека, который мог бы принять всю любовь и внимание, которое ты можешь ему дать... Улыбаясь в предвкушении благодарной улыбки, с которой, как она знала, ее встретят, Клер толкнула дверь в столовую.

Стоя на коленях на полу, заваленном горами подшивок старых газет, Алли сортировала и раскладывала разлетающиеся желтоватые вырезки в нужные кучки. Она вопросительно посмотрела на входящую Клер: всегда не задает вопросов сама и не заговаривает, пока с ней не заговорят, отметила про себя Клер. Одному Богу известно, что за жизнь у нее дома! Не удивительно, что ей хочется быть с ними все время, не удивительно, что она так привязалась к Роберту, просто глаз с него не сводит. Может, это первая приличная семья, которую бедная девочка видит за всю свою жизнь!

Клер придвинула стул и села.

— Милая, пока я уходила, ты все работала не покладая рук, — в голосе ее чувствовалась теплота, — столько успела переделать! Честное слово, я была уверена, что это займет у тебя недели!

Девушка улыбнулась, настороженное выражение заброшенного подростка явно смягчилось от неожиданной похвалы.

— Мне действительно нравится эта работа, миссис Мейтленд. У меня такой никогда не было. Да и интересно. Я тут столько узнала о Брайтстоуне, — как явились сюда пионеры, сколько трудов пришлось потратить на строительство города, — когда читаешь об этом, все выглядит в каком-то другом свете.

— Что правда, то правда, — согласилась Клер. — Я родилась здесь как и ты, и думала, что все здесь досконально знаю, а сейчас поняла, что это не так. Теперь я не сомневаюсь, что нам действительно есть что отмечать, когда придет июнь — а, благодаря тебе, у нас получится замечательное празднование и найдется, что показать брайтстоунцам из истории их города, когда они придут на выставку.

— Хотите, я сделаю вам чашечку чая, миссис Мейтленд?

— Ах, как это мило с твоей стороны, Алли, но вообще-то я забежала сказать, что сегодня мы не будем тебя задерживать. Уже седьмой час, а сейчас темнеет рано, и мне бы не хотелось, чтобы ты добиралась до дома одна в потемках.

— Да, пожалуй, вы правы, — угасшим голосом согласилась Алли. Последние дни ей не хотелось уходить из пасторского дома, с острой жалостью отметила Клер, — да, в общем, никогда не хотелось.

Словно читая ее мысли, девушка вновь вернулась к грудке бумаг на полу.

— Не хочу бросать все в таком виде — но я скоро пойду.

— Скоро! Боюсь, будет поздно! И потом твой отец, я бы не хотела, чтоб он думал, будто мы перегружаем тебя. — „Или имел повод придирается к тебе“, — с неприязнью подумала Клер. — Пожалуй, попрошу Роберта подвезти тебя домой. Может, заодно он даст тебе по пути еще урок вождения. Он говорит, что ты делаешь поразительные успехи, Алли. Ты действительно замечательная ученица, что и говорить!

Роберт! Отвезет ее домой. И она — лучшая его ученица... Ей было странно слушать, как Клер говорит о нем.

— О нет, не беспокойте его, миссис Мейтленд, это совсем не обязательно, — запротестовала она. Но Клер уже вышла.

— Дорогой?

По выражению ее лица он понял, о чем она собирается попросить его, как только темная головка жены появилась в дверях кабинета.

— Роберт, дорогой, не отвезешь ли ты Алли домой? А то мне как-то боязно, что она пойдет одна в такой темноте.

— Алли?

Он вспомнил последний урок вождения. Потом их встреча на пляже, когда ему было так трудно ответить на ее вопрос — как и самому себе, впрочем... Надо быть осторожнее; надо все время напоминать себе об этом. Лучше бы ему пореже встречаться с ней. Он посмотрел на разбросанные по столу бумаги, словно ему было некогда.

— А она что, не может?..

— О, Роберт, — воскликнула Клер, пораженная его бессердечностью. — Ты же знаешь ее отца! Поль говорит...

А, черт. Опять этот Поль. С минуты на минуту раздастся рев его „доджа“ и он предложит подвезти ее — уж очень эти визиты к сестре подозрительно совпадали с концом рабочего дня Алли в доме священника. Поль. Нет, хватит с него. Он поспешил закрыть вопрос.

— Конечно, я отвезу Алли, куда велишь, Клер. Подожди секунду...

Алли ждала в холле; она явно нервничала, теребя свою сумку, и посмотрела на него неестественно расширенными потемневшими глазами. Опять не хочет идти домой, бедная девочка, и кто будет ее винить, с внезапным сочувствием подумал он. Поль рассказывал ему о том, что этот Калдер известен своими грубыми выходками, драками и ссорами. О, Боже, воистину за грехи отцов отвечают дети.

Он ласково улыбнулся ей.

— Пойдем, Алли.

Та странная атмосфера, которая появлялась, когда они оставались наедине, опять воцарилась между ними, пока они шли к машине. Вечер был удивительный, просто волшебный; на ясном небе висела огромная луна, деревья отбрасывали зыбкие черные тени.

— Я тебе, пожалуй, дам еще один урок вождения, — начал он со смешком. — Боюсь только, в темноте ты наскочишь на дерево! — Она рассмеялась. — И с огорчением должен заметить, что бедная старушка очень изменилась с тех пор, как я купил ее. Правда, она была не новенькая — из вторых рук, а то и из сто вторых! А последнее время она вообще грозит испустить дух!

К его радости мотор завелся сразу, они отъехали от пасторского дома и покатали по мысу. Роберт почувствовал, что настроение ее опять меняется, словно девушка, как морские приливы и отливы, зависела от луны.

— Смотрите, — наконец сказала она, и голос был чуть хриловат от наполнявшего его глубокого неведомого чувства. — Смотрите, — показала она на море. — Вон там, на горизонте корабль.

Сидящий глубоко в воде лайнер, еле различимый на фоне темнеющего неба, мелькнул на светящейся линии горизонта и исчез из поля зрения.

— Куда он уходит?

— Куда? Наверное, в Сидней. А, может, в Мельбурн. А то и в Англию...

— Я не о том. Я хочу сказать, куда он исчез? С детства так и не могла этого понять.

— Что не могла понять? — Голос ее звучал хриловато, и было в нем что-то соблазнительное. Он снова насторожился и следил внимательно за малейшим изменением ее интонации.

— Я вот о чем. Если земля круглая, как нас учили, то откуда эта прямая линия — там, где край?

— Даже не знаю. — Он много чего не знал, когда бывал с ней.

Он ничего не знает, думала она. Даже не знает, что я сижу и думаю о...

— Я тоже не знала, — растягивала она слова, будто говорила в полусне. — Долгие годы не знала. А потом наконец поняла.

Он думал о Галилее, Гершеле^[9], Эйнштейне, о всех великих астрономах прошлого — но Алли Калдер... ее жажда знания, ее борьба за свободу самовыражения по своей силе и важности не уступала им. Однако с таким вот телом — как можно ее воспринимать серьезно? Тело... он попытался взять себя в руки и продолжать разговор.

— Как тебе это удалось, Алли?

Она возвращалась к своей теме, подогреваемая его интересом.

— Однажды ночью я удрала из дома — отец убил бы меня, если б узнал. Я пошла на пляж и стала смотреть, как луна всходила над морем. Я наблюдала всю ночь напролет — не спала, иначе все бы испортила — и вот наутро из-за горизонта появилось солнце. Тогда я поверила.

— Поверила. — Он видел маленькую розовую ладошку, покоящуюся на бедре рядом. Внезапно неистовое острейшее желание схватить ее, поднести к губам и покусывать каждый пальчик пронзило его. Он не посмел шевельнуться, чтобы не нарушить очарование момента.

— Да, поверила. И тогда все приобрело смысл, понимаете? Картинки в книжках с этими сферами, планетами и прочее — и все приобрело смысл, на самом деле, впервые. Видно было, что земля, наша земля — одна из них, и мы не представляем ничего особенного — и какая она необъятная — и в то же время такая маленькая... И потому мы все можем делать что хотим и когда хотим, — голос ее опять изменился. — Мы здесь ненадолго. А нас окружает бесконечность. И я хочу получить от жизни свое, хочу жить и радоваться, прежде, чем умру!

— Радоваться? — настороженным подозрительным голосом спросил он. — Что ты понимаешь под словом „радоваться“?

Ей хотелось закричать, ударить его, оскорбить, чтобы он, наконец, заметил ее. Да почему ты никак не проснешься? — звенело у нее в голове. Почему же ты не видишь, что творится у тебя под носом? Почему же ты не можешь прикоснуться ко мне, обнять меня, поцеловать, почему ты не можешь...

— Что за разговор, — произнес он все тем же наставническим тоном. — Что у нас за разговор! Неужели ни о чем поинтереснее мы не можем поговорить!

Она разрывалась между злостью и послушанием.

— Вы же знаете, что я ни с кем так не разговариваю, как с вами! Я так вообще никогда в жизни не разговаривала! Но вы правы! Что за разговор!

Сердце его наполнила нежность; он улыбнулся.

— Никаких запретных тем, Алли?

У нее вырвался вздох — глубокий-глубокий.

— В вашем мире их слишком много, Роберт. — Он отметил, что впервые она произнесла его имя абсолютно естественно — без смущения, без агрессии, без принуждения.

— Но их не должно быть. Ты сама сказала Мы здесь на земле ненадолго. И должны говорить правду.

Она не ответила. Взгляд ее все еще был прикован к горизонту; отсюда, с высоты мыса открывалась панорама безбрежного спокойного моря, постепенно становящегося пурпурным, потом серым и черным. Сейчас она казалась куда спокойнее, умиротвореннее и ближе; такой он ее не видел. Неужели время, проведенное в их доме, начинало оказывать свое действие? Неужели эти разговоры урывками дали ей почувствовать, что она такая же личность, такая же ценность — что ее благополучие, ее будущее действительно важно ему, ее священнику, ее другу?

— Как-то я забрела сюда одна глухой ночью, прямо на вершину мыса, — вновь заговорила она бесцветным, сонным голосом. — Море открывалось на десятки миль, ночь была ясная. Над водой виднелся светящийся силуэт — и до меня доносились обрывки музыки — ничего прекраснее я в жизни не слышала.

— Музыка?

— Ну да. Вдали плыл огромный корабль — океанский лайнер. На них, наверное, есть свои оркестры, я так полагаю, — а огни — как на новогодней елке. Было так красиво — слов нет, как красиво.

— Я помню. Сам смотрел на них от нашего дома.

Алли вдруг совершенно пробудилась, но была совсем другой. Скосив глаза, она рассмотрела его во мгле.

— Только я уверена, вы не плакали от желания оказаться там, стать одним из тех богачей, что танцуют под музыку на палубе! Вам-то не приходилось молиться о том, чтобы унести за сотни миль, лишь бы подальше отсюда!

— Нет, — ответил он неторопливо, всем сердцем болея за это дитя.

— Ну, а я молилась! И знаете что? — Ему было известно, что она сейчас скажет. — Я и сейчас молюсь об этом! Я хочу жить, жить, пока не умерла. А для этого надо уехать отсюда!

Он не хотел, чтоб она уезжала, он это знал. Но знал также и то, что говорить этого не должен.

— Перед тобой большой мир, Алли. Ты должна взять его, схватить обеими руками. Ты

теперь женщина. Ты должна решать сама за себя. И окружающим тебе людям придется с этим смириться. В жизни многое надо сделать. И нельзя терять время. Чем раньше начать, тем лучше.

— Да, ну а как насчет вас? — Голос ее снова изменился.

— Что насчет меня?

— Вам много надо сделать? Или то, что вы здесь делаете, — цель вашей жизни?

— О Алли! — Зачем обременять ее своими надеждами, своими мечтами, своими страхами и разочарованиями?

— Давайте! Я вам поведала все мои секреты. Теперь расскажите ваши. — Она опять была ребенком, настаивающим, чтоб все было „по-честному“. Но это был вопрос женщины, и на него надо было ответить по-мужски честно.

— Я хочу сделать намного больше, — медленно начал он, — намного больше, чем могу здесь, в Брайтстоуне. Я знаю — мне так много дано — и я мечтаю о более широком поприще.

— О более широком поприще, — он видел, что ей понравилось это выражение. — Но в качестве ли священника? В качестве ли священника?

— О да. — Здесь он чувствовал себя наконец на твердой почве. — Всегда в качестве священника Если, разумеется, Богу будет угодно!

Они мчались по дороге; внизу под обрывом притаился в ожидании город. Она незаметно рассматривала его четко вылепленное лицо с крепкими челюстями, удивительно красивый очерк губ, большую копну светлых волос, спадающих с высокого загорелого лба. Боже правый, ну почему он должен быть священником? Это занятие для куда более пожилых людей, таких как пресвятой Джо, последний и неутешный бенефициарий [\[10\]](#) святого Иуды. Невероятно!

Ему бы быть киногероем. Или, по крайней мере, телезвездой.

Словно читая ее мысли, Роберт улыбнулся одной из своих обворожительных улыбок.

— Обо мне не стоит беспокоиться, Алли. Это вам мы хотим помочь, чем только можем.

В этот момент идущая им навстречу машина стала яростно гудеть, чтобы привлечь их внимание. Через секунду напротив затормозил голубой „додж“ и оттуда высунулась голова Поля. Роберт резко остановил машину.

— Я направлялся в приход, Алли, — крикнул Поль. — Хотел повидать Клер, а заодно подбросить тебя домой. А ты, вижу, уже здесь. Ну, я все равно на мыс. Увидимся там, Роб.

— Это еще бабушка надвое сказала, — проворчал Роберт. Как он и опасался, такая резкая остановка оказалась не по силам его развалюхе. Старушка закашлялась, пару раз дернулась и заглохла. Поль ехидно засмеялся.

— Подожди, сейчас припаркую „Голубую Стрелу“ и приду помочь тебе. А ты пока сугь да дело начинай молить о чуде!

С явным огорчением Алли взяла сумку.

— Я пойду, пожалуй, — бросила она.

Роберт почувствовал себя уязвленным.

— Эх вы, малoverы! — воскликнул он. Выскочив из машины, он поднял капот и полез внутрь. Алли подошла и заглянула в мотор через его плечо.

— У вас и ключа-то нет? А? — не без насмешки заметила она Алли наслаждалась от души его смущением и была не прочь показать ему это.

— О, Господи, — снова застонал он. — Просвети нас во тьме нашей! — У него

появилось нехристианское желание дать машине всемогущего пинка. — Одному дьяволу известно, что с ней!

— А он помалкивает и вам не говорит! — Роберт чувствовал, что Алли вне себя от радости — да и почему бы нет? Много ли развлечений видела она в детстве? Ни братьев, ни нормального отца — вот она и потешается теперь.

— Ты хоть знаешь, чего тут ищешь?

За его спиной с видом эксперта, который с десяти лет разбирал и собирал моторы, вырос Поль.

— А то как же!

У Поля расширились глаза.

— Ну и чего же?

— Помощи и поддержки. В данном случае — твоей.

— Ах вон оно что! А где почтение, Ваше преподобие?

Однако обмен любезностями, радуя, быть может, сердца пассажиров, не оказывал ни малейшего воздействия на машину. Как, впрочем, и все, что бы ни предпринимал Поль. Алли уже начинала ежиться от холода в тоненьком джемпере. Роберт забеспокоился и отвел Поля в сторону.

— Послушай, ты бы не мог отвезти Алли домой, а? Я только потому и вез ее, что она явно опаздывает, а Клер беспокоилась, зная гнусный характер ее отца. Мне бы не хотелось, чтобы она попала в какой-нибудь переплет.

— Что попусту говорить! Я туда и обратно: отвезу ее и к тебе. И без меня ничего не делай — только молись!

Довольный своими прощальными словами, Поль отъехал. Алли сидела рядом.

— Надеюсь, с ним будет все в порядке, — бросила она с нескрываемым беспокойством. — Не по душе мне вот так бросать человека в полном одиночестве.

Поль немного опешил.

— Ты про Роберта? Да что с ним случится?

— Почему ему не могут дать машину поприличнее? — взорвалась она. — Такой человек заслуживает чего-то получше!

— Но он всего лишь местный приходской священник, а не Папа.

В раздражении Поль говорил резче, чем хотел, но ему не нравилось направление, которое принимал разговор.

— Только у епископов приличные машины — это факт. Слава Богу, что он не младший священник, а то колесил бы по городу на велосипеде! Однако за его страдания ему воздастся сторицей!

Она замолчала, насупившись, и никакие попытки разговорить ее не возымели успеха. Только когда подъехали к дому, она вновь оживилась.

— Уж не собираетесь ли вы сворачивать за угол, к самому дому? — забеспокоилась она.

— А что тут такого? Ты ничего плохого не сделала, Алли. — „Ты ни разу не дала мне к себе и пальцем прикоснуться“, — хотел он сказать, но промолчал. — Ну, если хочешь, скажи, где мне остановиться. Да только рано или поздно все равно придется предстать пред светлы очи твоего папочки. Но ты же прямиком из прихода, в конце концов. Нечего, кажется, разводить тут турысы на колесах.

— Конечно.

Ее голова работала с невероятной быстротой и ясностью. Она все еще слышала голос

Роберта, видела искренность и теплоту в его глазах, когда он говорил:

„Теперь ты женщина, Алли, ты сама за себя решаешь, как поступать, и с этим придется считаться“. — Да, Роберт. Он знал, как это должно быть.

— Вон там, Поль. — Лицо ее сияло надеждой. — Высади меня вон там, недалеко от дома Я ничего плохого не сделала. Уж пора ему привыкнуть.

Но Джим Калдер не собирался привыкать к тому, что имело отношение к Полю Эверарду. Первый удар настиг ее прямо в дверях, когда она еще не успела вытащить ключ из замка.

— Ты, лживая сучонка! — шипел он, и от этого голос его был еще страшнее, чем его обычный крик. — Лживая сучка! — Второй чудовищный удар пришелся по щеке, и она пролетела через весь коридор.

— Пап, я не... — полубессознательно она подняла руку, чтобы защищаться.

— Ты смеешь еще угрожать мне? Поднимать руку на отца, грязная телка! — Не спеша он влепил ей пощечину, отчего у нее хрустнули зубы.

— Папа! — Она отлично знала, что жалобы здесь не помогут, а только пуще раззадорят отца, но не могла остановиться. — Пап, не надо... не надо...

— Я видел, как ты подъехала к моему дому на этой его колыхаге и вылезла как ни в чем не бывало, провались я на этом месте, Алли, и перестань мне мозги пудрить!

Она рыдала не столько от боли, сколько от безнадежности всей этой ситуации.

— Мне не к чему врать! — всхлипывала она. — Он не мой дружок. Он мне никто. Просто подвез меня.

— Ты врешь, Алли. — Его голос снова стал страшным. — Ты врешь, я знаю. Я видел машину и его — как он отъезжал от дома.

— Я же пытаюсь объяснить тебе, но ты не слушаешь, — стонала она. — Я была в приходе, и преподобный повез меня домой...

Расчетливо схватив ее лицо левой рукой, он двинул ей в глаз правой.

— Ты снова врешь, — заревел он. — Совсем как твоя мамаша. Вот это могло бы ее отучить от вранья — если б она не сбежала. Она тоже все время говорила, что не выдержит этого. Ты, Алли, тоже не выдержишь этого? А? — С той же обдуманностью он, как художник, наносящий завершающий мазок на свой шедевр, ударил ее в другой глаз. — Вот так, милая девочка!

Она лежала на полу, а он наклонялся над ней, наваливаясь всей тушей; его горячее дыхание обжигало шею.

— Ты не понимаешь, Алли, потому что ты глупая девчонка и ничего не понимаешь в таких делах. Он подъезжает к тебе, чтоб достать меня, этот Эверард. На тебя ему плевать, ты для него только новая шлюшка. Ему нужен я. Но я его насквозь вижу.

Он на секунду замолк, и она теперь чувствовала его тяжелое дыхание на щеке. — Знаешь, что он задумал? Он хочет обрюхатить тебя, сделать тебе ребенка, а потом бросить, как ненужную тряпку, оставив мне его ублюдка. Вот что он замыслил!

Он обхаживал ее теперь с настырностью кобеля, ластящегося к суке:

— Но я раскусил его. Правда ведь, девочка? Хорошая девочка! Ты всегда была хорошей доброй девочкой, Алли. Ты ведь все еще папина дочка? Как и прежде? Папина хорошая дочурка?

В первую же секунду Джоан поняла, что это за письмо. Однако со своей обычной сдержанностью и железным самообладанием не позволила себе сразу же ознакомиться с его содержанием. Ни слова не сказав, она вручила Роберту всю корреспонденцию, а он разложил письма на столике для завтрака, как делал это изо дня в день.

— Вот, одно для тебя, Джоани, и для Клер.

Короткое восклицание Клер нарушило утреннюю тишину.

— Нет, не может быть! Поверить не могу!

— В чем дело?

Клер вспыхнула.

— Знаешь, это приглашение от специалиста, которое я ждала! Приглашение в клинику пройти эти — ты же знаешь — эти тесты. У них оказалось свободное место — что-то там неожиданно изменилось — они могут принять меня в четверг. Но тогда надо ехать завтра — нет, сегодня! Как же я могу уехать на целую неделю, а то и больше, в Сидней и пропустить все празднование Столетия? — Она чуть не плакала от огорчения.

Все растерянно глядели друг на друга.

— Нет, я не могу сейчас ехать, как ни крути, — наконец выдавила из себя Клер; лицо ее от волнения порозовело.

Первой выступила Джоан и высказала то, о чем думали все.

— Но если сейчас откажешься, ты даже не знаешь, получишь ли следующее приглашение.

— Джоан права, — подумав, согласился Роберт. — Ты столько ждала этого, дорогая. Еще полгода...

„...просто убьют меня!“ — подумала Клер. Она понимала, что муж прав.

— Что важнее? — начал Роберт, пытаясь сохранить твердость и вместе с тем помочь Клер разрешить эту дилемму. — В конце концов столетие Брайтстоуна бывает раз в сто лет! Для тебя это — раз в жизни.

— Для нас, Роберт, для нас! — гневно возразила Клер. — Я это все не для себя делаю, ты же знаешь!

— Конечно, знаю, дорогая, — поспешил загладить оплошность Роберт и высказал мысль, которая пришла ему в голову, как только Клер заговорила о клинике. — Я знаю, насколько это важно. И считаю, что ты должна ехать, — твердо сказал он, — я поеду с тобой.

— Ты? — от удивления глаза у Клер расширились. — Но это невозможно, Роберт!

— Почему невозможно? Без меня могут обойтись на церемонии открытия, на открытии выставки. Все и так оценят по заслугам прекрасную работу Алли. Не умрут они без нас и на балу в субботу вечером — все будут от души развлекаться!

— А как же служба — торжественная служба в воскресенье, Роберт, ее-то тебе нельзя пропустить! — вскричала Джоан, в голосе ее чувствовалась тревога. — Кто же может отслужить ее за тебя?

О, если б только Джоан не была столь убеждена в его незаменимости! Однако Роберт сразу понял, что и Клер эту жертву не примет и никогда не согласится с его предложением.

— Ах да, служба, Роберт! Джоан права. Это центральное событие всего празднования. Ее ты ни на кого переложить не можешь. И я никогда не соглашусь, чтобы ты уехал, положив

столько сил на создание общины и все организационные дела.

— Клер! Я еду с тобой! Ты мне важнее всего остального!

— Но и ты мне важнее всего на свете, — лицо Клер светилось решимостью. Ему было знакомо это выражение. — Нет, я не могу тебе это позволить, Роберт Если ты будешь настаивать, я не поеду вовсе!

Они смотрели друг на друга, не зная, что делать.

— Я поеду.

Вмешательство Джоан явилось для обоих неожиданностью.

— Я полагаю, Клер, одной тебе в столь дальнее путешествие ехать не с руки.

И ради каких-то ничтожных, жалких по своим результатам, тестов, подумала она про себя. Разумеется, любой мужчина должен оказать жене поддержку. Но если ей в данном случае удастся заменить Роберта, больше не будет разговоров о его поездке Ну разве можно упустить такую возможность — предстать во всем блеске перед всей общиной, перед всем округом, перед самим епископом. Даже архиепископ намекнул, что не преминет посетить праздничное богослужение, если позволит его плотное расписание. Нет, здесь и говорить не о чем — Роберт должен остаться!

— Я бы очень хотел поехать с тобой, Клер, действительно хотел. Да и отдохнуть не помешает — мы бы в Сиднее кое-что купили, малость развеялись...

Клер смотрела на свою золовку, разрываемая между чувствами вины и благодарности.

— Ты правда поедешь. Джоан? Не буду притворяться, я боюсь ехать одна. Понимаю, как хотелось бы тебе присутствовать на празднествах, но мне просто больше просить некого. Мама еще не оправилась после папиных похорон, да и с ногами у нее плохо... И Роберт тогда мог бы служить...

Для них обеих, думал Роберт, нет ничего на свете важнее. Если он не согласится с таким вариантом, Клер просто-напросто откажется от приглашения гинеколога и без слез и жалоб обречет себя еще на полгода надежд, ожиданий и разъедающих капля за каплей разочарований. В наступившей тишине в голове у него всплыл стих из Притч Соломона: „Надежда, долго не сбывающаяся, томит сердце, а исполняющееся желание — как древо жизни.“^[11]

Да будет так.

— Ты должна ехать, милая, — ласково настаивал он. — И если Джоан поедет с тобой, будем благодарны ей за ее любовь и самопожертвование.

Клер улыбалась, ей хотелось и плакать и смеяться.

— Ты так добр ко мне, Роберт. Так добр. Я только туда и обратно, обещаю. Одна нога здесь — другая там! Я буду тебе звонить каждый день. И очень скучать, дорогой. Мы обе будем скучать, правда, Джоан?

Остаток вторника прошел в спешных сборах, телефонных звонках, дорожных хлопотах и в торопливых попытках не упустить ни одну мелочь в готовящемся праздновании Столетия Брайтстоуна.

— Билетов в спальный вагон нет, Клер, но я забронировала номер, — отоспимся, когда доберемся до Сиднея...

— Мам, пришло приглашение в клинику — да, в Сидней — сегодня вечером, на поезде дальнего следования...

— Роберт, секретарь архиепископа должен позвонить в субботу и сообщить, сможет ли

он прибыть на праздничное богослужение... и не забудь сказать Алли Калдер, чтобы все материалы для выставки она доставила сама, теперь я не смогу проконтролировать ее, не забудешь?

Наконец они уехали, и дом погрузился в непривычное безмолвие. Непривычное, но блаженное. Он бродил из комнаты в комнату — и повсюду господствовала дремотная тишина и осеннее солнце — предоставленный самому себе, радуясь этому чувству одиночества, возможности побыть наедине с самим собой, которая так редко выпадала ему.

— Нельзя, чтобы это превратилось в привычку, — с горечью убеждал он себя, — хотя как может стать привычкой то, чего нет!

Да он и не будет по-настоящему одинок все это время. Ведь у него есть компания. В среду утром должна прийти Алли. Это ее день. Он встал чуть свет и сам удивился, что весело насвистывает и напевает под душем. Позже ему надо было ехать в Брайтстоун, поэтому он особенно тщательно оделся и дольше обычного прихорашивался перед зеркалом. Она, наверное, воспримет это с насмешкой, радостно думал он и с нетерпением ждал, когда Алли войдет в дверь и он увидит ее лицо.

В 9.30 у него екнуло сердце, и он понял, что что-то случилось. Раньше она никогда не опаздывала, наоборот, являлась на работу даже чуть раньше. В 10.30 он позвонил ей домой — и потом через каждый час набирал ее номер. Но тщетно. Телефон не отвечал.

Ближе к вечеру он собрал все книжки с вырезками, аккуратно наклеенные старые фотографии Брайтстоуна, документы прошлых дней, подготовленные Алли для экспозиции, и отвез все в город, где устроители ждали материалы к выставке. Закончив дела, он снова сел в машину. Роберт понимал, что надо быть очень осторожным, если он намеревается побеспокоить Джима Калдера в его берлоге. Собравшись с духом, он подкатил прямо к бунгалу Калдера.

— День добрый!

К его немалому изумлению, навстречу вышел сам Джим; его маленькие глазки подозрительно буравили посетителя.

— Добрый вечер, мистер Калдер. Простите за вторжение. Я просто хочу узнать, где Алли. Она должна была сегодня прийти на работу.

— Да, нет...

Роберт чувствовал, что Калдер лихорадочно ищет ответ.

— Она больна, преподобный. Не могла прийти.

— Больна? Чем?

Пауза.

— Простуда. Схватила простуду.

— Видите ли, мистер Калдер, у нас сейчас в приходе дым коромыслом. Столько работы по подготовке Столетия — мы очень рассчитывали на Алли.

— Ага, вот оно что. Суета сует, преподобный.

Роберта подмывало наброситься на него и выбить правду из его чертовой глотки.

— Позвольте мне поговорить с Алли, мистер Калдер.

— Невозможно, преподобный. Она в ванной.

— Я заскочу попозже.

— Нет смысла, преподобный. Она... она сразу же ляжет в постель...

Молчанье. Вот так: ничья. Все ходы перекрыты.

— Вы, по крайней мере, передайте ей, что я заходил. Очень хотелось бы, чтобы она завтра утром пришла на работу. И так остается одна пятница, чтобы успеть закончить все до праздника. Вы ей передадите?

— Ну конечно, преподобный, конечно. Можете положиться на меня. Как только можно будет, так все и доложу, можете быть уверены.

Он лгал, и Роберт это знал. На следующее утро после тревожной ночи все мысли Роберта вновь были сосредоточены на Алли. Это же глупо и непростительно даже — столько еще дел осталось недоделанных, корил он себя. Мало ли почему юная девушка пропускает день работы. Есть тысячи причин.

— Ради Бога, возьми себя в руки! — приказывал он себе. Но темное предчувствие говорило ему, что уже слишком поздно.

Слишком поздно для чего? Если бы он только знал! Что было делать? Что он мог сделать? Он попытался снова дозвониться, но ничего не получилось. Нельзя же вот так взять и заявиться к Калдеру, обозвать лжецом и потребовать, чтобы тот представил ему Алли. Если бы Клер была здесь — или Джоан! Им бы ничего не стоило заскочить к Калдеру, как бы между делом — и потом на женщину этот одержимый так бы не отреагировал. Но они в Сиднее, и расхлебывать все придется ему самому.

С тяжелым сердцем Роберт медленно побрел к кабинету и попытался заставить себя взяться за работу. Где-то в полдень легкий шум у крыльца нарушил сосредоточенную тишину дома, и он пошел посмотреть, в чем дело. Со второй почтой принесли одно письмо; видно, почтальон заглянул и, увидев, что входная дверь открыта и никого нет, бросил письмо на дубовый поднос. Узнав почерк Клер, Роберт поспешил открыть конверт. Оттуда выпала коротенькая записка „Только что прибыли, доехали отлично, клиника тоже отличная“. Хоть здесь все в порядке, подумалось ему. Слава Богу, хоть Клер в порядке и на месте. А что с Алли?

Ухо его уловило негромкий звук в столовой. Он пересек холл и распахнул дверь. На полу на коленях, склонившись над грудой бумаг, спиной к нему стояла Алли. Роберт почувствовал себя полнейшим идиотом — а он-то совсем извелся.

— Алли! Где это ты пропадала? Я так переволновался!

Она только еще глубже зарылась в свои бумаги; пряди волос совершенно закрывали ее лицо.

— Да все в порядке, — голос ее был ровный, даже монотонный, лишенный эмоций, руки лежали на груди бумаг около колен, и видно было, что она не хочет говорить с ним и даже посмотреть на него.

— Малость простудилась. Вот и все. Сейчас со всем этим разберусь, посмотрю, что осталось для выставки и отнесу туда по дороге домой.

Он замешкался на пороге ощущая какое-то смутное беспокойство, но не понимая его причины.

— Послушай, Алли... я подумал, что кому-то из нас надо было тогда позвонить твоему отцу и сказать, что ты задерживаешься, и объяснить причину. Мне что-то...

— Да все в порядке. Нечего беспокоиться. Никаких проблем... — Снова он почувствовал, как его поставили на место.

— Я беспокоюсь о тебе, Алли, — разозлился он. — А когда увижу твоего отца, то скажу ему. — Он повернулся и хотел выйти.

— Нет! — Крик явно вырвался у нее помимо воли. — Нет! Нет! Не надо!

В два прыжка он очутился перед ней, расшвыривая горы бумаги, схватил за плечи и посмотрел в глаза. То, что увидел Роберт, отбросив белый водопад волос с ее лица, ошеломило его.

— Боже мой, Алли! Что случилось? — В нем закипала ярость, он готов был взорваться. — Кто, черт побери, сделал это?

Только глаза можно было узнать на опухшем от ран и синяков лице, но и в них была такая безнадежная тоска, какой он никогда не видел. Она смотрела на него сквозь щелки глаз, черных и заплывших от побоев. Одна скула была расцарапана, словно девушка ударилась о дверь или стену; а другая — рассечена, причем такую рану явно мог оставить мужской перстень. Губы распухли и посинели. Роберт почувствовал, как к глазам подступили слезы.

А она уже плакала, тихо и безнадежно, как побитый ребенок.

— Ну, ему это так не пройдет! — Он еще никогда не испытывал такого гнева. — Я пойду в полицию, Алли. Я засуну его за решетку — пожизненно!

— О, Роберт! — Даже голос у нее изменился. Казалось, это говорит не юная девушка, а умудренная горьким опытом женщина. — Чего хорошего из этого выйдет?

— Что ты хочешь сказать?

— Он всегда так, когда напьется. Говорит, что я похожа на мать.

— На твою мать?

— Она была танцовщицей — разъезжала с трупой по стране. Они приехали сюда из Америки, но она англичанка. — Теперь ему стало ясно, откуда взялась у нее та неавстралийская интонация, которая так привлекла его. — Он влюбился в нее. Предложил свой дом. Но она не могла его выносить. Нашла другого и сбежала. А он не забыл и не простил. Говорит, что все женщины врожденные лгуны и шлюхи, и это можно только силой выбить из них.

— Но ты, Алли! Ты?

„Ты сама невинность, — вертелось у него на языке. — Как ему в голову могло прийти наказывать тебя, бить...“ Его трясло от негодования И если бы сейчас в дверь вошел Джим Калдер, он прибил бы его на месте. Чтобы человек мог сделать такое...

— О, Алли, бедная девочка, бедняжка, милая...

Чувства в нем смешались и, казалось, весь мир перевернулся. Только сейчас вся боль выплеснула из нее; горькие слезы полились по избитому лицу. Ее слезы отдавались в нем острой болью: он чувствовал, как внутри все кровоточит и разрывается. Девушка боялась поднять на него глаза, ей было стыдно от того, что ее избили, как будто она сама была виновата. Ему хотелось помочь ей, исцелить, вобрать ее в свою душу. Он чувствовал, как маленькое тельце трепещет в его руках, вдыхал нежный, детский запах волос, смешанный с резким запахом горя. С бесконечной нежностью он обнял ее. Она прильнула к нему, погрузилась в его объятье, словно там и родилась. Не выпуская ее, он прижался губами к макушке и погладил гладкие светлые волосы. Потом повернул ее заплаканное лицо и поцеловал в губы.

Время словно остановилось. Радость охватила его душу и отозвалась во всем теле, вырываясь в бесконечность. Он не мог сказать, где кончается его жизнь, его дух, его физическая реальность и начинается ее мир. Она издавала какие-то отрывистые бессмысленные звуки, какие-то животные нежные всхлипы и шепоты, мурлыкая от

восхищения, подставляя его ласкам лицо, как цветок, тянущийся за солнцем. Он вновь и вновь целовал ее, прижимая к себе все крепче и крепче, упиваясь близостью ее тела, всего ее существа, раскрывающегося перед ним подобно девственной земле перед своим покорителем и владыкой. Горячо бьющееся сердце, теплая, прижавшаяся к нему плоть, шелковистая кожа спины, доступная его рукам, благодаря открытому летнему платью, женственная округлость ее бедер — все было покорно его власти, его поклонению, его...

Осознание происходящего обожгло его внезапно, как огонь, а с ним проявился страх, какого он никогда в жизни не испытывал — не за себя, за нее. Разжав объятия, он отступил на шаг.

— Алли! Боже мой! Что я делаю! О, Боже, Боже!

Глаза ее расширились.

— Роберт! Что случилось?

— О, Алли! — Из самой глубины его существа исторгся стон. — Я не должен был делать этого!

— Но почему?

Ее избитое лицо застыло в недоумении, маленький подбородок поднялся с вызовом. Он совсем растерялся.

— Почему?

— Почему не должен, если я хочу этого?

— Но, Алли, разве ты не понимаешь...?

— Роберт, обними меня, целуй — пожалуйста!

Она мучает его, мучает их обоих. Надо прекратить эту боль.

— Алли! Я не должен! Я должен объяснить тебе — почему нельзя...

Она отпрыгнула от него, лицо ее пылало.

— Я понимаю одно! Тебе плевать на меня, на мои чувства! Я для тебя ничего не значу, ничего! — резко повернувшись на пятках, она выскочила из комнаты.

— Алли, да нет! Это не так! Выслушай меня, пожалуйста, выслушай... — Он вдруг пришел в себя и бросился за ней.

Но она оказалась проворней. До его слуха донесся только отдаленный топот ног и стук наружной двери. С поникшей головой, весь дрожа, он вернулся в свой кабинет, чтобы предаться пыткам горьких мыслей.

Так вот что это было! Его попытки помочь ей, его желание стать ей другом — все, все обнаружило теперь свое истинное лицо. Что ввело его в такой соблазн — самонадеянность? Или просто непонимание своей собственной человеческой природы, своих животных инстинктов, своей плоти и крови?

Когда ты впервые возжелал ее, преподобный? — сыпал соль на рану злой демон. Когда ты впервые впустил в себя помысел возлечь между этих стройных бедер? Ну да, ты же хотел быть ей отцом, не так ли? Что же за отец такой, что хочет плоти дочери своей? И при этом мнит, что осуществляет волю Божию и промысел на сей грешной земле? Ты был ближе к ветхому Адаму, он же первый из грешников, первая плоть и кровь — а что за сладкий кусочек плоти она, вот здесь, в твоих руках, а? И ты мог делать с ней все что угодно — не правда ли? — все что угодно...

Он громко стонал, мучимый этой пыткой. Каждая его клетка еще живо помнила стройное тело, прижавшееся к нему, руки еще бродили по шелковой ложбинке ее спины, каждая мышца вторила ее ускорившемуся пульсу. Помимо воспоминаний, он сражался с

бешеным возбуждением собственного тела, откликающегося на эти воспоминания. Вот так воспользоваться доверчивостью девочки! И когда избитая и израненная, она обратилась к нему за утешением и защитой, что же она нашла? Что он такой же, как и все, и не может удержаться, чтобы не распустить руки? Он не лучше ее отца — нет, хуже!

Роберт не мог думать, не мог молиться. Час шел за часом, а его ум, подобно терзаемому на дыбе животному, возвращался усталый на круги своя. Подобной боли он никогда не испытывал. Надо выйти. В ярости выбежал из дома, решив идти, пока не свалится. Солнце уже садилось, день подходил к концу, а он яростно шагал по мысу прочь от Брайтстоуна, держа путь в сторону моря. Совершенно не узнавая местности, он вышел с дальнего конца мыса и побрел по бесконечным дюнам в сторону крутого обрыва над бухтой Крещения. Вокруг, насколько хватало взора, тянулись дюны — чаши белого песка, пустые, как его сознание. На мили кругом не было ни души, даже птица не пролетала над этим пустынным местом. Он брел, словно последнее человеческое существо во вселенной.

Поднявшись на самую большую дюну, он увидел ее. Она стояла на коленях — в позе, наполненной бесконечным отчаянием. словно ледяная рука сжала его сердце. Освещаемая последними лучами вечернего солнца, она повернулась к нему из сияющего песка.

— Алли...

Он помчался к ней. Глаза ее, не моргая, смотрели на него, все ее тело звало к себе. Когда он был уже рядом, она вскочила на ноги и раскрыла ему навстречу свои объятия.

— Роберт! — позвала она мягко, негромко, но с какой-то неистовой силой.

Он брел к ней как слепой: ничто не могло удержать его. Тела их соединились с трепетом изнывающей от ожидания плоти, души встретились, словно спали все оковы, и они обрели друг друга в доверии, всепрощении и любви. Они поцеловались — это был их первый поцелуй, первый поцелуй приятия друг друга как мужчины и женщины. Он гладил ее волосы и целовал багровые кровоподтеки, целовал с неослабевающей силой, осушая ее слезы и смешивая их со своими слезами радости.

— Роберт, прости...

— Милая, тебе не за что просить прощения...

— Я не хотела убегать...

— Я должен был догнать тебя. Должен был найти тебя.

— Я пыталась сказать тебе, Роберт... я хотела, чтобы ты... чтобы ты...

— Шшш... Молчи. Я знаю, Алли, любимая, я знаю...

Нежно, в благоговейном восторге он опустил ее на песчаное дно ложбины. Встав на колени, спустил с плеч тоненькие бретельки платяца и, обнажив груди, склонил пред ними голову, целуя в экстазе каждый розовый сосок.

— Боже, как ты прекрасна! — шептал он. — Как ты прекрасна! — Он содрал с себя рубашку и, отшвырнув ее в сторону, осторожно-осторожно, будто девушка могла разбиться, положил ее на спину.

Груди ее были само совершенство — маленькие и круглые, с розоватыми, словно внутренность раковины, блестящими маленькими сосками не рожавшей женщины. С изумлением обводил он языком каждый кружок нежного в мелких пупырышках венчика вокруг соска, чувствуя дрожь и жар ее тела, несмотря на вечернюю прохладу осеннего воздуха. Глаза ее закрылись, голова откинулась, все тело напряглось и вытянулось в ожидании; с полным доверием, словно маленький ребенок, она отдавалась его ласкам. С бесконечным терпением, нежностью и искусством он доводил ее до полной готовности.

Затем, нашептывая слова любви, стал освобождать от одеяний часть тела, пока скрытую от его глаз.

Но Алли оказалась проворнее. Изогнувшись, движением бедер она сбросила шелестящий хлопок своего платья и вновь откинулась на песок. Сияющее чудо ее тела — блестящее, золотистое, распростертое во всю свою длину и предлагающее свою незапятнанную невинность ему — только ему — на секунду ослепило его. И вдруг всякое беспокойство, вся боль и страх, владевшие им с того момента, как они встретились, покинули его. Он должен тоже обнажиться, быть голым, как она, — первый мужчина и первая женщина в первом саду до того, как время начало свой отсчет. Отбрасывая одежду, он обручал свое тело и душу с ее душой и телом во всей чистоте любви, познавал ее такой, как она есть, и провозглашал своей. Последние слова его были:

— Приди домой, любимая, приди домой.

14

В постели обрели они свой дом. Совершенно одни в теплой, что-то тихо нашептывающей темноте, где души могут быть также обнажены, как и тела, они разделили наконец сладость полного познания друг друга. Он нежно укачивал ее длинное стройное тело русалки, распутывая пряди длинных шелковистых волос, и успокаивал беспокойное биение ее сердца.

— О, Роберт, — рыдала она на его груди. — Такой человек — как ты, и такая, как я...

— Алли, любимая, — шептал он ей в ответ, — во всем мире... во всем мире нет другой такой как ты.

Радость ее росла вместе с распиравшим желанием поделиться заветной тайной.

— Я первая увидела тебя! — ликовала она, и было что-то забавное в том, что это детское хвастовство исторгалось из женского тела, чью глубокую, неутолимую страсть он едва только начал познавать и удовлетворять которую ему еще только предстояло научиться.

— В кафе! Я тогда увидела тебя, и я... — И она внезапно смолкла. Сейчас было не время открывать ему, что она имела на него виды давным-давно.

Но ему, опьяневшему от счастья, до этого не было дела.

— Ты что? — насмешливо толкнул он ее. — Ты увидела меня и влюбилась — ну скажи, Алли!

Она смущенно помолчала, затем чуть заметно кивнула и зарылась лицом в его грудь.

— Я хотела тебя! — исповедовалась она, голос ее звучал глухо, а дыхание согревало его кожу. Восхищенный, он засмеялся.

— Позволь сказать тебе, милая, ты и вполонину не хотела меня так, как я тебя хотел. С тех пор, как увидел!

Словно не веря, он провел пылкой рукой по мягким косточкам ее ключиц, глубокой гладкой ложбинке спины, по нежным выпуклостям ягодиц. Тело ее тут же откликнулось на прикосновение; она прижалась к нему крепче и подставила губы. Поцелуи стали более требовательными и в то же время утоляющими — вечный парадокс плотских желаний — чем больше удовлетворение, тем больше жажда, больше возбуждение, больше, больше, больше...

Левой рукой найдя ее грудь, он протянул правую и стал ласкать гладкие полушария ее ягодиц; проникая между ног, пальцы играли по гладкой как шелк коже и чертили озорные

круги у устья ее пещерки, то прикасаясь, то убегая в древнем, как мир, танце вожделения. У нее мгновенно убыстрилось дыхание. Он чувствовал, как от его прикосновений она увлажняется, чувствовал, как сердце ее колотится быстрее у его груди, как поцелуи из легкого дождика превращаются в страстный шторм.

С неведомой радостью он начинал узнавать не только то, что ей доставляет удовольствие и возбуждает, но и ее темп, ее ритм, значение каждого ее вдоха. Узнавала и она — ответные ласки перестали быть ласками новичка, это были ласки жаждущего, любящего партнера. Она приникала к нему, все сильнее и сильнее возбуждаясь, одна рука впиалась в его плечо, другая путешествовала по его телу вниз, большой палец чуть задержался, чтобы помучить его сосок сладостной пыткой, затем двинулся к сверхчувствительному участку между бедер и оттуда к курчавому треугольнику волос, где он ожидал ее уже во всеоружии.

— О-о-о-о...

Издав вздох глубочайшей радости, управляя собой и каждым своим движением, он перекатил ее на спину и, склонившись над нею, умело соразмерил ее сексуальный ритм со своим.

Вскоре она качала кричать, и крики, горловые, утробные, шли из самой глубины ее естества:

— Роберт! Пожалуйста! О, Роберт, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Ну, пожалуйста!

Осторожно, потому что она была внове для него, он вошел в нее, еще раз испытав всю власть завоевателя, усиленную теперь сладостной данью любви, которой всегда вознаграждают долгожданного освободителя.

Потом они спали, как долго, Роберт не мог сказать. Вдруг она резко проснулась и вся напряглась в его руках.

— Роберт, который час?

— Ах ты, Господи, не знаю!

— Который час?

Она уже соскочила с постели, нащупывая выключатель и одновременно пытаясь собрать разбросанную одежду.

— Алли, в чем дело?

— Мой отец! — задыхаясь, произнесла она, бросая взгляд на свои часы. — Посмотри на время! — Она лихорадочно хватала свою одежду, разбросанную по полу в таком виде, словно здесь было ожесточенное побоище. — Он убил бы меня, если б узнал... если б только подумал...

— Ну, ну, ну! — Роберт скатился с кровати. — Успокойся, Алли, успокойся! Откуда ему знать! Ну подумай, милая, — кто может сказать ему? А вот если ты так понесешься домой — он сразу поймет, что-то случилось, только увидит тебя! Нам надо подумать.

Он нахмурился. Забавляясь его свирепым видом, девушка начала собираться.

— Послушай, — продолжал он. — Что, если так? Почему бы тебе не явиться домой как обычно и не объяснить, что тебя задержали. Скажешь, что у нас было невпроворот работы, а потом я попросил тебя сделать мне что-нибудь поесть, поскольку Джоан и Клер в отъезде. — Он взглянул на часы, стоящие на столике. — Да и не так поздно, всего восемь.

— Ну ладно, на это он клюнет! — Ее личико засветилось надеждой. — А как только я

ему сварганю обед, он вообще будет паинькой.

А что потом?... Она уже была почти одета, совсем готова к выходу. Где-то под ложечкой у него вдруг засосало. Не уходи! — умоляло его тело, не оставляй меня сейчас, не оставляй меня вот так...

— Алли, — медленно выговорил он, — если ты уж собралась идти, я отвезу тебя домой. О'кей, о'кей, я высажу тебя у подножья мыса, не дам ему ни малейшего повода беспокоиться о тебе, но я не могу отпустить тебя вот так. Что бы там ни случилось, обещаю, что сегодня же придешь ко мне. Я хочу тебя, Алли, хочу быть с тобой, любить тебя снова, и снова, и снова, я хочу есть с тобой, пить с тобой, мыться под душем, спать с тобой, просыпаться с тобой. Я хочу тебя, Алли... любимая Алли... возвращайся... возвращайся ко мне домой... скорее... как можно скорее.

Это был четверг. Она пришла к нему этой же ночью и на следующий день, и следующую ночь, убегая из дома, чтобы на рассвете вернуться, пока не проснулся Джим. Дни и ночи, ночи и дни сплелись в один мир без времени, мир над временем, мир над самим миром. Никто не беспокоил пастора, потому что все знали, что его жена с сестрой уехали из города и что он по уши загружен делами по подготовке Столетнего юбилея, который был уже на носу. А Джиму Калдеру дали ясно понять, что какое-то время ему хочешь не хочешь придется перебиваться самому, поскольку события в приходе требовали участия его дочери, и она должна работать полный день ежедневно, — он проглотил это не без тайной гордости, в глубине души теша себя мыслью, что без Калдеров никому в этом городе не удастся обойтись. Тонкая женская ручка воспользовалась случаем и не положила на место телефонную трубку, отрезав тем самым дом от внешних телефонных вторжений. Это осталось незамеченным. И в четверг, и в пятницу, и в пятницу ночью, и в субботнее утро, которое высветило две обнявшиеся, утомленные любовью фигуры в широченной гостеприимной кровати пасторской спальни.

* * *

Поезда дальнего следования редко останавливались в Брайтстоуне, и маленький городок не мог похвастать такой роскошью, как такси. Однако две женщины, сошедшие этим утром с поезда, уже составили план действий.

— Я позвоню Роберту, — сказала Клер. — Думаю, что телефон уже починили. Конечно, рано, но он уже, наверно, встал. Он будет так рад увидеть нас!

— Да, просто фантастика, что мы успели к празднику, — согласилась Джоан. — Меня эта девочка, Алли, все беспокоила — не забудет ли она напечатать этикетки ко всем стендам, забрать старые фотографии из мастерской — столько надо было дел переделать...

Озабоченная Джоан перебирала в голове длинный список нужных дел, когда Клер вернулась из телефонной будки.

— Странно, — с растерянным видом сообщила она, — телефон не отвечает, короткие гудки, будто он занят, значит аппарат также неисправен. Я звонила, звонила, но все без толку.

— Может, Роберт в церкви, — рассеянно откликнулась Джоан. — Забыл положить трубку на место.

— Но не в такую же рань, — Клер на минуту задумалась. — В общем ерунда. Позвоню Полю. У него есть время заехать за нами и отвезти домой до начала смены.

Поль рад, был видеть их целыми и невредимыми.

— Славно, что вы прикатили как раз вовремя — чтобы успеть на бал! — с обычной своей живостью заявил он. — Все будет здорово — жду не дождусь начала!

— Это не единственное событие юбилея, — заметила Джоан наставительным тоном, уязвленная тем, что месяцы ее тяжелых трудов по организации праздника вытеснены куда-то на второй план принципом удовольствия.

Ну почему же она всегда такая скучная и занудная!

— Пожалей нас, бедных, Джоани, — запротестовал Поль. — Неужели ты думаешь, что один-единственный свободный день в неделю трудяга должен тратить на шатание по выставкам? Работягам нужно малость развлечься.

— Ну конечно, — сардонически откликнулась Джоан, но ее ирония была заглушена восторженными криками: показался пасторский дом.

— Спасибо, что подвез, Поль, — поцеловала его Клер. — Увидимся на балу, если не раньше!

Вместе с Клер Джоан поднялась по выщербленным ступенькам крыльца.

— Он еще спит! — с изумлением заметила она, поднимая бутылки с молоком, прокисающим под горячими, несмотря на ранний час, лучами солнца. Они вошли в холл. Всевидящий взгляд Джоан первым делом упал на телефон.

— Вот тебе и „неисправен“, — бросила она, кладя на место трубку. — Пойду гляну, как там насчет завтрака. А ты иди и разбуди Роберта, а то мы опоздаем к началу празднования.

Благодарно улыбаясь, Клер поставила свои вещи и, задумавшись, стала подниматься по лестнице. Как же им с Робертом повезло с Джоан! Подумать только! Такое доброе любящее сердце, всегда готова все взять на себя, все устроить. Она вошла в спальню, сняв у дверей туфли. Боже, как славно быть дома! Спальня оказалась пуста, кровать смята, и все на ней перекручено, будто здесь валялось стадо слонов. Бог ты мой, несладкие же ночи были у бедного Роберта в ее отсутствие!

Что случилось? Она оглядывала спальню с чувством какого-то беспокойства. Что-то изменилось. В воздухе стоял слабый сладковатый запах — откуда? Кто-то был здесь? Может, кто-нибудь из брайтстоунской общины заходил убираться? Но кто? Она несколько деланно рассмеялась. Что могло случиться? Ей начинает мерещиться. Ничего бы не случилось если б она была дома, это ясно. Вдруг Клер услышала звук душа — и смех? Роберт смеется? В душе? Этого сроду не бывало. Выйдя снова на лестницу, она подошла к ванной комнате, постучала в дверь и крикнула:

— Роберт, дорогой, где ты? Мы дома!

Молчание длилось довольно долго. Наконец она услышала, как дверь ванной отворилась и появился Роберт, на нем было только полотенце.

— Вы дома! — удивленно проговорил он. — Вы уже дома!

— Ну да, вот мы и дома! — смеясь, подтвердила Клер. — Но ты, кажется, не рад нашему возвращению. Мы успели на поезд дальнего следования. Я пыталась дозвониться, но ничего не получилось. В общем, я решила сделать тебе сюрприз.

— Это... это в самом деле... сюрприз. — Роберт глубоко вздохнул. Он искал слова, изо всех сил пытаясь овладеть собой. Как они могли вот так взять и вернуться? И почему именно

сейчас? Ничего не замечая, Клер продолжала трещать, полная своих забот, связанных с поездкой, и до другого ей пока не было дела.

— Мне придется еще раз съездить — попозже — может быть, понадобится хирургическое вмешательство, так думает доктор. Моя проблема оказалась такая простая, она выяснилась в первый же день, с первым осмотром. — Клер выдавила из себя улыбку. — Это было в четверг. Ну, а как только мне все сказали, я подумала, мы с Джоани подумали, что лучше вернуться домой и помочь тебе с юбилеем, чем слоняться по Сиднею и тратить попусту деньги, которых у нас не так уж много.

— Да, да, конечно.

Почему он не подошел к ней, не обнял ее, не поцеловал, как делал это всегда? Возьми себя в руки, старик! — яростно взывал он к самому себе. Или ты хочешь, чтоб все взорвалось к чертовой матери? О, Боже! Это ж надо такому случиться! Он заставил себя наконец сделать шаг и прижать ее к груди. Ощущение тела, ставшего вдруг совершенно чужим, было просто ошеломляющим — еще один шок, почти предательство. Но кого он предает? О, Боже, Боже! Боже!

— С тобой все в порядке, Роберт? — „Выглядит он ужасно, — подумала Клер с удивлением, отступая на шаг, — затравленный, изможденный и такой бледный“.

— Я бы встретил вас — я бы встретил вас на вокзале, — горячо проговорил он. — Как жалко, что я не знал, что вы приезжаете.

— Роберт? — ясные чистые глаза словно видели его насквозь. — Что ты делал?

— Что? Что я делал?

— Я знаю, могу тебе сказать...

— Не понимаю, что ты хочешь сказать!

Он выглядит ужасно, подумала она, лицо пепельно-серое, одного цвета с поблекшими взъерошенными пепельно-белыми волосами.

— Я знаю тебя, Роберт. Меня не проведешь. Я знаю, что все это значит.

— Клер, ради Бога! — он чувствовал, как его охватывает злость.

Она добродушно улыбнулась и вздохнула.

— Ладно, ладно, не злись! Но я же вижу, что ты просто переработал, разве не правда? Пытался все сделать сам, раз мы с Джоан уехали? И, конечно, не ел, не спал толком, как только мы отбыли, ведь все так? Чего ж тут удивляться, что вид у тебя такой, будто ты с призраком встретился!

Услышав, в чем его обвиняют, он снова привлек ее к себе и заключил в объятия, покрывая лицо поцелуями.

— О, дорогая, — сокрушенно шептал он ей прямо в макушку, — прости меня! Ты простишь?

— Ах, Роберт! — крепко прижалась к нему Клер, выражая всю свою любовь. — Если ты будешь всегда таким милым, встречая меня, я готова уезжать почаще!

Пол-одиннадцатого... почти одиннадцать. Почему он не звонит?

Почему он не позвонил?

Он сказал, что позвонит. Он обещал.

Нет, он не обещал, во всяком случае на словах. Но разве для этого нужны слова? Они были вместе, как мужчина и женщина, любящие друг друга, а когда она убежала ни свет, ни заря, чтобы успеть домой до того, как проснется отец, — зачем ему было давать какие-то

обещания!

Он просто сказал, что позвонит. В девять, скажем, — чтоб договориться о встрече, тем более что сегодня Столетие. И еще он сказал, что не может вынести, что она уходит, сказал, что...

Конечно, он связан на время праздника, естественно. Но это всего пара дней. А потом опять будет принадлежать ей — навеки — по крайней мере до возвращения жены. „И потом тоже, — пообещала она себе, — не быть мне иначе Алли Калдер. Теперь он мой. Он любит меня, я знаю, что любит, я б знала, даже если б он мне не твердил этого беспрерывно. Он мой. И я его получу, во что бы то ни стало, потому что он меня любит, а не ее и не эту старую лахудру сестру...“

Но почему он не позвонил? Что делает сейчас? О чем думает? Как это он так мог? Как мог?...

— Что, черт побери, происходит здесь с утра пораньше? — ревя, как медведь, ввалился в кухню маявший с похмелья Джим. — Что за дела?

А, головушка раскалывается! — так и подмывало ее поиздеваться над ним. Что, в твоей дурацкой башке выделяет чечетку весь ансамбль Красной Армии? Поделом, старый пьяница!

— Ничего! — только и сказала она.

— Ничего?

Он подозрительно присматривался к ней, вынюхивая что-то, как свинья трюфели.

— Не скажи, что ничего... Что же ты тогда надулась, как мышь на крупу? Ну, говори, что случилось!

— Ничего, — повторила она тихим голосом, вся сжавшись от его въедливых вопросов, — говорю тебе, ничего.

Он отхаркнулся и послал плевков в раковину, в которой она мыла посуду.

— Много шума из ничего, стало быть, — проворчал он. — Ну так и помалкивала бы в тряпочку, ясно? А то шумишь тут. Или я не заслужил тишины и покоя в выходной день? — Он двинулся к двери, но вдруг его осенило. Он вперился глазами в лицо дочери, отыскивая следы, оставленные его рукой: они были видны и невооруженным глазом. — И не забудь привести себя в порядок и принарядиться к сегодняшнему празднику — и рожу наведи — покрасься там и все такое...

Молчание ее было такое презрительное, что даже он отреагировал.

— Я понимаю, ты на меня зуб имеешь, Алли, — в голосе его послышалась привычная смесь угрозы и вины. — Но должен же я за тобой присматривать! Твой отец вправе присматривать за тобой и наставлять на путь истинный. Я это делаю ради тебя же, Алли, потому что я-то знаю, что почем, а ты еще нет. Тебе кажется, что я чересчур суров, но это к твоей же пользе. Ты не знаешь, что за фрукт твоя мать. И потом, ты еще слишком зеленая.

Она кончила мыть посуду, аккуратно сложила полотенце и повернулась к нему. Еще минуту назад ничего не видящие пустые глаза зомби вдруг загорелись яростной ненавистью и презрением.

— А это чья вина? — прошипела она и, проскользнув мимо него, выскочила из кухни. Через мгновение он услышал, как в ее комнате щелкнула задвижка.

Остолбенев от изумления и ярости, он в бешенстве бросился к ее двери и заколотил по хлипкой филенке:

— Алли! Выслушай меня, Алли! Открой дверь, черт бы тебя побрал, и выслушай меня! Я

к вам обращаюсь, мисс. Открой дверь, слышишь? Я кому говорю — открой немедленно дверь!

— Преподобный, добрый день!

— О, миссис Миллигэн — рад вас видеть — как дела дома? Молли, как поживаете? Клер только что пошла к стойке с тортами.

— Грандиозно, святой отец, праздник на славу! Ничего подобного в Брайтстоуне еще не бывало.

— Замечательно, Джорди, рад, что вам нравится. Надеюсь, увидимся на балу.

— Вот это да! Моя старушка уж так этого ждала! Вы только взгляните на ее новый наряд. Он стоил мне недельной зарплаты!

Вокруг церкви, пасторского дома, в саду все так и кипело: праздник в честь Столетия Брайтстоуна был в самом разгаре. Полные восхищения и невинного чувства гражданской гордости брайтстоунцы бродили от стойки к стойке, одобряя одно, отвергая другое, и все сильнее укреплялись в убеждении, что им выпала немалая честь участвовать в событии, видеть которое доводилось немногим счастливчикам, а до следующего такого празднества едва ли кому удастся дожить.

Роберт ходил среди шумной толпы, внешне весь поглощенный происходящим, но душа его при этом испытывала невыносимые муки. Нервы его были на пределе. Где она? Где она? Она должна была прийти, просто должна была быть здесь. Как еще мог он увидеть ее, разговаривать с ней, если она не пришла?

Что могла она подумать, что должна была подумать, когда он не позвонил ей утром, как обещал? После всего того, что произошло между ними, — после сладостных дней и ночей любви, радостных признаний, объяснений и откровений, она прочно поселилась в его сердце и не видеть ее всего только одно утро было настоящей пыткой. Он любил ее, он знал это теперь, знал это всегда.

Но что это за любовь, которая должна таиться, прятаться, бояться чужих глаз? Что может он предложить Алли? Ведь все уже предложено, клятвенно обещано и отдано Клер. Клер? Он чуть не застонал от боли. Что он делает с ней? И почему не захотел даже представить себе, что будет, когда она вернется, тем самым позволив обрушиться этому кошмару на беззащитную голову бедной Алли!

Она доверилась ему, и вот как он расплатился с ней. Сможет ли она простить его? Что за любовь он предлагал ей, когда сам оказался кругом неправ, пытаясь любовью прикрыть безответственность — по отношению к ней и к той, которую любил раньше и сейчас не мог вот так просто бросить и перечеркнуть. Бедная Клер... А Алли, о! Алли!..

Гонимый беспокойством, он рыскал по саду и его окрестностям, пытаясь отыскать ее в толпах, окружающих нарядные цветастые стойки и павильончики, и отчаяние его с каждой минутой усиливалось.

— Домашние пирожные, миссис Грини — о, да, они чудо как хороши. Нет, спасибо, я не хочу, с вашего позволения — мне, кажется, я весь день только и ем...

— Это все твоя работа, Мари-Лу? Не многие девочки в наши дни умеют вышивать тамбуром^[12], да еще так потрясающе. Просто замечательно, что ты свое время и силы отдаешь такому прекрасному занятию — просто прекрасно.

— Мистер Мейтленд! Мистер Мейтленд! Мистер Уилкес хочет знать, когда надо делать жеребьевку дляглавной благотворительной лотереи?..

— Привет, Роберт!

Из припаркованного позади яркого павильончика грузовика Поль вытаскивал бочонки с пивом и катил их к бару, где заправляла привлекательная молодая женщина, чьи фамильярные подмигивания свидетельствовали о том, что она не впервые видит красавчика-шахтера.

— О, Поль... — Что-то мелькнуло в голове у Роберта. — У меня поручение для тебя. Джоан на том конце поля, у стойки с закусками. Она просила передать, чтобы ты помог ей. Она будет счастлива увидеть тебя.

— Ладно, — Поль рассматривал свои ноги с видом человека, который сделал вдруг открытие, что у него такие интересные конечности. — Я малость притомился, помогая здесь Фриде, — улыбающееся смазливое личико подмигнуло еще раз, — но, знаешь что, скажи, что если смогу, буду, ладно?

Однако Роберт был уже далеко, не видя и не слыша ничего, весь поглощенный своими неутомимыми поисками. Но должна же она быть где-то здесь. Она должна быть!

В небольшой толпе, сгрудившейся вокруг стойки с хот-догами, он заметил мелькнувшие льняные волосы. И бросился туда. Но крепкая рука схватила его за плечо.

— Прекрасное собрание, преподобный. Замечательное собрание, что ни говори, а вы как думаете?

Пытаясь подавить вспышку гнева, Роберт взглянул на того, кто его остановил.

— О, мистер Уилкес, миссис Уилкес, рад вас видеть. Наслаждаетесь праздником?

— Более или менее, более или менее.

Уилкес еще не простил Роберту непозволительное вторжение в политику в прощальном слове на похоронах Джорджа Эверарда и хотел ему это показать. Впрочем, с другой стороны, празднование удалось на славу, ничего не скажешь. Что правда, то правда. Хотя не мешало бы сказать преподобному, сколь чреватые его заигрывания с этими беспутными левыми идейками. В общем, надо поощрить за праздник, но не более того. Пусть не задается.

— Церковь, разумеется, извлечет из этого выгоду, — с напыщенным видом изрек он. — Я не говорю уж о церковных сундуках, когда все, полученное от этих стоек, потечет на банковский счет святого Иуды.

— Да, конечно, думаю, вы правы.

Что это с ним, недоумевал и злился хозяин шахты. Столько сил положил на этот праздник, планировал, полгода готовил и вдруг сейчас говорит с таким видом, будто ему на все наплевать и его нисколько бы не взволновало, если б он вложил в это дело миллион долларов, а получил пятьдесят центов. И что это он непрерывно оглядывается по сторонам, смотрит куда-то вверх их голов, словно не хочет достойно поддержать разговор, не говоря уж о том, чтобы сказать пару добрых слов миссис Уилкес! Отбросив даже тень подозрения в неуважении к своей пухлой супруге в развевающейся на ветру очередной неопикуемой вуали, Уилкес сделал следующую существенную попытку продолжить разговор.

— Должен поздравить вас, преподобный, с расширением прихода. Прошное воскресенье на обедне было добрых полсотни прихожан и не меньше на вечерней службе, как я слышал. И немало шахтеров. Очень важно, что вы привлекаете рабочий люд. Они должны понять...

— Извините, пожалуйста!

И он скрылся. Разочарованный и разгневанный Уилкес, открыв рот, смотрел, как преподобный пробирается через очередь у стойки с гамбургерами, задерживается на секунду и исчезает из поля зрения. Глубокая обида и негодование зашевелились в душе мистера

Уилкеса и пустили там корни.

— Ох, этот молодой человек, — мрачно говорил он доверчивой вуали, — Бог знает что мнит о себе и думает, что все пути перед ним открыты, но он забывает, что все ключи в моих руках, и прежде, чем двинуться куда-то, ему надо научиться хорошим манерам и здравому смыслу!

Она здесь. Он видел ее.

Он знал, что она здесь.

Мелькнувшие в толпе льняные волосы унесли его из общества Уилкеса, как стрелу из лука. Но очередь вокруг стойки с гамбургерами рассосалась, покружилась вокруг и снова собралась, и он с горьким разочарованием понял, что белокурые волосы украшают голову юноши ее комплекции и роста. Потеряв ориентир, он остановился, поневоле вовлекаясь в обрывки разговоров.

— Привет... Да, очень хороший день, учитывая время года... Да... нет... Думаю, что вы правы...

Что такое?

На этот раз он видел ее, точно видел боковым зрением. Он вдруг почувствовал, что она здесь. Оставалось ее найти!

Хозяин последней стойки немедленно принялся обрабатывать его, учуяв в нем легкую добычу.

— Сюда, сюда, преподобный, попробуйте-ка свое умение в бросании колец, это чистое удовольствие и весьма полезное, как вам известно. Ну как?

С вымученной улыбкой Роберт подступил к прилавку.

— А вы, леди, подходите тоже, составьте преподобному компанию, не будет же человек в сутане играть в одиночку.

Роберт резко обернулся. Позади него стояла Алли; глаза ее смотрели ему в лицо, а трясущейся рукой — ладонь вперед — она как бы умоляла хозяина балаганчика замолчать. Сердце его чуть не выпрыгнуло из груди, и ему пришлось напрячь все силы, чтобы не сорваться с места и не заключить ее в свои объятия.

— Не говорите мне нет, леди. Я с первого взгляда вижу, что вы любому мужчине можете дать фору, если в настроении, а! Итак, что вы скажете против быстрой партии с преподобным — он поставит доллар, если вы согласитесь играть, не правда ли, преподобный?

Нехотя он согласился. Губы у нее были белые-белые; она встала рядом с ним у стойки и взяла в руки протянутые кольца.

— Ну, покажите свое мастерство, — подначивал зазывала. — Посмотрим, на что вы способны. Пока не попробуешь, не узнаешь, так ведь? — Каждая фраза, каждое слово резали ухо Роберту и ранили, словно ножом; если ему это кажется омерзительным, подумал он, то она, должно быть, умирает от отвращения, выслушивая эту глупую болтовню. — Призы великолепные, все стоят кучу долларов. Ну-ка, выиграйте что-нибудь для леди, преподобный! Все на благо!

Он отвернулся, чтобы проверить все на стойке. Улучив момент, Роберт наклонился к ней.

— Я не знал, что они сегодня утром возвращаются, Алли! — произнес он тихим страстным голосом. — Ты должна поверить мне! Я бы никогда так с тобой не поступил!

— Ах вон как! — Ее глаза, несмотря на косметику, были сильно заплаканы, а на лице написано страдание подло преданного человека. Всем своим видом она показывала, насколько он ей отвратителен. В этот момент хозяин балаганчика снова повернулся к ним.

— Ну давайте, маленькая леди. Покажите преподобному, на что способна женская ручка. — Он захихикал.

Она как будто не слышала его. С явным безразличием запустила одно за другим все свои кольца и промахнулась. Потом стояла и молча ждала, глядя на него, и это молчание действовало сильнее обличительных речей. Как доказать ей... как доказать...

Он внимательно осмотрел полку с товарами, дешевенькими вазами и плюшевыми мишками, куклами и зажигалками — вечной ярмарочной мишурой. Потом поднял первое кольцо, прицелился и, послав его на вершину пирамиды даров, выиграл намеченный приз.

Не выказав изумления, шоумен вручил выигрыш.

— Вот, милостивый государь, извольте — лучший приз нашего заведения. Прекрасный подарок для леди. Настоящие опалы. Сапфиры. Настоящее сапфировое ожерелье на очаровательную шейку.

Он молча протянул ей ожерелье. Она также молча взяла; на ее лице отразились противоречивые чувства, гнев она загнала куда-то вглубь, и только широко раскрытые глаза выдавали затаенную боль. Хозяин балаганчика переключил свое внимание на новых искателей счастья, и на мгновение они остались одни. Он пытался заговорить. Но она опередила его, нервно крутя в руке низку голубых бус.

— Ты думаешь, что можешь купить меня, не так ли?

— Да нет!

— Недорого за неделю развлечений, да еще ни до свиданья, ни спасибо в конце!

Гневные слова растревляли его душу.

— Алли, выслушай меня, пожалуйста, выслушай! Я... я был уверен, что они вернутся только через неделю, не раньше.

— Ну, да — а что потом?

Выражение ее лица достойно было резца скульптора. Ему нечего было сказать. Но он все же сделал попытку.

— Алли, я люблю тебя. Я никого в жизни так не любил, как тебя.

Слова его были обращены к ее спине: Алли уходила прочь.

Брайтстоунский Городской зал, низкое кирпичное здание в центре города, сияло как маяк в ночи. Обычно унылый фасад сейчас светился тысячами лампочек, а огромное полотнище, протянутое через всю улицу, радушно зазывало: „Столетие Брайтстоуна — Торжественный бал — Добро пожаловать!“ Высоко в холодном предзимнем, исхлестанном ветрами небе висела луна и изливала на землю бледный свет. Роберт не мог представить себе, как он проживет ближайшие часы, не говоря уже об оставшейся жизни, без ее любви, без ее прикосновений, без близости ее тела, без нее.

Двигаясь как автомат, он прокладывал путь среди бурлящей толпы к главному входу, следуя за Клер и Джоан. Зал был уже полон: никому не хотелось пропустить событие, о котором говорили как о величайшем в истории Брайтстоуна. Роберт надеялся, что бал немного развлечет его. Потому что больше всего на свете он боялся сейчас остаться наедине

со своими мыслями.

— Клер! Мама спрашивала о тебе — она там у стены, с Джорди и его женой. Роберт, а ты что стоишь как истукан? И ты, Джоан!

Бодрое приветствие Поля выдавало его возбуждение, а немалые усилия, явно потраченные на приведение в порядок своей внешности, свидетельствовали о тех больших надеждах, которые он возлагал на праздник. Клер оглядела его с головы до пят и явно осталась довольна.

— Ты прямо как картинка, если сестре позволительно делать комплимент собственному брату!

— Что ж, придется сжалиться и пригласить тебя на один тур, раз уж этот твой умник-муженек с головой погряз в своих приходских обязанностях, — снисходительно изрек Поль. Он надеялся увидеть Алли — ни одна человеческая душа на добрые сотни миль вокруг не пропустила бы этот бал из балов — так что он мог позволить себе такую щедрость. — И тебя тоже, Джоан!

— Благодарю! — Еще одно из бесчисленных проявлений пренебрежения со стороны Поля Эверарда пронзило сердце Джоан. Этот щегольский наряд, беспокойное ожидание, горящие как у зверя глаза — все это не ей предназначено, и она это понимала. Но кому? Не девчонке же Калдера?

В зале уже вовсю гремел небольшой, но профессиональный оркестр. Когда они влились в жужжащую толпу, ведущий объявлял следующий танец.

— Дамы и господа, вальс — вечно неувядающий вальс.

Я люблю тебя
Всегда,
И любовь моя крепка
Всегда...

— О, Роберт!

Клер смотрела на него сияющими глазами.

— Роберт, где ты? У тебя такой взгляд, будто ты далеко-далеко! О, я так люблю эту песню. Роберт, ну давай! Давай потанцуем!

— Ну конечно.

Совершенно автоматически он взял ее за руку, и они двинулись в центр зала. Его ноздрей коснулся запах ее духов. Знакомый шаг, знакомое чувство близости ее тела пробудили воспоминания о тех днях, когда они танцевали, держали друг друга в объятьях, любили друг друга. Маленькая, упитанная, она немного похудела после смерти отца, но все же была достаточно округла; ему показалось, что она стала раза в два тяжелее. В болезненных грезах он предавался воспоминаниям о другом теле, гибком, стремительном в своей золотисто-коричневой стройности, длинном, о головке, столь великолепно укладывающейся в пространство под его подбородком, а не пребывающей где-то далеко внизу, личико, подставляемое ему, стоило только пожелать поцелуя...

А тело, ее тело...

Боже, мой Боже, грудки, бедра, совершенная спина, само совершенство в своей наготе от макушки до пят... Бог сотворил сию дочь Евы, вылепил эту форму для наслаждения и

восхищения — какой тут может быть грех? Разве может быть дурно то, что так совершенно?

Его охватило полное отчаяние. Он не мог думать, не мог молиться. Только кружил и кружил по скользкому паркету.

Не на час
И не на день,
Милый, верь —
Навсегда.

А в другом конце зала танцевал Поль, держа в своих объятиях Джоан. Значит, подумал Роберт, та, с кем Поль собирался танцевать, еще не появилась. Роберт вяло отметил цинизм этой мысли: он совсем отупел и не реагировал на чувства.

В дальнем углу зала у бара компания возбужденных молодых людей отплясывала, гоготала и резвилась от души.

— Эй, Пит!

— Отвали!

— Что там за милашка, смотри!

Две девчонки наседали на парня, проверяя, боится ли он щекотки. Польщенный их вниманием, он позволял щекотать себя всюду — даже в местах, непозволительных с точки зрения общественной морали. Роберт тупо смотрел на них, ведя Клер по кругу, тело его двигалось в лад с одной женщиной, в то время, как все его мысли были заняты другой, „Вот что ей надо было делать, — думал он, — развлекаться со своими сверстниками, наслаждаться незамысловатыми удовольствиями, как все юные девушки, вместо того, чтобы... все это...“

Придет она сегодня? Он молился, чтоб она пришла, потом молился, чтоб не приходила. И та и другая молитвы, как он прекрасно понимал, были в равной мере тщетны. Как он будет говорить с ней перед лицом всего прихода, жены, брата жены, тещи... Но разве можно было не говорить с женщиной, которая (и об этом свидетельствовала неумолкающая боль) нашла в нем нечто такое, чего до нее ни одна женщина — о, Клер, ни одна женщина — не затрагивала?

— Роберт!

— Да, ах, прости!

Музыка смолкла, и он с отсутствующим видом наступил на ногу Клер.

— Прости... — пробормотал он.

К счастью, что-то другое привлекло в этот момент внимание Клер.

— Нет, вы только посмотрите!

— Что там такое?

— В костюме и при галстукe! Да его не узнаешь!

Он посмотрел туда, куда был направлен ее взгляд. В зал вступал Джим Калдер, прокладывая себе путь сквозь людское коловращение с видом человека, который был владельцем не только танцзала, но и всего города. Его крупное раздавшееся тело было облачено в новенький явно дорогой костюм, волосы отлично причесаны, лицо побрито и умащено кремом. Но презрительно скошенная челюсть и маленькие злые глазки, так и рыскающие по сторонам, яснее слов говорили о том, что явился он не с добрыми

намерениями. Калдер явно настроился учинить скандал и устроить драку. Внезапно Роберта словно что-то ударило: с холодной четкостью он увидел происходящее и все понял. С диким сладострастием самоуничтожения он подумал, как замечательно, что вот так все и кончится, и все это его рук дело! Опозорить жену, сестру, выставив их на посмешище перед всем городом. Отличная работа, преподобный!

Но Джим ни малейшего внимания не обращал на публику.

Из-за его спины, словно чемпион на ринг, выступила Алли; он никогда не видел ее такой и даже не представлял что-нибудь подобное. На ней было короткое черного шелка облегающее платье, подчеркивающее каждый изгиб ее совершенной фигуры. Волосы она собрала в пучок на макушке, открыв свою изящную тонкую шею; в ушах ее сверкали бриллиантовые серьги в форме звездочек. Лицо Алли было до неузнаваемости изменено щедрым употреблением косметики — румянами, тенями, карандашом для глаз, краской для ресниц и бровей. Одному Богу известно, как выглядела она и что чувствовала под этой маской. Смело постукивая каблуками такой неопикуемой высоты, какой брайтстоунцы в жизни не видывали, она вошла в зал.

Первым на глаза ей попался Мик Форд, восседающий за стойкой бара. Достаточно было одного взгляда Алли, чтобы он потянулся к ней, и глазки его загорелись. Но он уже опоздал.

— Не хочешь потанцевать, Алли?

Поль, который как раз в этот момент находился неподалеку от входа, оказался для нее идеальной добычей, коей он с готовностью и стал. Роберту показалось, что, когда Алли под руку с Полем вошла в круг танцующих, воинственно задрал подбородок, словно бросая вызов всему миру, она кинула еле заметный взгляд на него?

— Ну конечно, Поль! — ее восторженный возглас, несомненно, достиг его ушей. Нарочно она мучила его, что ли?

— О, до чего же она мила! — Эта искренняя симпатия Клер только еще больше расстроила его.

— Да.

— А платье! А туфли! Боже мой, она показала Брайтстоуну, что такое мода и вкус!

— Да.

Он знал, что смотрит на нее чересчур пристально — Алли флиртвала с Полем специально, чтоб досадить ему, это было ясно как день! Он сделал над собой усилие, чтоб голос его не дрогнул.

— Она выглядит потрясающе. Это что-то из ряда вон. Мы ее такой даже не знали.

— Но не думаешь же ты, что девушка должна являться на работу в бальном платье, а?

— Я даже не мог подумать, что у нее такое есть.

— О, это все из запасов ее матери. Она все гадала, можно его носить или нет. Как видно, Алли этот вопрос решила. Остается только надеяться, что местные парни сумеют оценить наряд по достоинству. Смотри, милый, вон мама. Пойдем поздороваемся, а потом, я полагаю, придется тебе исполнить свой долг по отношению к нашим пожилым дамам: они никогда в жизни не простят, если ты хотя бы с одной из них не потанцуешь!

Что делать мне,

Когда ты

Далеко,

А я грущу,

Что делать мне?

Склонив с внимательнейшим видом ухо к президенту брайтстоунского союза матерей, Роберт краешком глаза следил за каждым движением Алли, кружащейся в танце. Она теперь постоянно находилась в его поле зрения, и каждый брошенный в ее сторону взгляд был для него чистой пыткой. Весь долгий вечер она переходила из рук в руки, потому что ей не давали пропустить ни одного танца. Алли, безусловно, была королевой бала. Мужчины, для которых до этого дня она была всего лишь „девчушкой Калдера“, сейчас приветствовали появление из куколки редкостной красоты юной женщины.

Вместе с тем в пестрой толпе ее поклонников выделялись своим постоянством двое: Поль Эверард и Мик Форд. Джим, сам же из чисто эгоистических побуждений, в которых сочетались заносчивость с чувством вины, настраивавший Алли „показать им всем“, не мог проглотить открытого и настойчивого ухаживания Поля на глазах всего города прямо у него под носом. Он убедил себя, что его враг сознательно предпочитал обхаживать Алли в припаркованных машинах и на ночных, погруженных во тьму, улицах, и в равной мере был уверен, что стоит Алли узреть ранее презираемого Мика во всем великолепии его субботнего вечернего одеяния, и партия составит сама собой. Недовольство решительностью Поля, — более того, его явным успехом, терзало его, словно разъяренная крыса, забравшаяся в его грудную клетку. И по мере того, как он накачивался пивом, воспоминания о последнем столкновении с Полем Эверардом и унижительном нокдауне от кулака человека, который ему чуть не в сыновья годился, начали оказывать воздействие на омраченную алкоголем голову.

Джим Калдер не единственный следил за подвигами Поля. Джоан Мейтленд в глазах брайтстоунцев „блистала на балу“. Как и Алли, она редко оставалась без партнера и также великолепно выглядела в своем темно-васильковом платье, открывающем гладкую белую шею и спину и подчеркивающим пепельно-белые волосы и красивое лицо.

— Прекрасно выглядите, Джоани!

— Вы сегодня потрясающе!

— От вас глаз нельзя отвести! — Так и сыпались комплименты. Только не от него! Стенала ее душа. Не от него...

Теперь, следя за Алли, она знала уже твердо, что никаких надежд у нее нет — да и не было с момента возвращения Роберта. Поначалу ей казалось, что, если они с Полем будут поближе друг к другу, то рано или поздно она найдет способ дать знать о своих чувствах, которые молчаливо питала к нему — сколько же лет? Слишком долго, как выясняется теперь. Неужели это действительно так? Неужели Поль, зрелый мужчина, мог испытывать к такому ребенку нечто большее, чем мимолетный интерес?

— Разрешите!

И она оказалась в объятиях Мика Форда.

— Что-то давненько вас не видно, Джоани, — заухмылялся он. — А я по вас скучал, вы же знаете. Я всегда был равнодушен к дочке пастора. Да что-то вас последнее время совсем не видно. Где вы пропадали?

— Если бы вы ходили в церковь, Микаэль, то могли меня там увидеть. — Сердясь и досадуя, она старалась не спускать глаз с Поля, в то время как Мик кружил ее со всем щегольством коротышки, решившего показать, на что он способен.

Он был совершенно непробиваем.

— Что правда, то правда, я не великий ходок в церковь. Предоставляю это умникам, вроде вашего брата. Но вы здесь в свое удовольствие, чего нельзя сказать о вашем преподобном братике.

И он кивнул на Роберта, который как раз проходил мимо них, согнувшись под тяжестью повисшей на его руке Молли. Джоан посмотрела туда, куда указал Мик. Глаза Роберта были прикованы к танцующему на площадке Полю, а их выражение потрясло Джоан.

Поль? Почему бы это Роберту наблюдать за Полем? Она украдкой пыталась проследить траекторию его взгляда. Поль развернул свою партнершу, и на сцене появилась Алли Калдер. Она вся покраснелась и была очень оживлена; изгибаясь в кольце сильных рук Поля, она весело смеялась его шуткам. И вдруг в секунду все изменилось. Она перехватила устремленный на нее взгляд Роберта, в котором было столько отчаяния и боли, и вздрогнула, словно ее ударили. Джоан видела, как глаза их встретились, и между ними произошел безмолвный напряженный разговор. Затем Роберт шагнул на площадку и похлопал Поля по спине.

— Разрешите?

Он взял девушку за талию и они застыли неподвижно, словно парализованные, не слыша музыки, погруженные в свой мир. Окружающее будто исчезло, растаяло для них в этот краткий миг остановившегося времени. Для них существовала только безбрежная гулкая тишина и биение их сердец.

— Эй!

Тишина раскололась, рассыпалась вокруг них, как осколки разбитого зеркала.

— Разрешите!

Хохоча от восторга, Поль сграбастал Алли из рук Роберта.

— Если вы не собираетесь танцевать, преподобный, — со смехом вскричал Поль, — я, пожалуй, верну ее!

Но мнение девушки он не спросил. Вся дрожа, она повернулась на каблуках, вырвалась из рук Поля и, плача, бросилась вон из зала.

— Эй, Алли!

Ошеломленный и сбитый с толку Поль побежал за ней. Но у двери путь ему преградила медвежья туша Джима Калдера.

— Что ты сделал с моей дочкой, Эверард? — взревел он. — На сей раз я тебе покажу, — клянусь Богом, на сей раз я тебе покажу!

С досадой Поль уставился на него.

— Ты пьян, Калдер! Не цепляйся ко мне! Я не сказал ничего обидного для Алли. Я хочу только понять, в чем дело! — Он выскочил наружу, крича: — Алли! Алли! Где ты?

В темноте стоянки он увидел сверкнувшие светлые волосы и побежал туда. Девушка плакала; щедро наложенная косметика размазалась пестрыми полосами, цвета смешивались в грязные подтеки. Он попытался успокоить ее дурацкой шуткой.

— Но послушай, Алли, я знаю, что я худший танцор в мире, но...

— Это не ты. Ты тут ни при чем.

— Так что же?

Молчание и слезы.

— Послушай, я могу помочь тебе, Алли... я твой друг... я правда хочу помочь...

Слезы и молчание.

— Давай капельку пройдемся, а? Или хочешь, я от везу тебя домой?

— Никуда ты ее не отвезешь, Эверард! Прежде тебя из города вывезут!

Перед ними, раскачиваясь и махая кулаками, стоял в дымину пьяный Калдер. Разразившись новыми рыданиями, Алли скрылась в ночной тьме.

— Алли! — в отчаянии кричал Поль. — Остановись! Ради Бога!

Люди выбегали из зала: сейчас все соберутся здесь. Поль всячески пытался отделаться от яростно наседающего Калдера. Нет, не лежит душа у него драться с этим пьяницей — он и тогда чуть сквозь землю не провалился от стыда, уложив этого подонка, хоть тот и сам напрашивался! Ах, если бы как-нибудь добраться до Алли...

— Ну, давай, давай, — подзуживал Калдер. — Ведь сам лез на рожон, так и получай. Чего ж это ты, трусил? Вот сейчас и получишь по заслугам, будешь драться или не будешь, Эверард, сейчас самое что ни на есть время!

От этого потока ругательств и проклятий и от бессмысленного размахивания руками его совсем одолела одышка.

— Вбей ты себе в свою тупую башку, Калдер, и уразумей, наконец, — выкрикивал Поль. — Я не хочу драться ни с тобой, ни с кем-либо другим! — Сильно толкнув Калдера в грудь, он воззвал к топчущимся в недоумении вокруг них людям. — Ну-ка, кто-нибудь там, попридержите его! Он тронулся! Не могу же я драться со старым пьяницей!

— Пошли, Джим!

Вездесущий Мик Форд был тут как тут, как всегда на подхвате; обхватив старика за пояс, он повел его прочь.

— Сюда, сюда, ну давай, раз-два.

Он ловко дотащил спотыкающуюся, стенающую тушу до своего фургончика, припаркованного неподалеку, и аккуратно погрузил в открытую часть машины.

— Ну, вот, порядок, Джим, теперь ты не вывалишься. На сегодня убийств хватит, будя!

Ты сделал так,
Что я влюбилась,
А я так не хотела,
А я так не хотела...

В глубине зала оркестрик наигрывал как ни в чем не бывало, даже не заметив разразившегося скандала. Однако желающих танцевать совсем не было. Продрогшие под пронизывающим ветром люди толпились на крыльце, не зная, что предпринять.

— Что случилось с Алли? — раздраженно спросила Клер. — Роберт, я считаю, что тебе надо поехать к Калдерам и посмотреть, все ли с ней в порядке.

Но он не отвечал, с холодным безразличием отметила Джоан. Вместо него ответил Поль.

— Я поеду за ней на „додже“, разыщу и отвезу домой. Она не может далеко уйти.

— И не знаю, — выразила свое сомнение Клер. — Боюсь, не было б беды. Ты же сам знаешь, что действуешь на ее отца, как красная тряпка на быка.

— Ерунда. Он теперь до утра будет пить с Миком Фордом. Я верну ее, и я буду не я, если не докопаюсь, что там так ее достало!

— Выбрось это из головы, Поль. — В голосе Роберта слышалась жесткость, которой

раньше они за ним не замечали. — Просто поезжай и посмотри, все ли с ней в порядке. И позвони мне домой — как бы ни было поздно — скажешь, как она, ясно?

Что-то случилось. Что-то очень неправильное. Все было из рук вон плохо. Никогда Джоан не видела Роберта таким. Казалось, в сердце его ноет незаживающая рана. Всю жизнь прожив рядом с этим человеком, горячо любя и понимая каждое его душевное движение, она всем сердцем болела за брата. Но никогда еще не чувствовала себя такой беспомощной. Чем она может помочь? Если б только знать причину! Если б только знать, как помочь ему. Ведь она всегда умела это сделать!

— Еще кофе, Роберт? — подступала она.

— М-м-м-м? А, нет.

В столовую вошла Клер. Она складывала в сумку учебники, нужные сегодня для работы. Взгляд ее упал на Роберта, с отключенным видом сидящего за столом перед чашкой давно остывшего кофе.

— Бог ты мой, Роберт, ты все еще здесь? Я думала, сегодня твой день посещать госпиталь — навестить шахтеров, пострадавших от обвала.

Он взглянул на нее холодным, почти невидящим взглядом.

— Я думаю, что сам разберусь со своими делами, Клер, спасибо.

Наступила неприятная пауза.

— Да я так, напомнила просто, думала, ты забыл. — После некоторых колебаний решила вставить Клер.

Но его уже и след простыл.

* * *

— Что-то давненько вас не видно, преподобный. По горло были заняты? Еще бы, столько дел с этим Столетием, а? Ну, слава Богу, теперь все позади. На ближайшую сотню лет, правда? Чашечку кофе не желаете, а?

— Да, будьте любезны, Вик.

Он должен увидеть ее. Надо рискнуть. Все лучше, чем это бездействие — от него только боль и боль. И все же явиться в кафе вот так открыто — разумно ли это? Что он здесь делает? Тем более, что еще с улицы он заметил, что ее здесь нет. Может, в подсобке?..

— Лучший кофе, преподобный. Это лучший кофе во всем Брайтстоуне. Вот только попробуйте, сами увидите.

— Благодарю.

— Как поживаете, что поделяваете? Вы что-то выглядите не того, уж извините, что лезу. Не больны ли часом, а?

Роберт подвинул табурет, взял протянутый кофе, уселся за стойку и попытался выдавить из себя улыбку.

— Да нет, все в порядке. Нет такой болезни, которую бы не излечил ваш знаменитый кофе.

В углу за столиком сидели брайтстоунские пожилые дамы, торопясь поделиться

новостями за неделю. Кажется, его прихожанки, как-то тупо отметил Роберт. Не хватает только, чтоб видели, как он гоняется за девчонкой... может, и повезло, что ее нет. Хотя вроде сегодня ее день. Впрочем, полной уверенности в этом не было.

— Выдали все, как я велел?

— Да, Вик.

Он сидел спиной к улице и не слышал, как звякнула дверь. Она входила в молочный бар, с отсутствующим видом направляясь за стойку с сумкой, полной мелочи, наменянной в банке.

— Все монеты, какие вы просили и сколько нужно — вот.

Алли повернулась и увидела его. Встретившись с ним взглядом, она отшатнулась, и все краски исчезли с ее лица. Затем глаза загорелись гневом и яростным негодованием, как тогда, во время праздника. Она повернулась к нему спиной и ушла в подсобное помещение позади стойки.

— Здравствуйте, Алли.

Она не ответила.

Вик был поглощен пересчитыванием мелочи.

— Эй, я тебе, кажется, давал десять баксов, — раздраженно заворчал он. — Где остальные деньги? И принеси преподобному еще кофе!

Двигаясь как робот без всякого выражения на лице, она взяла кофейник и направилась к Роберту. Он бросил взгляд на Вика. Хозяин кафе весь ушел в пересчитывание содержимого пакетиков с монетами.

— Мне надо было повидать тебя! — страстным шепотом начал он.

Она бросила на него взгляд, полный ненависти, и прошипела:

— Заблудились!

Вик поднял голову.

— Ну, чего стоишь там, девушка? У тебя куча дел!

Она пошла прочь. Роберт видел, как она уходит, оставляет его, удаляется.

— Вы часто купаетесь, Вик? — в отчаянии закричал он. — Я люблю ходить на мыс, гулять по берегу, купаться, если можно. Малость холодновато сейчас, конечно, но я все равно каждый вечер туда наведываюсь.

— Не может быть, — пробормотал Вик безразличным голосом.

— Да, да! Почти каждый вечер! На закате лучшее время, я вам скажу!

Он возвысил голос, чтобы его было слышно в подсобном помещении кафе, и почти кричал. Однако не мог быть уверен до конца, что она его слышит. Вик уставился на него в недоумении и даже встревожился, словно преподобный рехнулся. Да, наверное, так оно и было. Бог ты мой, что он делает, таким идиотским способом пытается назначить ей тайное свидание?..

— Роберт!

Это была Молли Эверард. Он сделал неимоверное усилие, чтоб не выдать свое смятение. Что она слышала? И насколько поняла?

— А мы тут с подружками судачим, и вдруг слышу твой голос. Что-нибудь случилось? Что ты здесь делаешь?

— О, просто проезжал мимо, думаю, заскочу, выпью чашечку кофе.

— С тобой все в порядке? — Молли внимательно смотрела на него. — Выглядишь ты не очень...

— Да что вы, все отлично. Отлично. Просто решил выпить чашечку кофе, чтоб взбодриться. Ну, ладно, мне пора. Всего хорошего, Вик. Всего хорошего, Молли. Увидимся.

Молли посмотрела на удаляющуюся фигуру и рассмеялась.

— Да, это не самая лучшая реклама твоему хваленому напитку, Вик!

И они уставились на чашку кофе, так и оставшуюся нетронутой.

Купаться, опять? В такую погоду? Днем, бывает, солнце выглянет на пару часиков, тогда воздух малость нагреется, даже в начале австралийской зимы. Но на закате, простите, теплом и не пахнет. А он купаться. Каждый вечер, всю неделю. Клер недоуменно покачала головой, пересекая холл пасторского дома. Что-то здесь не так. Интересно, знает ли кто-нибудь Джоан — если он ей еще доверяет...

К немалому ее изумлению, вечно занятая Джоан неподвижно сидела в эркере кабинета, выходящего на бухту, и смотрела в море.

— Джоан, чего ты свет не включаешь? Солнце уже садится.

— Да нет, все нормально. Ты уезжаешь?

— Да, к маме. Не знаю, когда вернусь — не ждите меня. Роберт пошел купаться.

— Да, знаю.

Клер помешкала.

— Странно как-то, это купание вдруг ни с того, ни с сего, ты что думаешь?

— Не знаю, что и сказать. — Джоан передернула плечом. — Пройдет. На следующей неделе он уже думать об этом забудет.

Клер улыбнулась.

— Надеюсь, ты права — как всегда. Ну, пока.

— Пока.

* * *

Купаться.

Опять.

Даже Клер — Клер, с головой погрузившаяся в свои печали насчет ребенка, — и та заметила.

А если не купание — то прогулки. Долгие — по два часа и более блуждания по мысу, маршруты, после которых он возвращался домой измотанный физически, но такой же издерганный душевно, о чем свидетельствовали неестественный блеск в глазах и нервозность. Слава Богу, хоть Клер не очень все это замечает: у нее свои ежемесячные разочарования, и каждый раз это как маленькая смерть, после которой наступает период траура. И к тому же Клер так скучает без этой девушки после окончания празднования Столетия; она сама признавалась. Но рано или поздно даже Клер заметит — не сможет не заметить...

Но что? Из окна Джоан видела, как Роберт носится по мысу, словно за ним гонятся все силы ада. В сотый раз пыталась она собрать все в цельную картину и осмыслить то, что ей известно. Роберт переживает какой-то кризис, здесь ее не проведешь. Она видела, как он следил за Полем и этой девушкой на балу. Тогда она впервые обратила внимание на то, как странно он себя ведет. Здесь явно что-то не то.

Ну, положим, тогда он впервые понял, что Поль в своих чувствах зашел слишком далеко. А он не мог допустить, чтобы его шурин, брат Клер, связывался с этой девицей. Девочка рассказывала Клер о своей матери и родственниках (вернее, отсутствии таковых!), к тому же Роберт теперь познакомился с ее драгоценным папашей.

Он что-то знает — это как пить дать! — что-то ужасное об этой девушке и ее семейке, какую-то страшную тайну ее прошлого, и поэтому всеми силами пытается не дать Полю влезать в эту историю. И уж, само собой, он не может рассказать об этом, и в первую очередь Полю, пока, во всяком случае, не выяснит, действительно ли намерения Поля в отношении этой особы достаточно серьезны в матримониальном плане или это его очередное увлечение в бесконечной веренице флирта и побед, никуда не ведущих и ничем не кончающихся.

И потом Клер. Эта чертова девица замешана и здесь, со злобой думала Джоан. Любой муж будет обеспокоен чувствами своей жены, столкнувшейся с угрозой бесплодия. Когда эта девушка была здесь, Клер казалась счастливой, от этого никуда не уйдешь. „И вообще, то была прежде всего идея Клер — пригласить сюда девчонку, я бы и на порог не подпустила эту маленькую шлюшку!“ — злобно ярилась Джоан, — хотя — ну да, конечно! Ведь это Поль порекомендовал и ввел ее в пасторский дом...

Итак, все было распрекрасно, пока она находилась здесь. И вот ее нет. Не пытается ли Роберт заполучить девицу обратно каким-нибудь образом, так, чтоб она была здесь уже на законных основаниях во ублажение Клер? Как все это устроить, на какие средства: денежные затруднения давали себя знать все более настойчиво после всех этих расходов, связанных с поездкой в Сидней, квартальных счетов, посыпавшихся в связи со сменой сезона и началом затяжной зимы, и еще эта машина, которая становится все менее и менее надежной?

Каждое из этих соображений могло быть реально — а то и все они вместе. Но это не все. Она знала, есть что-то еще. Маленькое облачко страха замаячило в ее сознании. Торжественная служба в честь Столетия явилась воистину большим успехом, об этом говорили все. Она была прекрасно организована и как никогда блестяще проведена Робертом — выбор песнопений, новые молитвы, специально им написанные к случаю, и особенно трогательная, сильная и проникновенная проповедь, потрясшая всю паству. Но архиепископ не явился. А епископ, хотя это и лестно, прибыл прямо к началу службы и отбыл фактически сразу же по ее окончании, якобы призываемый другими заботами. И с этого воскресного вечера Роберт в таком подавленном состоянии — столь задерганный и раздражительный.

Да вот, кажется, где собака зарыта! Вот оно! Уж кому как не ей знать, насколько честолюбив Роберт, как жаждет он продвижения, лучшего места, более широкого поля деятельности, более многолюдной паствы, более достойного поприща для его веры и дела. Она знала это так хорошо, потому что сама желала для него того же, об этом только и мечтала. Он почувствовал, что две высокие и могущественные особы пренебрегли им. А значит, впереди еще пять, десять, а то и двадцать пять лет в Брайтстоуне, как это было с его отцом. И душа его вошла во тьму ночи.

Джоан сжала губы и невидящими глазами смотрела на угасающий свет низкого мерцающего солнца. Роберт терял веру — веру в себя и в будущее. Но сейчас ему нельзя позволить ошибиться или споткнуться! В ее руке поводья не дрогнут, она доведет его до той возвышенной цели, к которой он стремится: она завоюет ему то, что, по ее убеждению, он

мог завоевать. Удача у него под ногами — стоит только нагнуться. Все, что для этого требуется, — неколебимая вера в себя и в светлое будущее. Он нуждается в духовном водительстве и утешении, ему сейчас как раз не хватает того, что он с такой щедростью изливает на других из сокровищницы своей души.

„Но я могу сделать это для тебя, Роберт, — поклялась она. — Я буду с тобой, как всегда. Ты не останешься в одиночестве. Бог посылает твоей душе водителя и утешителя — сейчас, в минуту нужды. Я приду к тебе — буду с тобой — как всегда“.

Солнце опускалось в море. Нельзя терять ни минуты. Приняв окончательное решение, Джоан повернулась и вышла из комнаты. Через минуту боковая дверь пасторского дома тихо отворилась; из нее выскользнула высокая стройная фигурка и быстрым шагом двинулась по следам любителя ночных прогулок в сторону моря.

Она там, он знал.

Там, над бухтой Крушения, у подножия дюн она будет этой ночью.

Не может не быть.

В невероятном возбуждении он устремился по жесткой траве к высокому берегу, совершенно не задумываясь, что ноги его торопливо ступают по краю обрыва, а внизу в непроглядной глубине ждут его неверного шага пики коварных скал.

Сегодня она будет там. Неважно, что он твердил себе это каждый вечер всю неделю. Неважно, что он не смог прийти в воскресенье, потому что надо было служить вечерню, хотя каждое мгновение этой умиротворяющей величавой службы, каждое слово и каждая нота небесного пения и музыки словно жгли раскаленным железом его исстрадавшуюся душу. Она должна была знать, что в этот вечер он занят. Она не могла прийти в воскресенье. А сегодня придет. Он знал, что придет. Не могла не прийти.

Он пошел к дюнам. Как большие чаши, они простирались перед ним на мили, пустынные, как никогда, в беспросветности зимы, под необъятным куполом небес, словно в ожидании конца света. Она должна быть где-то здесь. Затаив дыхание, он начал поиски.

Какая из сотен этих огромных песчаных чаш, тянувшихся на мили вдоль берега, послужила им укрытием в ту первую встречу здесь? Если бы только знать! Она, несомненно, там. Просто надо найти ее.

Вскарабкиваясь на гребень каждой дюны, он каждый раз испытывал новую горечь разочарования, оставляющую привкус желчи во рту; раз за разом только белый песок открывался его взору под издевательский шепот моря. Но за каждой дюной вырастала другая, а за второй третья, и каждая манила обретением надежды, и каждая таила очередной ужасный обман...

А он все шел, голая пустыня начинала холодить его сердце. Алли нигде не было.

Дальше и дальше. Она не пришла. Он был один, один-одинешенек, брошен на произвол судьбы. Боже мой, Боже мой, почему ты меня оставил... меня оставил...

Впереди, далеко на горизонте вечернее солнце спустилось в воду. Свет почти сразу померк, и пронзительный холодный ветер с моря прохватил его до костей. Упав на колени в холодный песок, он уронил голову на руки. Алли, о, Алли! Где ты? Где ты?

Время застыло. Но она уже была там, о, Боже, она здесь, ее теплые руки обвили его шею, губы ее поцелуют разгоняют его скорбь тысячью беззвучных слов печали и сожаления.

— Алли! Любовь моя — сердце мое!

Они слились в поцелуе любовников, изголодавшихся друг по другу от начала времен. Потом она отстранилась.

— Роберт...

Слезы ее были слезами ребенка, но лицо потемнело решимостью взрослого. Он страстно прижал ее к себе.

— Я знаю, Алли, я знаю. Но ты должна понять одну вещь. Для меня это не интрижка, не „романчик“. Я люблю тебя, дорогая Алли, и не могу позволить тебе уйти. Не знаю, что будет — не знаю, как я все это разрешу. Но не смей, — он гневно потряс ее, — никогда не смей думать, что это для меня мимолетное увлечение.

Вместо ответа она подняла к нему свое лицо и взяла обеими руками его голову. С жадностью он приник к ее губам, впиваясь в их мягкую податливость, чувствуя легкие касания ее упругого язычка. Волосы шелковыми прядями рассыпались под его пальцами, ее затылок уютно уместился в чаше его ладони, как будто специально для этого созданной. Крепко, как это делают дети, она обвила руками его шею и, сцепив руки, сжала.

— Не позволяй мне уйти, Роберт, — шептала она. — Никогда, никогда не позволяй мне уходить!

В ответ он поднял ее на ноги, обнял и в любовной истоме принялся гладить ее плечи, глубокую длинную ложбинку спины... Руки его опустились на ее ягодицы; восторгаясь красотой юного тела, он обхватил ладонями их упругие полушария, лаская большими пальцами ямочки. Она застонала и положила голову ему на грудь. Он почувствовал сквозь рубашку прикосновение ее сосков, и душа его вознеслась.

Он стянул ее тенниску, затем расстегнул пуговицы на юбке, и та упала на песок. Она предстала перед ним обнаженная, готовая к любви. Стройную фигуру золотили последние лучи заходящего солнца; она казалась ему Венерой, возникающей из моря. Запутавшись в пуговицах рубашки, он рывком сорвал ее с себя и швырнул на песок; затем, высвободившись из остальной одежды, бережно уложил Алли на импровизированную постель.

Она приникла к нему — в любви, в страхе, и что здесь было сильнее, сказать невозможно. Внимательно, нежно ласкал он ее, нашептывая на ухо слова любви и покрывая бешеными страстными поцелуями каждую клеточку ее тела. Касаться ее, чувствовать ее, обладать ею — вся душа его жаждала этого с таким неистовством, о котором он даже не подозревал. В каждом поцелуе, каждом прикосновении извергалась лава всю жизнь таимой под спудом любви. С каждым касанием Алли возбуждалась все сильнее, дыхание ее становилось отрывистым, и наконец она открыла объятия и закричала из самой глубины своего существа, всем своим жаждущим юным телом и душой.

— Роберт!

Для его восторженного слуха этот крик, когда он входил в нее, был криком души, возносящейся к блаженству, и ей откликнулась, возносясь, его душа.

Но для безмолвного свидетеля, который следовал за ним от дверей пасторского дома до обрыва, это был вопль женщины-дьявола, явившейся из печи огненной, дабы схватить неосторожного грешника и низвергнуть его в ад.

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя.

Простые и древние как мир слова влюбленных звучали вновь и вновь; они лежали, держа друг друга в объятиях. Но потом пришли другие слова, полные темного страха.

— Что нам делать, Роберт? О, Роберт, что с нами будет? Что нам делать?

— Не знаю.

— Придумай что-нибудь.

Он застонал. С каждой минутой становилось прохладнее, и она дрожала в его руках. Он должен был где-то укрыть ее... укрыть от близящихся зимних бурь... Он глубоко вздохнул и еще крепче прижал ее к себе.

— Я никогда не думал, что может произойти что-либо подобное, Алли. До тебя для меня существовала одна лишь женщина. Я никого не любил в жизни — кроме Клер, моей жены. — Она вся сжалась при упоминании ее имени, но он, не замечая, продолжал. — Мне и в голову не приходило, что у меня может быть кто-то, кроме нее.

— Так ты думаешь о Клер? — негромко спросила она.

— Разумеется, нет! Я думаю о Боге — о служении Ему, о Его воле. После смерти родителей у меня было только одно желание — служить Ему, а теперь...

— А как же со мной? Ты же говорил, что любишь меня! — Она яростно колотила кулачками по его груди.

— Но это правда! Бог знает, как я люблю тебя! Больше, чем... — он закусил губу.

— Чем что? — „Больше, чем ее?“ — хотела она спросить, но не решилась. — Потому что я так люблю тебя! И не хочу терять тебя, Роберт.

— Нет, Алли, нет! — Роберт чувствовал, что почва уходит у него из-под ног; он пытался собраться с духом ради нее, если не ради себя. — Я пытаюсь смотреть дальше сегодняшнего дня, Алли, — я пытаюсь. Я должен думать о тебе. С того момента, как я... мы полюбили друг друга — я живу в страхе, что это дурно. Ты, я уверен, чувствуешь то же самое.

— Как может быть дурно то, что так прекрасно?

Она будто читала его мысли. Ему нечего было на это ответить.

— Мы найдем выход — правда ведь? Правда ведь? Я не могу потерять тебя, Роберт, не могу! Я люблю тебя!

— О, Алли! — вновь простонал он.

— И ты любишь меня. Я знаю, любишь.

— Люблю? Не то слово. Алли, я вижу тебя повсюду — на улице, во сне. Я думаю о тебе бесконечно.

— Значит, ты тоже любишь меня. — Яростная решимость проступила на ее лице, серо-голубые глаза потемнели и вспыхнули металлическим блеском. Он ее, ее! И будет принадлежать ей — несмотря на Клер! Она гладила его лицо, шею, все длинное, крепкое тело. Если и был на свете мужчина, за которого стоило бороться, так только он. — Если ты любишь меня, нам все это по силам. Ты нужен мне, Роберт! И я уверена, что никто больше мне не нужен до самой смерти.

— Я знаю. Только дай мне немного времени...

— Но времени нет! Я больше этого не выдержу, ты мне нужен сейчас! А что, если мой отец догадается? Это может случиться в любую минуту!

Время... время...

Возвращаясь домой, Роберт лихорадочно перебирал все варианты. Если он... нет, это невозможно. А если... нет, он не мог так поступить. Клер этого не вынесет. А что, если... О,

нет, нет, нет! — вопили каменные стены, окружавшие его со всех сторон. — Ты в ловушке! В ловушке. Выхода нет! Выхода нет! И нет времени!

Услышав стук входной двери, Джоан вышла из столовой. Глаза ее были суровы и ярко сияли.

— Хорошо искупался?

— Что? Ах да. — Он поспешил к лестнице. — Я в душ и переоденусь.

Но Джоан преградила ему путь.

— Немножко смешно, не кажется ли тебе — купаться ночью в такую холодину? А ты не думаешь, что это может быть опасно?

Он попытался собраться с мыслями.

— Да... но это хорошее упражнение. Помогает расслабиться. А то я что-то не очень хорошо сплю последнее время.

— Не думаешь ли ты, что эти упражнения с купаньем зашли чересчур далеко?

Роберт почувствовал, как его сердце сжала ледяная длань.

— Быть может. Я быстренько под душ, а потом ты, Клер и я пообедаем вместе...

— Клер нет дома. Она у матери. И слава Богу.

На ее бледном лице отразилось сильное волнение, а глаза засверкали, как у змеи. Темное предчувствие катастрофы охватило его.

— Ты отдаешь себе отчет, что ты делаешь, Роберт? — со стоном выкрикнула Джоан, и видно было, какую боль причиняет ей каждый слог. — И кто! Кто? Ты, Роберт Мейтленд! И не просто женатый человек — не просто тот, кто должен быть выше этого — выше всей этой грязи! — но служитель церкви — служитель Божий!

Его гнев был не менее яростен.

— Джоан, это не твое дело!

Но она уже носилась по лабиринту собственного безумия.

— Как ты мог до этого дойти? — изрыгала она. — После всего, что случилось! После всего, что я сделала! — Она в отчаянии ломала руки. — Разве ты не понимаешь, что за это тебя следует вышвырнуть?

— Джоан, я...

— Не понимаешь?

— Я...

— Не понимаешь?

Вопли ее разносились по всему дому.

— И из-за кого — из-за этой девчонки! Ооо, молоко еще на губах не обсохло, а уже туда же; как она тут подмазывалась к твоей жене. „Да, миссис Мейтленд, нет, миссис Мейтленд“. — Лицо ее исказила ярость и злоба. — А сама в это время метила стать второй миссис Мейтленд! Сопливая шлюшка! Блудня, охотница на мужиков, как и ее распрекрасная мамочка Сколько мужиков у нее, кроме тебя, как ты думаешь, простофиля!

В глазах у него потемнело. Он удержал свой разъяренный кулак буквально в сантиметре от лица Джоан.

— Не смей так о ней говорить!

— Ну, давай, давай! — обезумев, выкрикивала она. — Давай, ударь меня! Ты же хотел ударить, так ведь? Хорошая вздрючка, и все в порядке? И ей того надо. Таких мужиков она любит, не ясно, что ли? Грубых, как ее папаша.

— Нет!

— Да, миленький, да! И это она делает из тебя, если ты не настолько потерял голову, чтоб видеть!

— Джоан...

— Что „Джоан, Джоан!“? Я для тебя никто отныне и никем не буду, раз ты выбрал ее Тебе крышка!

Он чувствовал, как снова в нем поднимается волна гнева и собрал все силы, чтобы взять себя в руки и успокоиться.

— Джоан, ты не понимаешь!

— Нет уж, понимаю, еще как понимаю! — Она побагровела и тяжело дышала, лицо и шея пошли безобразными пятнами, но в глазах ее светилось торжество бегуна, который уже видит впереди заветный финиш и победу.

— Я все понимаю — гораздо лучше, чем ты. — Она остановилась на секунду и схватила его за руку; ногти врезались в его кожу. — Если ты сейчас же не бросишь эту маленькую сучку — не прекратишь это сумасшествие — сию минуту! — тебе крышка! Твой брак, твоя карьера — все! Я скажу Клер. Я сообщу епископу и архиепископу. Я доложу Молли Эверард. И скажу мистеру Уилкесу. Хотела бы я посмотреть, как ты будешь служить в Брайтстоуне — или где бы то ни было на этом острове — после всего этого!

Она словно зажала в тиски его сердце, его душу, его достоинство и с наслаждением поворачивала винт.

— Джоан, ради Бога, выслушай!

Она взглянула на него с безграничным презрением.

— Ты слышал, что я сказала. И ты знаешь, я сделаю это.

Он знал.

— А что будет?..

Еще один испепеляющий взгляд.

— Ничего не будет. Я умею держать язык за зубами, когда надо. Никто слова от меня не услышит, ни одна душа не узнает. И она в том числе. — Джоан чуть не выплюнула слово. — Она не такая дура, чтоб лишиться себя возможности дурачить других мужиков! Эта девица не будет портить себе будущее. С такими дуралеями, как Поль Эверард, который бегаёт за ней, высунув язык!

Так вот в чем дело! Тысячи намеков, маленьких незначительных деталей промелькнули у него перед глазами, и он проклял свою былую слепоту. Бедная Джоан и ее безнадежная отвергнутая любовь. Гнев сменила жалость. Бедная несчастная Джоан. По крайней мере Алли была полностью его, она не любила другого!

— Джоан, я знаю, как это все выглядит со стороны. Ты думаешь, я не размышлял об этом? Да я ни о чем другом думать не могу! Ночи напролет думаю только об этом — и о ней...

Она подозрительно смотрела на него и молчала. Он собрал все свое мужество, чтобы сделать самый серьезный, самый замечательный шаг в своей жизни.

— Но одно знаю твердо — я не могу ее потерять. И я найду выход...

— Ты не сможешь! Потому что выхода нет! Ты себя обманываешь, Роберт, чего ты никогда раньше не делал, никогда в жизни! Что бы ни нашептывали злые демоны, нет и никогда не было способа выпутаться из подобной ситуации, иметь сразу любовницу и жену, и еще чтоб при этом все вокруг плакали от счастья!

Ему нечего было сказать.

— У тебя нет волшебной палочки, Роберт, или ты запутался в трех соснах? Ты просто не ведаешь, что творишь!

— Время, Джоан, — единственное, что мне нужно. Дай мне немного времени!

— У тебя нет времени! У тебя нет времени! Уж не думаешь ли ты, что я буду лгать, покрывать тебя, сидеть за одним столом с тобой и твоей женой и делать вид, что ничего не случилось, пока ты будешь ломать голову, как вывернуться? Не получится! Есть только один выход. Тот, который я тебе предлагаю. Иначе я всем расскажу, и начну с Клер, как только она переступит порог!

Клер. Нет. Он не может позволить втянуть ее в это. Лично он — он в этом был уверен — готов на все. Но он не может играть жизнью, счастьем и душевным спокойствием Клер.

Придется согласиться — по крайней мере сейчас. Это единственный способ выиграть время, которое сейчас нужно больше всего на свете. Но он в аду. И никогда, до конца жизни ему не выбраться из него.

Губы Джоан искривились в болезненной мстительной улыбке — она чуяла близкую победу. А условия ставит победитель.

— Отныне всякая связь с этой девицей прекращается, прерывается, кончается. Не разговаривать с ней, не видеть ее. Если она позвонит — кладешь трубку. Если пишет — отдаешь письмо в мое полное распоряжение. Встретишь в городе — переходишь дорогу и идешь другой стороной. Если она бросится в море с утеса — не отслужишь по ней панихиду!

Злоба ее превосходила всякое разумение. Каждое слово вонзалось, словно гвоздь, в его сердце. Роберта трясло, но он не мог, не хотел плакать. Все иссохло в его душе. Ибо с безошибочным чутьем она нащупала корень его бытия и безжалостно подрубила его.

Воистину духи тьмы и разрушения вырвались на свободу в Брайтстоуне в эту ночь. Злоба удрученных наблюдателей и караульчиков, бешеная зависть одиноких душ, обреченных влачить существование в тени чужого счастья, — все требовало выхода. Яд обиды, оскорбленной и отвергнутой любви копился и готов был излиться на чью-то голову; отравляющие пары его могли погубить и невинных.

На многие годы осталось в памяти Поля Эверарда чувство беспокойства, которое гнало его в тот вечер из дома матери, где он мог бы мирно провести время и затем отправиться на боковую, как бывало тысячи раз. Это же чувство увело его из паба, где он скоротал бы вечер без особых забот и приключений, и не позволило остановить свой выбор на одной из подружек, чтобы разрядить накопившуюся горечь и неудовлетворенность. И именно это беспокойство толкнуло его в голубой „додж“ и направило в сторону дома Алли Калдер.

Почему продолжает он бегать за девушкой, которая ясно дала ему понять, что не любит его, ни капельки не интересуется им? В ту ночь после бала он поехал за ней на машине и легко догнал: высоченные каблуки не очень способствовали бегству. В то недолгое время, пока он вез ее домой, она наотрез отказалась довериться ему, хотя бы в качестве друга; и все надежды на то, что она поделится с ним своими бедами, поплачет на его мужественном плече и в конце концов растает в его объятьях — рухнули и превратились в прах.

Алли, не моргнув глазом, заявила, что не хочет больше видеть его, даже в качестве друга. Она не любит его — не может любить — и даже не представляет, что когда-нибудь полюбит. Как, впрочем, и любого другого человека в Брайтстоуне, выдохнула она — на что он не обратил особого внимания, потому что это было для него малым утешением.

Поль должен был признаться себе, что все-таки надеялся. Надеялся завоевать ее

внимание, заставить полюбить себя. Он мечтал о маленьком, уютном, чистеньком домике, грезил о любящих, сияющих глазах — этих и только этих, и никаких других в мире, — устремленных на него, когда он возвращается с работы, представлял, как поднимает малышку, покрывает поцелуями и несет наверх, чтобы насладиться любовной игрой, одной из многих за вечер, после чего, усталые и счастливые, они, наконец, предаются сну. А потом посыплется детишки — мальчишки большие, смелые и черноглазые, как он, а девчонки в нее — сладенькие, стройненькие и светловолосые...

Что за сон...

Что за прекрасный сон...

Как можно отказаться от этой мечты, этой надежды? Да и Бог с ней, мечтой. Как мог он так ни с того, ни с сего перестать думать о ней, беспокоиться о ней, одинокой как перст, брошенной на милость этой скотины Калдера? Миссис Калдер намучилась, конечно, порядком, но думала ли она, сматываясь из дома, что обрекает свою крошку-дочь на все те же беды, от которых бежала сама?

О, Калдер, пьяница, драчун и пустозвон, спеси и чванства в нем больше, чем в призовом быке на ярмарке. Он всегда себе на уме, даже когда нальется пивом под завязку, просто так в драку не ввяжется. Но девчонка? Да еще такая хрупкая, как Алли, тоненькая как былиночка, у нее ж не мускулы, а шелковиночки. На что ей надеяться против этих двухсот фунтов туши, которая в бешенстве кулаком быка уложит?

Он повернул на дорогу. Даже с такого расстояния он увидел сцену, которая реально подтвердила его самые худшие опасения. В дверях калдеровского бунгало, освещенные лампочкой над крыльцом, яростно сражались двое: огромный мужчина и субтильная девушка, чьи крики уже явственно доносились до его ушей. Он выжал до отказа акселератор, и „додж“ рванулся вперед как олень.

— Пусти! Пусти!

— Ты никуда не пойдешь, ступай домой!

На дорожке перед входной дверью Алли, цепляясь изо всех сил за большую дорожную сумку, отбивалась от затрещин и пинков Калдера, который пытался загнать ее назад в дом. Поль резко остановил машину, распахнул дверцу и закричал:

— Алли! Алли! Сюда!

Застыв на секунду от изумления и неожиданности, девушка выскользнула из рук Калдера и бросилась бежать по дорожке, волоча за собой тяжелую сумку. Проскочив калитку, она рухнула на сидение машины и захлопнула дверцу.

— Гони, Поль! Гони!

Но Джим Калдер все же недаром проработал три десятка лет в шахте. Даже годы крутого пьянства не смогли убить в нем звериную реакцию. Он стремительно бросился вперед и остановился как вкопанный перед капотом „доджа“, высясь над машиной, как злой гений.

— Куда-то собрался, Эверард? — ехидно процедил он. Нагнувшись, Калдер схватил машину за бампер и начал раскачивать ее, яростно при этом плюясь и ругаясь.

В отчаянии Поль включил задний ход. Но прежде, чем он успел переключить рычаг, Калдер возник у его дверцы. Громадная лапища протянулась в окно и вцепилась Полю в горло.

— Хочешь умыкнуть мою дочь, Эверард? Ну, мы еще посмотрим! — Он начал медленно сжимать пальцы.

— О, нет, пап, не надо!

Поль сделал яростную попытку сбросить руку Калдера со своей глотки, но не тут-то было. Со своего места Алли попыталась помочь Полю, но позиция Калдера делала его неуязвимым для любых нападений.

Поль чувствовал, как голова начинает кружиться, и в глазах потемнело. Он понимал, что ему долго не продержаться. Из последних сил Поль дотянулся до ручки дверцы, распахнул ее и двинул по туше Калдера, вложив в удар всю энергию. Дверца больно ударила старика по голени, а верхний край задел челюсть. С проклятием Калдер отскочил.

С трудом соображая, Поль попытался подняться с места и выбраться из машины. Однако Калдер схватился за ручку дверцы, рванул на себя и с рассчитанной резкостью и дикой силой захлопнул, нанеся чудовищный удар по голове своего противника. Поль почувствовал, как кровь хлынула из раны и потекла по виску.

— О, нет, нет! Хватит!

Дверь снова раскрылась и громадная лапища сунулась в кабину и вцепилась Полю в рубашку.

— Думаешь, бой кончился — потому что ты готов выбросить полотенце? Ну нет, я еще не закончил!

Обеими руками схватив Поля, он выгреб его из кабины, швырнул на корпус машины и нанес сокрушительный удар в челюсть. Поль сделал слабую попытку защититься, но руки совершенно не слушались его, и он прекратил всякое сопротивление. Однако полное бездействие противника не могло остановить Калдера. Беспощадно, как он всегда карал своих врагов, старый садист наносил удары в голову, лицо и корпус поверженного противника и остановился только тогда, когда заболели кулаки и пресеклось дыхание.

— Отличная разминка, — осклабился он.

С удовлетворением, которое невозможно передать словами, он глянул вниз на избитую, истекающую кровью фигуру у его ног. Эверард получил по заслугам! Никому не дано безнаказанно доставать Джима Калдера! Теперь эти подонки в пабе закроют пасти! Хотел бы посмотреть на их рожи! А что касается рож, то не ему ли, Калдеру, смеяться последнему, когда этот красавчик Эверард явится туда с хорошо разделанной физиономией?

Но это всего лишь начало, закусочка, так сказать. А теперь пора за настоящую еду — подавайте главное блюдо! Тут уж все факты налицо — этот ублюдок прикатил на своей идиотской корытине, чтоб умыкнуть ее в тот самый момент, когда он поймал ее с этой громадной сумкой, набитой битком. Но он накрыл их — накрыл эту расчудесную парочку.

Калдер разогнул плечи и сжал кулаки, как перед выходом на ринг. Пора задать этой дряни взбучку, чтоб знала, как огорчать родителя. Пора вздрючить на славу, как и ее дружка! Отцу положено наставлять дочь на путь истинный и отвращать от путей неправедных. С довольным хрюканьем, всегда предвещавшим начало самых жутких его выходов, он двинулся к дверце с другой стороны машины. Но когда он сунулся в кабину за недостойной дочерью своей с целью преподать ей урок на всю жизнь, машина была пуста.

Бежать...

Бежать к Роберту...

Он что-нибудь придумает, он должен...

Рыдания душили ее. Алли неслась, словно зверь, за которым гонятся в ночи. Она уже оставила город, и дорога на мыс с каждым шагом становилась круче. Тьма впереди сгущалась, так что не видно было собственной руки. Низкое небо нависло над ее незащищенной головой, тяжелы и мрачны были тучи, весь день собиравшиеся над городом и теперь совсем закрывшие небо. Без фонарей, без звезд она беспрестанно спотыкалась в вечном страхе упасть. Но ничто не могло остановить девушку в этом неудержимом паническом бегстве. Бежать! Бежать. Надо бежать.

Но даже несмотря на весь ужас положения, Алли ликовала. Вот оно! Наконец она освободилась от отца и вправе назвать Роберта своим — все сошлось! Ну и отлично, пусть все вышло не так, как она думала, — да она и вообще ничего не думала, призналась себе Алли с честностью человека, которому нечего терять. Просто в ней что-то сломалось, когда вернулась домой, назад в это жуткое бунгало, и вдруг просто поняла, что больше не может, что надо бежать. А потом он поймал ее, и тут подоспел Поль...

Поль... Господи, Боже мой, Полю не позавидуешь. Джим в таком состоянии, что лучше держаться от него подальше! Но пусть уж лучше он, чем я. С какой-то невероятной беззаботностью Алли выбросила Поля из головы. Она никогда не нуждалась в нем, никогда не поощряла, ей всегда был нужен один только Роберт. Вот и здорово, что Поль подвернулся и вступился за нее, ни о чем не спрашивая. Уж кому как не ему знать, что Джиму лучше под горячую руку не попадаться. Но как бы то ни было, он помог смотаться.

Бежать...

Бежать к Роберту...

Теперь-то ему придется выступить в открытую, ликовала она, нет худа без добра — благодаря тому, что случилось, ему придется обо всем сказать жене, а потом решиться уйти со мной! Со мной, со мной, Алли! Холод, страх, надежда и радость смешались в тугой клубок эмоций, в одну секунду изменивший ее настроение. Но одно яснее ясного. Роберт после этого не может думать, что она останется с отцом. Ему придется что-то предпринять — и есть только один-единственный выход.

Она осиливала последний подъем, и цель была уже рядом. Впереди, чуть освещенный мерцающим светом моря, вздымал свои крепкие стены пасторский дом, неподалеку виднелась церковь. Во мраке ночи дом манил своей надежностью и уютом. Отсюда ей были видны клубящиеся далеко на горизонте тяжелые тучи, зловеще закрывающие небо. На мгновение она застыла от ужаса: тучи, громоздясь и налезая друг на друга, сбивались в тяжелую плотную кипящую массу, медленно ползущую к берегу. Все говорило о надвигающемся шторме.

Внезапно ее охватил неудержимый страх. Надо добраться до Роберта. Он придумает, что делать. Тихо всхлипывая, пытаюсь восстановить прерывающееся дыхание, она перебежала лужайку перед пасторским домом. Оба выступающих окна с незадернутыми шторами ярко светились. Но комнаты были пустынные, и весь дом имел какой-то нежилой и брошенный вид, словно его покинули ангелы-хранители, предоставив обитателей их горькой участи.

Где он? Она вообще не чувствовала его присутствия. Но он сказал, что идет домой, и машина его на месте, она видела, когда подходила. Где он? Где-то на побережье издала одинокий отчаянный вскрик ночная птица, и девушка почувствовала, что теряет рассудок.

Возьми себя в руки, Алли, приказывала она себе, борясь с подступающими слезами. Не время расслабляться — надо найти его, надо привлечь его внимание. Она уговаривала себя с

горькой, почти мазохистской настойчивостью. Он не позволит мне никуда уходить! Он обнимет меня, и все будет прекрасно, никаких беспокойств... Пока я не докучаю ему. Надо быть осторожнее, лучше бы он сказал своей жене и этой ужасной Джоан, пока они сами не узнают... Записку! Оставить ему записку, вот что надо!

Лихорадочно она стала искать в сумке ручку и листок бумаги. В это время над морем ярко вспыхнула молния, на мгновение рассекшая небо, и нырнула затем в глубины океана. Еще секунда — и на лицо, голову, плечи обрушился поток воды, словно разверзлись все хляби небесные, как это бывает в тропиках.

О, Роберт! Роберт! Где ты?

Она даже вскрикнула от обиды и гнева. Слезы текли по ее лицу, усиливая бешеный ливень взрывом чувств. Движимая инстинктом, словно дикое животное, пытающееся спастись от ярости стихии, она прокралась на ступеньки дома, чтобы спрятаться под козырьком крыльца.

Освещаемая вспышками молний, она наконец нашла в сумке то, что искала, дрожа от холода, схватила перо и пустой конверт и нацарапала несколько слов. В этих словах была ее жизнь.

Вокруг бушевала гроза, низвергая на ее незащищенную голову всю ярость природы. В такую ночь из гробов восстают мертвецы, являются неупокоенные духи тьмы, а все доброе прячется в укрытие. С запиской в руке она потерянно стояла у запертой двери и думала о Джордже Эверарде, его похоронах... о его духе... о всех духах, которые могут выйти в такую жуткую ночь и бродить по мысу...

Пребуди со мной...

Роберт... Роберт!.. Где ты?

Что там такое? Джоан подняла голову от Библии, замерла, напрягая слух, затем расслабилась. Ничего особенного — только шторм. И славно, это очистит воздух, как она очистила душу Роберта. Успокоившись, Джоан вернулась к чтению.

„Через семь дней воды потопа пришли на землю... в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей...“^[13]

Сорок дней и сорок ночей... столько же, сколько длилось искушение Иисуса в пустыне, отметила она машинально. Покаяние Роберта, его пребывание в пустыне будет гораздо более длительным. Но да исполнится воля Божия!

„Ной же обрел благодать пред очами Господа...“

остался только Ной и что было с ним

в ковчеге.“^[14]

С треском захлопнув Библию, Джоан встала и вышла из столовой в холл. За окнами дома все новые и новые вспышки молний разрезали черное небо, буря становилась все неистовее, обрушивая всю свою мощь на скальный массив мыса. Мгновение помешкав, Джоан распахнула дверь кабинета и без стука вошла.

Роберт сидел за столом, уронив голову на руки; рядом лежали открытые отцовские Библия и Псалтырь. Да, он нуждается в молитве, холодно подумала Джоан. Если б он побольше молился и поменьше приударял за девчонкой, мы б не попали в такой переплет. Молись, Роберт, воззвала она к нему из глубины сердца. Это, пожалуй, все, что тебе осталось.

— Я иду спать.

Он не откликнулся.

— Каждый может совершить ошибку, Роберт. Не ешь себя поедом. В сущности, твоя не так уж велика. И помни, что сказано в Писании: „Не судите, и не судимы будете; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте и прощены будете“. ^[15] Я прощаю тебя, Роберт. Я просто хотела, чтоб ты об этом знал.

Она простила меня. Мало мне мучений ума и души — еще и это, мелькнуло в голове у Роберта. Джоан морализирующая, Джоан проповедующая, Джоан... Джоан прощающая! Он с трудом сдерживал ненависть.

Со всей слепотой человека, который не видит ничего, кроме себя, она истолковала его молчание как проявление покорности.

— Все будет хорошо, дорогой, вот увидишь. Шел бы ты спать, утро вечера мудренее.

В нем так и кипело желание вбить сестре в глотку ее нравоучительные сентенции. А еще лучше схватить за горло и задушить.

— Иди спать, Джоан, — сказал он.

Она повернулась.

— Я, пожалуй, запру боковую дверь.

Он в бешенстве вскочил.

— Я сам закрою. — Надо было как-то от нее отделаться. Еще секунду, и он не выдержит. Они вышли в холл. В этот момент он услышал какое-то шуршание на крыльце и тут же увидел листок бумаги, появившийся из-под двери. Он быстро шагнул вперед и наступил на него, обернувшись к Джоан, следовавшей за ним по пятам.

— В чем дело?

— Нет, ничего. — Удивительно, с какой легкостью и без малейших угрызений совести может он ей лгать.

Джоан стояла неподвижно, на лице ее было написано недоумение и недоверие.

— Мне кажется, я что-то слышала.

— Это буря.

Она постояла еще секунду и пошла дальше.

— Да, похоже. Надеюсь, она не помешает тебе спать. Покойной ночи, дорогой.

— Покойной ночи.

Записка была предельно лаконичной.

„Не могу больше оставаться в Брайтстоуне. Пыталась бежать из дома, но отец пронюхал. Не могу здесь оставаться без тебя. Найдешь меня на мысе у бухты Крушения, ночью. А.“

Скомкав записку, он бросил отчаянный взгляд на дверь. Всего мгновение тому назад она была здесь — а теперь? Снаружи злые духи бури в ярости полосовали небо. Снова и снова зигзаги молний разрывали в клочья небесную высь, а ветер завывал дикими голосами терзаемых муками стихий. Прижимаясь пылающим лбом к холодному оконному стеклу, Роберт смотрел на пустое крыльцо, необитаемый мыс и безжизненные дали, и не было слов, чтобы описать бурю в его душе.

Помощь...

Помощь...

Нужна помощь...

В отчаянии Поль всем телом навалился на руль, мча вперед сквозь пелену дождя. Ночь вокруг машины была такой плотной, что фары „дождя“ не могли пробить эту вязкую тьму. Только прекрасное знание дороги не позволяло ему сбиться с пути. Вместе с тем ему было яснее ясного, что если он в ближайшее время не доберется до пасторского дома, то уже никто не сможет помочь, по крайней мере сегодня.

Все тело Поля представляло собой множество болевых точек, сливающихся в одну невыносимую боль, поэтому он не мог бы сказать, какая именно рана приносит больше страданий. По пронзительной рези в боку при каждом вздохе он догадывался что по крайней мере одно ребро может засвидетельствовать эффективность ударов Калдера. Глаза у него заплыли, но больше всего его беспокоила голова, непреодолимое головокружение. Не много ли наказаний за один вечер? Поль чувствовал, как медленно ускользает сознание, и он может вот-вот отключиться. Только бы скорее добраться до пасторского дома; он сразу передаст дело Роберту и будет петь, плутать в блаженном забвении и не возвращаться к жизни долгие дни.

Роберт... он человек. Надо добраться туда, добраться до входа в дом — даже Калдер едва ли осмелится напасть на служителя Церкви. Роберт сумеет настоять на свидании с Алли, он заберет ее оттуда и привезет к себе в дом, а если надо будет, подержит у себя, лишь бы вытащить девушку из этого ада. Слабея, Поль проклинал себя за то, что не вмешался по-настоящему раньше — синяки, которые он увидел под размытой косметикой в тот вечер после бала, подтвердили ему то, о чем он и так догадывался, а именно: что Калдер бьет свою дочь смертным боем... Теперь одному только Богу известно, что она претерпевает дома сейчас, а он, избитый как щенок, не может и пальцем пошевелить.

Вот только найти помощь.

Найти помощь.

Роберт поможет.

Перед глазами все мелькало — быстро, очень быстро. Со вздохом облегчения он наконец сообразил, что дорога, взбирающаяся на мыс, выровнялась, и в свете фар узнал лужайку перед пасторским домом. С трудом припарковав свою машину, он долго боролся с дверцей, преодолевая пронзительную боль в боку, и вдруг, потеряв равновесие, вывалился на мокрый гравий. Секунду он лежал неподвижно, дождь хлестал его по всему телу. Затем кое-как встал на четвереньки, потом на ноги... Чудовищный приступ рвоты сотряс его, и он, нагнувшись над цветочной клумбой около стоянки, начал блевать, пронзаемый разрывающей болью.

Поль чувствовал смертельную слабость. Надо доковылять до дома. Качаясь, он добрал до крыльца и стал карабкаться по ступеням. Уже вверху, дотянувшись до дверного звонка, он потерял равновесие. Поль пытался крикнуть, но не мог издать ни звука. Покачнувшись, он рухнул головой вниз через низкие перила в плотную чащобу кустарника и погрузился наконец в объятия тьмы и демонов ночи.

— Он там! Он там! Быстрее, черт бы тебя побрал, быстрее!

— Спокойнее, Джим! — с некоторой опаской успокаивал Мик Форд. — Я и так гоню изо всех сил!

Он бросил неодобрительный взгляд на своего спутника. Одно дело помочь старому собутыльнику разыскать сбежавшую дочку, и совсем другое устраивать гонки по дороге на мыс на его старом фургончике с одной более или менее надежной фарой и в такой шторм,

какого он не припомнит, сколько живет.

Когда Джим обрушился на него час назад, все это показалось ему бурей в стакане воды. Алли не может уйти далеко, успокаивал он приятеля за бутылкой пива. Вот они сейчас вернутся к нему домой, а она, голубушка, жива и невредима — пьет чай или что-нибудь гладит.

Вместо этого они явились к дому Джима как раз в тот момент, когда в конце улицы мигнули задние фары голубого „доджа“ Поля Эверарда Плюясь, матерясь и неистовствуя, Джим орал, что этот чертов Эверард укатил с его девочкой, и требовал немедленно гнаться за ним. Старательно притормаживая, Мик делал все, что в его силах, чтобы благополучно потерять из вида переднюю машину, что, впрочем, было не так трудно для дряхленького фургончика, пытающегося соревноваться с гоночным автомобилем. Однако „додж“ еле полз, виляя и качаясь из стороны в сторону в сгущающейся темноте, словно водитель не видел дороги.

А когда стало ясно, что Поль направляется на мыс, Мик испытал настоящий страх. Ехать туда по неосвещенной дороге, без ограждающего барьерчика, в такую ночь, когда одного неверного движения достаточно, чтобы загреметь с обрыва, как покойный преподобный Мейтленд — увольте! Это не для маменькиного сынка Мика, который спит и видит, как дожить до следующего дня рождения. Притормозив у въезда на мыс, он сообщил Джиму, что куда бы ни направлялся Эверард, он, Мик, дальше не тронется.

Последующий за этой тирадой поток брани заставил Мика содрогнуться. Несколько минут Джим Калдер вопил и брызгал слюной, словно хотел переорать не на шутку разыгравшуюся стихию. Ничто не могло его переубедить. Переключив скорость и двигаясь со всей осторожностью, Мик Форд повел свой фургончик вверх по дороге к пасторскому дому и впервые за всю свою беспутную жизнь искренне молился.

Что это было?

Держа скомканную записку в руке, он потянулся к дверной щеколде и остановился как вкопанный. Ему почудился какой-то шорох. Он застыл, прислушиваясь, сердце тяжело колотилось в груди, нервы напряглись до предела. Неужели Клер возвращается домой, о Господи! — только этого не хватало! Он столько прождал, чтобы убедиться, что Джоан наконец легла спать. Ему надо выходить.

Он заставил себя подождать еще немного, ровно столько, чтобы сердце стало биться нормально. Затем одним ловким движением распахнул дверь и выскользнул в ужасную ночь.

Машина Поля! Почему она здесь — прямо у крыльца, ключи не вытащены, дверца распахнута? Не ломай себе голову, подталкивал его утомленный мозг, шевелись! Через несколько минут, промокший до нитки и трясущийся от озноба, отчаявшись сдвинуть с места свою машину, которая наотрез отказывалась заводиться под проливным дождем, он мчался на машине Поля, не думая ни о чем, кроме того, что кто-то в нужный момент помогает ему.

Свирепый ветер гнал по обезумевшему морю могучие валы. Грохот волн, с неистовой силой бьющихся о зазубренные камни, перекрывал даже вой бури. Вдруг его пронзила мрачная мысль: в такую-то ночь умирать...

Но умереть вот так — Боже упаси! Из неупокоенной могилы прошлого на него воззрились, словно живые, отец и мать; в глазах их стоял упрек. Рассудком он понимал, что это фантомы его измученного воображения и издерганных нервов, но ему стоило огромного

труда не закричать:

— Прочь! Оставьте меня! Прочь!

Ну, вот наконец — благодарение Богу — и бухта Крушения. Она где-то здесь у обрыва. Остановив машину, он схватил плащ Поля с заднего сиденья и, накрыв им голову, бросился в ураган, выкрикивая ее имя:

— Алли! Алли! Я здесь!

Боже, да где же она? Стараясь ступать осторожно, он двинулся вперед; рев бушующего моря становился с каждым шагом сильнее. Ты подошел слишком близко, слишком близко! — звенело у него в голове, слишком близко к краю обрыва! Не могла же она быть еще ближе к ужасающей притягивающей бездне.

— Алли! Где ты? Алли!

— Роберт! Мой отец — он хочет убить меня! Мне пришлось бежать!

Истерично рыдая, она выбежала из темноты прямо в его объятия.

— Алли! Что...?

— Я не могу больше возвращаться к отцу! Я должна пойти в пасторский дом и там остаться, пока ты не найдешь для нас место — и все...

— Алли, послушай! В пасторский дом нельзя! Моя сестра знает! Джоан знает!

— Знает? — Она отупело уставилась на него, волосы ее прилипли ко лбу как у утопленницы, зубы стучали. — Джоан?

— Она знает! Она видела, как мы были вместе вечером. Она угрожает рассказать все Клер, в приходе, всем, всем, если я не откажусь от тебя.

Ах, вот оно что. На ее личике отразился страх, смешанный с восторгом.

— Ты этого не сделаешь — не сможешь. А если она знает, рано или поздно узнают все. Нам надо бежать вместе. В Сидней!

Она пришла в возбуждение, он видел, детское воображение разгорелось при мысли о бегущих любовниках, настоящей любви, преследуемой и торжествующей вопреки всем и вся. Он знал, что сейчас ему придется пронзить ее сердце кинжалом.

— Я не могу, Алли. Не могу вот так взять и убежать. И тебе тоже незачем это делать. Я найду какое-нибудь безопасное место — скажем, у Молли Эверард — и Джоан слова никому не скажет. Я обещаю тебе, что...

— Молли Эверард?

Он понимал, что она все читает по его лицу.

— Потому что, Алли, — я не могу тебя впредь видеть — я больше тебя не увижу. Я обманул тебя, говоря, что люблю...

— Нет!

— ...потому что я не свободен. Я связан по рукам и ногам. Я дал обет перед Богом и перед женой, которую взял перед Его ликом. Здесь много людей, надеющихся на меня — нуждающихся во мне. Я не могу так уйти — сбежать от них.

— Нет! — Она тяжело обвисла в его объятиях. — Не можешь же ты вот так взять и отбросить меня! А что со мной? Или моего слова здесь нет? Ты заблуждаешься, Роберт, ты глубоко заблуждаешься! Ты любишь меня, и ты это знаешь!

Он почти ничего не видел сквозь марево боли.

— И всегда, всегда буду! — Он прижал ее к себе. — Прощай, моя любовь, — прошептал он. — Это прощание. — Он прижался оледенелыми губами к ее бледным и холодным как камень губам. — Прощай!

— Эвер-а-а-а-а-рд!

Такой вопль мог исторгнуться только из глотки поджариваемого в аду дьявола. В следующую же секунду сильный удар в голову чуть не сбросил Роберта вниз. Он рухнул на колени, тут же вскочил и оказался лицом к лицу со своим обидчиком.

— Вы! Вы! — Что-то щелкнуло в голове у Калдера. — Вы! Все время это были вы! Господи Иисусе! Вы, грязный, вонючий ублюдок, я убью вас...

Взвыв как сам дух смерти, он бросился на Роберта. Инстинктивно вытянув руки для самозащиты, Роберт нагнул голову и отпрянул, изо всей силы оттолкнув от себя старика. Джим пролетел мимо него и слишком поздно разглядел во тьме узкую полосу, отделявшую их от края утеса.

— Н-е-е-е-е-е-т!

Ноги его скребли землю, как гребет задними лапами пес, он пытался затормозить свой бег, но слишком тяжела была его туша. Он поскользнулся, упал и в отчаянии заскользил в каком-то замедленном движении к краю.

— Нет! Н-е-е-е-е-е-е-е-е-т!

Исторгнутый вой смертельного ужаса и крик Алли слились в демоническую музыку, перекрывшую бурю. Очнувшись, Роберт бросился на землю у края обрыва и попытался схватить Калдера. Пальцы его коснулись старика, и на секунду его железная лапа сомкнулась на его предплечье и затем вцепилась в руку. Но когда над ревушим и кипящим морем вспыхнула очередная молния, яркий свет вырвал из мрака калдеровские глаза, лицо и в последний миг — руки, тщетно хватающие пустоту, и потом его тело исчезло за краем обрыва и устремилось в бесконечном воющем падении вниз, в торжествующие объятия жестоких черных камней.

19

Этот крик застыл в ушах двух свидетелей на всю оставшуюся жизнь. Казалось, он прозвучал прямо из загробного мира.

— Папа! Папа! Папа!

Ему пришлось удерживать ее. В невменяемом состоянии она чуть не бросилась вслед за человеком, который еще секунду назад стоял перед ними во всей гордыне и ярости жизни. А перед внутренним взором потрясенного Роберта низвергалась с крутизны машина, и пожилые мужчина и женщина, падали, падали... вниз... вниз...

Он закинул голову и завыл.

— Алли — они ушли. Он ушел! Они мертвы! Все мертвы.

— Не может того быть! Не может!..

— Помощь! Нужна помощь!

Он повернулся, чтобы бежать. Пронзительный крик остановил его.

— А как же я?

Ничего не приходило ему в голову. Он не мог отвести ее в пасторский дом и препоручить нежным заботам Джоан. Что же делать?

— Стой здесь, Алли, — под деревом. Я туда и обратно.

— Нет!

— Но я должен, Алли! Вдруг он еще жив! Тогда, если поднять тревогу, есть шанс! — Дот шанс, которого не было у них — у папы и мамы, — тупо крутилось у него в голове, —

тот шанс, который я должен дать Джиму, что бы там ни было“. — Я мигом, буквально туда и обратно. Я вернусь за тобой, обещаю.

Говоря это, он отрывал от себя ее пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в его руку и шею.

— Не оставляй меня, Роберт! Не оставляй меня!

Ее отчаянный крик звенел в его ушах, вторя крику ее отца, и заставлял действовать. Инстинктивно он бросился бежать, забыв о машине, которая доставила его сюда. Он мчался, как зверь, пригнувшись к земле, качая головой в тщетной попытке уклониться от безжалостного дождя.

Помощь.

Помощь? Нужна помощь.

Так вот, значит, как.

Теперь уже никакой ошибки не было.

Женский крик.

Сжавшись в кабине своего фургончика, Мик Форд знал, что больше себя обманывать нельзя. Когда они добрались до мыса, его охватила тайная радость, что голубого „доджа“ Поля Эверарда нигде не видно.

— Ясно, он направляется в Вестерн-Пойнт, просто катается или что там ему взбрело, и никакого отношения к Алли это не имеет, — пытался он убедить приятеля.

Но радость его была преждевременной. Джима Калдера не так-то просто было сбить со следа, по которому он так долго шел.

— Он здесь, говорю я тебе, — сипел он, — я чую его!

И тут слабенькие фары фургончика осветили голубой „додж“.

— Что я говорил!

Отрывисто приказав Мику стоять на месте, не выключать фары и не выпускать подонка, если тот вознамерится улизнуть, Джим Калдер растворился в ночи.

Мик не мог с уверенностью сказать, что первый услышанный им крик принадлежал человеку. Может, какая птица. Ветер так завывал...

Вот снова? И опять крик смолк прежде, чем он успел вслушаться и понять, что это такое.

Но сейчас — он не мог ошибиться — это был женский крик, полный отчаяния или ужаса — но точно, женский. Он задрожал от страха. Что, черт побери, ему делать?

Вдруг в световом круге от фар что-то мелькнуло. Высокий мужчина, сильно пригибаясь, промчался мимо Мика и скрылся из вида, волосы его были словно приклеены дождем к черепу. Эверард! Но где же Джим? А Алли! Это был ее крик, чей же еще, какая женщина тут может быть? Но где она?

Так муторно ему никогда не было; натянув козырек кепки на самые глаза и плотнее запахнув свой непромокаемый плащ, он выбрался из фургончика. Подбадривая себя, Мик отважился продвинуться до края блеклого светового круга, отбрасываемого фарами, и во всю глотку, чтобы перекрыть разыгравшиеся стихии, заорал:

— Алли? Алли!

Он не знал, сколь долго так стоял, вновь и вновь выкрикивая имя девушки под вой ветра. Наконец боковым зрением он заметил какое-то движение и повернулся. Это была Алли, несомненно, Алли, она бежала по самому краю обрыва вдоль ужасной бездны, бежала

так, словно вся ее жизнь зависела от этого бега, не обращая ни малейшего внимания на грозящую ей опасность.

— Алли!

Испытывая страх и облегчение одновременно, он рванулся вперед и помчался вдогонку. Однако нескольких шагов в темноте ему за глаза хватило. Мир обьяла непроглядная тьма, и только у кромки обрыва было немного посветлее. Мика охватил ужас. Надо убираться отсюда, еще шаг — и ему крышка! И он не будет первым! Дух старого пастора и его жены, покойных Мейтлендов, возник перед его мысленным взором, и он остановился, как вкопанный.

— Алли! — кричал он опять. — Алли!

Но ответа не было.

Никто не отзывался: ни она, ни Джим. У нее, положим, размышлял Мик, есть основания мотать от него и ее папаша, но Джим? Если Эверард сделал ноги, и Алли туда же, то есть только одна причина, по которой Джим не вернулся с дикой бранью в фургончик, требуя от Мика немедленно жать на газ и мчаться в погоню. Только одна-единственная в этом или в ином мире причина.

С тяжелым сердцем Мик вернулся к фургончику и покати́л в Брайтстоун, в полицейский участок. Он парковал машину, когда до него вдруг дошло, что протяжный вой, сопровождавший его всю дорогу, был не выражением его скорби, а сиреной на шахте.

Для слуха того, кто вырос в шахтерском городке, зловещий вой сирены, сообщающий о несчастье в забое, способен был пересилить гром, дождь, ветер, бурю и любые катаклизмы. Джоан услышала его сквозь сон и была на ногах, готовая бежать раньше, чем зазвонил телефон.

— Да? Да, слышала. Очень плохо? — Ее мрачный кивок подтвердил ответ. — О, Господи. Да поможет им Бог, мистер Уилкес. Да, конечно, мы сейчас будем. Роберт? Разумеется, он поможет, я только разбужу его, он сразу же прибудет. Да, послушайте, не могли бы вы прислать машину? Нам нужны руки и дополнительный транспорт, чтобы собрать все одеяла и подушки для шахты. Вы пришлете двоих младших служащих? О'кей, благодарю — скажем, минут через десять-двадцать? Мы будем готовы.

Она повернулась и бросилась к лестнице, крича:

— Роберт! Роберт!

— Здесь.

Он стоял в холле; входная дверь нараспашку. Его трясло с головы до пят, а глаза чернели на белом как мел, лице. Он промок до нитки и еле дышал, как после долгого бега.

— Помощь! — выдавил он. — Нужна помощь!

— Роберт! Ты с шахты? Как ты мог услышать об этом? Уилкес говорит, что дела плохи, насколько плохи, они не знают, пока не начнут раскопки. Но им бы хотелось, чтоб ты прибыл как можно быстрее, там нужны все здоровые мужчины, чтобы помочь расчищать проходы. Как обстоят дела, можно будет выяснить только когда вниз спустятся спасательные команды и определят точное место обвала...

— Спасательные команды... да... именно спасательные команды... туда... на мыс...

— На мыс? — у нее мороз пошел по коже. — Роберт — что ты имеешь в виду?

— Я... я убил Джима Калдера, — с трудом выдавил он. — Ненамеренно, но убил.

— Убил Джима Калдера?

— Он начал драку. — Роберт бы в шоке. Джоан отметила это почти с медицинской точностью, видя, как его колотит. — Напал на меня... как безумец. Я не собирался драться с ним. Он упал. Свалился с утеса...

— Где?

— В бухте Крушения. Он свалился с обрыва — с криком...

— Роберт, выслушай меня. — Она схватила его за руку и что есть силы потрясла. — Ты в шоке. Ты не знаешь, что говоришь. А теперь слушай. Ты не убивал его! Понимаешь?

Он стоял перед ней и качал головой в знак несогласия.

— Да возьми ты себя в руки и давай все обдумаем! — продолжала Джоан настойчиво. — Ну, спокойнее, спокойнее. Кто-нибудь видел тебя? С тобой кто-нибудь был? — Она могла прочесть ответ на его сером лице. — Алли Калдер!

— Да! — выдохнул он. — Я оставил ее там, сказал, что бегу за помощью, за спасательной командой, вернусь за ней!

Он был уже у телефона. Со скоростью, изумившей ее саму, она вырвала из его рук трубку. Он во все глаза смотрел на нее, дыша, как измотанный борец. Затем лицо его просветлело — ну, конечно, она хочет помочь ему.

— Хорошая идея, Джоан, — с трудом произнес он, все еще тяжело дыша. — Ты вызовешь помощь, а я бегу туда, на мыс.

Она швырнула трубку на рычаг, оттесняя его от двери.

— Роберт, — резко произнесла она, вдохновляемая злым гением, — ты не пойдешь на мыс! За тобой уже едут. Они с минуты на минуту будут здесь!

— Полиция? Ну, разумеется. Он мертв. Я это знаю. Я все им расскажу.

— Нет! Нет! Ты не должен!

Он покачал головой.

— Но это правда, Джоан!

— Да... но... ты должен подумать о ней!

— Об Алли?

— Ну, да, об Алли! — Она легко импровизировала, уже понеслась, и ничто не могло ее удержать. — Если ее обвинят в содействии — ты бы не хотел этого, Роберт, — ведь не хотел — чтобы ее посадили в тюрьму, может, на долгие годы? Ты должен подумать о ней! Она не настолько сообразительна, чтобы обмозговать все это сама! Ничего не говори сейчас — никому ничего не говори — ты понимаешь меня?

Он кивнул головой.

— Ничего не говорить — ради Алли?

— Да! Ничего! Ни слова!

— Джоан! — Он вялым движением отбросил прядь волос с глаз. — О чем ты говоришь?

Она услышала негромкий шум мотора, затем скрип тормозов и шелест колес по гравию перед входной дверью.

— Послушай, Роберт, ты не знаешь, что случилось. На шахте ужасная, невероятная катастрофа, и ты там нужен, там внизу люди, много людей, им грозит гибель; нужны все здоровые мужчины, чтобы откапывать завалы; ты должен ехать туда и посмотреть, чем можно помочь! — Говоря это, она схватила плащ и теплый шарф с вешалки и, сунув их ему в руки, подтолкнула его к двери: — Калдер мертв, а они живы, по крайней мере некоторые из них. Вот где ты должен быть.

У крыльца уже ждала машина с шахты; боковая дверь была открыта Он сделал шаг и

замер. Она знала, что сейчас последует.

— А что будет с Алли?

— Не беспокойся, Роберт. — Помахав приветливо людям в машине, она крикнула: — Он здесь, ребята! Малость полусонный! Пришлось в спешке будить его, так что вы с ним полегче, ладно? Подождите секундочку!

Это самый важный ход в игре, напомнила она себе. Главное, не испортить дело. Наматывая ему на шею шарф и всовывая его руки в рукава плаща, словно он был маленьким мальчиком, она прошептала:

— Предоставь ее мне, Роберт. С ней будет все в порядке. Я об этом позабочусь. Можешь довериться мне.

— О, Боже! Мой Боже!

— Сюда, доктор, сюда!

— Где мой Джонни? Джонни Андерсон? Что ним? Кто знает, сколько человек подняли — кто жив?

Сцена у шахты напоминала средневековую картину ада. Из огромной зияющей дыры в земле выбивались языки пламени высотой почти в сто футов, разгоняя мрак ночи и посрамляя последние потоки стихающей бури. На фоне ярко-оранжевого и красного неба огромное колесо и кран над шахтой смотрелись как злая карикатура на все безобразное, темное и опасное в беспокойном мире человека. На переднем дворе крошечные фигурки мужчин и женщин суетились, как муравьи, — в тщетной попытке исправить то, что человеческая же ненасытная алчность и жадность сумела натворить.

— Сюда! Сюда!

— Где Джим Калдер? Или Поль? Надо кому-то возглавить работы?

— Слушайте все! Мы должны собрать партии в каждую боковую штольню, чтобы попытаться оттуда пробиться к главному стволу и забоям. Там могут быть еще живые, если мы вовремя успеем добраться до них!

Двигаясь как зомби, Роберт взял из груды каску и встал в строй. Он с трудом расслышал слова человека, стоящего сзади.

— Где Поль, черт бы его побрал! Нам нужны люди, которые знают что делать! Это дело шахтеров, преподобный, а не любителей!

— Да заткнись, Ниппер! — Джорди было не до вежливости. — Когда такое творится, всякая помощь хороша! Он, может, и преподобный, но человек молодой и сильный, вполне в состоянии держать в руках кирку, как и все прочие. И, клянусь потрохами, работа его сейчас важнее молитвы — хотя, боюсь, она понадобится, когда мы выясним, сколько парней там засыпано! — Он яростно выругался. — Сюда, преподобный!

Из темноты к Роберту подошла женщина, ее лицо с крупными чертами выражало скорбь.

— Мистер Мейтленд! Вы должны помочь мне! Джонни там внизу! Сынок мой Джонни! Я знаю, что он там! И никто ничего не говорит.

— Миссис Андерсон!

Роберт с трудом припоминал ее. Одна из его самых верных прихожанок; вся горькая история этой женщины была написана на ее изможденном лице. Муж погиб на шахте, единственный сын решил следовать по стопам отца, несмотря на все ее слезы и мольбы — и вот он тоже там в завале, погиб?

— Джонни Андерсон, — обратился он к Джорди, неизбывное горе матери вернуло его к действительности. — О нем что-нибудь известно?

— Главный ствол, — откликнулся Джорди. — Он был в забое. Пока ничего!

Роберт взял женщину за руку.

— Я сейчас туда спускаюсь. Если что-нибудь услышу, хоть что-нибудь, сразу же скажу вам. Вы будете знать — обещаю!

Она уцепилась за его руку, плача и умоляя:

— Не оставляйте меня так, не оставляйте меня!

Не оставлять ее... не оставлять... о, Алли... Сердце его окаменело.

„Я должен, — говорил он себе. — Там... внизу... люди... Я должен идти туда... прости...“

А потом Роберту показалось, что они спускаются в ад. Древние лебедки, которые не чинили Бог весть с каких пор, доставили их в старые, давно заброшенные и не разрабатываемые штольни. Они оказались в абсолютно темных проходах, слишком низких, чтобы стоять во весь рост, и слишком узких, чтобы продвигаться, не ощущая всем нутром страха перед мыслью навсегда остаться в этой ловушке. Обвалившиеся сверху сквозь обветшавшую кровлю куски породы и угля засыпали проход, и люди с трудом пробирались по нему, спотыкаясь на каждом шагу. Согнувшись в три погибели, словно старые нищие, они двигались вперед. Со всех сторон доносились вопли раненых, крики спасателей и алчный рев огня, который, казалось, двигался навстречу им по этому же тоннелю, чтобы прибрать и их в мгновение ока. Но на самом деле все это звучало сквозь туман, словно в ужасном сне, кошмаре, еще более страшном, чем то, что им предстояло увидеть.

С каждой минутой становилось все жарче. Подобно войску немых, люди ступали молча, каждый был готов умереть, не выказав ни боли, ни страха. Разложив на вершине небольшой каменной колонны карту, Джорди определил нужное направление.

— Сюда налево — осторожнее — уже недалеко — ааааа!

Дрожащий свет фонаря осветил рухнувшую скальную породу и сосредоточился на предмете, по мнению Роберта, не заслуживающем внимания.

— Здесь! Быстро!

Это был носок башмака. Обладателя их невозможно было узнать — мальчишка, залитый кровью, и явно без сознания. У Роберта екнуло сердце.

— Это Джонни Андерсон!

— Нет! — Джорди слишком много всего этого насмотрелся, чтобы питать какие-нибудь иллюзии. — Но чей-то сынишка, это уж точно. И он, кажись, жив. Здесь и другие!

Вскоре обнаружилась рука другого шахтера, чуть дальше — каска. Но в проходе не хватало места — некуда было положить спасенного. Вдруг до Роберта дошло, что Джорди что-то горячо втолковывает ему.

— Послушайте, преподобный, надо вынести этого парня отсюда — его и тех, кто здесь. И надо принести оборудование помощней, чтобы все это разобрать, теперь мы знаем, насколько здесь плохи дела. Вы можете дотащить парнишку до подъемника, поднять наверх и передать информацию? Я пошлю с вами Ниппера.

— Не надо. — Роберт покачал головой. — Незачем терять полезного человека, Джорди. Я один справлюсь.

О, Господи, прости мне грехи мои, и не посягай на меня в час суда Твоего... Не отврати лице Твое и избави душу мою, спаси мя по великой милости Твоей.

Ибо в смерти кто помянет Тебя; и кто вознесет молитвы и благодарения из бездонной ямы?..

Час за часом, туда и обратно ходил он почти в бессознательном состоянии, поддерживаемый обрывками псалмов и молитв, которыми делился с жертвами катастрофы, вытаскивая их наверх. Не обращая внимания на удары по голове, на боль в спине и ногах, Роберт работал, как машина, с одной мыслью в голове: „Он мертв, Роберт, а они живы, могут выжить, если ты что-нибудь для них сделаешь...“ Вместе с тем он знал, что со смертью не торгуются и что ему не искупить свой грех, сколько бы человек ни спас он этой ночью.

Когда он аккуратно передал наверх первого пострадавшего, его сразу произвели в герои.

— Потрясающе, преп!

— Отлично!

— В жизни бы не подумали, что священник на такое способен!

Поздравления и похвалы неслись со всех сторон. Он задержался ровно настолько, чтобы передать поручение Джорди, и тут же отправился вниз, где шла борьба не на жизнь, а на смерть и где, как все это прекрасно понимали, нужен не один спасатель.

Всю ночь они бились без передышки. Уже к рассвету, когда каждое движение стоило невероятных усилий, спасатели пробились к главному стволу и высвободили последнюю жертву обвала. Чуть не падая с ног от усталости, Роберт всмотрелся в искореженное тело, в окровавленное, разбитое лицо, волосы, спутавшиеся и сбившиеся в колтуны под коркой засохшей крови и каменной пыли, и сердце его оборвалось. Он, несомненно, знал это юное лицо?..

— Это... это Джонни? — тяжело дыша спросил он. — Джонни Андерсон?

Джорди покосился на лежащего без сознания юношу; взор его был почти таким же туманным, как у Роберта.

— Да, — сказал он удивленно. — Похоже, что он. И еще жив — пока, во всяком случае. Надеюсь, преп, вы сможете поднять его побыстрее?

Роберт попытался выдавить улыбку, раздвинув потрескавшиеся губы.

— Быстрее быстрого!

Взвалив безжизненное тело на закорки, ступая как старик, он начал длинный, мучительный путь к подъемнику. Боль в плечах, ногах и руках была невыносимой. Но миссия спасения Джонни придала ему новые силы — он ощущал прилив энергии и неопределимую радость.

— Мы тебя вытащим, Джонни, — бубнил он неслышащим ушам, — только потерпи. Уже почти дотопали. Мама ждет тебя, Джонни, — потерпи. Потерпи еще малость.

Когда Роберт с трудом волочился по проходу, спотыкаясь на каждом шагу и всячески пытаясь оградить голову юноши от неровных стен шахты, он знал, что продолжает торг с самим собой. И не только с собой.

— Дай мне спасти этого парнишку — дай мне вернуть его матери — и я готов принять все, что положено, за смерть Джима Калдера. — Он уже жалел о том, что позволил Джоан выпихнуть его на шахту. Если б у него было хоть немного времени подумать, он нашел бы способ, как организовать поиск тела Джима Калдера и при этом избавить Алли от всяких бед — он должен был это сделать. Ну, ладно, он сделает это сразу же, как только

поднимется на поверхность...

— Все в порядке, преподобный?

Человек у лебедки, обслуживающей подъемник, ждал сигнала Роберта. Со своей верхотуры он всматривался в чернеющую внизу бездну.

— Да, машина в порядке! — всплыл к нему навверх тоненький фальцет, пародирующий голос Роберта. — Еще один. Последний. Давайте, когда будете готовы!

— Ну, вы и поработали нынче, преп! — отозвался лебедочник. — Сколько ж вы повибаскивали? Семнадцать? Восемнадцать? Ну, слава Богу, последний заход. Ну, и старушка потрудилась в эту ноченьку на славу. Она уж давным-давно на пенсии, эта лебедка, — а тут такое. Ну, пошли!

Лебедочник медленно отпустил рукоять, и колесо с недовольным скрипом начало поворачиваться. Чтобы ослабить ноющую боль в плечах, Роберт оперся на бок дряхлой клетки, схватившись руками за боковые канаты, чтобы удерживать равновесие. У ног Роберта лежал все еще не пришедший в сознание Джонни Андерсон; Роберт придерживал парня, защищая от тряски, когда подъемник поднялся на воздух и затем, скрипя, начал восхождение на поверхность.

Они медленно поднимались вверх; подъемник сотрясался и стонал с каждым полуоборотом колеса. На лице механика отразилось беспокойство, и он с тревогой оглядел машинное отделение. Вверх, вверх, вверх — теперь мягче. Наконец клеть поднялась на уровень платформы. Вздохнув с облегчением, он поставил на тормоз, выключил механизм и поспешил к клетке, чтобы помочь вытащить раненого и подать руку Роберту.

Однако завершающего толчка, когда сработала тормозная система, оказалось достаточно для старой машины, и без того перенапряженной бесконечными усилиями этой ночи. Это было последней каплей. Главный трос, на котором держалась клетка, издал стон, словно это был живой человек, и начал медленно, медленно расползаться на части. Механик плашмя бросился на пол, пытаясь дотянуться до края клетки.

— Прыгайте, преп! — заорал он в ужасе. — Остались только боковые кабели — они не выдержат!

Роберт ринулся вперед.

— Берите парнишку! — крикнул он. Схватив Джонни под мышки, словно в его распоряжении было все время мира, он приподнял мертвенную тяжесть бессознательного тела, перекинул до пояса из клетки и осторожно положил его на платформу. Лебедочник вцепился в безвольно болтающиеся руки юноши и изо всех сил потянул инертное тело на себя.

— Скорее, преп! — завопил он. — Скорее!

Роберт попытался выскочить. Но, как только он сдвинулся с места, со звуком, похожим на выстрел, — лопнул первый боковой кабель. Роберт инстинктивно отпрыгнул в другую сторону, крепко держа в руках второй кабель и одним стремительным верным движением посылая тело на платформу. Но было слишком поздно. Второй кабель лопнул в тот самый момент, когда он успел схватиться за край. Какую-то одну бесконечную секунду казалось, что он удержится, а затем, невероятно медленно, он упал на спину. Извиваясь, как умирающий питон, освободившийся от всех пут, шкив яростно пронесся по воздуху в безумном полете, а клетка с Робертом на борту скрылась в шахте, низвергаясь в самое сердце тьмы.

Вымытая штормом до первозданной свежести и великолепия, бухта Крушения раскинулась, ликуя, на утреннем солнце. Все треволнения предыдущей ночи были не более, чем дурным сном, для птиц, оживленно носящихся над водами и стремглав бросающихся за любой добычей, выброшенной морскими глубинами. Однако наметанный глаз полицейского повсюду видел следы зла.

— Сюда! Я говорил, сержант! Вот здесь!

С торжествующим видом Мик Форд подвел небольшую группу полицейских к пресловутому голубому „доджу“, одиноко стоявшему на обрыве над бухтой. Они окружили его, словно охотники, замкнувшие кольцо вокруг жертвы, внимательно изучая все детали. Затем старший офицер достал из кармана запечатанный пакет, вынул из него пластиковые перчатки и открыл дверцу.

С сиденья на пол под дуновением утреннего ветерка слетела смятая и разорванная записка. Он поднял ее. „НЕ МОГУ БОЛЬШЕ ОСТАВАТЬСЯ В БРАЙТСТОУНЕ... ПРОНЮХАЛ... НЕ МОГУ ОСТАВАТЬСЯ... БЕЗ ТЕБЯ... У БУХТЫ КРУШЕНИЯ НОЧЬЮ“. Без каких-либо замечаний офицер передал ее помощнику.

— Здесь подпись: „А.“, — прочел сержант.

— Это Алли! Алли Калдер! По мне это звучит как предсмертная записка! Так пишут перед самоубийством! — Мик помолчал, глаза его расширились от ужаса. — Это дело рук Эверарда! Он довел ее до этого, точно он!

Неожиданный комментарий Мика был встречен молчанием.

— О'кей, ребята, давайте осмотрим все кругом, — распорядился следователь. — Но не забудьте, поосторожней. Вчера была такая сырая ночь — должны остаться следы. Так что извольте двигаться на цыпочках, как балерины, ясно?

Кивнув головами, все разошлись выполнять задание.

— Это его рук дело, готов поклясться. Я видел его! — с гордостью возвестил Мик.

Офицер бросил на него взгляд.

— Вы уверены, в этом, Мик? Ночь была ужасная — лило как из ведра и вообще...

— Я видел его! — упорно стоял на своем Мик. — Видел, как он бежал под ливнем — ну, прямо крыса, выскочившая из крысоловки. Видел его машину, видел, как он подъехал сюда, потом видел его самого.

— Ну, ладно, опознание свидетеля еще не значит...

— А это не все! — Мик был не в том настроений, чтобы допускать и тень сомнения. — Вы найдете другие доказательства, надо только поискать как следует. Потому что он был здесь! Не хотите же вы сказать, что я не могу опознать человека, которого знаю с пеленок, с которым учился в школе и работал на шахте... — Он даже запнулся, всем своим видом выказывая недоумение по поводу подобного предположения.

— Ладно. Ладно. Эй, смотрите, дайте-ка мне, что там у вас?

— Я только...

— Вот, сэр! Вон там!

Как бы в ответ на пророчество Мика, явилось первое бессловесное доказательство. Мокрый и грязный, но вполне узнаваемый, на траве в стороне от машины у края обрыва лежал мужской плащ. Там его, вероятно, и бросили.

— Вы только посмотрите! — чуть не плясал от радости Мик. — Это Эверарда. Я видел

его в нем. В пабе!

— И еще эта записка. — „Не очень-то хорошо складывается для Эверарда, — отметил про себя следователь, — но плаща и машины маловато“. — С какой стати девушке писать ему? Какие между ними были отношения?

— Отношения? — Мик вперился в полицейского таким взглядом, словно хотел отправить его обратно в школу долбить азы про птичек и пчелок. — Да он за ней приударял! Всю дорогу околачивался около молочного бара, где она подрабатывала — спросите у Вика, он вам скажет, — потому что он хотел... вы сами знаете, чего хотел!

— О'кей, о'кей! Картина начинает складываться!

— Господин следователь!

Молодой сержант стоял у самого края обрыва.

— Осторожнее, осторожнее, приятель, — крикнул старший офицер, устремляясь к нему. — Еще не хватает, чтоб вы отсюда сверзились.

— Но, похоже, сэр, что кто-то того...

На самом краю обрыва, где кончался травянистый покров и начиналась пустота, небольшой участок обнажившейся почвы свидетельствовал о недавнем обвале. Подойдя с величайшей осторожностью, следователь опустил на одно колено и опытным взглядом стал измерять поверхность обрушившегося края, отметив попутно явственный отпечаток человеческой ноги. Он встал. Теперь почти все стало ясно.

— Надо вызывать медицинскую экспертизу, сержант, — угрюмо сказал он. — И как можно быстрее.

— Вот что мы еще нашли, сэр.

Позади него один из полицейских держал легонькую женскую босоножку красного цвета. Все уставились на нее. Следователь повернулся к Мику Форду.

— Надеюсь, вы и это опознаете, Мик? — с иронией обратился он к нему.

К его немалому изумлению, глаза Мика наполнились слезами.

— Это ее! — выпалил он одним духом. — Узнал бы где хошь! Босоножка Алли! — Он схватил полицейского за руку, словно выражая этим грубоватым жестом искреннюю мольбу.

— Неужели вы думаете... нет, этот ублюдок не мог... не мог и ее тоже?

Все молчали. Следователь осторожно освободился от пальцев Мика и направился к краю обрыва, постоял там, сосредоточенно вглядываясь в беспокойное море.

— Сержант! — наконец крикнул он. — Вызвать скорую помощь и спасателей.

Внизу отлив обнажил застрявший между двумя камнями предмет, раньше скрываемый водой. Следователь смотрел, как, покачиваясь, плясало на воде тело Джима Калдера, поднимаясь и опускаясь на волнах.

Рядом, вторя всем его движениям, плавала вторая красная босоножка.

Сержант умел считать.

— Сколько мешков, сэр?

— Пока один. Хотя на всякий случай — лучше два.

Господь пастырь мой, да не постыжусь... Да, хотя я иду долиною сени смертной, не убоюсь зла, ибо Ты со мной...

— Миссис М? Миссис М? Семь часов, миссис Мейтленд. Не хотите чашечку чая?

Утра или вечера? Впрочем, какое это имеет значение?

— Да, с удовольствием.

— Врач придет попозже. Он сказал, что обязательно встретится с вами, если вы будете здесь.

— Я буду здесь.

— Как он сегодня ночью?

Клер улыбнулась, и эта улыбка потрясла молоденькую сестричку в тысячу раз сильнее, чем причитания и вопли, обычно издаваемые женами.

— Мне кажется, ему немного лучше, честное слово!

— Может, подложить ему еще одну подушку? Так будет удобнее.

— О, конечно.

Лучше, когда принимают все как есть, думала сестричка, подсовывая подушку под голову забинтованной сверху донизу человеческой фигуры, неподвижно лежащей на больничной койке в хирургической палате. Самое страшное — ждать и надеяться, от этого потом еще хуже. Доктор Кук пытается ей это втолковать уже много дней — да нет — недель. Но до нее это явно не доходит.

— Добрый день, миссис Мейтленд.

— Доктор Кук! Сестра сказала, что вы должны прийти позже.

Наметанным взглядом доктор пробежал по карточке, прикрепленной к кровати, затем проверил уровень жидкостей в многочисленных капельницах, подведенных к безжизненному телу.

— Да, я люблю появляться неожиданно.

— Доктор?

Он знал, что она хочет спросить, это повторялось каждый день.

— Пока никаких изменений, — как можно мягче сказал он.

— Он узнал меня утром.

Он узнает ее каждое утро, печально подумал врач, только не дает знать об этом никому другому, и менее всего высокочувствительным приборам, следящим за каждым его вздохом, каждый ударом сердца, каждым импульсом мозга. Он повторил то, что говорил ей изо дня в день всю неделю:

— Шли бы вы домой.

Она взглянула на него лихорадочно горящими на сером от усталости и недосыпания лице глазами.

— Со мной все в порядке, доктор. Я бы лучше осталась, если вы не возражаете.

Доктор и сестра переглянулись.

— Мы вовсе не возражаем, миссис Мейтленд. Но вряд ли что-либо произойдет этой ночью. Мы не предвидим никаких изменений. А если, паче чаяния, что-нибудь случится, сестра тут же позвонит вам.

Он повернулся к двери.

— Доктор, сколько — сколько он пробудет в таком состоянии?

Врач помедлил, затем пожал плечами, выражая этим общепринятым жестом полное неведение.

— Но он поправится? Он выйдет из комы?

— Я не Господь Бог, миссис Мейтленд!

— Доктор, ради Бога, скажите, что выйдет, он должен!

Он помолчал, взвешивая слова.

— Я видел и худшие случаи, миссис Мейтленд. Не намного худшие — но худшие. Он молод. Сердце у него крепкое. Мы можем только надеяться. А принимая во внимание то особое место, которое ваш супруг занимает в сердцах всего прихода после того, что он сделал во время катастрофы на шахте, может, не лишне будет сказать — молитесь!

На двойных похоронах ей еще бывать не приходилось.

На двойной свадьбе — да. Это было, когда девчонки Варриндера, пара близняшек с Беферст Бей, выходили замуж за двух парней, которых они подцепили во время поездки на Большой Барьерный риф. Здорово было. Интересно. И сейчас тоже. По-другому.

Джоан рассеянно взяла Книгу песнопений и Чин^[16] погребения из рук церковного служки и заняла свое место на их семейной скамье. По вошедшей в плоть и кровь привычке она встала на колени и приготовилась к личной молитве.

— Помилуй мя, святой апостол Иуда, ибо я согрешила...

Она будет молиться за Роберта. С Робертом все в порядке, С ним будет все прекрасно. С самого начала, как только Джоан узнала о несчастье, она в этом ни секунды не сомневалась. Ее брат не мог умереть. Это невозможно после того, как она на свой страх и риск спасла ему жизнь этой ночью, сделав то, что сделала.

Да, решила Джоан после некоторого размышления, — „спасла ему жизнь“ не слишком сильно сказано. Ведь позволить Роберту бежать с этой шлюшкой и бросить дело, служение, приход, все, к чему он стремился и ради чего трудился, означало бы для него духовную смерть. А это ядовитое семя, эта „Алли“ не в состоянии была бы ему возместить такую потерю.

Ну, да ладно! Теперь она устранена — сброшена со счетов. Слабая улыбка искривила губы Джоан, и на ум пришли слова любимого псалма: „Да возрадуемся спасению Твоему, Господи, и да будет имя Божие начертано на знаменах наших!“

Если бы только Роберт видел эту кошечку! Как она стояла на самом краю обрыва, будто готовая броситься вниз — нужно было только капельку помочь...

Но он слаб. Мужчины все слабы. Он бы все равно любил ее, жалел, даже еще больше хотел бы ее — такой. Джоан содрогнулась. Да, это она, Джоан, и никто другой, спасла его от всего этого.

— Благодарю тебя, святой апостол Иуда, — шептали ее губы. — Благодарю.

„Знаю: жив мой Искупитель...“

Чистые ноты первого гимна наполнили маленькую церковь. Внесли два гроба. Первый необычайно тяжелый, его удерживало шестеро шахтеров. Второй меньше и почти невесомый. Глаза всех присутствующих обратились на них и тут же стыдливо вернулись к страницам своих молитвенников, предпочитая не задумываться о том, что в них лежит. Всем было известно, что Джима выловили из воды в бухте Крушения, всего черного и разбитого, а как выглядела Алли, никто не знал, потому что ее тело так и не было найдено.

И не могло быть, подумала Джоан с удовлетворением. Тем не менее символический гроб — отличная идея, просто отличная. Без этого похороны были бы не полными — это все связало, все поставило на свои места.

Обрати лице Твое на нас, О, Господи, и излей благодать Твою на верно служащих Тебе... Утешь нас утешением Твоим после того, как Ты покарал нас, и приумножь творения рук наших, ибо день суда Твоего на нас...

Да, замечательная служба. Очень интересная. Она не могла дожидаться вечера, чтобы рассказать Роберту. Она обо всем расскажет ему. Потому что она, как и Клер, была уверена, что он узнает ее, что он понимает, кто она и что говорит — каждое утро и каждую ночь. Он знает. Знает.

Ты прекрасно знал, на что идешь, когда поступал на службу в полицию, говорил себе инспектор-следователь Меррей. И что лучше не будет, тоже знал. А если тебе хотелось спокойной жизни, чтоб кругом была тишь да гладь, а ты, разлюбезный друг, над всем и вся, надо было сидеть себе как мышка зрителем на автостоянке! И все равно это ни в какие ворота не лезет! Не так-то просто засадить человека, который куда ни кинь по всем данным виновен, но его виновность ты не чуешь, не чуешь брюхом. Если другие детективы полагались на свой нос по Шерлоку Холмсу и вынюхивали преступников, Меррей столь же неколебимо доверял своему брюху. И ни разу оно его не подводило. А сейчас оно не соглашалось с ним. Но что можно возразить против столь явных доказательств?

— Идите и берите его, — настаивал их начальник, — не то этого мерзавца осенит идея дать деру!

И при этом арестовывать в больнице... С другой стороны, раз уж он там, а не у себя дома, то где ж его и арестовывать...

Хватит резину тянуть. Надо, так надо. Проверив на всякий случай наручники в кармане и кивнув верному сержанту, чтоб тот караулил у дверей, Меррей постучал и вошел.

— Добрый вечер, миссис Мейтленд, мисс Мейтленд, — почтительно приветствовал он. — Простите, что беспокою вас.

Как он и надеялся, Поль Эверард немедленно поднялся со своего места на краешке кровати и подошел к двери.

— В чем дело? Зачем вы сюда пришли? Мой шурин разбился, — голос его стал совсем тихим, — он при смерти...

— Мы пришли за вами, сэр, — бесцветным голосом произнес следователь.

— За мной?

— Мы вынуждены просить вас явиться в участок, чтоб дать дальнейшие показания и ответить на вопросы.

— Какие вопросы?

— Да, да, сэр. По делу об убийстве Калдера.

Поль раздраженно вздохнул.

— Послушайте, я рассказал все, что знаю. Он избил меня, я попытался добраться до сестры, отключился, пришел в себя, а машины нет, и никого нет, затем кое-как дотащился до города, и тут беда на шахте, включился в спасательные работы.

— Хорошо, придется повторить все это еще раз.

Поль почесал затылок.

— Ну ладно, а до завтра нельзя подождать? Я приду в участок сразу после смены. Но сейчас я не хотел бы оставлять сестру.

— Боюсь, придется, сэр.

Ну ладно, он хотел, чтобы все было тихо-мирно, не получилось, уговоры кончились. Придется проявить суровость.

— Поль, что там?

Джоан приблизилась к двери; ее лицо потемнело.

— Поль Эверард, вы обвиняетесь в убийстве Джима Калдера...

— Нет! — Даже больничные стены, привыкшие к горю и страданию, не слышали той боли, которая прозвучала в ее крике.

— Да что вы, ребята, — все еще не понимал случившегося Поль, — вы что-то путаете. Вам нужен другой.

Они часто не усекают это с первого раза, отметил про себя сержант, появившийся в дверях. Нужно время, чтобы дошло. А вот женщина, сестра преподобного, она врубилась с ходу.

— Послушайте, сэр! Это не мог быть Поль. Потому что у него алиби! Он просто хотел сохранить мое доброе имя. Потому что он был со мной. В ночь убийства Поль Эверард был со мной — всю ночь!

Ну и ну, подумал инспектор. С этими старыми девами держи ухо востро. Вот так выложила, не моргнув глазом. Но сумеет ли она встать и сказать это в суде? Впрочем, судя по ее решительному виду, пожалуй! Ну и счастливчик, этот Эверард. В сорочке родился. Многие дали бы все что хошь за такое алиби! С него все взятки гладки.

— Нет, — покачал головой Поль; он был удивлен, но не обеспокоен. — Ради меня не стоит лгать, Джоани, — мягко выговорил он ей. — Я не могу вот так взять и опорочить тебя перед всем Брайтстоуном. Да это и не нужно. Все это какая-то ошибка. Я пойду с ними, и все мигом образуется. Я сразу же вернусь, чтоб не оставлять вас с Клер одних.

Он улыбнулся и вышел. Две женщины, оцепенев от ужаса, смотрели друг на друга, стоя по обе стороны кровати, на которой неподвижно лежало забинтованное человеческое тело. И все демоны земли, все злые духи воздушной и морской стихий обнимались и прыгали от торжествующей злобной радости по поводу победы, под мрачной сенью которой отныне должна была продолжаться жизнь.

Сверху, с высоты птичьего полета, Сидней предстает взору гигантской ладонью с раздвинутыми пальцами — жест гостеприимства и покорности. Когда город рождался, его немногочисленные обитатели были практически беззащитны перед опасностями этого рокового берега. Но со временем небольшое поселение, отвоевывая каждый клочок земли у негостеприимной природы, разрасталось и процветало. Сейчас огромный город простирается во все стороны равнины со своими шоссейными дорогами, мостами, высокими зданиями и заводами. Городской центр этой весной, одевшей свежей зеленью бульвары и скверы, казался особенно радушным к новоявленным гостям. С каждым днем солнце грело все сильнее. Новое начало. Новая жизнь. Новая надежда.

Самолет начал снижаться, и девушка прильнула к иллюминатору. Аэропорт как аэропорт. Но сейчас для нее это единственное место в мире. Сидней. Громадный город. Да.

По мере того, как город разрастался вширь, он рос и вверх: каждое новое поколение зданий возносилось над выстроенными ранее, пока низенькие, бедные жилища первопоселенцев не были и вовсе стерты из памяти. Небоскребы из бетона, хромированного металла и стекла в центре Сиднея сейчас могут поспорить с лучшими зданиями Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, а Лондон рядом с ним представляет собой нечто из времен Диккенса. Сиднейские небоскребы год за годом все выше карабкаются в небеса, превращая улицы в глубокие бетонные ущелья, где тротуары никогда не освещаются лучами солнца и обитатели, торопливо спешащие по своим делам, напоминают рабочих муравьев,двигающихся не по своей воле, а по воле какого-то высшего существа.

И это прогресс? — с недоумением и беспокойством спрашивала себя Клер, поднимаясь с Робертом и Джоан в новый кафедральный собор^[17]. Стоя на верхней ступени лестницы, она могла видеть город во всей его утренней красе; великолепные здания сверкали на солнце, несмотря на постоянную дымку из-за загрязненности воздуха. Все вокруг свидетельствовало о человеческой изобретательности и технологической мощи — новый собор был живой скульптурой из стекла и стали, потрясающей, бескомпромиссной и смелой — триумф и бедствие одновременно, с точки зрения сиднейцев. „И это красота? — недоумевала Клер. — Или я уже настолько стара, что не могу воспринимать ничего нового?“

— Ну как, дорогая? — Роберт взял ее руку и нежно поцеловал в губы на прощанье. — До скорого. Надеюсь, служба тебе понравится. Ваши места впереди. Диакон знает, где вы сидите.

— Пока, Роберт, — и удачи!

Он улыбнулся ей своей обворожительной улыбкой.

— Ты моя самая большая удача, дорогая, — ты и Джоан. — Он еще раз поцеловал ее и ушел. Со всех сторон его приветствовали молящиеся, церковнослужители, активисты прихода и простые прихожане, все теснились, чтобы увидеть его и пожать руку. Благожелательный как всегда, он для всех находил слово или улыбку, пробираясь сквозь толпу к ризнице^[18] и соборным помещениям для клира^[19].

— Он прекрасно выглядит сегодня. — В голосе Джоан слышалось больше одобрительных ноток, чем она обычно себе позволяла. — Это великий день, Клер.

— Да.

„День, — безрадостно отметила про себя Клер, — до которого я не надеялась дожить“. После падения Роберта и долгих ночных ожиданий в больнице, с их неизменным отчаянием, Клер поняла, что в глубине души завидует тем женщинам, чьи мужья погибали прямо в момент катастрофы. Для нее эта ни жизнь, ни смерть казалась неизмеримо страшней, когда пробуждавшаяся надежда неизменно сменялась разочарованием, а молитвы теряли всякий смысл, тупо повторяясь изо дня в день. Ранения Роберта были ужасающими. Падая вниз по главному стволу, он ударился головой о стену и потом еще раз. Кроме того, от удара упавшего сверху подъемника у него было множество тяжелейших повреждений внутренних органов.

После трагедии потянулись тяжелые дни ожидания. Сначала признаки жизни были столь слабы, что со дня на день все могло кончиться смертельным исходом. Прошли недели безнадежных бдений у постели больного, когда ей наконец сказали, что он будет жить, но предупредили при этом, что травмы головы столь тяжелы, что он может так и не прийти в сознание. А если и придет, то все равно, вероятно, навсегда останется неполноценной личностью. Когда он в конце концов открыл глаза, когда стал говорить и узнавать ее, и стало очевидно, что разум его восстанавливается, следующим этапом нескончаемых беспокойств стало его тело — под вопросом оказалась сама возможность ходить, правая рука могла отняться, и ему грозило остаться инвалидом на всю оставшуюся неминуемо краткую жизнь.

Не жалуясь, не ропща, с бесконечным терпением, мужеством, проявляя самые свои замечательные качества, которыми щедро одарила его природа, Роберт не оправдал самые мрачные прогнозы. Но даже тогда, когда выздоровление стало реальностью, и Роберт, по существу, вернулся к состоянию, близкому к изначальному, Клер не испытывала чистой, незамутненной радости: к ней всегда примешивался страх — подспудный, никогда не высказываемый, но от этого еще более сильный, — страх убедиться в один прекрасный день, что все надежды оказались вдруг иллюзией. Она уже раз чуть не потеряла его — судьба может повторить свой жестокий эксперимент.

А похожее на чудо физическое выздоровление скрыло от всех, даже поначалу и от врачей, правду о тайном изъяне его организма: сотрясение мозга привело к частичной потере памяти, сознание его стало действительно *tabula rasa*^[20]. Роберт ничего не помнил о ночи катастрофы и о событиях, предшествующих ей. Тогда и только тогда он кричал от боли: когда останавливался на краю этого умственного обрыва, заглядывая в пустоту, где ему не открывалось ничего, и он понимал размеры своей потери.

При таких чудовищных нарушениях, требующих нескончаемых циклов хирургического вмешательства и длительных периодов выздоровления, его церковная карьера на время замерла. Но медленно, шаг за шагом он начал двигаться вперед. Сначала его назначили в приход побольше, где он выполнял не очень сложную работу в епархиальной консистории^[21], потом, когда проявились его способности работать с документацией, его повысили по административной части.

Наконец его перевели в Сидней, о чем он втайне мечтал в былые дни и чему обрадовался нынче как открывающейся возможности попробовать себя на более широком поприще, помогать тем, кто не может помочь себе сам, изменять их жизнь к лучшему, чего он всегда хотел. Работая при архиепископе, Роберт моментально проявил себя как

прекрасный составитель планов, проектов, но прежде всего показал себя в работе с людьми. Постепенно он поднимался ступень за ступенью, завоевывая друзей и приверженцев из всех слоев. А когда новый кафедральный собор получил наконец после многолетних колебаний добро церковной иерархии, кому, как не Роберту, было доверить настоятельский сан?

Роберт... Ее лицо смягчилось, и на губах мелькнула улыбка. Как удивительно он относился к ней все эти годы скорби и разочарований — каким был постоянным, любящим и добрым! Ни разу в этой изматывающей борьбе за свое выздоровление не упрекнул за то, что она не дала ему долгожданную дочку или желанного сына, всегда она видела от него благодарность и поддержку. Он только еще больше любил ее. Для Роберта она, и Клер чувствовала это своим женским чутьем, оставалась подругой юности, девушкой, которую он любил и завоевывал на берегу бухты Крушения.

Как далеко все это от суровой реальности, о которой ей ежедневно сообщало зеркало. Со всей честностью она признавалась себе, что время не пощадило миссис Роберт Мейтленд. Что говорить, добрыми эти годы никак не назовешь. Иногда она думала, что день, когда они с Робертом вернулись в Брайтстоун и потом все вместе приехали в гости к родителям и сидели с ними на солнышке и веселились, был последним днем ее счастья. Тогда она верила, по-настоящему верила, что они посланы в Брайтстоун специально для того, чтобы Роберт смог примириться с угнездившейся в его сердце скорбью и чувством вины за гибель родителей, что он будет замечательным священнослужителем и служба в Брайтстоуне станет ступенью к дальнейшему продвижению.

Но был ли особый смысл во всем, что случилось, одному Богу известно. Клер отмахивалась от этих мыслей, но они возвращались к ней вновь и вновь и наконец прочно поселились где-то на задворках сознания. Неужели Богу было угодно, чтобы Роберт упал с этой клетки на сотню футов в черноту бездны? Неужели по Его воле погиб Джим Калдер, а его дочь покончила с собой, и все сошлось так, что вина пала на ее брата Поля?

Поль. При одной мысли о нем вернулась старая привычная боль, молчаливая печаль, никогда ее, в сущности, не оставлявшая.

— Все это какая-то ошибка, — говорил он тогда. — Я пойду с ними, и в мгновение ока все станет на место. Я вернусь, очень скоро вернусь. — С того самого момента, как он вышел в сопровождении двух полицейских из больничной палаты, где лежал Роберт, она больше никогда не видела брата вне тюремных стен; эти несколько шагов до полицейской машины были последними в его жизни шагами свободного человека.

Как они могли предъявить обвинение и судить невинного человека?

— Не спрашивай! — сказала Джоан, — не сказала, а взвизгнула, потеряв всякое терпение от бесконечных приставаний Клер: она непрерывно возвращалась к этому вопросу, на который ни у кого не было ответа. Клер передернуло. Даже сейчас она не могла спокойно вспоминать это время.

Мученичество Поля, эта его прижизненная смерть составляли лишь часть катаклизма, потрясшего Брайтстоун в то время и отразившегося на многих. Обвал в шахте, как выяснилось после нечеловеческих усилий спасателей, разрушил, по существу, всю подземную систему, унес 170 жизней: это была величайшая катастрофа на шахтах в истории Австралии.

Когда выяснился объем разрушений, о возобновлении угледобычи не могло быть и речи. Жены и вдовы были обречены на нищету, потомственные шахтерские кланы, жившие здесь из поколения в поколение, рушились и рассеивались по земле, поскольку ночная катастрофа

на шахте лишила их всякой надежды на будущее. С исходом молодежи и трудоспособных отцов семейств Брайтстоун умер.

— Тут теперь остались одни старухи, вроде нас, — с убийственной точностью заметила Молли в один из редких визитов дочери в маленький шахтерский коттедж, на место своего рождения. Брайтстоун все больше напоминал город-призрак.

Может быть, в этом году им удастся вызвать маму сюда в Сидней, подумала Клер с новой надеждой. Пришла весна... и теперь Роберт получил новое назначение, вернее, получит во время освящения... может, удастся уговорить маму... Особняк настоятеля, этот фантастический новенький дом над гаванью, столь огромен, что с лихвой хватит на всех! Стоит попробовать...

Думая о своем, она вошла вслед за Джоан в собор и вдруг почувствовала на своей руке чью-то сильную руку.

— Клер! Не задержу вас — хотел только поздороваться. И мисс Мейтленд — как поживаете?

— Меррей! — с откровенным удовольствием приветствовала Клер. — У нас все прекрасно, просто прекрасно. Конечно, волнуемся!

— Могу представить, — одобрительно кивнул Меррей Бейлби. — А как ваш драгоценный супруг?

Клер засмеялась.

— Вы и сами знаете! Лучше некуда! И все это благодаря вам!

— Сие никому не ведомо, — покачал головой Меррей. — Не забудьте других врачей. Я подключился уже после них.

— Но ваше вмешательство было очень важно, — возразила Джоан, высказывая мысль Клер.

Меррей со смехом поклонился.

— Ну, сегодня, во всяком случае, я здесь в качестве друга, а не невролога! Не буду же я лезть к Роберту во время службы, чтоб осмотреть голову! И вот, что я вам еще скажу — теперь с его памятью никаких бед не будет, коль скоро новоиспеченный настоятель собора собирается принять такое горячее участие в собственном посвящении!

Он прав, подумала с радостью Клер. Роберт в отличной форме, и ему нужно, чтоб и я была в порядке. Ему понадобятся все силы, потому что он многое хочет сделать. Но все идет хорошо, лучше некуда — кто знает, может, теперь наконец все будет прекрасно?

Девушка сошла по трапу приземлившегося „Боинга-747“ Британской авиакомпании и теперь вместе с остальными пассажирами ждала багаж. Несмотря на кондиционеры, воздух был слишком горячий и влажный для ее светло-золотистой кожи, а голоса снующих вокруг людей ласкали слух странной музыкой непривычной австралийской речи. Получив наконец свою потрепанную сумку, она отправилась к иммиграционной службе.

Все будет прекрасно.

Все будет прекрасно!

Сидя рядом с Клер, Джоан с трудом сдерживалась, чтобы не вскочить и не прокричать эту радостную весть всем присутствующим, а здесь собрался действительно весь сиднейский свет: представители власти и капитаны бизнеса и индустрии, церковные иерархи и члены влиятельнейших семейств, все сливки столичного общества, а, стало быть, всего острова.

Быть здесь! — по такому поводу! — при мысли об этом сердце Джоан готово было выпрыгнуть из груди. Отныне Роберт — настоятель Мейтленд! Да, это вершина его жизни!

Впрочем, не более того, что он заслуживает. Да и то, что он настоятель, вовсе не означает окончания его карьеры. Настоятелю кафедрального собора Сиднея открыт путь в епископы... даже архиепископы... почему бы нет?

Просто удивительно, как все складывается. Роберт так боялся когда-то, что застрянет в Брайтстоуне, погрязнет в рутине служения в маленьком городишке, слишком маленьком для его талантов. На самом же деле он прослужил там меньше года, а потом эта ужасная ночь вырвала его оттуда. А когда он пошел на поправку, епископ, потрясенный жизнестойкостью и силой воли молодого священника, а, кроме того, под давлением обстоятельств, поскольку приход в Брайтстоуне прекратил свое существование с закрытием шахты, перевел его в значительно больший приход в процветающем городе, что само по себе сыграло немалую роль в выздоровлении Роберта.

А куда Роберт — туда и Джоан: ее место в свите отныне не подвергалось сомнению. Ибо Джоан была столпом силы и оплотом в любом бедствии. Она заняла свое место у постели больного вместе с Клер и, по существу, все время его болезни управляла приходом, так что даже иные слабые души, судя по доходившим до нее слухам, поговаривали, что ей надо возглавить приход и сделаться первой женщиной-священником Австралии.

Теперь он без нее обойтись не сможет; Джоан это знала. Ее положение правой руки брата было формально подтверждено при переезде в Сидней на епархиальном, так сказать, уровне, поскольку поездка была оплачена, и она числилась исполнительным помощником Роберта. Это дало ей самое большое в ее жизни удовлетворение.

Ибо она не помышляла ни о родственниках, ни о браке, ни о мужчинах. В ее сознании, в ее сердце жил отныне только один мужчина — Роберт. Тот, кто владел раньше ее мыслями, оказался недостойным ее. Она могла бы простить ему шашни с этой потаскушкой, тем более что кому как не ей было знать, что он и пальцем к ней не притрагивался, поскольку маленькая блудница была предназначена исключительно для Роберта, удачливого соперника Поля в любви. Но когда она, Джоан Мейтленд, бросила ему спасательный круг — предложила свое имя, свое доброе имя, свою любовь там, в обычной больничной палате, под пошловато-презрительными взглядами двух полицейских, когда она все это сделала ради него, а он отшвырнул ее — отказался признать даже возможность того, что он, великий Поль Эверард, мог провести ночь с ней — даже ради того, чтобы спасти свою жизнь — тогда... тогда...

Она потрянула головой, чувствуя знакомый отвратительный прилив краски, заливающей шею и щеки. Он получил то, чего заслуживал. Ее совесть была спокойна, и она не вскакивала по ночам. Это было для него лучшее место. Лучшее и для него, и для всех.

Ведь пока он там — тайна спит. Ангел-хранитель Роберта изгладил из его сознания всякое воспоминание — он не помнил не только ночь страшного обвала, не только гибель Джима Калдера и свое собственное падение в шахту, но и события последних недель, предшествующие этому. А это значит, что он не помнил и девицу по имени Алли Калдер.

Джоан провела немало тревожных недель и месяцев, прежде чем сумела удостовериться в этом к вящей своей радости. А когда окончательно в этом убедилась, то не поленилась специально съездить в церковь и поблагодарить Бога и святого Иуду за его доброту. Она даже представить себе не могла, что бы делала с Робертом, если бы он, придя наконец в себя, стал настаивать на чистосердечном признании, на очищении души в исповеди, и этим

донкихотством погубил бы не только свое будущее.

Но разве это вернет к жизни тех троих: Калдера, Алли и Поля, заживо погребенного в центральной тюрьме? Да и кому они нужны? Лучше им оставаться мертвыми. Туда им и дорожка Господь дает, Господь и отнимает. Благословенно имя Господне. Ибо праведники вознесутся, а след нечестивых изгладится. Таковы слова Господни. Да будет...

И пусть весь мир
Повсюду воспекает
Моего Бога и Царя!

Высокий чистый дискант вел сольную партию; ему вторил хор. Начиналась служба освящения нового собора и поставление его духовного главы. Никогда в жизни она не воспринимала богослужение с такой радостью! Укрепляемая своими христианнейшими мыслями и чувствуя новый прилив сил, даруемых на ее праведных путях, Джоан поднялась со всей паствой, дабы приветствовать новоиспеченного настоятеля. Все прекрасно. Все более чем прекрасно. Все просто фантастически здорово!

В иммиграционной службе девушка долгое время убеждала чиновников позволить ей въехать в страну. Много тут вас, англичаночек, думает, что стоит только въехать сюда, а дальше все как по маслу — найти работенку или подцепить какого-нибудь полудурка, окрутить его, женить на себе, чтобы остаться, втолковывал ей суровый человек из службы иммиграции. „Да я только путешествую“, — оправдывалась она. И потом, с какой стати надо обязательно выходить замуж? В конце концов ей поставили визу. Подхватив сумку, она вышла из аэропорта на залитую весенним ярким солнцем улицу, и город принял ее в свой беспокойный многолюдный водоворот.

* * *

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы вместе отметить завершение огромного дела — строительства великолепного кафедрального собора; для меня это очень долго было просто идеей, мечтой и, да позволено будет признаться, подчас кошмаром.

Настоятель или нет, думала Клер, а он все тот же Роберт, цельность его натуры, как и физическая красота, совершенно неподвластны времени. Он должен говорить правду. Не для него умильные славословия ничтожеств, жаждущих ублажать и умамливать, — тем более в первом слове с новенькой кафедры. Однако то, как говорил Роберт, его манера, улыбка, как всегда искренняя и теплая, смягчала резкость слов, которые поначалу могли показаться выпадами против строителей собора, из-за постоянных забастовок которых строительство до бесконечности затягивалось.

— Наконец, благодаря всем труждавшимся здесь, благодаря всем верившим в наш замысел, всем жертвователям, всем сочувствующим и радеющим, мы можем собраться в вере, надежде и любви в новом, а по мнению многих из нас, прекраснейшем из домов Божиих, чтобы испросить благословение на наш возлюбленный град и процветание на нашу выжженную солнцем землю.

Хорош, надо отдать ему должное. Сидя сбоку в группе людей, солидный вид которых и недовольные лица выдавали профсоюзных деятелей, повинных в затягивании строительства, Мик Форд не мог не оценить профессионализм оратора. Да, преподобный, мы оба продвинулись, далеко продвинулись — и вы, и я. Потому что по Мику — его новый пост лидера австралийского профсоюза стоил двадцати таких настоятелей. Впрочем, если это то, чего ему было надо — вернее то, что надо мисс Джоан — ради Бога. Интересно, долго ли придется привыкать называть его „настоятелем?“

— Со всем смирением приветствую этот день, в который мне выпала честь присутствовать здесь и участвовать в совершении церемонии, которая для всех нас — для всего Сиднея — освятит это место для Богопоклонения. Сей дом Божий не только физическая реальность. Это символ нашей веры и того места, которое занимает Бог в нашей жизни. Да будет он средоточием стремлений всех тех, кто страждет и нуждается, всех тех, кто ищет и отчаялся обрести. Да будет он, подобно маяку в долгие темные ночи, светить нам и в нас, дабы мы видели.

Он склонил голову и преклонил колени для молчаливой молитвы. Завершая молебен, вступил орган. Женская часть паствы, отметил Мик, уже наготове, так и ждут мига, чтобы вспорхнуть и закружиться, словно ласточки, вокруг преподобного и греться в лучах его улыбки. А вот и его малышка-женушка и сестра — Мик даже привскочил с нескрываемым изумлением и только в последний момент спохватился, чтобы не присвистнуть. Джоан Мейтленд стала такой штучкой, и сейчас, а сколько воды утекло — она выглядит даже лучше, чем раньше! Не так уж плохо иметь в своем распоряжении такой цветник!

Отличная работа, преп, Думал Мик. Вам неизвестно, что значит спотыкаться, не так ли? Интересно, что нужно, чтобы везение покинуло вас?

22

Не было ничего легче.

Как это могло быть?

А почему он думал, что может?

Ежась от еще по-зимнему прохладного ветра на голой утопанной площадке перед центральной тюрьмой, Роберт подхватил Клер под руку. Она так ненавидела эти посещения и в то же время жила ими, каждый месяц считая дни, когда снова увидит Поля, и уходила с таким видом, будто покидает его на тюремном кладбище.

— Поль! Ты прекрасно выглядишь!

Что правда, то правда Поль улыбался, улыбка была вымученной, но как ни странно, это был все тот же старина Поль.

— Поль!

Клер каждый раз стоило огромного труда не расплакаться, когда Поля вводили в комнату для свиданий — по бокам охранники, как полагалось каторжнику. Понимая это, мужчины пытались как-то сгладить первое впечатление оживленным разговором.

— Привет, старина. Никак не уразумею, какого рожна ты привез на прогулку свою женушку в это Богом забытое место? Стоило тащиться в такую даль, да и на что здесь смотреть-то?

— Ну, позволь не согласиться с тобой, — подхватывал Роберт, стараясь поддерживать разговор в том же духе. — На тебя всегда взглянуть любо-дорого. Вроде и время не берет.

Ну, и как дела, дружище?

— Получше, чем у тебя, если сказать по правде!

Клер натужно улыбалась.

— Роберт был так занят! — вступала она. — Освящение нового кафедрального собора, поставление в настоятели...

— Поставление? Это что еще за штука такая? Звучит, аж мурашки по коже.

Роберт кивнул головой.

— Формальное введение в должность. Просто такой обряд. Вот и все.

— Я знаю. — Поль расплылся в улыбке. — Видел тебя по ящику. Вот это шоу!

— Что ты о нем думаешь? — живо спросила Клер.

— О чем? О соборе? — Поль по-прежнему любит уклоняться от ответа, отметил неодобрительно Роберт. — Отличная теплица для выращивания помидоров, столько стекла Ты что, настоятель, собираешься заняться разведением фруктов и овощей? — Вдруг он стал совершенно серьезен. — Ты слышал о шахте?

— Нет! А что? — воскликнули они в один голос.

— Ну, это пока вроде как слухи. Тут один из охраны, у него брат был шахтером, так и живет в Брайтстоуне, он мне говорил. Сказал, что еще сроки не определены, ничего не согласовано. Но я этому могу поверить! Эти ублюдки всегда так!

— Да о чем ты, Поль! — удивился Роберт. — Объясни, наконец!

На лице Поля появилось тяжелое жесткое выражение подавленной ярости, которое он обычно старался согнать во время их визита.

— Они отрывают шахту. Теперь есть новая технология; можно пройти там, где раньше пройти было нельзя, обойти осевшую породу и выйти на нижний пласт.

Они смотрели на него, не в силах ничего прочесть по его лицу, но догадываясь об обуревавших его чувствах.

Однако настроение Поля быстро переменилось. Со свойственными сильному здоровому человеку, насильственно поставленному в ненормальные условия, колебаниями психических состояний, он вдруг загорелся новой идеей.

— Ну, раз они решили рискнуть открыть шахту, может, и мне работенка там найдется, когда я отсюда выйду. Мне обещают досрочное освобождение, я вам не говорил? И на сей раз, держу пари, я получу его!

Он помолчал и продолжал дрогнувшим голосом.

— Потому что души шахтеров выйдут, как только они раскроют этот могильник, помяните мое слово! И черт побери, я должен быть там! Мне тоже надо свести кое с кем счеты, а? Потому как там, на воле, где-то ходит человек, который украл у меня двадцать лет жизни, и мне надо разыскать его во что бы то ни стало! А когда найду, я заставлю его платить по счетам!

— Боже мой, какой же он всегда озлобленный...

Как обычно Клер покидала тюрьму совершенно разбитая, в ужасе от всего увиденного.

— О, Клер... — Этот разговор повторялся уже тысячу раз. — А как бы ты хотела, чтоб он чувствовал себя? Поразительно еще, учитывая его положение, как он умеет держать себя в руках.

— Господи, помоги ему выйти из тюрьмы на этот раз!

Роберт взял ее ладонь и погладил с любовью.

— Не будем просить у Бога то, что, может, не в Его власти, — успокаивал он ее.

— Но они должны! На этот раз! Они должны!

Ему не хотелось убивать ее надежды. Но она поняла его молчание.

— Может, этот новый адвокат — из адвокатской коллегии — который согласился еще раз поднять дела — может, он что-нибудь придумает. Как знать? — она выдавила виноватую улыбку.

Через двадцать лет, Клер? Ее стойкость потрясала Роберта. Однако эта неугасимая надежда вопреки всякому здравому смыслу вступала в резкое противоречие с его чувством реализма. Если бы не его неизменная симпатия и понимание, у них был бы давно уже серьезный конфликт из-за Поля и его шансов. Но он слишком любил ее, чтобы спорить.

— Как знать? — мрачно согласился он.

— Но должно же быть что-то, что они упустили из вида, — продолжала настаивать Клер. Она уже не раз повторяла это. — Какое-то пропущенное связующее звено. Что-то такое, чего мы не знаем.

Ему все же придется охладить ее пыл.

— Клер, дорогая... ну, что еще, ты думаешь, можно сделать? Когда это кончится? В конце концов адвокаты, прошения, апелляции...

Ее миловидное лицо исказилось от гнева. — Не помогли извлечь его оттуда? Все впустую, ты хочешь сказать?

Головная боль, время от времени мучившая Роберта после падения в шахту, начинала давать себя знать. Чуткая Клер увидела, как побледнело красивое живое лицо.

— О, не обращай на меня внимание, дорогой! — с наигранным оживлением скороговоркой выпалила она. — Как-нибудь. Ну как-нибудь сделаем это!

Он заставил себя улыбнуться.

— Эверарды никогда не отступают, так что ли?

Она горделиво вскинула голову и смело глянула на него.

— Во всяком случае тогда, когда мы правы! И когда есть за что бороться!

— Я знаю. И здесь ты права. Бедный Поль! — Внезапно ему стало тошно от одной мысли о долгой дороге в Сидней, о ждущих его общественных делах в резиденции... о, Боже...

Клер была как всегда тут как тут.

— Послушай, дорогой, похоже у тебя не то настроение, чтобы присутствовать на вечере.

— А у тебя?

Она просунула свою ладонь ему под руку, как бы подбадривая его.

— Когда приедем, все будет в порядке. Я поведу машину первую половину пути. А ты тем временем охарактеризуешь людей, с которыми мы должны встречаться сегодня вечером, своими знаменитыми мейтлендовскими краткими замечаниями, и я буду в курсе, кому нужно понравиться в „Алламби“!

Славный „Алламби“ знавал и лучшие дни. Тогда им владел богатый сиднейский купец, и особняк был гордостью знатного семейства. Но когда вторая мировая война призвала всех слуг, наследники богача были счастливы продать дом Городской опеке, специальной сиднейской городской организации по охране и поддержанию памятников старины. Тогда Церковь вступила в успешные переговоры с Опекой с тем, чтобы „Алламби“ передали ей, а она, со своей стороны, реставрировала бы его и использовала как дом для сиднейских

престарелых и центр помощи всем старикам и пенсионерам.

„Алламби“ стал одним из его излюбленных мест с первого дня появления в Сиднее. Обитатели „Алламби“ первыми оказали Роберту теплый и бескорыстный прием, в отличие от так называемых образованных кругов с их большей сдержанностью по отношению к новым лицам, появляющимся на общественной сцене. И только в „Алламби“ он мог с уверенностью ожидать неизменно улыбающиеся лица, невинные сплетни и чувство беспечного отдыха, который для него в его плотном дневном графике становился все большей роскошью.

Сегодня был „День Рождения Алламби“, ежегодный праздник в честь того дня сорок лет назад, когда дом стал постоянным приютом для немногих счастливых и благотворительным центром, где всех остальных старше шестидесяти всегда ждала забота, еда и питье, беседы и общение. И никто не жаловался, что дом за эти годы несколько поистрепался и утратил былое великолепие. Домашняя атмосфера „Алламби“ с его старыми, потертыми креслами, обветшалыми коврами и низенькими удобными диванами делала дом куда более уютным и радушным, чем королевский дворец. Через гостиную, занимающую весь первый этаж, кто-то протянул полотнище, на котором от руки было написано: „Привет, „Алламби“ — счастливого Дня Рождения!“ Роберт с порога проникся духом веселья, царившим здесь.

Обитатели дома и обслуживающий персонал сгрудились у рояля. В центре внимания в этот день оказался ветхий старичок, исполнявший весь свой былой репертуар — песенки, бывшие в моде еще до второй мировой войны. „Кто виноват?“ — напевал он высоким чистым голосом, словно пчела жужжала в каминной трубе.

Кто виноват?
Чье сердце разбито,
Кто нарушил
Все клятвы...

Дружески улыбаясь, Роберт подошел к пианино и похлопал по плечу исполнителя.

— Привет, Артур! Голос у тебя хоть куда! В следующий раз будем смотреть тебя по телевизору!

— Роберт!

Джоан была уже здесь, с преогромным, на целую армию, чайником в руках, с неизменной улыбкой, предназначенной всем обитателям „Алламби“, которые ее знали, как, впрочем, и все сиднейцы.

— Рад вас видеть, мисс Мейтленд. А как насчет выпивки?

— Минутку, Тимбо. Мне надо пару слов сказать настоятелю.

Роберт бросил на нее быстрый взгляд.

— Не обязательно все время называть меня по сану, право! Я все тот же старина Роберт Мейтленд, если как следует приглядеться.

„Так ли?“ — вдруг подумал он. В голове у него мелькнули слова старинной испанской поговорки: „Возьми, что тебе нужно, — и плати за это, говорит Бог“. Он всего этого хотел — да, он хотел продвижения, признания, славы, почета — с того самого момента, как стал служить Церкви. Да и раньше, если быть честным. Мысль о том, чтобы остаться просто

Робертом Мейтлендом, всего лишь Робертом Мейтлендом, обыкновенным Робертом Мейтлендом, была ему невыносима. Настоятелем Мейтлендом — куда ни шло. Это звучит. Это и в самом деле неплохо. Но не за счет же того, чтобы терять любовь сестры, чтобы превратиться для нее в церковного иерарха, а не реального, живого брата со всеми его недостатками.

— О, Роберт! — Джоан незаметно кивнула Клер, приветствовавшей на другом конце залы двух своих восьмидесятилетних поклонников. — Как прошло свидание с Полем?

— Как всегда.

Его тон ясно давал понять, что больше ему на сей предмет сообщить нечего. Джоан смиренно сделала шаг в сторону.

— Да, пару слов о тех, кто здесь. Ты знаешь старика Артура, это тот, с которым ты только что говорил, за фортепьяно. Оказывается, в четверг у него день рождения: ему исполняется семьдесят шесть. Думаю, не мешало бы упомянуть об этом в твоём слове в честь дома. Это сделает твою речь более личной — Артур здесь очень популярен.

Роберт кивнул в знак согласия.

— Да, и вот еще что. Некоторые из живущих здесь старичков поговаривают, что „Алламби“ закрывается — его собираются продавать.

— Быть того не может, — как-то само собой вырвалось у Роберта. — Это здание в списках, оно не подлежит продаже. Оно охраняется законом. К тому же дом находится в ведении Городской опеки. Они никогда не продадут его на снос.

— И я то же говорю, — улыбнулась Джоан. — Но старики обеспокоены. Может, скажешь пару слов на эту тему, чтоб их успокоить?

— Я сделаю больше. — Роберт отметил для себя этот вопрос. — Я выясню все при первой же возможности. Переговорю с председателем Городской опеки; надо удушить этот слух в зародыше. Обитателям дома от этого только лишняя головная боль.

Джоан изобразила благодарную улыбку.

— И последнее. Здесь супруга нового второго священника, Патси, преподобный Райт присоединится к нам через некоторое время, когда закончит вечерние требы [\[22\]](#). Не забудь поздороваться с ней при первой же возможности. Она милая девочка; пришла пораньше, чтоб помочь нам с чаем. Очень обходительная.

Джоан была бы не столь очарована обходительной миссис Райт, молодой женщиной, которую она уже наметила себе в помощницы по делам в соборе, если бы подслушала разговор, происходящий между ее новой протеже и одной из работниц центра по уходу за престарелыми на кухне „Алламби“.

— Что? Брат миссис Мейтленд? — Глаза Патси стали размером с блюдце. — Это правда?

Служащая пожала плечами.

— Чистая правда.

— А эта девушка, за которой он приударял и отца которой убил, она что, после этого покончила с собой?

— Нашли только ее вещички в воде. Босоножки и еще что-то. Саму ее так и не нашли. Так-таки ничегошеньки.

— Ооо!

„Мама говорила, что в Сиднее чего только не увидишь“, — подумала Патси. Но такого представить себе невозможно!

— Вот это да! Нашли только босоножки? Ну и ужас! — Тень сомнения мелькнула в головке Патси. — Но если это так, почему я ничего об этом не слышала раньше? Почему они ни разу не говорили об этом?

„И откуда такие берутся, — думала женщина, старательно моя посуду. — Словно всю жизнь проспала?“ Она стряхнула воду из чашки и пристально посмотрела на Патси.

— Подумай об этом, солнышко. Как ты считаешь?

— Но настоятель — если он был таким героем в ту ночь, там на шахте, почему он никогда об этом не говорит?

— Да не может!

— Но почему?

— Амнезия! — ответила женщина, кладя на место губку для мытья посуды. — Полная потеря памяти! Как младенец! Выпало из сознания! Он ничегошеньки не помнит!

Патси вспомнила, какое неизгладимое впечатление произвела на нее недавняя длинная и сложная служба инаугурации, во время которой Роберт ни разу не заглянул в Библию или книгу чинопоследования. А его поразительная способность помнить почти всех в приходе по имени и в лицо? Но ей не хотелось портить хороший рассказ.

— Ну, а дальше, — попросила она.

— Да это и все! Семейный позор! Грязная тайна!

— Позор! Тайна! Да... — Патси была на седьмом небе. Мама будет в восторге!

— Так что, когда в следующий раз увидите эту мисс Мейтленд, которая вечно задирает нос...

— Что такое, Эллен?

В дверях стояла Джоан, глаза ее сверкали, как у змеи. Но женщину из центра попечения престарелых не так-то легко было испугать.

— Да вот, говорим о Брайтстоунском убийце, — с вызовом бросила она. — Что в этом такого? Это всем известно.

Джоан выпрямилась во весь свой внушительный рост и бросила на преступницу такой испепеляющий взгляд, что он прожег бы сталь.

— Кому всем, Эллен, простолюдинам? — Она круто повернулась к Патси. — Пойдемте со мной, Патси. Если вы хотите быть здесь счастливы — если вы действительно хотите войти в наш круг и стать одной из нас, нам придется немного поговорить.

Это замечательно. Краем глаза Роберт увидел Джоан и маленькую жену второго священника, беседующих в другом конце гостиной, и почувствовал обычную благодарность сестре за ее неустанную заботу. Она сумеет приглубить новенькую и ввести ее в свой круг.

К этому моменту праздник был в разгаре, и старики развлекались от души. Роберт улыбнулся, тихонько удалился в дальний конец залы и уединился в большом эркере, отделенном от остального пространства тяжелыми занавесями.

Почему так всегда случалось, — в минуты настоящего счастья, когда в душе его царил истинный мир, в нем всегда возникало какое-то особое чувство, которое он не мог определить — словно отзвук незнакомого голоса, или присутствие какого-то человека? Последнее время частенько, особенно в полдень, он вдруг начинал испытывать сладкую боль, какое-то щемящее чувство, что-то необъяснимое; это были чувства настолько тонкие и смутные, что он сомневался, мог ли кому-либо описать их.

И в самом деле, как можно обсуждать мимолетный запах — тень воспоминания —

неизъяснимое и внезапное желание — острое ощущение, что прямо у тебя за плечом, стоит только протянуть руку, находится призрак кого-то очень для тебя значимого — лицо, которое ты обречен никогда не видеть, ладонь, навеки ускользающая из твоей ладони, как сон, истаивающий после пробуждения? Кто-то неизвестный — и в то же время знакомый, как никто другой во всем мире? Как расскажешь, что звук, запах, цвет пробуждали — не память, нет, потому что там ничего не было, а эхо, далекий отголосок?

Он тряхнул головой. Хватит, достаточно — он уже испытывал это раньше, и каждый раз нахлынувшие чувства заставляли трепетать от какого-то внутреннего ликования, от прилива счастья, которым нельзя было с кем-либо поделиться и о котором нельзя никому поведать. Он боялся отдаться этому чувству, боялся расслабиться и потерять контроль над собой. Просто лезет всякое в голову. Он переутомился с освящением собора. А тут еще эта утомительная поездка к Полю. Она его совсем доконала. Даже Поль заметил, как плохо он выглядит.

Пора домой. Надо найти Клер. В поисках жены он начал пробираться по залу. Увидев его, она повернула к нему свое нежное, ласково улыбающееся лицо.

— Роберт? Пора...

Донесшиеся вдруг звуки пианино ударили его, словно электрический ток. Это были первые аккорды песни, которая наполнила зал.

Я люблю тебя
Всегда,
И любовь моя крепка
Всегда.
Не на час,
И не на день.

Он плыл с музыкой; он сам был музыкой; и, как сама музыка, пронизывал время. Ощущение, только что встревожившее его, нахлынуло вновь с невероятной силой, и он почувствовал необходимость опереться на что-нибудь. Рядом плыло лицо Клер, ее улыбка, казалось, говорила:

— Наша песня — помнишь?

Обрывки — чего? — проносились где-то на периферии сознания и пробуждали бессвязные воспоминания. Огромный зал, вроде этого, и как этот полон народа Клер рядом, как сейчас, и песня — эта песня...

И что-то еще. Что-то еще, более важное, чем все это. Воспоминание — чего? Места? Человека? Какого-то особого вечера? Или всего вместе и еще чего-то? Он чувствовал, чувствовал это, колотя в дверь своей памяти, умоляя впустить его. Но дверь не открывалась. А пока он не может войти туда, он не увидит этого лица...

Когда то, что ты задумал,
Потребуется помощи,
Я пойму
Всегда...
Всегда...

— Всегда, Артур? — пробормотал он, и душа его была спокойна. Как долго длится это всегда?

Следующее утро обещало дивный денек из тех весенних деньков, что бывают прекраснее летних. Выбравшись из дома в молочном свете раннего утра, Роберт в прекрасном настроении покатил к собору.

Он не очень хорошо спал эту ночь — но и бессонницей это не назовешь. Вернувшись вчера со странным чувством, которое он толком не мог объяснить самому себе, он взял Клер с таким неожиданным пылом и любил ее долго и страстно, несясь на гребне этого чувства, отдаваясь его взлетам и падениям, пока оба не взорвались в наслаждении. Потом Клер мгновенно провалилась в глубокий сон, а он все лежал, не засыпая, паря где-то там, и лишь потом сон встретился с мечтой в белом царстве на границе сна и бодрствования.

Ночь без сна... Но он не чувствовал усталости. Наоборот, какое-то странное возбуждение, ликование все еще не покидало его, и он наслаждался его прикосновением. Он знал, что это чувство не покинет его сейчас, а продержится всю службу, на которую он ехал. Роберт спокойно собрался с мыслями и сосредоточился на предстоящих делах.

Больше всего, больше даже, чем семейные события — бракосочетание или крещение — он любил раннюю утреннюю литургию. В это утро он был в полном смысле слова облечен в ризу почти совершенного духовного блаженства, — в ладу с собой, с жизнью и Богом. Как он и ожидал, любимые и хорошо знакомые слова Богослужения легко, словно сами собой, всплывали в его сознании, подобно старинным фигуркам из слоновой кости, отполированным ласковыми прикосновениями своего владельца.

Всемогущий и любящий Боже, которому все сердца открыты, все желания известны и от которого нет ничего тайного, очисти помыслы сердец наших, вдохни в нас Духа Твоего святого...

Пора Сердце его переполнилось, и он выступил вперед.

Служба шла прекрасно. Он это чувствовал. С его чуткостью, с вниманием к каждому слову, каждому гимну у него не бывало неудачных богослужений. Но иногда, как сегодня, происходило что-то особенное, и паству соединяло с ним более глубокое чувство, чем обычно.

— А теперь пора всем грешникам и всем тем, кто спит в избыточных щедротах Господа, очнуться от своего сна. Ибо спасение наше ближе, чем полагаем мы во дни тьмы нашей. Ибо ночь помрачения нашего на исходе, на пороге день, дивный день освещает нас со всех сторон...

Он поднял глаза. Внизу, коленопреклоненные, стояли ожидающие святого причастия, головы их, темные, светлые, седые, склонились в молитве. А что это там? В конце храма? Он посмотрел в проход. Нет, ничего. Опять воображение — или обман зрения? Возвысив голос, он продолжал:

— А посему отринем дела тьмы и облечемся в доспехи света.

Света... Вдруг он увидел темя овальной головки, волосы, светлые и тонкие, как у ребенка, коленопреклоненную фигуру, девически-гибкую и стройную. Роберт внезапно запнулся. Эта головка... эти волосы...

О чем он думал? Обо всем... ни о чем. Откуда-то издалека возникло чувство счастья, которое он пережил прошлым вечером в „Алламби“, стало расти и заполнять его всего, так что сердце запело от радости. Возбужденный и немного встревоженный, он пытался взять себя в руки. Плавно, но немного поспешнее чем обычно, он перешел к таинству святого причастия. Стоя перед алтарем с хлебом и вином, он вновь почувствовал себя спокойным, твердым и умиротворенным. Внутренне ликуя, как это всегда бывало с ним в этот высший момент, он взял в руки хлеб и благословил его.

— Тело Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас: примите, ядите, сделайте это в воспоминание о любви Христовой, приступим с благодарением в сердце...

Один за другим причащающиеся тихо подходили к дальнему концу алтарной перегородки и, преклонив колени и голову в молитве, терпеливо ждали, когда он приблизится к ним.

— Кровь Господа нашего Иисуса Христа, за вас пролитая, да будет телу твоему и душе во исцеление и в жизнь вечную. Пейте сие в воспоминание, что Христос умер за вас, и живите в благодарение...

Он дошел до конца очереди коленопреклонных. Отвернувшись к алтарю, спиной к пастве, он долил чашу густым, сладким, красным как кровь причастным вином и поднял потир^[23], чтоб продолжить. Причастившихся сменила новая очередь ожидающих. Он повернулся. Перед ним на коленях у алтарных перил стояла юная девушка, длинные белокурые волосы с макушки струились по совершенному овалу головки и на ладони, сложенные в молитвенном жесте. Какая-то неясная тень мелькнула в его памяти. Он подошел к ней.

— Примите... ядите...

Девушка подняла свою головку, и глаза ее взглянули на него. Этот взгляд был столь выразителен, столько было в нем странного и непонятного, что он даже не посмел попытаться осмыслить.

— Тело Господа нашего Иисуса Христа...

В уголках серо-голубых, как сланец, глаз таилась лукавинка. Все поплыло перед ним, его куда-то уносило — неведомо куда. Она пристально глядела ему в глаза, повелевая взглядом смотреть на нее и требуя ответа. Она призывала его к себе, взывая к его душе, словно своей собственной. Этого нельзя было вынести. Она глядела на него, в него и сквозь него, и чернота сомкнулась над ним, охватив его ум, душу, зрение; он потерял сознание, проваливаясь в объятия с готовностью ждущей его тьмы.

— Нет, уверен, ничего серьезного. Просто переутомление. Да этого и можно было ожидать. Настоятель столько работал последнее время. Да, можете предоставить его мне. Я позвоню если нужна будет ваша помощь. Благодарю.

Роберт слышал, как закрылась дверь ризницы, затем к старинной кушетке, на которой он лежал, кто-то приблизился. Он открыл глаза и увидел улыбающееся лицо Меррея Бейлби.

— Бог ты мой, — удивленно воскликнул Роберт. — Что это вы здесь делаете?

Меррей рассмеялся.

— Ваш второй священник запомнил меня по инаугурационной службе. Ну и когда вы столь театрально рухнули прямо в алтаре, мне тут же позвонили, чтоб спасти вас.

— О, Боже! — простонал Роберт, и его бледное лицо порозовело. — Неужели я правда вырубился? Черт, это надо ж быть таким дураком.

— Вот это уж действительно глупости! — живо возразил Меррей. — Вы всего лишь человек, Роберт, а человеческому телу свойственно время от времени отключаться, особенно когда мы взваливаем на себя слишком многое. Расскажите, что случилось этим утром.

— Да ничего, — медленно произнес Роберт. — Я причащал. Чувствовал себя отлично, честное слово, совершенно отлично, даже... — он остановился.

— Даже что? — пытливо посмотрел на него Меррей.

— Ну... — из уст Роберта сорвался смешок. — Даже более чем отлично. Сказать по правде, прошлую ночь и сегодня я чувствовал себя как-то особенно хорошо.

Меррей не спускал с него пытливый взгляд, но не произносил ни слова.

— А потом в алтаре — Боже, это звучит смешно, вы посмеетесь.

— Постарайтесь все рассказать, Роберт. Я ваш врач, помните.

— Эта девушка — я ее в жизни не видел... Она посмотрела на меня так чудно, что я вырубился.

Меррей не засмеялся.

— Вы не чувствуете утомления? Не больны? — продолжал допытываться он.

— Нет.

— А как насчет былых бед — травмы не дают о себе знать?

— Только головная боль время от времени — а в общем, ничего необычного.

„Нет, здесь что-то не так, — размышлял Меррей, — или я ни бельмеса не смыслю в неврологии“. Однако не стоило беспокоить пациента раньше времени.

— Ладно, вот что, почему бы нам не сделать пару старых тестов, так, для очистки совести? — бросил он как бы между прочим. — Ну а пока, Роберт, что бы вы там ни говорили, не перегружайтесь. Какой толк от вашего нового великого сана, если вы надорветесь, пытаясь сдвинуть горы? А теперь остаток дня отдохните, поезжайте к себе домой и тихо-мирно посидите с вашей милой женой. И это, — закончил он твердо, пресекая возможные протесты Роберта, — приказ врача, ясно?

Конечно, отдых ему не помешает. Или небольшой перерыв. И скоро он будет опять в порядке. Не успеет и глазом моргнуть, как все пройдет.

Клер брела в нескольких шагах позади погруженного в раздумья Роберта. В ушах ее еще звенели банальные утешения, раздававшиеся со всех сторон. Разумеется, она была рада, что Меррея вызвали в собор сразу, как только Роберту стало плохо, но даже лучший врач Сиднея со всеми своими приборами и новейшими тестами не мог членораздельно объяснить, почему все же Роберт так внезапно и неожиданно потерял сознание. Клер тоже не знала. Единственное она знала наверняка: случившееся очень напугало ее и сделало опять уязвимой.

Остановившись, Роберт обернулся к ней, подставляя лицо лучам весеннего солнца.

— Ты где, Клер? — весело позвал он. — Мы, насколько я помню, хотели прогуляться вместе, порадоваться морскому виду и весенней погодке, а ты оставила меня в одиночестве.

Она не торопилась догнать его. Он бросил на нее внимательный взгляд.

— У тебя что-то на уме? О чем задумалась?

— О... — Что сказать? — Я рада, что мы сюда пошли. Ветер, море — это всегда напоминает мне о доме.

Брайтстоун был для нее домом — до сих пор. Он знал это. А она была такой домашней.

Трудно представить, что Клер чувствовала себя уютно в этом огромном особняке, который предоставили ему в качестве официальной резиденции. Брайтстоун. Да, думал он с нежностью, Брайтстоун всегда будет оставаться ее домом...

— Ты поедешь, Роберт?

— Мммм?

— Домой. В Брайтстоун. На торжественное богослужение. Теперь уже точно известно, что они там открывают шахту.

— Ах, да. — Он помолчал, пытаясь нащупать в кармане официальное приглашение, пришедшее сегодня утром. — Там намечена не только служба в церкви. Они задумали уйму всяких мероприятий в честь восстановления шахты. И в том числе, — он натянуто улыбнулся, — чествование героев катастрофы на шахте. — Клер сочувственно улыбнулась в ответ на его улыбку. Ей ли не знать, с каким смущением воспринимает он саму мысль, что его будут чествовать за спасение Джонни Андерсона и других. — Так что я даже не знаю. Честно говоря, не знаю.

— Но должна же быть поминальная служба или еще что-то... В конце концов это не просто какая-то выработанная шахта. Если не будет признан тот факт, что это могила десятков брайтстоунских шахтеров, вся затея превратится в омерзительный фарс.

— Я так не думаю. — Она отметила, как пальцы его потянулись к виску. — По мне, так это замечательная идея. Не хотел бы я только, чтоб она исходила от Мика Форда.

Бледное лицо Клер вспыхнуло румянцем.

— Я этого не знала! — Роберту было отлично известно, что Мик Форд, человек, засадивший ее брата за решетку, был проклят Клер. Но все же ей надо сказать об этом.

— Судя по всему, это исходит от него. А я ему не доверяю, Клер.

— Что ты говоришь!

Эти вспышки горького сарказма всегда изумляли Роберта.

— Но послушай, я ведь имею в виду не его свидетельские показания в деле Поля, — стараясь успокоить ее, сказал он. — Мы же договорились — он не лгал на суде. Кого бы он там ни видел, он искренне считал, что той ночью у обрыва был Поль.

Она гневно покачала головой.

— Он наговорил на Поля, и ты это отлично знаешь.

— Что правда, то правда. Но нельзя на него все валить.

— Но если б он хотя бы признал, что мог ошибиться, у Поля был бы шанс. А так он сознательно заваливал его — это ясно как день!

— Здесь есть еще что-то. Если Мик Форд стоит за идеей торжественного богослужения в честь новооткрытия шахты и в память погибших на ней, даю голову на отсечение, за этим что-то кроется. Но священнику трудно отказаться от приглашения отслужить молебен. Не поеду я, найдут кого-нибудь другого. Дело вообще не в этом, а в том, что здесь работы невпроворот. Теперь с открытием собора нужен огромный фонд на его поддержание, и пора составлять план нового строительства У меня, правда, просто нет времени.

— А еще „Алламби“ — не забудь про „Алламби“ и этих стариков.

— Конечно, я не забыл. Вот и еще одно дело в списке. Я все никак не встречаюсь с этим типом из Городской опеки. Но видишь, вот еще причина не покидать сейчас город. Вот я и раздумываю, что важнее — Сидней или Брайтстоун. И честно говоря, не могу решить.

Глубоко задумавшись, он шел по песку легкими стремительными шагами, явно довольный передышкой в повседневных заботах. Наконец Клер прервала молчание.

— Роберт, — обратилась она к нему, вся подавшись вперед. — Приглашение пришло к тебе из Брайтстоуна? А?

— Да.

— Стало быть, стоит за этим Мик Форд или нет, это желание всех брайтстоунцев, они действительно хотят тебя видеть?

— Думаю, что так.

О, Господи, подумала Клер. Ведь это уже было. Опять Роберта призывают в Брайтстоун... в Брайтстоун... будто другого места нет... будто опять свет клином сошелся...

Роберт напряженно пытался уловить, куда она клонит.

— Неисповедимы пути Господни, дорогая, — насмешливо бросил он.

— Да.

— Нет, правда, Клер, что ты об этом думаешь?

— По правде? Хорошо бы повидать Брайтстоун.

— Правда?

— И хорошо и плохо. Но скорее хорошо. Мы уже целую вечность не были дома.

Дома...

Это слово и то, как она его произнесла, еле заметная боль, которую он почувствовал в ее голосе, окончательно убедили его.

— Решено. Я еду. Славно будет повидать всех старых знакомых. И для Молли замечательно: наконец мы посетим ее, а то все она в Сидней ездит.

Клер кивнула.

— Я иногда думаю... — Она помолчала, бросила на него взгляд и затем продолжала. — Не случись все это — вся эта история — жили бы мы себе в Брайтстоуне, в старом пасторском доме, так бы себе и жили...

Он смотрел на нее в полнейшем недоумении, и она поняла, что такая мысль, даже возможность чего-то подобного, никогда не приходила ему в голову.

— В Брайтстоуне?

Она поспешно отступила.

— О, я понимаю, тебе это не годится, действительно нет. Ты предназначен для больших дел — и больших городов. Но тогда мы были молоды — жизнь казалась такой яркой, и так хорошо было — я иногда думаю...

Он перебил ее с несвойственной ему резкостью, как будто сама мысль была ему неприятна.

— Что сожалеть о прошлом, дорогая. Никогда не надо оглядываться. Ты знаешь, мы согласились — во исполнение Божьей воли.

Молча дошагали они до машины. Но внутренний голос продолжал звучать в ее сердце: мне кажется иногда, что там мы были бы счастливее. И там у меня мог бы быть ребенок. Я могла стать матерью...

— Роберт?

Молчанье.

Мы могли бы быть ближе, слабый, подавленный голосок звучал в ее ушах. А после того, как в постели он не принял ее робких любовных прелюдий, она всю холодную бессонную ночь предавалась печальным и горьким мыслям.

— Дамы и господа, современная Церковь должна идти в ногу со временем! С вашей

поддержкой, вашим сочувствием и, да позволена будет мне моя прямолинейность, — с вашими деньгами — мы сможем возвести будущее, которое обеспечит Австралии лидирующее положение в мире.

Одобрительные смешки и шумные аплодисменты приветствовали первые слова речи Роберта. Ослепительно улыбаясь, чувствуя воодушевление, Роберт продолжал развивать тему. Обступив макет широко раскинувшегося, замечательного по дизайну делового комплекса, группа сиднейских представителей богатейших бизнесменов в почтительном молчании слушала разъяснения Роберта о целях и назначении проекта. Они прекрасно понимали, что Церкви нужны деньги, и именно с этой целью их пригласили на презентацию проектируемого строительства. Но когда это делают с таким юмором, с таким изяществом, почему бы не выдать настоятелю чек, — размышлял один из богатейших людей страны. — Да и не только чек, но и свой голос, пожелай он баллотироваться в президенты.

Стоя среди собравшихся, Джоан испытывала неизъяснимое чувство гордости, всегда охватывающее ее на подобных мероприятиях. Роберт сегодня великолепен. Она решительно отбросила все беспокойства по поводу этого обморока в соборе. Разумеется, они с Клер были правы сначала, несколько обеспокоившись — Роберт так редко болел. Но с ним действительно все в порядке, никаких нарушений, стоит только посмотреть, как он выступает. Ей всегда было непонятно, как он это делает, но публика буквально ела его глазами. Он мастер своего дела. Никто с ним не может сравниться. Никто!

— Давайте пройдем на площадку.

Улыбающийся, умело управляющий ситуацией Роберт повел присутствующих из архитектурной мастерской на саму стройку. Перед ними высилась огромная стеклянная вывеска: „Дом святого Матфея — по заказу Епархиального совета“. В отдалении гигантский кран указывал начало котлована — огромная зияющая яма, куда спокойно могли поместиться кафедральный собор и еще несколько зданий впридачу.

— Это большое дело, настоятель Мейтленд, — с восхищением заметил один из воротил бизнеса, промышленник по имени Филлипс.

— Я думаю то, что мы осваиваем такие площади, — лучшее доказательство успеха Церкви! — живо откликнулся Роберт. — Помещения внизу будут сданы под учреждения — разумеется, избранным арендаторам. А наверху расположатся офисы Церкви и все деловые церковные учреждения.

— Поближе к Богу, так сказать? — поддакнул Филлипс.

Раздался дружный смех.

Роберт улыбнулся своей легкой, чарующей улыбкой.

— Воистину так, сэр. Как мне это самому в голову не пришло!

Все идет прекрасно, думала Джоан. Как и должно быть. Место настоятеля Роберт получил не за красивые глаза. Своим повышением он обязан тому, что еще на предыдущем месте проявил себя не только способным администратором и прекрасным и дальновидным проектировщиком, но — и это главное — был настолько обходителен, настолько умел обворовать людей, что с легкостью завоевывал на свою сторону всех и вся. Учитывая вечную нужду Церкви в деньгах, его дар был незаменим. И церковное начальство вовсе не скрывало, что хотело бы использовать его способности на полную мощность. А потом, Роберт, а потом... Джоан снова занесло. Потом епископ... а потом...

Филлипс выложит денежку, с уверенностью подумала Джоан. Роберт убедил его в ценности и коммерческой целесообразности проекта. Она поймала себя на мысли, что уже

считает доллары Филлипса. Вот с миссис Маддокс не так-то просто. Ее богатый муж с легкостью отвалил приличную сумму на строительство собора — тогда они и познакомились. Джоан сразу сообразила, что единственная наследница богатейшей сиднейской пивоваренной фирмы, глупая, суетливая Бесси Маддокс является достойным объектом обработки. И сейчас эта дама сама прокладывает путь к Роберту, чтобы выяснить какой-то вопрос, с которым она носилась уже добрых полчаса.

— Неужели эта стройка требует такой огромной площади, настоятель Мейтленд? Я очень люблю старые домишки, которых здесь в округе большое множество. Не так-то много осталось от старого Сиднея. Не следовало бы губить старину ради новых небоскребов.

— Это всегда сложная проблема, миссис Маддокс, — серьезно ответил Роберт. — Но Церковь не может жить прошлым. У нас теперь большие запросы — мы тратим миллионы в год на благосостояние общества, и всем этим нужно хорошо управлять. И я надеюсь, вы согласитесь, что предлагаемый проект как нельзя лучше вписывается в городскую архитектуру и гармонично сочетается с близлежащими строениями.

Перекопанная земля на стройплощадке не была предназначена для изящных туфель миссис Маддокс, и она начала отставать. Роберт вернулся, чтобы помочь ей, а затем поспешно бросился вперед догонять остальных.

— Эй, настоятель — настоятель Мейтленд! — услышал он внезапно встревоженный голос инженера.

Роберт обернулся. Не видя предупреждающих знаков, они подошли к самому краю котлована. Прямо под ногами открывалась глубокая зияющая яма. Кровь бросилась ему в голову. Он закачался и попытался удержать равновесие.

Осторожнее, Бога ради! — рассердился он на себя. Внимательно всматриваясь в пустоту, он пытался сосредоточиться. Все поплыло у него перед глазами. Откуда-то издалека послышался шум моря, он усилился, и вот уже в ушах гремел рев наступающего прилива. И он вдруг почувствовал, что смотрит не в освещенный ярким солнцем котлован, а во тьму, черную бездонную тьму.

Это был кошмар наяву — пытки возвращающегося к жизни. Весь в поту, он снова переживал мучительное испытание, через которое регулярно проходил долгие дни после аварии на шахте, когда был осужден на бесконечное повторение ужаса падения, крайнего душевного страдания, предшествующего физической боли, — и так изо дня в день. О, нет... не здесь... нет, нет...

Но это была не тусклая подземная мгла, а тьма ночи — не ствол шахты, а бездонная пропасть, раскрывшая ему свои объятия...

Да, он был на высоте, на большой высоте, слишком близко к краю... слишком близко к вечности... кто-то должен умереть... кто-то будет убит... почему он слышит и обоняет море и слышит женский крик — пронзительный, пронзительный...

— Что с вами?

Он открыл глаза. В нескольких сантиметрах от своего лица он увидел встревоженные глаза инженера, в плечо ему железной хваткой впиалась крепкая рабочая рука, удерживающая от падения. Инженер снова пристально посмотрел ему в глаза.

— Я решил, что вы собираетесь нырнуть, настоятель.

Роберт попытался выдавить смех.

— Если б я это сделал, то испортил бы настроение собравшимся и нарушил график, верно ведь?

Все весело рассмеялись. Никто ничего особенного не заметил. Но когда все разошлись, довольные хорошим днем, что подтвердили солидные пожертвования Церкви, едва заметный осадок остался у двух Мейтлендов, причем ни один из них — а особенно Джоан Мейтленд — не мог объяснить причину, вызвавшую его.

Здесь — где-то здесь.

Роберт достал очередную желтоватую папку со дна ящика и стал просматривать содержимое. Он понятия не имел, что именно ищет. Знал только, что это должно быть связано со временем его падения в шахту, после которого начинался провал в памяти.

Проверь архив, сказал Меррей, сообщая ему о том, что неврологические тесты не обнаружили никаких внутренних отклонений. Ищи вовне, постарайся выяснить, кого эта девушка в соборе тебе напомнила. Здесь должен быть какой-то мощный возбудитель, он-то и явился причиной обморока. Просмотри все, что можно, и ты выйдешь на правильный путь.

Правильный путь... Так уже было. Там, на берегу, когда они прогуливались с Клер. Она что-то сказала о Брайтстоуне, он даже толком не помнит, что именно. Но от этого слова появилось странное непонятное чувство парения, счастья, потерянное ощущение, которое он не мог ни вызвать сам, ни контролировать.

А теперь приступ дурноты на краю котлована! Это уже опасно — он мог свалиться в два счета! Почему сейчас, двадцать лет спустя, его мысли вновь возвращаются к тому падению? Почему он вдруг стал столь уязвим для случайных ассоциаций, этих необъяснимых припадков головокружения и потери координации движений? Или все не так уж случайно? И здесь есть четкая связь, просто надо найти ее? А не имеет ли это отношения к Брайтстоуну и периоду перед падением? Он должен выяснить. И есть только один способ сделать это.

Он стал систематически просматривать все папки и подшивки в комнате, которая сейчас была превращена в офис Джоан; ее документация давно уже выплеснулась за пределы старого шкафа для посуды в углу его кабинета, куда обычно их складывали. Роберт разогнул усталые плечи и потер ноющую шею. Он роется уже больше часа. А с другой стороны, что еще делать, когда все равно не спится?

Он открыл следующую потрепанную и пыльную папку. Разрозненные газетные вырезки, пожелтевшие и истрепавшиеся по краям, разлетелись по полу у его ног. В глаза бросились шапки заголовков. „УЖАСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ШАХТЕРСКОМ ГОРОДКЕ, — читал он. — БРАЙТСТОУНСКАЯ КАТАСТРОФА — 170 ПОГИБШИХ“. Его собственная физиономия — невероятно молодая и беззаботная — улыбалась ему с другой страницы: „ГЕРОЙ ШАХТЫ В КОМЕ: НА ГРАНИ СМЕРТИ“. Он отбросил газету в сторону и принялся за другую.

„СКАНДАЛ В ШАХТЕРСКОМ ГОРОДКЕ“, — читал он. По коже побежали мурашки. „ТРАГЕДИЯ, ОБРУШИВШАЯСЯ НА СЕМЬЮ: ДВОЕ МЕРТВЫХ“. Улыбающееся лицо принадлежало девушке, которую он никогда раньше не видел. Роберт пристально взгляделся в него и задрожал. Он узнал это лицо. Лицо девушки, внезапное появление которой два дня назад в соборе закончилось его обмороком. Но она же умерла двадцать лет назад! Она... кто?..

Внезапно вспыхнувший свет ослепил его.

— В чем дело?

Рядом стояла, запахнув полы ночного халата, Джоан. Губы ее были плотно сжаты, взгляд настороженный.

— Да вот, старые документы, — ответил он, махнув рукой. — Из брайтстоунских дней. Не спалось — ночи становятся слишком жаркими — вот я и решил просмотреть кое-что.

— Зачем? — Голос ее был высокий и пронзительный.

— Сам не знаю.

— Не знаешь?

— Даже не знаю, с какой стати я их вытащил. Просто думал...

— Думал?

И чего она повторяет каждое его слово, играет словами, словно кошка с мышкой.

— Ну да.

— О чем?

— О сегодняшнем утре.

— А что в нем такого?

Напряжение между ними было почти физически ощутимо — этот словесный поединок напоминал бой фехтовальщиков, только целью его была не честная победа, а уничтожение противника. Он попробовал повторить:

— Видишь ли, Джоан, на самом деле ничего нет такого, о чем стоило бы говорить. Просто этим утром — на стройплощадке... я хотел выяснить, что же произошло.

Джоан вздохнула, будто у нее гора с плеч свалилась.

— Роберт, я там была — я видела, что случилось. Ничего особенного.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Послушай, это был небольшой приступ головокружения, вот и все. Ты слишком близко подошел к краю ямы — такое может случиться с любым. Ну, может, давление подскочило...

Он смотрел на нее в изумлении.

— Джоан, но ты же отлично знаешь, что с давлением-то как раз у меня полный порядок!

Глаза ее блеснули.

— Ну, ладно, вспомни, как ты, бывало, терял сознание. Врач сказал, что время от времени такое может повторяться.

— Нет, — покачал он головой, — это было как падение...

— М-м-м-м? — Она пыталась скрыть свою заинтересованность.

— Во тьму — в зияющую бездну...

Она перебила его.

— Это тот самый несчастный случай — падение в шахту. Подъемник рухнул, когда лопнули канаты. Ты знаешь, тебе неоднократно рассказывали. Ты утратил память из-за сотрясения мозга, но что-то, какие-то обрывки воспоминаний остались.

— Но в клети я был один, правда?

Глаза ее сузились. Она бы отрицала это, если б могла. Но он узнает правду от кого-нибудь другого.

— Там был механик — и Джонни Андерсон... но падал ты один, правда.

— Ну, а вчера — это чувство падения — там был кто-то еще — женщина кричала — пронзительно-пронзительно...

— Роберт!

Ее истерический смех хлестнул по нервам с невероятной силой.

— Ты должен прекратить это немедленно! Ты просто изводишь себя. Это очень вредно.

Зачем ты себя мучаешь!

— Потому что...

На самом деле у него не было ответа. Вдруг он почувствовал, как устал он этого бесплодного разговора и от Джоан.

— Ладно, Джоан, — пожал он плечами. — Видимо, ты права.

— Я всегда права! — Присев на корточках, она суетливо собирала вырезки и засовывала их обратно в папку. — Предоставь это все мне, — деловито говорила она. — Я все разложу, а ты отправляйся спать.

— Ну хорошо, хорошо.

Она подошла к нему. Нагнувшись, чтобы поцеловать ее, он увидел вырезку, которую сам положил на стол. Лицо Алли Калдер улыбалось им с улыбкой девушки в соборе.

— Джоан, — спросил он. — Кто эта девушка?

24

Смотрите... смотрите... там на горизонте корабль... Куда он уходит?

Если земля круглая, как нас учили, то откуда эта прямая линия там, где край?

Как-то я забрела сюда одна глухой ночью и видела огни, они будто висели над водой — как на новогодней елке — на десятки миль вдаль. И музыка — ничего прекраснее я в жизни не слыхала — волшебная — прекрасная...

Ночь была великолепная, нежная, весенняя, уже таящая обещание дивного лета. Столкновение с Джоан совсем выбило Роберта из колеи; расставшись с надеждой выспаться в эту ночь, он отправился в свой новый роскошный кабинет с видом на сиднейскую гавань. Удобно устроившись в кресле, в состоянии полудремоты, полубоддрствования, он предался мыслям о девушке, которые стали в последние дни настоящим наваждением.

В одиночестве и покое он полностью погрузился в поток слов и образов, свободно возникающих в сознании. Но откуда они являются? В какой-то момент словно ледяной перст страха коснулся его сердца. Может, он сходит с ума — слышит голоса, видит образы? Со всем хладнокровием он проанализировал свое состояние и отбросил эту мысль. Пульс его бился ровно, без перебоев, — и снова это чувство блаженства — нет, что бы с ним ни происходило, он не сумасшедший.

Думай о девушке, подхлестывал он свой полусонный ум. Она ключ ко всему. Газета с портретом лежала на его письменном столе, но Роберту не нужно было смотреть на него, он и так видел перед глазами ее лицо. Он поднялся и подошел к окну. Ночной порт мерцал в свете полной весенней луны. Как обитатель одного из привилегированных прибрежных особняков Сиднея, Роберт знал, что обладает редкостным правом целых двадцать четыре часа наслаждаться великолепным видом гавани, которая считалась одной из прекраснейших в мире. Но сейчас он впервые почувствовал, что при всей ее волшебной красоте она не может сравниться с диким величием брайтстоунского мыса. Между тем вид моря удовлетворял, и это поразительное чувство покоя помогало сосредоточиться. Думай о девушке, да. Но о какой девушке? Девушке в соборе или ее призраке-двойнике из газетной вырезки?

И чей голос грезится ему сейчас? Действительно ли он вспоминает эти фразы, обрывки разговора или это галлюцинация, как уверяет Джоан? Невидящими глазами смотрел он в

морскую даль, где медленно таяла ночь, и небо переливалось синими, черными и золотыми расплывами. И почему они были каким-то образом, какими-то краешками сознания связаны с этой девушкой, Алли Калдер?

Джоан, правда, объяснила, кто она такая, — девушка, которая как-то приходила со своим отцом на похороны Джорджа Эверарда; по словам сестры, он ее тогда видел, но не помнит. Это та самая девушка, которую Поль якобы завлек на мыс, — он ухаживал за ней в то время. Но поскольку Роберт был болен и не мог следить за судебным процессом, он ничего не мог вспомнить.

А потом она покончила с собой, говорила Джоан. Никто не знает почему. Во всяком случае, в ее смерти Поля не обвинили. Но умереть вот так, мрачно размышлял Роберт... какое же отчаяние привело ее к такому концу — неужели некому было ее спасти?

Он должен был спасти эту девушку.

Роберт вдруг задрожал мелкой дрожью, будто от удара электрического тока. Должен был ее спасти? А мог ли? Как он мог помочь ей, когда она по сути не была его прихожанкой и не ходила в церковь? Поскольку, по словам Джоан, не церковь была у нее на уме, откуда, естественно, следовало, что же именно было у нее на уме. Хорошей ее не назовешь, уверяла Джоан. Здесь особенно надеяться не на что.

Но тогда еще больше оснований заблудшей девушке попытаться обратиться к священнику за помощью и советом, в котором она нуждалась. Значит, он виноват, что не сумел ей помочь? Должно быть, так! И то, что он ее не знал, не может служить оправданием. В таком городишке, как Брайтстоун, это не извинение, а, наоборот, явная вина, вина невнимания, откуда вытекает и все остальное.

Вот так же было и с его родителями. Потребность помощи, крик о помощи — все рядом, в двух шагах, у него под косом. А он ничего не заметил. Отчего он так слеп?

О, Господи! Когда он избавится от этой адской вины, вечно преследующей его, вечно разъедающей душу? Он застонал и стукнул кулаком по столу. В это же мгновение раздался стук в дверь, и вошла Клер.

— О, Роберт? — смущенно пролепетала она. — Извини, я не подумала, что ты здесь, сейчас так поздно. Мне показалось, будто что-то упало, и я заглянула.

Это вопль измученной души, рвалось из его груди, помоги мне! Но как можно отягощать Клер своими проблемами? Она и так чудовищно переживала из-за Поля, потому что помилование опять отменили. А тут еще мать. Плохое кровообращение сказывается теперь не только на ее ногах, но и на сердце, а вечная боль за Поля плохое лекарство. Да и в конце концов Клер нечего особенно беспокоиться за нравственное и физическое здоровье Роберта. Подавив вздох, он поднялся на ноги.

— Все в порядке, Клер. Не о чем беспокоиться!

— А что случилось?

Ее не так легко провести; он знал.

— Да просто стукнулся о стол, вот и все.

Она помешкала в дверях, неудовлетворенная ответом, но не нашла слов, чтобы вызвать его на откровенный разговор.

— Есть новости, Роберт. Тебе следовало бы знать. Звонила Патси Райт, жена второго священника, и оставила сообщение. Закрывают „Алламби“!

— „Алламби“?

— Дом для престарелых — знаешь?

— Но это невозможно! Здание охраняется, оно принадлежит Городской опеке!

— Я думала, что оно принадлежит Церкви!

Он покачал головой.

— Церковь только постоянный арендатор.

Лицо Клер побледнело от охвативших ее противоречивых чувств.

— Это уже точно — сообщение будет во всех газетах. Я думала, ты этим занимаешься, ты ведь хотел что-то предпринять?

— Да, — пробормотал виновато Роберт, — я не забыл.

— Но тогда нужно поспешить! Надо же этому как-нибудь воспрепятствовать, Роберт. Подумай только о стариках — их выкинут на улицу, а у них нет ничего другого!

У него забилося сердце.

— Нет, если только что-то в моих силах! Я позвоню архидакону^[24] и в Опеку утром немедленно. Потом устрою собрание — позову заинтересованные стороны; посмотрим, что можно сделать. Придется, если хотим спасти дом, поиграть немного в политику. Во всяком случае попытка не пытка.

Он говорил достаточно твердо, что правда, то правда. Но Клер с грустью чувствовала, что это не исходит от сердца. Она направилась было к двери, но задержалась.

— Уже поздно, милый. Ты еще долго?

— Да нет, не долго. Кое-что хотел доделать. Ты ступай, ложись, я скоро приду. Освобожусь и тут же приду. — Он отвернулся, стараясь не встречаться с ней взглядом; ему не хотелось признаваться, что последнее время эти слова звучат слишком часто. — Я не задержусь, Клер! — повторил он настойчиво. — Ступай. Я скоро!

Она спокойно удалилась. Он вновь подошел к окну и долго стоял, глядя в холодную гладь безответного моря, думал, что было бы, если бы он все сказал Клер, и спрашивал самого себя, сколько это все может продолжаться?

Даже зимой в элегантных городских скверах Сиднея приятно посидеть. Воистину, у нас самый прекрасный климат, с благодарностью думал Роберт, прокладывая путь среди толпы людей, высыпавших на обеденный перерыв. Почему бы хоть один день не поработать как следует, вместо того, чтобы гоняться за призраками и клочками воспоминаний, спрашивал он себя. Почувствовав прилив сил, он устремился к зданию епархиальной консистории с твердым намерением засесть за работу и не вставать, пока не переделает все, что себе наметил.

— Добрый день, мисс Причард.

— О! Добрый день, настоятель!

— Мисс Маккарти!

— Настоятель!

„Ох, эти глаза!“ — мечтательно подумала мисс Причард. Хорошо бы он почаще нуждался в ее услугах! За другим столом мисс Маккарти, благочестивая христианка и столп епархиальной общины, только что мысленно похоронила миссис Мейтленд и плыла по соборному проходу об руку со своим отцом к овдовевшему, но, к счастью, не безутешному настоятелю. Неприступный для всякого поползновения мужского тщеславия, которое могло бы распусться махровым цветом на щедрой почве всеобщего женского обожания, Роберт вошел в свой офис и приступил к работе.

На столе высилась солидная груда бумаг — каждая была снабжена припиской,

сделанной дотошной рукой мисс Причард, на предмет первоочередности и важности. Сбросив пиджак, он начал закатывать рукава. Работа! Отлично! Именно то, что ему нужно. Хватит самобичевания. Работа вернет его к нормальному состоянию! Он потянулся, как борец, бросил последний взгляд в окно на залитую солнцем толпу внизу и вернулся к столу.

Внизу... внизу, там в сквере! Его словно током ударило, и он вновь бросился к окну. Пятно льняных волос, макушка совершенной по форме головы...

Пол кабинета покачнулся под ногами. Перед глазами промелькнула сцена в соборе, — водопад белокурых волос, склоненная в молитве круглая детская головка на юном, женственном теле...

Она подняла голову и посмотрела в окно его кабинета. Казалось, девушка заглянула ему прямо в душу, и в этом тяжелом неподвижном взгляде читался тот же вызов, та же целенаправленность и требование ответа. У нее было личико идеальной овальной формы, весенний цветок с большими темно-синими глазами, золотистая кожа и прямой носик, ровные белые зубы и полные, красивой лепки губы, которые, казалось, принадлежали кому-то другому — старше и умудреннее.

Лицо девушки из собора... Но кроме того это было лицо с газетной вырезки... лицо девушки, умершей двадцать лет тому назад...

— Настоятель? Настоятель Мейтленд! Да в чем дело, что стряслось?

Но, как потом докладывала мисс Причард архиепископу, явившемуся в назначенный срок и нашедшему кабинет пустым, настоятель выскочил в одной рубашке с закатанными рукавами, ничего не объясняя, — и, могла бы добавить она, не будь столь благочестива, абсолютно в невменяемом состоянии.

Гонимый неведомой силой, Роберт стремглав слетел по ступеням и устремился к скверу. Но там уже никого не было. Он бессмысленно уставился на пустую скамейку, словно пытаясь материализовать девушку силой своего взгляда. Потом стал дико озираться по сторонам.

В конце сквера мелькнула белокурая головка и исчезла из поля зрения. Он помчался за ней и вскоре вновь увидел. Однако осторожность удержала его от опрометчивого поступка — не может же он вот так просто за здорово живешь подойти к незнакомому человеку? Тяжело дыша, Роберт двинулся вслед за ней.

Это оказалось не так-то просто. Толпы сиднейцев вышли насладиться весенним солнышком, и преследование превратилось в сущий кошмар: бесконечная погоня, постоянно теряемый из виду объект слежки и ко всему прочему — несмолкающий внутренний голос, нет вопль: „Зачем я все это делаю?“ Он чувствовал, что сходит с ума.

Наконец девушка нырнула в подземку, села в поезд, и он вновь потерял ее из вида. Как пес, идущий по следу, он прошел через весь состав, мчащийся по бесконечным сиднейским окраинам, и столкнулся с ней на какой-то дальней станции. Потом она вышла на улицу, и он снова потерял ее.

На сей раз найти ее не удавалось. Он пробежал всю улицу, заглядывая в магазины, затем вернулся на станцию метро, чтобы убедиться, что ничего не упустил. В витрине небольшой лавочки он увидел себя: запыхавшийся, в одной рубашке, волосы в беспорядке, во всем облике написано нездоровое возбуждение и отчаяние.

Кое-как приведя себя в божеский вид, Роберт стал думать, что делать дальше. Так ничего и не придумав, он зашел в кафе в надежде посидеть спокойно и собраться с мыслями.

Это была типичная забегаловка, бар-закусочная с пластиковыми цветочками на пластиковых столиках, с вечно работающим телевизором и несколькими зачуханными посетителями. Из двери подсобки, завязывая фартук, вышла юная девушка. Лыняная головка склонилась сосредоточенно, два белокурых крыла волос падали на лицо.

— Чего-нибудь хотите? — Улыбка ее была лукавой, почти самодовольной, словно она знала, что происходит.

Его вдруг охватила злость на самого себя и на нее. Почему он гнался за этой девицей? И с какой стати она на него так смотрит?

— А? Что бы вы хотели?

Он мучительно соображал, что сказать.

— Не знаю. А что вы можете предложить?

— Здесь всегда хорошая рыба. Сегодняшнее блюдо — филе леща. Но и цена ничего.

У нее был английский акцент.

Почему? Но он решил не спрашивать. Сколько ей лет? Девятнадцать? Двадцать?

— Ну в таком случае филе, пожалуйста.

— Пить будете чего-нибудь?

— Пить?

— Ну, вы знаете... — Она постучала карандашиком по блокноту, выражая нетерпение, и перечислила, — пиво, минеральная вода, молоко, чай, кофе...

— Нет, спасибо.

Она подняла дуги своих правильных бровей, словно говоря: „Ну как хотите!“ и удалилась. Та скорость, с какой появилось на его столе филе, вполне могла служить объяснением, почему именно это блюдо предлагалось так настойчиво. Но какое это имело значение? Он не мог есть, даже думать о еде.

— Простите, пожалуйста, — сказал он, когда девушка уже собралась уходить, — не поймите это неправильно — но я вас знаю, правда?

Холодные голубые глаза прожгли его насквозь.

— Откуда?

— Из собора. Я там настоятель и видел вас за причастием, так ведь?

— Салат и чипсы?

— Простите?

— К филе. Забыла спросить. Я здесь недавно. Иногда делаю что-нибудь не так. Вы хотите? За них специально платить не надо. Они входят в стоимость блюда.

— Ааа... да... пожалуй...

Но когда появились салат и чипсы, его уже не было. Только крупная банкнота под тарелкой с нетронутым филе свидетельствовала о визите.

Собрание по спасению „Алламби“ не заладилось с самого начала, когда Роберт, не вдаваясь в пространные объяснения, попытался пригласить группу влиятельных людей, многие из которых не могли прийти. Тогда он решил, что сломать лед поможет обед, но несмотря на чудеса, творимые Джоан на кухне, атмосфера на протяжении всего вечера оставалась холодной и натянутой. Теперь он почувствовал, что их не прошибешь. Глядя на недоверчивые лица за столом, Роберт признался себе, что начинать надо было раньше, судя по всему, он упустил шанс спасти дом из-за собственной медлительности, из-за того, что весь с головой ушел в свои дела, а в общем, что скрывать, из-за одержимости тайной

неуловимой девушки.

Да и стоил ли этот обед таких трудов? Глубоко подавленный, он задавался вопросом, была ли это удачная идея или скорее эмоциональная, а не разумная попытка отреагировать на первую просьбу Клер? Самой Клер, такой горячей поборницы сохранения дома, его принципиальной сторонницы и защитницы, нигде не было видно. Она не оправилась от шока, когда узнала, что Роберт пригласил Мика Форда на званый обед в резиденции настоятеля, в числе именитых людей, которых он хотел убедить в необходимости пересмотреть решение о передаче места под строительство.

— Мика Форда? Но почему его?

Роберт прекрасно понимал, что ненависть Клер к человеку, который обрек ее брата на пожизненное заключение, никогда не иссякнет. Но не позвать на это собрание Мика Форда было нельзя.

— Потому что он нужен мне, Клер. Или, если хочешь, обитателям „Алламби“.

— Он нам нужен был двадцать лет назад. И смотри, что мы имеем!

— Если я смогу привлечь Мика на свою сторону, — продолжал настаивать Роберт, — если удастся убедить профсоюзы, что это решение неправильное, они откажутся от проекта. И тогда предприниматели не смогут осуществить строительство.

— Одно большое „если“! Слишком большое для такой свиньи, как Форд, сам увидишь! Его интересует только то, что выгодно ему. Плевать ему на всех остальных. Да ты и сам увидишь! Во всяком случае ноги моей там не будет!

И сейчас, когда Мик Форд отодвинул свою тарелку, вытер жирные губы лучшей салфеткой Клер и с причмокиванием ценителя глотнул вина, Роберт вдруг с тоской почувствовал, что жена была права.

— Ну, так что еще, настоятель, — полюбопытствовал Мик. — Не считая роскошных блюд мисс Мейтленд? И он поднял свой бокал в сторону Джоан, сидящей напротив, подчеркнуто пародируя куртуазный жест.

— Надеюсь, мне удалось убедить вас относительно нашего дела, Мик. Как духовное лицо, я, естественно, считаю, что интересы пожилых людей „Алламби“ будут соблюдены наилучшим образом, если им позволят остаться вместе в давно сложившейся общине...

Мик экспансивно откликнулся.

— Я простой рабочий, настоятель. Переведите это на нормальный человеческий язык. Мы все здесь, — он обвел бокалом присутствующих, — получили прекрасную еду, прекрасное вино и прекрасное общество, — и он снова махнул бокалом в сторону Джоан, на сей раз прибавив к этому еще и пьяное подмигивание. Его махонькие горящие глазки перебежали с Джоан на Роберта и вдруг стали твердыми как камень. — Так сколько платить за билет?

Роберт быстро обвел глазами присутствующих. Миссис Маддокс на его стороне — он это знал; также архидиакон, новый второй священник Джеффри Райт и председатель Городской опеки, чья, казалось бы неподверженная никаким случайностям постоянная аренда, предоставленная Церкви, была в клочки разорвана дотошными адвокатами предпринимателей.

— Ладно, Мик, пусть будет так. Я бы хотел, чтобы этот проект заморозили. Для этого мне нужна поддержка профсоюзов. Что вы можете сделать?

Мик вытянул губы и присвистнул.

— Немногое. Ничего.

Роберт настаивал.

— Я знаю, что профсоюзы закрыли одно такое строительство несколько лет назад.

— Все могло быть. — Мик смотрел в потолок.

— Ну и?..

— Что ну и?..

— Ну и сейчас вы могли бы сделать то же самое еще раз — для нас? Для „Алламби“?

Мик продолжал внимательно изучать потолок.

— То было тогда, настоятель. А это сейчас. Знаете, я склонен думать, что проект реконструкции „Алламби“ стоит свеч.

Его уже купили, вдруг дошло до Роберта, — купили со всеми потрохами. Мы спохватились слишком поздно — и с пустыми руками. Наше дело швах.

— Еще кофе кто-нибудь желает? Еще десерта, миссис Маддокс? Или мятной?

Прекрасная хозяйка, Джоан была начеку и тут же вступила, чтобы сгладить возникшее замешательство. Когда она уходила на кухню, чтобы наполнить кофейник, Мик суетливо подал ей руку.

— Привет, Джоани, — осклабился он. — Все также одна? Это не дело. — И когда потом брат и сестра Мейтленды, каждый сам по себе огорченные этой разделенностью, вспоминали унижения прошедшего вечера, трудно было решить, кому из них пришлось труднее — Роберту, который получил на глазах у всех оплеуху от Мика, или Джоан, с ее кухонными испытаниями, когда профсоюзный босс, которого так и распирало от вина и самодовольства, без конца пытался поведать о своем неизменном восхищении дочкой пастора и лез со своими жаркими сальными объятиями.

25

Атмосфера за завтраком была унылой — под стать дню. Утро начиналось пасмурное; низкое, неприветливое небо почти совсем закрывали плотные серые облака. Но уныние внешнего мира вполне гармонировало с душевным состоянием Роберта.

И общее настроение в резиденции настоятеля было далеко не веселое. Клер, как чувствовал Роберт, не могла простить его безразличия к „Алламби“ до сих пор, хотя это дело уже явно проиграно. Но хуже то, что он не мог поделиться с ней происходящим в его душе, хотя он и себе-то не в силах толком объяснить, что же с ним случилось. Даже Джоан, всегда ровную и бодрую в любое время дня, теперь не было видно. Пробормотав что-то на прощание, Роберт вышел из дома.

Въехав в центр, он припарковал машину в некотором отдалении от старого благопристойного квартала и медленно двинулся в нужном направлении. Дважды проходил он мимо двери, в которую должен был постучать, и только на третий раз преодолел нерешительность. Ждать пришлось недолго.

— Настоятель Мейтленд? Доктор Бейлби примет вас сейчас! — спокойный голос секретаря пригласил его в святая святых.

— Роберт!

— Меррей, как поживаете? Очень мило с вашей стороны принять меня так запросто, без специального назначения.

Энергичные рукопожатия двух мужчин свидетельствовали о теплоте их отношений.

— Как я поживаю? Сдается мне, что этот вопрос я должен задать вам. Ну,

присаживайтесь. В чем дело? Помнится, мы развеяли беспокойство в связи с обмороком нашими неврологическими тестами. Появились новые проблемы?

Роберт вздохнул.

— И да и нет. Сам не знаю. О, Боже, Меррей, я не знаю!

— Мммм? — Меррей молчал, склонив голову набок, словно мудрая старая птица, глаза его светились симпатией; он ждал, когда пациент сам заговорит.

— Это не физическое. Головные боли, правда, бывают — иногда сильнее, чем раньше, — ко здесь дело не в них. Появилось много нового — но я уверен, абсолютно убежден, что это как-то связано с прошлым. — Роберт остановился, и кривая улыбка тронула его губы. — Доктор, надо ли поднимать это все снова? Спустия столько лет? Вы главный эксперт. Неужели есть хоть какой-нибудь шанс расколоть этот испорченный орешек?

— Расколоть? — Меррей помолчал, обдумывая сказанное. — Вы хотите сказать — восстановить вашу память? Все, что случилось с вами тогда?

— Отчасти да.

— А что еще, Роберт? — Меррей прощупывал. — Почему вы возвращаетесь к этому сейчас, спустя двадцать лет?

Роберт задумался и, не торопясь, заговорил.

— Знаете, в моей жизни появились такие вещи... которые я не понимаю. А я бы не хотел...

Меррей улыбнулся.

— С большинством людей такое случается, Роберт. Это называется возрастным кризисом, он часто бывает в ваши годы. Это не значит, что у вас что-то с головой не в порядке. Просто происходит переоценка ценностей, вы недовольны своей жизнью, бытом, карьерой. В епархии, — он чуть помешкал, — у нас все в порядке?

Роберт беспокойно заерзал на стуле.

— Раз уж вы затронули этот вопрос, Меррей... В Церкви я не на последнем месте, тут все нормально, но никогда еще я не чувствовал себя дальше от того, что хотел бы делать! Не для того же я стал священником, чтоб трясти богачей! Пусть даже только в благих целях!

— А Клер! — Меррей понизил голос. — Дома как?

— О!..

Боже мой, подумал Роберт, здесь, пожалуй, хуже некуда. Мы расходимся, мы все дальше, это невозможно отрицать. И я не знаю, почему... или откуда начать, чтоб поправить положение...

Он перехватил добрый вопрошающий взгляд Меррея и криво усмехнулся.

— С чего начнем?

— С начала! — Меррею уже многое стало ясно. — Вот что я скажу вам, Роберт, если вы действительно хотите попробовать, думаю, это возможно. С того времени, как мы начали заниматься восстановлением вашей памяти, появилось много нового — препараты, терапия и масса всего прочего. К тому же я изучил кое-какие новые методы — гипноз, например. Да и вы стали крепче, гораздо крепче. Раньше нам приходилось продвигаться мелкими шажками, надо было соблюдать осторожность — вы еще были подвержены посттравматическим явлениям. — Он помолчал и пристально взглянул в глаза Роберта. — Но прежде скажите мне одну вещь.

— Какую?

— Что заставляет вас думать, что вы можете расковать что-то такое, чего сейчас не

знаете?

— В этом-то все и дело! — Меррей видел, что отчаяние Роберта, его недовольство собой дошли до опасной черты. Необязательно было квалифицированным психиатром, чтобы понимать: этот человек, если у него произойдет короткое замыкание, может взорваться, и последствия будут ужасные.

— Откуда я знаю? А как я могу?

Роберт почти кричал; его буквально душила ярость от бессильных попыток понять, что творится в собственной душе.

— У меня остались какие-то ошметки вместо памяти и бесконечные дыры в голове! Даже то, что происходит со мной, я толком не понимаю!

— Успокойтесь, Роберт, — говорил медоточивым голосом Меррей. — Есть только одно решение. Я, конечно, помогу. Но и вы должны помочь мне! Я должен знать, с чего начинать.

— Давайте попытаемся вернуть мне память. Я знаю, что если б только удалось вспомнить...

— Нет, Роберт. — В голосе Меррея звучало глубокое сочувствие. — Нет, это неверный путь. Начнем с того, что случилось с вами за последние несколько дней, отчего вы почувствовали вновь необходимость вспомнить прошлое. Ведь если на то пошло, последние двадцать лет вы были вполне счастливы с той памятью, которую вам удалось восстановить. И еще я должен вас предупредить об одной вещи. Со времен Фрейда нам известно, что если какое-то событие забыто — то есть сильно подавлено, — это значит, прежде всего, что есть веские основания для психики поступать таким образом. Уверены ли вы — уверены на все сто процентов — что готовы ко всему, что бы мы ни откопали?

— Миссис Маддокс? — Профессиональная тренировка позволила Джоан скрыть раздражение. Она ведь знала, что так будет, знала с того самого момента, когда поняла, что Роберт ушел, не сказав куда. Обычно она знала каждый его шаг, поэтому всегда могла сказать звонившим, где он и когда будет дома. Но сегодня... А телефон, как назло, ни минуты не молчит! — О, извините, но в данный момент его нет, что я могу передать? О, неотложно? „Алламби“? Надеюсь, он позвонит до обеда... или после... и я тут же скажу ему, как только он объявится...

Он должен знать. Погруженный в свои мысли, Роберт дошел до машины, отпер дверцу, сел на место водителя и застыл в раздумье. Теперь было ясно: во что бы то ни стало он должен через это пройти. Даже первый сеанс с Мерреем уже продвинул его. В конце концов не может же он всю жизнь болтаться как дерьмо в проруби. Пора все выяснить — и как можно скорее. А это значит задавать вопросы — так сказал Меррей, задавать вопросы, от которых он до сих пор уклонялся. Спрашивать кого угодно. И лучше начать сегодня. Не откладывая в долгий ящик. Расправив плечи, он наметил путь на запад, включил зажигание и поехал.

— Мы вас не ждали сегодня, сэр... нам нужно разрешение, вы же знаете, особенно для заключенных категории А... правила...

Роберт видел, что офицер охраны не хочет взять на себя ответственность и тянет резину, ссылаясь на инструкцию. Но в то же время он знал, что, если тот захочет, то может быть и любезным.

— Конечно, конечно, я понимаю, — и он попытался говорить со всей убедительностью, на которую был способен, — но учитывая особые обстоятельства... проезжал мимо... был бы очень обязан, если возможно...

— Роберт! Рад видеть тебя! Что за сюрприз!

Несмотря на поглощенность собственными заботами, Поль заметил, что Роберт похудел и выглядит очень взвинченным. Но он был без ума от счастья — получить такой подарок в его скудном расписании, по которому полагалось всего одно посещение в месяц! Вдруг лицо Поля омрачилось.

— Мама? Она не...?

— О, нет, нет!

— Значит, Клер? — Он был сильно обеспокоен.

— Да нет, с ней все в порядке, у нас все нормально. Я просто... — Он не мог сказать Полю, „проездом“, как охраннику, потому что Полю был прекрасно известен его образ жизни, его привычки и обычная занятость, да и без того ясно, что немногие оказываются „просто проездом“ в районе самой охраняемой из всех тюрем, расположенной, кроме того, в глухом месте, за многие мили от ближайшего населенного пункта. — Я... я был неподалеку, — неуклюже закончил он, — и... захотел увидеть тебя... один... поговорить как мужчина с женщиной.

— Понимаю! — Еще красивое лицо Поля опять приняло озабоченный вид. — Ты беспокоишься по поводу этого чертова досрочного освобождения — из-за мамы и Клер — как они воспримут отказ. И я тоже, старина, и я тоже! Меня уже столько раз обманывали! Скажу прямо, не знаю, есть ли у меня шансы.

Собственные огорчения отступили на задний план, полный сочувствия Роберт предоставил Полю выговориться.

— Ты думаешь, на этот раз тебя освободят?

— Освободят? Мне только что сказали, что дело передано на рассмотрение начальства! Наверху его сначала приостановили, ублюдки! — Он в ярости ударил жилистым кулаком по ладони. — Но сейчас оно уже где-то здесь!

Потрясенный явными проявлениями ярости и отчаяния, которое Поль обычно скрывал от него и Клер в дни свиданий, Роберт осторожно спросил:

— Какие шансы?

— Ты хочешь сказать, какие против? — С сардоническим смехом Поль потряс кулаками, выказывая всю накопившуюся ярость, и начал перечислять причины, по которым досрочного освобождения ему нечего ждать. — Попытка к бегству — раз. Вторая — через год-два.

— Но это было десять лет назад.

— И с тех пор я такой паинька — только не для них! — И он безжалостно продолжил список прегрешений. — Отказ посещать воскресные богослужения — прости, Роб, я тебе об этом не говорил. Мне не за что благодарить Его, ну, а лицемерить каждую неделю за какие-то вшивые поблажки мне как-то не с руки.

— Но не могут же это тебе ставить в вину?

— Не могут? А если это толковать, как дурное поведение, а? И последнее, но не лучшее, так сказать, сливки коллекции — „призыв к насилию“.

— Но ты же хотел прекратить эту драку! — в гневе воскликнул Роберт.

Поль только пожал плечами, глаза его горели как антрацит.

— Я там был. Парня убили. А стачку, из-за которой сыр-бор разгорелся, возглавлял я.

— Но столько лет прошло, столько лет!

— Прошлое никогда не умирает, Роберт. Оно возвращается.

— Но это же известные люди, умудренные опытом!

Поль только скорчил гримасу.

— У них короткая память, ты думаешь? Нет, они все помнят, эти ребята. Как и я. Я все помню. Ничего не забываю.

Забывать... забывать, чтобы помнить... Роберт наклонился к Полю.

— Поль, я хотел как раз поговорить с тобой об этом. Та ночь... когда произошла трагедия... ты помнишь?

— Помню ли я? Бог ты мой, Роберт, о чем ты говоришь? Неужели ты думаешь, я могу забыть? — Вновь поднялась волна ярости, но где-то подспудно. — И когда я выберусь — сколько бы ни пришлось ждать — первым делом, и я твержу себе об этом годы и годы — первым делом я разыщу мистера Мика Форда и преподам ему несколько уроков памяти. Уж поверь мне, я все до тонкости разработал и точно знаю, как буду учить его уму-разуму.

— Поль!

Роберт перегнулся через стол и схватил его за плечи.

— Да, пойми ты, месть — это не ответ. Ради Бога, оставь это в покое! Сосредоточься на том, что в действительности было. Нам всем необходимо знать, что именно случилось в ту ночь. Что ты действительно помнишь? В конце концов, тебе в эту ночь проломили череп, как и мне.

— О, нет, приятель, не мне!

Поль заговорил быстро, почти скороговоркой, чувствовалось, как он взбешен.

— Уж это-то ты на меня не вешай! Джим Калдер меня отделал, и я вырубился ненадолго — не спорю. Но в тот день в нашей семье был только один с пробитой головой — и это ты! Ты был кандидатом в покойнички, а не я, шурин! И что бы я ни делал, я знал, что делаю, черт побери — и я знаю, что не убивал Джима Калдера, хоть этот ублюдок того заслуживал!

С огромным усилием Роберт попытался успокоиться и взять себя в руки.

— Поль, — произнес он как можно отчетливее, — тогда скажи мне... Если ты помнишь эту ночь — если ты помнишь все, что случилось с тобой — помнишь ли ты хоть что-нибудь, что-нибудь вообще — о том, что случилось со мной?

Ничего.

Этого можно было ожидать.

Но он все же надеялся, что Поль сможет дать ему какой-то ключ...

Затем был долгий, изнурительный путь обратно в Сидней, гонка по пустынной дороге с ощущением рези в глазах, тяжести во всех членах и сосущего холодного отчаяния, словно плесень разъедающего душу. Ему не следовало бы позволять своим мыслям возвращаться к девушке, но они сами устремились в нужном направлении, и он не стал противиться. Съехав с автострады на первой окружной дороге, он долго колесил по окраинным улочкам города, пока не нашел кафе.

Из дверей вышел молодой человек и, улыбаясь, помахал кому-то рукой. Заинтересованный Роберт поспешил пересечь порог. Не ей ли махал парнишка? И тут же одернул себя. А тебе какое дело? Что, у нее не может быть дружка, черт побери! Уж не

ревнует ли он, чего доброго? Парень побрел, насвистывая, и каждое движение длинного стройного тела выражало переполнявшие его молодость и счастье.

Она обслуживала клиента, когда он вошел.

— Привет, — улыбаясь, бросил он.

— Привет, — спокойно отозвалась девушка. — Столик на одного? Подходит?

Она нашла ему столик и стала тщательно протирать его, что было нелишне: сидевшие перед ним оставили много мусора.

— Что-нибудь принести?

— Пиво, пожалуйста.

— Есть не будете?

Опять этот английский акцент. Откуда?

— Нет, ничего — спасибо, — промямлил он.

Она пристально посмотрела ему в глаза.

— И никак не уговорить вас еще на пару отличных филе из леща?

Он рассмеялся.

— Извините, что я тогда сбежал. Но я не хотел обидеть повара Просто вспомнил о важном свидании.

— Ну конечно. Важное свидание. — Она улыбалась ему; миндалевидная форма глаз с небольшой косинкой придавала особую живость ее лицу. Даже удивительно, как он сразу почувствовал себя с ней легко — будто знал ее давным-давно...

— М-м-м-м! — Улыбнулся он в ответ. — Забудем об этом!

— Вы оставили крупную банкноту. Я дам вам сдачу.

— Да что вы, это вам.

Она от души рассмеялась.

— Нет, правда. Я решила оставить сдачу для вас — когда вы снова придете. Сунула за стойку. Сейчас принесу. — И она направилась к бару.

Его снова охватило беспокойство. Откуда она могла знать, что он вернется? Почему была так уверена в этом?

Она возвращалась с кучей бумажек и мелочи в маленькой руке.

— Вот возьмите.

Он покачал головой.

— Я же сказал. Это вам.

Она раскрыла и без того большие глаза.

— На чай? Но это же слишком много? А к тому же вы ни к чему не притронулись? Стало быть, я вас не обслуживала.

Он ухмыльнулся, и она подумала, что он вдруг помолодел и вид у него счастливый.

— Ну ладно, давайте так. Я сейчас что-нибудь закажу, тогда вы сможете взять деньги, и каждый будет при своем интересе. Идет?

Она размышляла секунду, склонив головку набок, как ребенок.

— Ну хорошо. Что вам принести?

— А что у вас есть? — Ему от души нравилась эта игра.

— Все зависит... — прыснула она, с удовольствием подыгрывая.

— От чего?

— От того, что вы хотите.

— Дайте посмотреть...

— Я дам вам меню, тогда у вас будет больше шансов! — Она убежала и вернулась с потрепанным и замызганным меню, которое, судя по всему, имелось в кафе в единственном экземпляре. Роберт раскрыл его и расхохотался.

— А это еще что такое?

Озадаченная, она наклонилась, чтобы посмотреть, что вызвало такое веселье.

— Хлебцы особые по-домашнему, — прочитала она. — Ничего смешного тут нет. Это поджаренный сэндвич — со всякими особыми съедобными кусочками.

— Уж не кусочками ли филе случайно? Оставшимися невостребованными посетителями?

Он не мог припомнить, когда так от души развлекался последний раз. Но было в этой девушке что-то проникающее глубоко в душу. Он должен побольше узнать о ней. Когда она принесла ему заказ, он высказал предположение.

— Вы англичанка?

— По произношению догадались? Да.

— Родились в Англии? Из английской семьи?

Она с удивлением уставилась на него.

— Ну конечно. А как же. А почему вы спрашиваете?

— Да просто так, — с какой-то неловкостью ответил он. — Просто подумал, были ли вы раньше в Австралии? Это ведь так далеко от дома...

— Я как-то не задумывалась. Дом там, где ты бросил свой рюкзак.

— Вы первый раз в Австралии?

— Конечно. Это последний пункт в кругосветном путешествии.

— Вы путешествуете?

— Можно так сказать, если хотите.

— А что ваши родители об этом думают?

Она пожала своими маленькими золотистыми плечиками.

— У них такая куча детей, что они и не заметят моего отсутствия. Только рады будут сбить меня с рук, чтоб освободить место для других.

— Вы выглядите очень юной, чтобы разъезжать по миру самостоятельно.

— Возраст зависит от того, на сколько ты себя чувствуешь — а я по большей части чувствую себя на все сто.

— Но разве вы не думали о том, чтобы учиться, — в колледже, скажем?..

— Да вы что, с неба свалились? — Резкость ее реакции была неожиданной после легкости и веселья предыдущего разговора. — Это для вас все легко, для таких как вы! Чтобы учиться в школе, нужны деньги, не говоря уж о колледже, во всяком случае в Англии. Не думаю, чтоб здесь было по-другому — не считая, конечно, детей настоятеля!

В сердцах она повернулась и убежала на кухню. Он так и остался в недоумении наедине с остатками своего сэндвича. Она не появлялась. Наконец он подошел к замусоленному хозяину, появившемуся из кухни сразу после того, как девушка скрылась там.

Нет, отрывисто было сказано ему, он не может увидеть официантку. Она ушла домой. Уже с час, у нее разболелась голова. Нет, он не может взять записку — что это, кафе или почта? Нет, он не может взять номер телефона — девушка приходит сюда работать, а не звонить по телефону.

Враждебный взгляд и резкий тон вывели Роберта из равновесия. Не лезь куда не следует. Он втемяшил себе в голову, будто я приударяю за ней, он думает, что я грязный

старик, с изумлением думал он. Но еще только сделав шаг к выходу, он понял, что ничего смешного в этом нет. А когда наконец сел в машину и закружил по незапоминающимся улочками и переулкам, то внезапно сообразил — и от этого рассердился еще больше — что не спросил даже имя девушки.

Когда он вернулся в резиденцию, так и не ставшую ему домом, было уже поздно. С облегчением растянувшись в постели, он долго лежал рядом с тяжело распростершейся спящей Клер, пока не пришел сон, а проснулся поздно утром, чувствуя себя разбитым и невыспавшимся. В столовой никого не было, а холодный, как лед, кофейник говорил о том, как давно закончился завтрак. Впрочем, он не был голоден. Пора начинать новый день.

Из комнаты Джоан доносилось тихое шуршание ксерокса. Он приоткрыл дверь, и она поприветствовала его с таким свирепым видом, что красноречивее всяких слов говорило о ее негодовании. Впрочем, это не означало, что Джоан сегодня обойдется без гневных слов, которые она уже готова была обрушить на голову Роберта.

— Где ты пропадал? Вчера? Весь день?

Он был сбит с толку таким резким нападением.

— Я решил сделать себе день отдыха, вот и все.

— Но как же так, Роберт, — не сказав ни единого слова — не предупредив! Исчезнуть на весь день — и на всю ночь! Где это ты развлекался?

Что-что, а перепалка с Джоан в его планы не входила.

— Ну ладно, извини! — коротко бросил он и собрался уходить.

Но Джоан уже было не остановить.

— Ах, извини! — взорвалась она. — Тебе наплевать! А мы, по-твоему, должны расхлебывать!

— Что расхлебывать?

— Только не говори, что ты забыл! — с жестоким сарказмом продолжала она. — Или у тебя опять нелады с памятью?

Он чувствовал, как в нем растет гнев.

— Джоан, ради Бога, скажи, что ты имеешь в виду?

— Вчера, — она дышала тяжело, как борец на ринге, — вчера у тебя был назначен прием в Комитете по оценке недвижимости — в двенадцать тридцать, не помнишь? А в три ты должен был быть у епископа на совещании, которое регулярно проводится по средам...

Забыл ли он? Вчерашнее утро, до того момента, когда он собрался ехать в тюрьму, начисто стерлось из памяти.

— Роберт? Ты здесь. — В дверях показалось встревоженное усталое лицо Клер. — Джоан сказала, что мы здесь места себе не находили вчера?

— Я... встал очень рано, чтобы поехать на утреннюю службу в соборе. А потом... была такая погода — что я решил просто прокатиться немного. Съездил в тюрьму — повидаться с Полем.

— С Полем?

Надо же было сказать им об этом. Клер так или иначе узнает, кроме того, надо было как-то объяснить столь долгое отсутствие. Две пары глаз уставились на него.

— Я беспокоился за него. Сейчас должно решиться дело о досрочном освобождении — в случае неудачи...

Звучало как-то неубедительно, и он сам это чувствовал. Но также он понимал, что

расспрашивать его они не решатся.

— Ну, хорошо, но все равно... — В душе у Клер что-то защемило. Почему он ни капельки не чувствует вину за то, что вот так бросил их и даже не подумал сообщить, где он, и почему лжет им сейчас? — Но все равно, Роберт, вечером-то ты должен был вернуться?

— Вот именно! — Торжествуя, бросилась вновь в атаку Джоан. „Она прямо вне себя от радости!“ — подумал Роберт с внезапным чувством изумления, а потом желчной злобы. — Потому что не я одна, знаешь ли, сидела с кислой физиономией в Комитете. Ты и Клер подставил!

— Клер?

— Ах, Роберт, ты что, совсем забыл, мы назначили на вчерашний вечер еще одно randevu? Здесь, в резиденции — насчет „Алламби“. Ты договорился еще раз повидаться с миссис Маддокс, которая искренне загорелась этим делом; она против сноса старых зданий. А еще должен был объявиться репортер „Сидней Стар“, чтоб дать материал об „Алламби“.

Он зло обругал себя. Так и есть. Но все казалось каким-то нереальным, — вот его фантазии, его фантазмагорическая жизнь, одержимость прошлым, девушкой были реальны своей истинностью и убедительностью. Как мог он все это объяснить Клер и Джоан?

— Можешь внести в этот список еще и архиепископа! — с садистским наслаждением подбросила Джоан.

— Архиепископа?

— Позавчера, когда ты как угорелый выскочил из своего офиса, без пиджака, как говорит миссис Причард, да так и не вернулся, — он должен был посетить тебя...

— Хватит, Джоан! — Достаточно было взглянуть на его лицо, чтоб умолкнуть. — Я же сказал, что извиняюсь за все. Последствия сам буду расхлебывать. А теперь оставим это. Баста!

Ну, вот и все. Хотя, кажется, не совсем. Его рука была уже на ручке спасительного кабинета, манившего как надежное убежище, когда сзади выросла Джоан.

— И еще одно, Роберт, — прошипела она ему на ухо, бросив через плечо взгляд на удаляющуюся фигуру Клер.

У него засосало под ложечкой.

— Да?

— Я знаю, кто служил раннюю обедню в соборе. Патси Райт, жена второго священника, была там — она всегда ходит на службы по утрам. И не надо быть Шерлоком Холмсом, чтоб выудить у нее сведения, что настоятеля там не было!

Он повернулся, чтобы посмотреть ей в лицо, хотя и так знал, что увидит — в глазах ее клокотала холодная ярость.

— Так что не лги мне, Роберт. Можешь что хочешь плести Клер, она тебя не знает так, как я. Я-то вижу тебя насквозь. Ты для меня открытая книга. И мне не нравится то, что я сейчас в ней читаю. Так что намотай это себе на ус, настоятель. А то, неровен час, ты им не будешь! Помяни мое слово!

Когда Роберт затормозил в обшарпанном квартале пригорода подле кафе, вечер уже накрыл город тусклым покровом. Узкий серп месяца сверкал на небе, по которому холодный ветер гнал обрывки туч. „Нежарко для начала лета“, — подумал Роберт. Даже в укрытии машины его пронизывала дрожь. Но он не собирался заводить мотор, чтоб согреться. Холод помогает голове лучше работать — а он хотел знать — любой ценой — что, в конце концов,

привело его сюда.

Была ли это действительно необъяснимая одержимость — какая-то непреодолимая тяга к девушке, которую он едва знал, и к другой, давно погибшей, которую он не знал вовсе? Или он просто руководствуется указаниями Меррея и своими собственными инстинктами и идет по следу, ведущему к разгадке тайны? Но в любом случае все нити, которые он пытался распутать, вели к этой девушке. Только она поможет ему найти ответ.

Разобравшись наконец в дикой путанице своих мыслей, он открыл дверцу машины. Однако в этот момент его внимание привлекла парочка, выходящая из кафе. Это был тот же паренек, которого он видел тогда, — долговязый юноша с веселой улыбкой. Чуть поотстав, за ним следовала девушка.

Затаив дыхание он внимательно смотрел, как юная пара повернула и двинулась мимо метро вниз по улице. Они были поглощены разговором и явно хорошо знали друг друга, смеялись и дурачились, как все молодые люди. Он включил мотор и покатил за ними.

Они были почти одни на вечерней улице; все магазины и конторы уже закрылись, и только припозднившиеся одинокие прохожие торопились домой. Идти им, судя по всему, предстояло далеко, но они явно не торопились и шагали себе сначала по центральной улице, по тротуарчику, потом по переплетенью боковых улочек, пока наконец не добрались до дома, который вполне можно было принять за дешевый пансионат. На крыльце они задержались и он, затаив дыхание, прислушался к их разговору.

— Как насчет чашечки кофе?

— Поимей совесть, Гарри, я с ног валюсь от усталости.

— Ты думаешь, только ты одна зарабатываешь себе на жизнь?

— В таком случае тебе тоже не мешало бы выспаться!

Он засмеялся.

— Часик-другой я могу тебе уделить.

— Вовсе ни к чему. Всем хорошим мальчикам пора ложиться в кроватку.

— И я об этом думаю...

Он подошел к ней вплотную и попытался привлечь к себе. Но не тут-то было. Ловко отступив и игриво, но довольно сильно толкнув его в грудь, она уже оказалась на последней ступени перед входной дверью с ключом в руке.

— Я позвоню тебе, Гарри, — бросила она через плечо, исчезая в проеме. — Не звони мне — я сама позвоню!

Он улыбнулся, помахал рукой, передернул плечами и не спеша потопал по дороге. Роберт сидел в машине и ждал, как ему показалось, целую вечность, пока паренек наконец не свернул за угол и не исчез из вида. Итак, девушка живет здесь — и не с ним. А с кем? Не одна же в таком возрасте? Но сколько ей все-таки лет? Вот еще один вопрос, на который нет ответа. Восемнадцать? Двадцать?

Почему бы не спросить. Роберт взглянул на часы. Начало десятого — не так уж поздно. Он вышел из машины и подошел к подъезду. Это был старый четырехэтажный многоквартирный дом, типа нью-йоркских кирпичных зданий, знававший и лучшие времена, и лучших жильцов. Роберт прошел низенькую железную калитку и поднялся по ступеням.

Список жильцов у каждой кнопки звонка справа от двери ничем помочь не мог. Около многих звонков имен вовсе не было; другие явно остались от прошлых лет и не соответствовали действительности. Сегал, Джексон, Метакис, Ирвин — какое из них принадлежит ей? Он изучал выгоревшие, небрежно написанные каракули, и в нем росло

чувство отчаяния.

Да и судя по потертым кнопкам, выглядевшим так, будто ими никогда не пользуются, нет никакой гарантии, что звонок прозвенит именно в той квартире, если еще, паче чаяния, ему удастся определить, какая ему нужна. А кроме того, неужели он в самом деле хочет нанести визит в столь неурочный час? Просто проездом? Похоже, что с каждым разом это звучит все менее убедительно. Он решил зайти днем и вернуться в кафе в дневные часы.

Он сбежал по ступенькам и повернул к машине, но в темноте налетел на мусорный ящик, стоявший у заборчика прямо у него за спиной. Тот упал с диким грохотом, нарушив тишину ночной улочки. Наверху чья-то рука отодвинула муслиновую занавеску в окне второго этажа, и, словно попрыгунчик из шкатулки, показалась ее головка.

— Кто там?

Он стоял ошеломленный, не в силах произнести ни слова.

— Кто там!

Это был уже не вопрос, а угроза.

— Если сейчас же не покажетесь — я позвоню в полицию!

— Эй, не кипятитесь! — услышал он свой собственный смех. — Это излишне! — Роберт вышел на свет, струящийся из окна, так, чтобы она его увидела.

— Вы! Да что вы здесь делаете?

— Я не хотел пугать вас. Просто... — Что просто? Что сказать?

Она рассмеялась.

— Тогда уж заходите. Не можете же вы возвращаться домой из такой далищи, не глотнув кофейку. Толкните входную дверь и поднимайтесь на второй этаж — большая комната прямо.

Это была маленькая, убогая и не слишком чистая однокомнатная квартирка. Но девушка двигалась по ней свободно, явно чувствуя себя здесь как дома.

— Присаживайтесь, — пригласила она, указывая на одно из легких кресел. — Кофе? — Взяв чайник, она подошла к раковине, наполнила его и поставила на электроплиту.

В полном изумлении он огляделся вокруг. На стенах висели виды Австралии: Перт, Алис-Спрингс, Большой Барьерный риф. Три пары туфель, яркой расцветки платья, повешенные вплотную, красовались в гардеробной нише. На каминной доске были расставлены девичьи сокровища — маленький ларец с откинутой крышкой открывал взору нитку бус, сережки и пару недорогих браслетов, китайскую кошечку и открытку с сельским видом, судя по всему, английским.

— Это ваш родной город? — спросил Роберт, когда она принесла ему кофе.

Она взглянула на него пренебрежительно.

— Если его можно назвать городом. Глухомань. Сидней лучше. — Она повернулась к нему, и взгляд ее стал суровее. — Что об этом говорить. Лучше скажите, что вы здесь делаете? Это гораздо интереснее.

Он изобразил ухмылку.

— В том-то и вопрос! — Он испытывал такое чувство, будто находится где-то за миллион миллионов миль отсюда, но при этом реальность его присутствия была невероятной. — Я просто хотел узнать, где вы живете. — „И как“, чуть было не добавил он, но не был готов к вопросу, который мог за этим последовать.

— Значит, вы следили за мной от кафе. — Это уже был не вопрос. — Зачем?

— Ну, первым делом, я не считал, что наш разговор в кафе закончился, когда вы

обрушились на меня в тот раз!

— Ах, да. — Она вовсе не собиралась извиняться или объясняться. — Я ушла, кажется.

Просто пошла домой.

— Вот я и хотел повидать вас снова. Поговорить с вами...

— Зачем?

Вот, наконец. Он набрал полную грудь воздуха.

— Вы напоминаете мне... одну девушку, которую, кажется, я знал.

Она рассмеялась резким смехом.

— Так вы не знаете?

— Нет.

— Кто же она?

— Девушка, которая жила в городке, где я был раньше. Но я ее не знал.

— Мне послышалось, вы сказали, что знали. Как ее звали?

— Алисон. Алисон Калдер. Ее все звали Алли. Вы так на нее похожи. Это невероятно. Словно сестра. Но, вроде бы, у нее не было родственников. Честно говоря, все, что я о ней знаю, это имя. — Где-то в глубине его сознания зазвучала струна. — Кстати, вы не сказали свое.

По лицу ее прошла какая-то тень, но тут же исчезла.

— Эмма.

Эмма. Снова что-то откликнулось эхом в темных лабиринтах времени.

— Эмма. Так звали мою мать.

Теперь на лице ее появилась заинтересованность.

— Та девушка — которую я вам напоминаю — что с ней случилось?

— Она умерла.

— Умерла?

Вновь он заметил какое-то волнение, промелькнувшее на ее лице, но тут же исчезнувшее... Что это было? Злость? Сожаление? Но она не дала ему подумать.

— Значит, вы крутитесь вокруг меня, потому что я напоминаю вам девушку, которая когда-то жила в вашем городке и которую вы даже вряд ли знали?

Как тут можно объяснить?

— Потому что вы так похожи на нее...

— Глупее ничего не выдумаешь!

— Но это так.

— Что же я-то могу поделать, если так похожа на нее. Это не моя вина!

Она вновь рассердилась. Он готов был отдать все на свете, чтобы она успокоилась и снова повеселела.

— Я понимаю, понимаю. И не надеюсь, что вы что-то сделаете, тем более что и сам толком ничего не знаю. Но я делаю все, что в моих силах. А когда до этого докопаюсь, голову даю на отсечение, вам скажу в первую очередь!

— Итак, вы поехали за ней на машине от кафе? — переспросил Меррей мрачным голосом.

— Да.

— И она накрыла вас, когда вы шпионили около ее дома...

— Ну уж, так и шпионил — ради Бога, Меррей!

Про себя Меррей подумал, что двенадцать добропорядочных и честных присяжных посчитали бы слово „шпионить“ самым подходящим для обозначения подобной деятельности, но спорить по этому поводу не стал.

— Нет, нет, конечно. Потом она пригласила вас... пригласила подняться к ней... Не сложилось ли у вас впечатление, что она... что ей свойственно приглашать мужчин к себе?

Он выложил это как можно деликатнее. Но Роберт вспыхнул от негодования и весь подался вперед, словно готов был голыми руками задушить...

— Разумеется, нет! Она не проститутка, если вы об этом подумали! Бога ради, Меррей, она совсем ребенок! Ей от силы восемнадцать или двадцать!

„Прогуляйся до доков, Роберт, — подумал Меррей. — Там ты можешь подцепить девок от девяти до девяноста. Что ж нам с тобой делать?“ Какое-то непонятное чувство не то раздражения, не то беспокойства, не свойственное ему по отношению к другим пациентам, пробуждалось в нем, когда дело касалось Роберта.

— О, я прекрасно понимаю, что несу ахинею, Меррей! Разумеется, она могла бы быть такой девицей. Но я твердо знаю, что это не так. Знаю и еще кое-что, и это грызет меня гораздо больше. Я зашел слишком далеко, Меррей, и я знаю это. Послушайте, хоть я и наломал дров, но не настолько потерял голову, чтобы не понимать, как это все выглядело бы — а в моем случае и подавно — если б меня застучали в подобной ситуации! Прицепился к юной девушке — оказался у нее в комнате... Хотя я понимаю, что особого преступления тут нет, но я должен думать о Клер и Джоан. Я не вольная птица. Если будет опорочено мое имя — позор падет и на них.

Меррей кивнул.

— И на вас, Роберт, на вас, не забывайте этого! С собором придется распрощаться за милую душу! — Он помолчал. — Задумывались ли вы когда-нибудь о том, что бы делали, если бы больше не были священником, например?

В наступившей тишине оба почувствовали дыхание грядущих событий, абсолютно неподвластных им.

— Нет! — В крике Роберта слышалась отчаянная решительность. — Но я должен снова повидать эту девушку!

— Должен?

— Да! Проникнуть в белое пятно моей памяти и понять, почему она напоминает мне девушку, которую я в жизни не знал! Вы можете помочь мне? Я умоляю вас, Меррей.

Медицинское и профессиональное кредо Меррея не позволяли ему отказать душе, вопящей от боли. Но более примитивной частью своего „я“ он начинал испытывать темное чувство ужаса, страха перед грозными событиями, которые, как он предчувствовал, должны произойти и предотвратить которые он был не в силах. Словно ведомый на заклятие, он склонил голову перед неотвратимостью рока.

— Мы попробуем прибегнуть к гипнозу, Роберт — эта методика называется регрессией. Благодаря ей вы сможете вернуться в ту ночь — в то время — пройти все шаг за шагом — что бы там ни было...

— Давайте сделаем это! Когда мы можем начать?

доносил из гавани запах лета. Но то, что сейчас слышал Роберт, перечеркивало все радости дня. Он до боли в руке сжал трубку.

— Сегодня? Быть того не может! Это какая-то ошибка.

— Никаких ошибок, поверьте мне! Все законно, у них есть ордер на „скорейшее исполнение судебного постановления“ — так это называется. Это значит, что они могут действовать в обход любого имеющегося закона. Они у нас выбивают почву из-под ног, настоятель.

У Бесси Маддокс был голосок девчушки, которую на детской площадке дразнят мальчишки. Она действительно хотела всей душой спасти „Алламби“. И сделала все, что в ее силах. А теперь...

Роберт обрушивал на свою голову все проклятья, бичуя себя за эгоизм и неспособность думать о чем-либо, кроме своих собственных бед. Боже мой, как это он выпустил все из-под контроля? Вместо этого он... вместо этого он...

— Но они не могут приступать к сносу прямо сегодня. Так быстро. Не могут!

Даже ему самому была понятна нелепость этого протеста. Голос Бесси Маддокс перешел в пронзительный крик:

— Могут, и еще как! Они начнут с минуты на минуту!

— А что же со стариками?

— Выселены.

— На улицу?

— Очень сомневаюсь, чтобы Церковь могла в столь краткий срок предоставить им какое-либо пристанище, так ведь?

За окном веселые гребешки волн игриво плясали вдали и исчезали с поверхности моря. Такой прекрасный мир... мир, созданный для счастья... Вновь он почувствовал острые угрызения совести, подкрепляемые на сей раз чудовищной головной болью.

— Я попросил своего второго священника, Джеффри Райта, что-нибудь предпринять. „Алламби“ в его приходе... Я велел ему проявить инициативу...

Молчание было бы лучшим ответом на то, что думает миссис Маддокс об инициативности Церкви в этом деле. Но она не принадлежала к числу женщин, которые полагаются на красноречивость молчания.

— Вы обещали что-нибудь сделать, настоятель. Люди поверили вам.

Он не мог слова вымолвить. Эти несчастные старики... слабые... беззащитные...

— Я знаю.

— Что же вы собираетесь делать?

— Связаться с Миком Фордом. Я отлично знаю, что он подкуплен предпринимателями. Но у нас есть масса возможностей в плане проектируемого строительства, осуществляемого под эгидой Церкви. А он обещал не терять связи со мной. Если мне удастся подцепить его, как-то сговориться, мы еще сможем перетянуть профсоюзы на свою сторону и остановить процесс в самом начале...

— Мик Форд? Я смотрела сегодня новости по утренней программе — это, в сущности, единственное сообщение о том, что происходит на самом деле — Мик Форд был там, собственной персоной, впереди всех, возглавлял делегацию на разрезании!

— Разрезании?

— Разрезании ленточки, по случаю открытия будущей стройки. Бога ради, настоятель, неужели вы не понимаете, что Мик вас обвел вокруг пальца! Да ему плевать на „Алламби“!

Он кроме себя знать никого не знает!

Мик Форд. Да. Он подавил вспышку гнева.

— Успокойтесь, миссис Маддокс, может, еще не все потеряно. Это моя промашка, что и говорить, и я ужасно огорчен. Но я сейчас же буду там. Что-то мы еще можем сделать — даже сейчас.

В мире безумия, где все перевернуто с ног на голову, рано — это достаточно поздно. Было всего восемь, когда Роберт появился в „Алламби“, ко вся тяжелая техника уже была установлена, словно для битвы, в ожидании сигнала начала резни. На тротуаре перед входом в обреченное старое здание жалась кучка еще более обреченных несчастных обитателей. Среди них выделялся Артур, пианист; он стоял с потрясенным видом, сжимая в руках узелок со своим жалким скарбом, что придавало ему еще более трагический вид. Кто теперь виноват, Артур, хотелось ему спросить; головная боль, терзающая его, прекрасно гармонировала с болью в сердце. Кто теперь виноват?

Рядом с Артуром в инвалидной коляске сидел другой старик; голова его дико раскачивалась из стороны в сторону, а пальцы судорожно перебирали складки потертого шотландского пледа, лежащего на коленях. Между стариками ходили ненужные теперь женщины из обслуживающего персонала, продолжая тем не менее исполнять свои профессиональные обязанности, утешая и успокаивая своих детей-переростков. На другой стороне стояла кучка хорошо одетых и прекрасно выбритых представителей делового мира. Власть против обездоленных, думал Роберт, сила против слабости и откровенный террор против всех и вся. Это была прямо картина Холокоста^[25].

— Настоятель Мейтленд!

Это был молодой, энергичный репортер из „Сидней Стар“, огорченный тем, что обещанная настоятелем встреча по поводу этих событий не состоялась в тот вечер.

— Доброе утро, сэр! Вы можете прокомментировать то, что здесь происходит?

— Прокомментировать?

Роберт смотрел на острие карандаша, нависшее над записной книжкой, и в душе его поднималась буря.

— Не знаю, смогу ли я прокомментировать происходящее так, чтобы мои слова оказались в согласии с законностью и приличием, честными и печатными. То, что здесь происходит, ужасно для всех — и в большей степени для предпринимателей.

— Я могу процитировать вас, настоятель?

— Цитируйте.

— Городская опека уступила, сэр. Там заявили, что по сравнению с той суммой, что им предложили за участок, стоимость аренды за содержание „Алламби“ в качестве дома для престарелых просто не подлежит обсуждению по своей ничтожности...

— Стоимость! Стоимость! А какова стоимость человеческой жизни?

Репортер поколебался мгновение, но вновь бросился в атаку.

— Стоимость, настоятель. Чем можно ее измерить, если для большинства людей в наши дни, особенно для молодежи, Церковь и ее службы просто бессмысленны?

В то же мгновение железная рука опустилась на плечо репортера и развернула его на девяносто градусов.

— Вы видите того старика, сжимающего свои пожитки — все, что он накопил за жизнь, уместилось в рваном узелке? — гудел разъяренный настоятель. — Вы видите того

несчастливого в кресле-коляске, выброшенного на улицы из жилища, которое его помутненное сознание привыкло считать домом? Можете ли вы считать, что „Алламби“ и то, что Церковь сделана для своих людей, „бессмысленно“?

Журналист явно был новичком в газетном деле, „Сидней Стар“ не посылает своих асов по пустякам.

— Но учитывая, сколько бездомных вокруг, сэр, — не сдавался парень, высвобождая плечо из крепкой хватки настоятеля, — не понадобятся ли эти деньги и для молодых? Для несовершеннолетних матерей-одиночек? Одиноких родителей? Для реабилитации наркоманов?

Роберт застонал, и это подействовало на парня сильнее, чем все, что он до сих пор делал и говорил.

— Мир во зле лежит! — страстно заговорил он. — Мы живем в ужасные времена! Но вы достигли зыбкого берега, ненадежной гавани! Что вы делаете?

Молчание.

Роберт снова взревел, наклоняясь к нему.

— Что вы делаете?

— Не знаю, сэр! — пролепетал тот, потрясенный огнем, пылающим в глазах настоятеля.

— Вы возводите маяк, приятель. Вот, что вы делаете.

Атмосфера явно накалялась. Перед зданием появились телекамеры и микрофоны ведущих сиднейских телекомпаний. Начиналась небольшая и вполне пристойная демонстрация, которую организовывала студентка, как две капли воды похожая на миссис Маддокс, должно быть, ее дочь. Спасибо вам, Бесси, с благодарностью и растущим интересом подумал Роберт. Приятно видеть, что есть люди, готовые вести войну на территории противника!

Он шагнул было с тротуара, чтобы приветствовать демонстрантов, но в этот момент перед ним резко затормозила машина и из нее выскочила Джоан. Глаза ее метали молнии. Она схватила Роберта за руку, пытаясь толкнуть назад на тротуар.

— Роберт! Что ты здесь делаешь? Ты отдаешь себе отчет, что ты делаешь?

Ее гнев вызвал в нем ответную реакцию:

— Джоан, они закрывают дом престарелых и хотят снести его прямо сейчас! А я узнал об этом только сегодня утром!

Гнев Джоан отчасти объяснялся тем, что брат уехал из дома по телефонному звонку, не сказав ни слова и не посоветовавшись с ней. Только повторный звонок Бесси Маддокс дал Джоан ключ к этой загадке, и она поняла, где он.

— Боюсь, ты упустил свой шанс спасти дом задолго до сегодняшнего утра! — выпалила она, глаза же ее были холодны как лед. — Об „Алламби“ надо было думать, когда ты шлялся невесть где и предпринимал свои таинственные поездки, не говоря никому, куда едешь! Слишком поздно для геройства!

— Это не „геройство“, Джоан! — Он решил не попадаться на ее приманки. — Я обязан сделать все, что можно, для этих людей... чтобы...

— Чтобы что?

— Чтобы наш протест слышали — а если возможно, и почувствовали. Если мне удастся организовать эту демонстрацию в живую цепь протеста против бульдозеров...

— Роберт, ты можешь подумать? Можешь ты хоть на секунду пошевелить мозгами?

Он с недоумением смотрел на нее.

— В чем дело?

— Это новое строительство — кто, по-твоему, его субсидирует?

Он попытался собраться с мыслями и вспомнить.

— „Плаца Корпорейшн“, кажется?

— А кто там командует?

Он покачал головой.

— Ты помнишь Филлипса? Того детину, которого ты из кожи вон лез, чтобы подбить на проект святого Матфея?! Который готов дать нам миллионы долларов?

— Да... а он тут при чем?

Джоан даже ахнула от негодования.

— Да он глава „Плаца“, вот кто он. И если ты помешаешь ему с этим строительством, плакали твои денежки и Дом святого Матфея, вот что!

В душе его разверзлась зияющая пропасть.

— Так что, я должен потворствовать Филлипсу, что бы он ни делал?

„Как же глуп иногда бывает Роберт“, — пронеслось в голове Джоан.

— А ты как думал? — не без сарказма парировала она. — Иногда не мешает!

Он почувствовал, что уже не в силах остановиться.

— Может, надо причислить его к лику блаженных, или это покажется несколько неуместным? — Она с ужасом посмотрела на него. — А не поцеловать ли ему меня в задницу? Или это следует сделать мне — в благодарность за уничтожение „Алламби“?

Со свойственной Джоан решительностью, она двинулась напролом и взяла быка за рога.

— Послушай меня внимательно, Роберт, — повелительным тоном обратилась она к нему.

Он с трудом сдерживался.

— Я весь внимание.

— Ты хочешь быть епископом, не правда ли?

Почти не задумываясь, он выпалил:

— И вполосину не так, как этого хочешь для меня — или для себя — ты!

Она зло засмеялась.

— Не носи чушь! Я знаю, что ты хочешь — чего хотел всю жизнь.

Ему вдруг стало спокойно и грустно, очень спокойно и очень грустно.

— Это и есть камень преткновения, Джоан. И мне кажется, человек должен знать, чего он хочет в действительности.

— Поверь мне, я тебя знаю как облупленного, — осадил ее он. — Уж мне ли не знать, что ты спишь и видишь, как стать епископом... а то и...

— Папой? А почему бы и нет. Первый английский епископ, ставший главой Римско-католической Церкви. Мейтленд — Римский Первосвященник! Прекрасная мысль!

Он зашел слишком далеко. Были две вещи, с которыми Джоан, и раньше не отличавшаяся повышенным чувством юмора, не позволяла шутить, — религия и ее брат. Неважно, кто позволял себе подобную шутку — но это выходило за всякие рамки.

— Ну что ж, отлично! — прошипела она, побледнев от ярости, и резко повернувшись на каблуках, удалилась.

Однако, свято место пусто не бывает. Недолго пребывал он в одиночестве.

— Настоятель Мейтленд?

К нему обращалась молодая женщина, организатор демонстрации; у нее было открытое, волевое лицо, полное решительности.

— Вы оказали бы огромную услугу, если бы примкнули к нам. Пусть увидят, что нас морально поддерживает такой человек, как вы! — смело сказала она.

Джоан потом не могла простить себе, что не отвела маленькую смутьянку прежде, чем та оказалась около Роберта. Потому что когда наконец демонстрантов, лежавших на тротуаре перед готовой приступить к скосу командой, стали поднимать и по одному переносить в полицейские машины на глазах у прессы, самой заметной фигурой среди протестующих, заполнившей все средства массовой информации Австралии, был настоятель кафедрального собора, его преподобие Роберт Мейтленд собственной персоной.

Что с ним происходит?

Если бы она могла понять!

Если б только она знала — если б он знал себя?

Мысли ее метались и кружились, словно крысы в клетке. Джоан всеми силами пыталась сдержать клокочущее в ней возмущение. Они с Клер молча готовили ужин на кухне резиденции. По взаимному согласию женщины не затрагивали эту тему с того самого дня, когда вернулись из суда, где, в качестве гарантов, взяли Роберта на поруки. Но молчать дальше было свыше сил Джоан, которая вся извелась, как мучимая оводами лошадь.

— Но я все же не могу понять! — в негодовании выпалила она, ни к кому не обращаясь конкретно. — Ну, почему он это сделал? Вот так поставить на карту все, что с таким трудом создавалось годами — и ради чего?

— Джоан, Джоан, ради Бога!

Это была полупросьба, полуупрек. Но Джоан уже нельзя было унять.

— Ради идиотской демонстрации! Влезть в такую глупость!

— Джоан, — такой жесткости Джоан от Клер никогда не слышала. — Все и так из рук вон плохо! К чему подливать масла в огонь?

— А сейчас ему придется объясняться с архиепископом — это уже само по себе говорит о том, как все серьезно! — Досада Джоан не могла найти выхода. — Боже мой, какой позор! Поверить не могу! Не могу...!

— Джоан!

„И откуда Роберт черпал к ней любовь, после всего этого? — недоумевала Клер. — У него терпение святого!“ И Клер решительно бросилась в атаку.

— Джоан, вспомни, что сказал Роберт. Он не нарушал закон, все обвинения будут, по всей видимости, сняты. Он никого не оскорбил. А в моих глазах, он не опорочил ни себя, ни свой сан. — Она попыталась улыбнуться. — Да и кто такой архиепископ и все иерархи, в конце концов? Такой же человек, как Роберт, не больше и не меньше!

Но добрыми намерениями, как говорится... Замечания Клер, призванные утешить и успокоить Джоан, оказали прямо противоположное действие. Джоан была близка к истерике. Клер это видела. Ее просто трясло от бешенства и негодования.

— Он не просто человек! Он глава Церкви!

Клер в сердцах бросила нож.

— Ну, хорошо, во всяком случае Роберту предстоит иметь дело с человеком, занимающим высокое положение, так ведь? Будем же уповать на Господа и его здравый смысл, который подскажет ему правильное решение!

— Настоятель Мейтленд? Архиепископ сейчас примет вас. Сюда, пожалуйста.

Роберт поднялся со своего места в вестибюле архиепископского дворца и последовал за служащим. Разведывательная служба остается мощной силой Церкви, угрюмо размышлял Роберт, даже несмотря на то, что великие религиозные войны отошли в далекое прошлое. Судя по той быстроте, с какой он получил вызов в высший церковный дисциплинарный комитет, у архиепископа на каждом углу уши, как в добрые старые времена.

Что он скажет им? Как объяснит свои действия? Он мучительно думал, а боль в голове, которая последнее время стала почти постоянной, лениво шевельнулась в правом виске и развернула свои щупальца, готовясь к бою. Надо будет спросить у Меррея что-нибудь от головной боли. Правда, он уже отказался от лекарств на время гипноза, но иногда, вот как сейчас, надо быть в полной боевой готовности, а не с половиной мозгов!

— Роберт, входите!

Навстречу ему шел архиепископ, лучась своей знаменитой добродушной улыбкой.

— Спасибо, что пришли. Как поживаете? Как себя чувствуете?

— Хорошо, спасибо.

— Вот и отлично — нам приятно это слышать. — И он обвел рукой трех человек, сидящих полукругом в большом эркере зала. — Давайте присоединимся к ним! Я думаю, они помогут нашим размышлениям. Вы, надеюсь, знакомы с пребендарием [\[26\]](#)? И с каноником [\[27\]](#) Вишартом? Ну, а с вашим епископом вас едва ли надо знакомить!

Короткий общий смешок встретил эту шутку. Однако Роберт заметил, что атмосфера, несмотря на все старания архиепископа, не была теплой и располагающей.

— Присаживайтесь! Присаживайтесь! — пригласил он с несколько натянутой веселостью. — Это не инквизиция!

— Господа, — раскланялся Роберт.

— Итак, приступим, — воспользовался правом своего сана архиепископ. — Проблема, по-видимому, сводится к тому... что вы вторглись в политику?

— Если вам так угодно назвать...

Епископ наклонился вперед.

— Роберт, — искренним тоном обратился он к нему, — вы думаете, это мудро?

— Что-то надо было сделать, я обещал...

— Но чтобы быть арестованным? — Это явно выходило за пределы терпения щегольски одетого нервного каноника. — Да еще по телевидению?

— Вы видели?

— Тысячи — может, миллионы видели! — фыркнул коротышка.

Роберт посмотрел ему в глаза.

— В таком случае это имело смысл. Подействовало.

— Послушайте, Роберт. — Архиепископ хотел вернуть разговор в нужное русло. — Человек вашего положения — фигура общественная — наш официальный представитель по связям с общественностью — как вы думаете, это может отразиться на Церкви?

Напуганные людишки, думал Роберт, напуганные людишки.

— Вы явно больше обеспокоены этим, чем я.

— Молодой человек.

Это было первое вмешательство пребендария.

— Молодой человек, мы едва ли заслуживаем такого отношения. Вы как будто не

отдаете себе отчет в том, что говорите с главой Церкви!

— Глава Церкви! — Роберт помолчал. Он никогда не чувствовал себя более спокойным. — Простите меня. Я что-то, вероятно, не совсем понял. Насколько мне известно, есть только одна глава Церкви, пребендарий, — и я отвечу Ему достаточно скоро — в должное время — и как я это понимаю.

Ему достаточно было одного беглого взгляда, чтобы понять, что в лице пребендария он получил врага на всю жизнь. Никто еще, вероятно, не говорил с тучным самодовольным иерархом так, и этого он не собирался пропускать мимо ушей или забывать. Но Роберту было не до мелочных соображений. Не взволновало его и шипение оскорбленного сановника, которое тот издал, словно кобра, готовая к прыжку:

— Мистер Мейтленд — повторяю — следите за вашим поведением! Такое поведение едва ли вызовет любовь вашей паствы — или вашего чиновничья. А от такого многообещающего человека, как вы, для которого со временем не исключался путь к еще более высокому...

Почему они не могут говорить нормальным языком, думал Роберт. Почему бы ему не сказать просто и ясно, мы подумывали о тебе как о будущем епископе, только будь паинькой и гоняй мяч?

— Послушайте, Роберт, — доброжелательно вмешался архиепископ, — мы здесь не для того, чтобы угрожать вам или карать вас. Я просто прошу подумать о последствиях такого жеста и об отношении к нам людей. Сейчас для Церкви настали тяжелые времена. Нам очень нужны друзья в высших слоях — не говоря уже об их вкладах! — Он добродушно рассмеялся, пытаясь придать разговору свойский характер. — А Филлипс — вы же знаете Филлипса, он проявил интерес к проекту Дома апостола Матфея — так вот, Филлипс — глава „Плаца Корпорейшн“, и это не тот человек, которому можно вставать на пути, — надеюсь, вы понимаете о чем я говорю, Роберт?

— О да, я понимаю о чем вы говорите. Я просто с этим не согласен. О чем мы здесь говорим — о людях или о доходах? Сколько стоит душевный покой старого человека в доме, в котором он прожил всю жизнь? И может ли он перевесить жажду легкой наживы? Сам Христос, — он помолчал, пристально глядя в глаза пребендария, — сам Иисус, глава Церкви, не утруждал Себя беспокойством о том, что думают землевладельцы, богатеи, фарисеи. Он изгнал меня из Храма, не оглядываясь ни на кого. Да послужит это нам уроком.

Он оттолкнул кресло и встал.

— Прошу прощения, господа, — отчетливо произнес он. — Я поступил так, как считал правильным. Для вас это недостаточно хорошо. Осмелюсь заметить, по-моему, это ваша ошибка, а не моя. Я хотел как лучше, но я человек, и не очень подхожу для „высокого“. Наверное, лучше поискать кого-то другого.

Он повернулся и вышел. В зале воцарилось молчание, и никто не смел его нарушить. Честь огласить некролог выпала язвительному канонику.

— Как пали сильные! — процитировал он с плохо скрытым удовлетворением. — Или, скажем иначе: „Как одним поступком погубить карьеру?“

— Покойной ночи, мистер Газули.

Он ничего себе, не как все боссы, этот старина Газули, думала девушка Повесив на плечо тяжелую сумку, она вышла на улицу и двинулась в далекий путь к дому. Босс в общем молодчага: взял ее на работу без квалификации, без всяких бумаг, без каких-либо понятий по части работы официанткой, хотя она и наплела ему, что уже работала дома. Он даже ухом не повел. Ему как-то все это было до лампочки — везет так везет. А с другой стороны, много ли умеют в ее возрасте?

А работа в кафе имеет свои преимущества. Окажись она в магазине или где-нибудь еще, ей бы не довелось увидеть этого потрясающего зрелища в дневных новостях. Телевизор работает себе весь день, что-то там мельтешит, нельзя ж на него беспрестанно глазеть — так ничего сделать не успеешь. Да и что по этому ящику — в основном всякая скукомотина. Но сегодня...

Глаза ее загорелись при одном воспоминании, и девушка невольно ускорила шаг. И кто бы мог подумать, что в нем есть такое! Кому расскажешь, как она обалдела, когда услышала весь этот шум и гам, крики протеста и все такое прочее, подняла глаза и нате! — увидела его — только подумать! — во главе демонстрации за спасение дома для престарелых. Он впереди всех! Телевизионщики, полиция, типы из этой компании, что заполучили участок, и весь святой клир из кафедрального собора. А он впереди всей демонстрации с мегафоном в руке.

В памяти всплывали отрывки его речи.

„И это цена прогресса? Его стоимость? Эти люди, у которых нет ни денег, ни власти, ни даже помощи детей — неужели они должны расплачиваться?“

— Да? Неплохо сказанул! — Она даже подпрыгнула от восторга и подняла над головой кулачок. — Выдайте им, настоятель! Что еще он там сказал?

„Встаньте и пусть вас всех пересчитают! Не позволим, чтобы такое произошло с людьми, которые слишком стары, чтобы бороться — слишком устали, чтобы бороться за себя. Им нужна наша помощь!“

Это было как раз перед тем, как копы навалились на него. Ну не так уж рьяно, конечно, и не так, чтоб очень, ясное дело, он же как-никак служитель Церкви. Нежный девический рот вдруг стал жестким. А жаль. Ему, наверное, никогда не приходилось видеть, что такое грубость и жестокость. Может, это дало ему хоть какое-то представление о том, какой жизнью живет другая половина человечества! Но как бы то ни было, они запихнули его со всеми остальными в воронок и будь здоров! Интересно, как он себя чувствовал в тюрюге?

Только все равно это ничего не меняет. Ничегошеньки! Не ждите. Что она задумала, то и будет. Заметано! Но немножко больше уважать его — это не помешает, так даже интереснее.

Лицо у нее стало по-настоящему серьезным; темно-синие глаза загорелись огнем и решительностью.

Нет, это еще не все. Если уж на то пошло — это только начало.

Домой, в свою комнату — от ненужных вопросов, от любопытных глаз. Закрыв за собой дверь, она принялась за сумку. Аккуратно достала и положила на стол номера „Сидней Стар“ и множество других дневных и вечерних газет, которые раздобыла в киоске метро.

Со всех страниц под полотнищами лозунгов на нее смотрело лицо настоятеля Мейтленда. Она долго созерцала его с каким-то мстительным удовольствием. Затем взяла ножницы и начала вырезать.

Через некоторое время от каннибальского пиршества, учиненного ею над газетами, осталась кипа вырезок. Все это было тщательно уложено в потрепанную папку, рядом с небольшой коллекцией моментальных снимков и совсем худосочным набором документов — свидетельством о рождении и смерти (одно рождение, одна смерть). Жемчужиной всей коллекции были, однако, не документы, а пачка зачитанных до дыр газетных вырезок, пожелтевших от времени и разодранных по краям, — действительно сокровище, которым могла похвастать любая девушка, единственное, быть может, в Сиднее, а то и на всем острове.

Ах, эти старые надоевшие газетные вырезки! Кому теперь дело до того, что произошло когда-то в Брайтстоуне — до катастрофы на шахте и смерти этих никому не нужных Калдеров? К черту их! Уже давно пора все это выкинуть! С черным пакетом для мусора Джоан вошла в свой офис и направилась напрямик к полкам с документами, где хранились нужные ей папки. Все один мусор! Пора на помойку. В печку!

Джоан Мейтленд никогда в жизни не ругалась. Но последнее время грубые слова так и просились на язык, а в голове вертелись дурные мысли, и остановить их она была не в состоянии. Разумеется, она молилась, как, впрочем, и всю жизнь. Но и здесь, в общении со Всевышним, тоже что-то разладилось и пошло вкривь и вкось. Что происходит?

Назревает что-то ужасное и очень опасное — в этом Джоан не сомневалась ни на минуту. Не сомневалась она и в том, что рано или поздно выяснит, что все это значит. А когда она докопается до истины, то, вне всякого сомнения, придумает что делать. Брайтстоун — а сейчас Сидней! — еще никто не знал, на что „способна“ мисс Мейтленд. Ну, так вот, мисс Мейтленд способна на все — уж в этом-то она была абсолютно уверена.

Но как действовать со всей решительностью и целенаправленностью, если не знаешь толком, в чем дело и откуда напасть — эта загадка отравляла ее дни и мучала по ночам. Частично это объяснялось болезнью Роберта. Возвращение его застарелых болячек, последствия тяжелейших травм и прежде всего сотрясения мозга в результате падения в шахту — только этим можно было объяснить его непредсказуемое поведение, эти самовольные отлучки неизвестно куда, такие идиотские поступки, вроде демонстрации в защиту „Алламби“.

Ну, ладно, с этим, положим, она может разобраться. Пока он отмахивался от всех ее вопросов и слушать не хотел о том, чтобы лечь в клинику к хирургу, который оперировал его после несчастья и у которого, скорей всего, сохранились все рентгеновские снимки и результаты анализов. Но после этой ужасной сцены на демонстрации, когда Роберт зашел так далеко, что позволил себя арестовать, он уже не мог делать вид, что все прекрасно. Теперь ему придется отправиться к врачу.

Это номер один — с этим разобраться несложно, считала она. А тот странный приступ, когда он вышел из приемной архиепископа? Служитель видел, как он стоял, прижавшись к стене, и счел своим долгом сообщить об этом. Ну, с этим, в общем, тоже можно разобраться, ничего ужасного не произошло. В известном смысле даже к лучшему: этим можно объяснить его странное поведение, спровоцировавшее высшие эшелоны церковной власти отказаться от мысли продвигать его вперед — ведь он сам проявил полную незаинтересованность!

Джоан думала, что ее хватит удар, когда услышала о происшедшем в резиденции архиепископа. Однако она подавила бешенство и сразу позвонила Его Преподобию. Половина дела была сделана, когда она сообщила, что Роберт явился на заседание

дисциплинарного комитета совершенно больным. О, разумеется, настоятель был не в себе — нет, естественно, никто не придает особого значения его словам на заседании, ну, и, кроме того, если он действительно плохо себя чувствует, что немудрено, учитывая нагрузку новой должности в соборе и массу беспокойств, связанных с проектом святого Матфея, это более чем объясняет некоторые ошибки в его поведении, в том числе и участие в этой демонстрации у „Алламби“, тем более что епископу известно теперь, что полиция не намерена выдвигать против него какие-либо обвинения...

Она позволила себе легкую улыбку. Похоже, Роберт Мейтленд снова выйдет сухим из воды. Благоухая при этом розами. Во всяком случае, пока она не спускает с него глаз и не позволит повториться инцидентам с демонстрациями, несчастным случаям или историям с поспешным бегством без пиджака перед носом главы Церкви...

Джоан нахмурилась. Есть все же какое-то пропущенное звено. Событие, послужившее толчком для всего дальнейшего. И оно каким-то образом связано с той брайтстоунской катастрофой, — с потерей памяти или с его беспокойством по этому поводу...

С этого, очевидно, и надо начать. Лучше не будить спящего льва. Здесь, по крайней мере, она может кое-что сделать. Джоан направилась к полкам с документами и со злобной решительностью сунулась в нижний ящик. В нем покоились все папки с вырезками из Брайтстоуна, весь исторический материал, собранный для Столетнего юбилея, тщательно разложенный и снабженный ярлычками, написанными девическим школьным почерком. Столетие! „Боже, как будто это и впрямь было сто лет тому назад, а не двадцать!“ — с ненавистью подумала Джоан. Нахмурившись, она продолжала раскопки. Еще ниже хранилась информация о катастрофе на шахте, об убийстве и судебном процессе. Эти вырезки — после Алли Калдер с ее школьным почерком — четко аннотированы несчастливой рукой Клер. Она сгребла в охапку все бумаги, сунула их в пакет и сорвала ярлык. Скатертью дорожка! Блаженны борющиеся за правду, воины Господни.

* * *

Солнце играло на дорожках сквера, пестрыми пятками метило листья деревьев, пекло головы прохожих. В соборе было прохладно, всюду, как и полагается, царил порядок. Роберт остался в одиночестве — редкий миг мира и полного покоя между заутренней и обедней; он бродил по храму, и на душе у него было светло.

Как же могут заблуждаться люди, имея даже самые благие намерения. Им кажется, что он оскорбил церковное чиновничество и лишил себя шансов на продвижение, потому что был, дескать, в состоянии болезни или временного помешательства. Если бы так! На губах у него появилась ироническая улыбка. Дело в том — и как же приятно сказать себе правду, пусть пока только себе — дело в том, что у него нет ни малейшего желания быть епископом, сейчас он даже не уверен в том, что хочет оставаться настоятелем.

Губы его расплылись в улыбке и тут же снова сжались при мысли о том, как к этому бы отнеслась Джоан, как восприняла бы новость о его отступничестве — она ведь обозначит это именно так. Как подступиться к ней с таким сообщением? Дорогая сестричка, мне все эти титулы вот где. А посему я лишаю нас обеих работы, а все семейство дома — так, по чистой прихоти. Да, да, продолжайте звать меня святой отец, мои прихожане. В конце концов, я еще священник!

Он не мог удержаться от смеха. Подойдя к скамье, он опустил на колени, положил голову на ладони и попытался собраться с мыслями. Неожиданно, к его изумлению, на его плечо опустилась ласковая рука и над ухом послышался шепот:

— С вами все в порядке?

подавив страх, он резко встал.

Это была девушка. Показалось ли ему, или и вправду какая-то темная недобрая тень, совсем мимолетная, омрачило это личико Мадонны? Она сообщила, спокойно глядя ему в глаза, что просто проходила мимо и подумала, что может застать его здесь, но вовсе не собиралась так пугать. Но разве можно было в чем-нибудь подозревать ее? В утреннем свете, льющемся сквозь стеклянные стены храма из бетона и хромированной стали, она казалась нимфой лета.

Он был чрезвычайно рад видеть ее. Только сейчас начинал Роберт понимать, как много значит для него эта девочка. Он был уверен, что работая с Мерреем, сможет докопаться до загадочной тайны другой девушки, — неведомой Алли Калдер, лицо которой он теперь знал так хорошо, что не надо было заглядывать в выцветшие газетные вырезки, некоторое время назад вытащенные из папок Джоан. Однако целью работы с Мерреем было не только разгадывание загадок прошлого. Теперь ему казалось, что все его беспокойство, все попытки докопаться до прошлого, чтобы найти выход, были больше связаны с его теперешним состоянием, с тем, что он начинал задыхаться в своем мире. А вот она — плоть и кровь, — купается в солнечных лучах и улыбается, как ангел.

— Привет, — спокойно бросил Роберт.

— Привет вам!

Откуда это? Откуда этот легкий юмор, это чувство причастности? Она легко опустилась на сидение рядом с ним.

— Я действительно надеялась, что вы здесь. Хотела поговорить с вами по душам. Я все думала о том вечере, когда вы крутились там.

Его удлиненное красивое лицо выразило интерес и внимание.

— Ах да, — пробормотал он.

— Я просто хотела сказать, что извиняюсь за то, как повела себя — грозила полицией и все такое. Это с перепугу.

— Ах да, полиция... — Он улыбнулся извиняющейся улыбкой.

В ответ она глянула на него с ухмылкой.

— Вы и сами, кажется, имели счастье познакомиться с ними после того, как мы расстались, не так ли?

— Малость пришлось. По глупости... или мудрости...

— Мне очень жаль.

— А чего тут жалеть?

Она рассмеялась.

— Да, вам беспокоиться нечего. Я ни единой душе не заикнусь о том, что вы заходили ко мне. Я понимаю, с вашей респектабельностью есть чего бояться.

— М-м-м-м — моей респектабельностью? — Ей показалось, что он посмотрел на нее с нескрываемым изумлением. — Не уверен, что так уж забочусь об этом последнее время. Как бы то ни было, предоставьте мне самому беспокоиться о своей репутации. Это не ваше дело.

— Конечно, нет, — согласилась она.

Снова что-то странное промелькнуло в ее глазах, или ему померещилось? Боже, держи

себя в руках, а то померещится странный взгляд у Девы Марии в капелле Богородицы!

— Во всяком случае, — решительно закончил он, как бы подводя итог разговору, — приношу свои извинения за то, что напугал вас и вел себя неприлично.

— Ну и ладно. Так что теперь мы квиты.

— Надеюсь.

У него фантастическая улыбка, подумала она. Вполне мог быть киногероем в молодости. Сейчас ему, наверное, уже за сорок. Но он все равно выглядит потрясающе. Интересно, он сам-то об этом знает? Наверное, нет. Эти священники не от мира сего. Их, похоже, мало трогает, какое впечатление они производят!

Внезапно для нее самой с губ слетели слова:

— Должно быть, в ней было что-то особенное, в этой девушке, которую я вам напоминаю.

— Да.

Почему само упоминание Алли Калдер было явно связано с глубоким непередаваемым чувством блаженства, знакомым ощущением парения, полета, раскрепощения и неизъяснимой радости?

— Она была очень красива и очень молода, — медленно заговорил он. — Я сужу по портрету. А потом она погибла. Но это, пожалуй, и все, что я могу сказать.

— Все?

Она отрешенно смотрела вдоль прохода, потеряв, казалось, всякий интерес к разговору. Проследив ее взгляд, он увидел группу посетителей во главе с одним из младших клириков^[28]: это была первая за день экскурсия; собор быстро снискал себе славу архитектурного чуда света, соперничать с которым мог только знаменитый сиднейский Дом Оперы.

— Ну, я пошла.

Она встала. Ему не хотелось, чтоб девушка уходила. Слова сорвались с его губ раньше, чем он выстроил их в голове:

— Послушайте, если вы не заняты, я воспользовался бы случаем реабилитировать себя за причиненный вам испуг. Что если нам устроить выходной и просто пошататься по Сиднею? Неплохая мысль, как вы считаете?

Неплохая — совсем неплохая. Он не помнил, когда так славно проводил время за последние годы. Первая остановка, уверял он ее, это сиднейский Зоопарк, где все обитатели острова — коалы, кенгуру и прочие — жили счастливо в условиях, близких к естественным, — к вящему удовольствию юных туристок с другого конца света.

— Или вы не туристка? — осторожно прощупывал он, покупая билеты. — Как вам здесь нравится? Не подумывали о том, чтобы остаться?

— Поживем — увидим.

Та сдержанность, которую она иногда проявляла, равно как и неискоренимое английское произношение, каждый раз напоминали ему, что она здесь чужая. Ему очень хотелось расспросить ее о пареньке, которого он видел в кафе, и еще раз вернуться к той ночи, когда ехал за ней до самого дома, но он побоялся нарушить то хрупкое доверие, которое возникло между ними.

Как только они оказались в зоопарке, она превратилась в обыкновенного ребенка.

— О, я с самого начала хотела сходить сюда, — со счастливым видом оглядывалась она

по сторонам.

— А... — Он попытался придать своему голосу оттенок безразличия. — Когда же это было?

— А... — словно эхо откликнулась она. — Месяцев шесть, а может больше.

— Целых полгода? — Он не чувствовал уверенности в том, что она говорит правду. Но уточнять не стал.

— Эй! — На глаза ей попался указатель. — Здесь, правда, есть панды?

— Суцая правда, — улыбнулся он. — Только очень далеко, на другом конце парка, несколько миль.

— У меня полно времени.

— Отлично.

— А у вас-то есть?

Он взглянул в глубокие, задумчивые, немного настороженные глаза и с трудом сдержал непреодолимое желание взять да обнять ее от всей души.

— Да, есть. — Он подмигнул, как подросток, решивший прогулять школу. — У меня есть время. Все время мира.

29

Золотистые потоки солнечного света проникали сквозь жалюзи кабинета Меррея Бейлби, создавая теплую, сонливую атмосферу, нарушаемую только спокойным монотонным голосом.

— Думайте, Роберт. Пусть ваш ум плавает, свободно парит. Что вы видите? Что вокруг вас? Откуда это чувство счастья, которое вы не можете объяснить?

Плывет... свободно парит... в ночи, бархатной синей и черной ночи... звезды... конец дивного лета, лучшего лета в моей жизни... затем прикосновение руки...

И луна, и музыка, и ты!

Роберт резко остановил поезд своей памяти, и сознание отступило от того пути, которым вело его. Свободные ассоциации, так называет это Меррей. Просто позволить своим мыслям свободно парить и смотреть, что из этого выйдет. Но как может быть свободен человек, в оковах? Это так трудно, так невероятно трудно. Но ничего важнее никогда не было.

— Это здесь — где-то здесь — голову даю на отсечение, Меррей, — настаивал он, постукивая себя по лбу.

— Вероятно, — соглашался Меррей. — Но мы никогда ничего не извлечем оттуда, если вы не научитесь расслабляться!

— Простите. — Роберт послушно вытянул свои длинные ноги на уютной черной кушетке и снова закрыл глаза. — Где мы были?

— Мы проводили сеанс свободного ассоциирования.

— Ах да — не очень успешно.

— О'кей, давайте вернемся. Вы снова виделись с девушкой довольно длительный период времени и при свете дня. Продолжаете ли вы считать, что она являет для вас образ другой девушки, давно погибшей?

— Да нет... — нехотя уступил Роберт. — У нее голова той же формы, те же светлые волосы.

— У множества юных девушек светлые волосы, Роберт.

— У нее тот же овал лица, — упорно стоял на своем Роберт. — По крайней мере, судя по фотографии в старой газете, которая у меня есть. Но вот что касается глаз — выражения, вернее, их формы в уголках — здесь разница И потом, она воспринимается как англичанка, это совсем другая девушка.

— А что вы чувствуете, находясь с ней?

Роберт задумался.

— В основном — смущение. И немного испуг...

— Что вас испугало?

— Она — чуть-чуть. Потому что есть в ней что-то такое, что я никак не могу раскусить...

— Постарайтесь раскусить.

— Видите ли... в ней какая-то настороженность. Она все время начеку. Но и еще что-то. Злость? Она явно чем-то смущена. Первый вечер, когда я разговаривал с ней в кафе, она вдруг посреди нормального милого разговора разозлилась на меня, а потом ушла и не вернулась.

— Вы спрашивали ее, в чем дело?

— Да.

— Ну и?..

— Она наотрез отказалась говорить об этом.

— Девушка была сердитой вчера — когда вы возили ее в зоопарк?

— Да нет. Вовсе нет. Она была счастлива.

— Почему вы так считаете?

— Я тоже был счастлив. Да, счастлив!

Меррей сделал паузу. А затем задал вопрос, который готовился задать уже некоторое время.

— Вы чувствовали себя так, когда были с Алли Калдер? — Он спросил это как бы между прочим.

— Я никогда не был с...

Краска с лица лежащего на кушетке Роберта схлынула. Острый глаз Меррея ничего не упустил. Выражение лица пациента резко изменилось; все его существо явно почувствовало необычайное волнение.

— Как вы себя чувствуете сейчас? — продолжал он с мягкой настойчивостью.

— О... я счастлив... Так счастлив...

— Как счастливы?

— Черт побери, Меррей. — Восклицание Роберта было чем-то средним между стоном отчаяния и воплем негодования. — Вы же мужчина, в конце концов! Неужели я должен вам все это по полочкам раскладывать?

Потом они долго молчали. Роберт лежал на кушетке, как крестоносец на надгробье, совершенно неподвижно, закрыв лицо руками. И только дикое напряжение, о котором вопила каждая клеточка длинного, стройного тела, свидетельствовало о том, что это человек, а не мраморное изваяние.

— Вы знали эту девушку, Алли, — совершенно спокойно произнес наконец Меррей. — Ваше тело и ваши эмоции помнят то, что постарался забыть мозг. Вы знали ее и знали очень

хорошо.

Подвергаемая пытке фигура на кушетке задвигалась, отняла руки от лица, но глаза оставались закрытыми.

— Не валяйте дурака, Меррей, что за шутки. Что вы говорите?

— Что я говорю? Что вы эмоционально были близки с ней... и, похоже, физически и сексуально также.

— Но этого не может быть... этого не могло быть...

Язвительно улыбаясь, Меррей вернул Роберту его слова:

— Вы же мужчина, в конце концов, Роберт. Неужели я должен вам все это по полочкам раскладывать?

Роберт был в полном шоке, лицо его побелело и напоминало слоновую кость.

— Но моя прихожанка — и такая юная...

— Как Эмма?

Спокойный вопрос Меррея окончательно вывел его из равновесия.

— Чтооооо?

Меррей склонился над ним.

— Это не дешевый трюк, Роберт, я говорю серьезно. Подумайте над этим. Вы мужчина, мужчина в расцвете лет. Воротничок и сутана скрывают сильное и здоровое тело. Вы не первый готовы потерять голову из-за смазливой молоденькой девочки — особенно если она одинока и, так это или не так, проявляет к вам интерес.

Его охватило отвращение.

— Вы считаете, что я попался на малолетке. О, Бог ты мой!

— Не молчите, Роберт. Разубедите меня, если я ошибаюсь!

— Но это совсем другое. Все совсем не так.

— Не так, как было с Алли?

С Алли...

Как было с Алли...

Почему ему кажется, что он падает? Глубоко вздохнув, он поборол желание подняться и сесть, спустить ноги с кушетки и вернуться к нормальной жизни. Двигайтесь дальше, слышал он негромкий настойчивый голос Меррея, двигайтесь дальше, дальше.

Дальше с Алли. Что это было? Запах, нежный, как сама невинность. Маленькая, крепкая ладонь... Этот незабываемый ливень мягких волос, это совершенно определено. И глаза... звезды, сияющие над ними... море... падение... море...

Море! Паническое чувство сбило его с ног, словно волна прилива. Он сел и выпрямился, пытаясь сохранить равновесие.

— Меррей, море! — забормотал он. — Море! — Качаясь, он встал с кушетки и тут же вцепился в стол, чтоб удержаться на ногах.

— Спокойно, Роберт. — Голос Меррея был само спокойствие. — На сегодня более чем достаточно, Роберт, просто здорово. Думаю, на сегодня хватит. А теперь я бы хотел, чтоб вы отправились домой и больше сегодня ни о чем не думали. Не вздумайте перегружать ваши усталые мозги между сеансами — они и так славно потрудились — я дам вам что-нибудь от головной боли, хорошо что вспомнил. Но дело идет к тому, что вы скоро узнаете, что хотели, только в свое время; если будете выполнять мои указания, — вы узнаете все!

Алли — Эмма — Эмма — Алли.

Где кончается одно и начинается другое?

Он не знал. Но знал наверное, что они были разные — и чувство счастья, испытываемое им от общения с Эммой, как он описывал его Меррею, было тоже другое. Но вместе с тем, несомненно, встреча с Эммой явилась своего рода вторым шансом — исправить свой промах. Какой промах? И перед кем из них? Он потряс головой. Это напоминало труднейшую картинку-загадку — когда известно с самого начала, что каких-то частей не хватает, но не знаешь, сколько именно и откуда.

Весь во власти своих мыслей, Роберт ехал домой, не обращая внимания на дорогу. Не спеша поставил машину, открыл дверь. „В Брайтстоуне, — подумал он, весь под обаянием прошлого после сеанса с Мерреем, — переступив порог пасторского дома, я всегда кричал: „Клер! Джоан“! Мы так рады были видеть друг друга. А сейчас все прячутся по своим комнатам и ходят по дому на цыпочках, тайком — лишь бы ни с кем не столкнуться“. С тяжелым сердцем он захлопнул входную дверь и направился в кабинет.

С удивлением он увидел Клер: она вышла из гостиной в задней части дома.

— Привет, — спокойно сказала она.

— Клер! А я думал, ты... я думал, сегодня твой день...

Клер слабо улыбалась и молчала, словно заставляя его припомнить, когда он последний раз проявлял интерес к ее делам или к тому, как она живет от одного дня до другого.

— Сегодня вторник, Роберт, — обронила она. — Ты забыл?

— Вторник?

— Вторник. Первый вторник месяца. День посещения Поля.

— О Господи!

Она не проявляла признаков раздражения, но была явно огорчена.

— Мы могли бы еще успеть, — деловито сказала она, — если гнать как сумасшедшие. Я приготовила сэндвичи — можем перекусить по дороге. — И только увидев, что он продолжал стоять не шелохнувшись, тупо глядя перед собой, словно оглушенный бык, она взмолилась, выдавая, чего ей стоило это спокойствие.

— Ну давай, Роберт! Я вижу, у тебя что-то на уме. Но расскажешь все в машине.

Путешествие почти в триста километров в каждый конец дает хорошую возможность поговорить. Но когда Роберт выбирался с оживленных улиц на автостраду, пытаясь наверстать упущенное время, разговор не клеился, а затем и вовсе оборвался.

Если он любил эту девушку Алли — если, думал Роберт, потому что рассудок его отказывался принять то, что было столь самоочевидным в уединенности кабинета Меррея, — если это так, то какое право имеет он сидеть в машине рядом с Клер в качестве ее мужа? Нарушить брачный обет, обет, данный не только ей, но и Богу — это ужасно!

Пасть так глубоко — и кому — священнику — не простому человеку, а тому, кто обещал свою жизнь посвятить Богу, жить по образу Божию — неужели он так низко пал? Предал эту милую тихую женщину, столь обездоленную жизнью и так сдавшую — предал себя, свои лучшие упования?

Неожиданно ему пришла в голову мысль о падении Люцифера, ярчайшего и лучшего из лучших, от которого ожидали только высшего! Самого высокого!

Ожидали высокого...

Неужели он действительно так жаждал стать епископом, раз все эти долгие годы позволял Джоан продвигать себя с этой единственной целью? Сейчас это казалось

невозможным. Все равно, что спросить его, не хочет ли он живописать как Пикассо, или возглавить полет на Луну. Эти церковные амбиции принадлежали другому человеку. Разумеется, он обязан чем-то поделиться с Клер.

— Клер, — неуверенно заговорил он. С чего начать? — Эта история с „Алламби“ — ты очень расстроена?

— Ты это серьезно? — Даже краешком глаза — потому что вынужден был внимательно следить за дорогой — он видел, насколько она подавлена. — У меня сердце разрывалось! Эти несчастные старики, вышвырнутые из единственного дома, который у них был — и этот милый уютный дом, который хотели снести — о, да, это меня расстроило донельзя!

Как легко сделать ложный шаг! Боже, какой же он глупый!

— Нет, я не о том, я имею в виду мое участие. Демонстрация, арест — урон, который это могло нанести моей карьере...

— А...

Она не сказала: „Ах, это“. Но, по-видимому, имела это в виду.

— Так тебе все равно? — продолжал допытываться он.

— О, Роберт. — Разговаривать с ним в таком духе было все равно, что прыгать со льдины на льдину во время половодья. — Если бы мне было все равно, — медленно произнесла она, — не думаю, что ты был бы здесь сегодня.

Настроение его мгновенно изменилось.

— Конечно, ты права, конечно. Прости, Клер.

Но ее уже понесло, и никакая сила не смогла бы заставить ее замолчать.

— Но вопрос в том, где ты? И где мы все, Роберт? Ты добился всего, чего хотел — одного, по крайней мере, — высокого положения главы кафедрального собора. Ну, и куда это привело тебя?

Он крепче сжал баранку, всем сердцем желая, чтоб она продолжала.

— Счастливым тебя не назовешь, это уж точно. И кроме того, ты ввязался во что-то такое — чем не можешь со мной поделиться. Хотела бы я только, чтоб все обошлось, вот и все.

„И я, Клер, и я“, — мысленно присоединился к ее словам Роберт.

— Что бы ни было, не думаю, что это имеет отношение к Церкви. Воспринимай как хочешь, Роберт, но мне сдается, сердце твое далеко от служения последнее время. И епископом быть ты не хочешь, что бы там ни думала Джоан. Иначе не говорил бы так с архиепископом — и дело не в том, болен ты был или нет. Дело не в болезни. То, как ты себя вел, говорит о человеке, зашедшем в тупик.

Он боялся дохнуть, чтобы не помешать ей излить душу. Неужели она уже давно так думает?

— Но это ты. Ты сам во всем разберешься. Тебе самому придется выбираться, если не хочешь обращаться к кому-нибудь за помощью или советом, — но ты всегда таким был, и ты найдешь выход в конце концов, — чего бы это тебе ни стоило.

Она помолчала, словно собираясь с силами.

— Но все это имеет мало отношения к нам. К нам, Роберт, к тебе и мне. Я могу потерять брата, но не готова терять еще и мужа. Что происходит с нами? Когда мы разговаривали последний раз? — Она отвернулась к окну, чтобы скрыть выступившие слезы. — И когда последний раз любили друг друга? О, тебе, наверное, кажется, что я уже перестала думать о ребенке за все эти годы, раз молчу. Но послушай, что я тебе скажу! Нет,

Роберт, не перестала! Каждый раз, стоит мне увидеть на руках какой-нибудь женщины младенца, и моя душа плачет. Каждый месяц я все еще живу надеждой. Пусть и призрачной сейчас, но все-таки надеждой. Мне ведь только чуть за сорок, еще все возможно. Но одно можно сказать с уверенностью, не будучи провидцем — нельзя зачать ребенка одной, без мужа!

Они всегда старались приезжать в тюрьму с самым бодрым видом, чтобы не омрачать Полю и без того мрачную жизнь. Но в этот раз никакие усилия не могли помочь скрыть подавленное настроение. И Поль это почувствовал сразу, как только они вошли в комнату для свиданий, с обостренной наблюдательностью человека, у которого достаточно времени, чтобы видеть и улавливать реакции людей. Однако беглого взгляда на Клер было достаточно, чтоб готовые сорваться слова застряли у него на губах, и он только помахал в воздухе рукой, как бы приветствуя всех присутствующих, а затем обнял Роберта.

— Лучше поздно, чем никогда! Хорошо, что мама вдруг взяла и приехала совсем неожиданно, а то я остался бы один-одинешенек как девушка поутру — в компании своих милых каторжан!

— Прости, дорогой, — пыталась выдавить из себя улыбку Клер. — Нас задержали. Рада тебя видеть! Здравствуй, мама! — И она горячо обняла пожилую женщину.

— Привет, дружище!

Роберт сжал руку Поля с искренней симпатией. Он не переставал восхищаться мужеством своего шурина, с которым тот переносил все невзгоды, выпавшие на его долю. Пожимая руку, Роберт чувствовал, какое колоссальное внутреннее напряжение испытывает Поль. Да, страдания его нельзя измерить. Разве можно всего этого не замечать?

— Роберт.

— Здравствуйте, Молли.

Молли улыбалась.

— Он прекрасно выглядит, не правда ли?

— Хоть сейчас на ринг.

— Ну, нет. Мы его лучше домой отвезем. На заднем дворике еще живо сливовое дерево, и сливы есть, — говорила она, поворачиваясь к Полю. Глаза ее были полны материнской любовью. — Можешь выбирать самые вкусные, сынок.

— Когда я вернусь, у меня будет кое-что поважнее слив, мама, — мрачно произнес Поль. — Одно-другое дельце, пара должков. Это самое главное.

Лицо Клер вдруг расцвело и засияло от радости. Роберт изумленно смотрел на нее и думал, какая она красивая.

— Неужели освобождение Поля решено? — У нее даже дыхание пресеклось.

— Еще нет, милая, — уверенно сказала Молли, — но будет. Я знаю, что на сей раз он его получит. Я это чувствую.

Лицо Клер погасло, и она бросила украдкой взгляд на Роберта. Помоги им, Бога ради! — приказывал ее взгляд. Не дай снова впасть в обольщение. Это рай для глупцов. Так уже бывало...

Со свойственной ему способностью остро реагировать на страдания других Роберт подумал, что Клер права. Надо поговорить с Молли, предупредить ее, что бессмысленно строить надежды на пустом месте, — тем страшнее разочарования. Внутренне молясь о ниспослании вдохновения, Роберт наклонился к Молли и взял ее за распухший от артрита

палец.

— Что-нибудь хотите, Молли? — мягко обратился он к ней. — Чашечку чая или кофе? Пойдемте в буфет, возьмем чай и бисквиты...

Кафе Газули не могло похвастаться большим наплывом посетителей, однако с тех пор, как появилась новая официантка, в „Джаканду“ стало захаживать все больше и больше клиентов, хотя ничего особенного для этого она не делала и попусту глаза не мозолила. Вот и сейчас один из ее поклонников просил девушку совсем не о чашке кофе, которую давно выпил до последней капли.

— Ну давай, Эмма. Скажи только, что мы встретимся, и я готов околачиваться здесь сколько угодно!

— Мне вовсе не надо, чтоб ты здесь околачивался, Гарри! — услышал он в ответ. — А кроме того, нет смысла. Я не свободна после смены. У меня другие планы.

— Уж не с ним ли? — настаивал паренек, нахмутив брови. — С этим стариканом, священником, которого я здесь как-то видел?

— Не твое дело.

— Что ты несешь, Эмма! Не можешь же ты его предпочесть мне! Это ж музейная рухлядь!

— Не суй нос не в свое дело! А теперь вали-ка подобру-поздорову, не хватало мне еще неприятностей с мистером Газули!

— Он не будет лезть к тебе. Я клиент. Плачу деньги!

— Вот и плати. Давай денежку и выкатывайся!

На сей раз это звучало как приказ. Парень поднялся.

— Ладно, ладно! Ухожу! Только не забудь, что обещала прийти в парк в субботу. Если будет солнце, я действительно хотел бы поснимать тебя — может, удастся поймать потрясающий световой эффект на твоих волосах. А это, черт побери, побольше, чем твой старый Иисусик может сделать для тебя за всю неделю!

— Давай без „старого Иисусика“ пожалуйста, — оборвала его Эмма. По лицу ее пробежала тень. — Знаешь, Гарри, у него самого может выйти потрясающий портрет. Ты, кажется, подал мне неплохую идею...

Неужели он правда Иисусик, спрашивала себя Эмма, когда он заехал за ней. На такого он не похож. Она украдкой рассматривала его. Ну, начнем с того, что он не выглядит таким уж стариком. Пара морщин, но они делают его еще красивее, прямо Клинт Иствуд. А эти пепельно-белые волосы, которые не берет седина! Что касается Бога — то он ни разу о нем не упомянул. И слава Богу, для нее это пустой звук. Она рассмеялась собственной школьной шутке.

— Вы чего смеетесь?

Он прямо душа, когда вот так к ней наклоняется. Она тут же одернула себя. Что это она себе позволяет? Конечно, он может быть милым. Любой мужчина может быть милым, если захочет. Ну и хорошо, что они бывают милыми.

Не первый раз Роберт замечал, как быстро меняются эмоции на ее нежном личике и думал о том, сможет ли он когда-нибудь узнать, о чем она думает? Но как можно надеяться

узнать это, когда он не всегда знает, о чем думает сам. Он улыбнулся собственному легкомыслию. Перестань умствовать. Меррей говорит, надо просто жить. И, если на то пошло, этого-то он больше всего и хочет.

— Я подумал, что мы можем проехать и посмотреть, где тут неподалеку пляж, — он помог ей сесть в машину. — К сожалению, у меня всего час времени, а то бы я пригласил вас пообедать. Наверное, будет здорово, если вы узнаете, где тут поблизости море — сможете ходить туда в свободные дни.

— Конечно.

Когда он узнал, что Эмма не была ни на одном из сиднейских пляжей, то еще раз убедился, что она в городе вовсе не полгода, как уверяла его. Но Роберт уже привык относиться с осторожностью к тому, что она говорит. Правда, иногда она вполне откровенно болтала о своей жизни в Англии и о том, почему была счастлива уехать оттуда. В этот вечер красота маленькой бухточки, которую им посчастливилось обнаружить, да огромная порция мороженого из удачно подвернувшегося фургончика явно настроили ее на лирический лад.

— О-о-о! Хотелось бы мне показать это там, дома!

— Кому же?

Она опустила веки.

— Всей — всей семье в Англии! Им, небось, тоже захотелось бы сюда.

— А почему ж они не едут?

Она задумалась.

— Ну, как почему. Моя... моя сестра на пару лет старше меня, но уже замужем, и у нее ребенок. А дети, сами понимаете, связывают по рукам и ногам. — Она окинула его долгим, изучающим взглядом. — Потом брат... он-то, казалось, мог бы делать, что пожелает, ездить по всему миру — что душе угодно — плохо ли? — он мужчина, волен делать, что хошь, и не думать о последствиях!

Снова странный взгляд. У него было такое впечатление, что он не улавливает смысла разговора.

— Значит, он мог бы приехать сюда? Но не едет?

— Да нет. Он весь опутан условностями. Все как у всех. „Хорошая работа, хороший заработок, хороший счет в банке“!

— В конце концов, — улыбнулся он ей, — в конце концов вы здесь, и это главное, правда ведь?

— Главное... Черт его знает. И в чем это главное?

Ее непосредственность его рассмешила.

— Я тоже не знаю! — согласился он. — Когда ты молод, тебе кажется, что непременно откроешь тайну жизни, ты убежден, что наступит момент, когда все ответы у тебя будут. Но этот момент так никогда и не приходит. Более того, он все отдаляется и отдаляется, и когда становишься старше, то знаешь все меньше и меньше.

Он помолчал. Не наскучил ли он ей? Но она, не шелохнувшись, пристально смотрела на него, по-кошачьи сосредоточившись, и ловила каждое слово.

— Вот и я, дожив до своих лет, все пытаюсь понять, все ищу. Последнее время...

Стоит ли ей говорить? Честно ли будет обременять юность проблемами старости? Да и к лицу ли это настоятелю кафедрального собора? Ответ был однозначный, но это только подхлестнуло его.

— Последнее время я все чаще задаю себе вопрос, все ли так хорошо обстоит? На что я

положил жизнь? Те же ошибки — одни и те же. Те же пороки — спотыкаешься на одних и тех же грехах. Все время ищешь, все время ждешь чего-то особенного — того чувства, когда воскликнешь: „Да, вот оно!“ Ведь только это оправдывает все.

— Я понимаю, что вы хотите сказать.

Мороженое бесцеремонно летит в урну; она вся поглощена его словами.

— У меня то же самое. Я надеялась, что будет лучше.

— Кое-что действительно сбывается.

Она, не моргая, смотрела ему в глаза.

— Не многое, если судить по вашим словам. А потом, где же радость? Жизнь должна быть радостью. Надо насладиться жизнью, пожить! Мы живем всего раз. Многие люди сдаются, даже не подступив к этому, — и забывают, что значит жить. Жить! Жить!

В чем дело, почему почти каждое ее слово проникнуто для него каким-то горько-сладким смыслом? Ему казалось, будто она берет его прямо за сердце так, как не брал никто в жизни. И в то же время его переполняло абсурдное и неизъяснимое желание опекать ее, защищать — абсурдное потому, что она явно и сама за себя постоять умела. Может быть, если бы у нас с Клер был ребенок, думал он, невольно вновь вступая, хоть и мысленно, на эту тропу боли. Или если бы Джоан вышла замуж, а мы стали дядюшкой и тетушкой, мы узнали бы это особое счастье...

— Некоторые люди более живые, другие менее. Так всегда было, — улыбнулся он.

— Ну, а вы?

— О... иногда живой, иногда мертвый — как все люди.

Она подняла на него глаза, и в них светилось любопытство.

— А сегодня?

Ответ не заставил себя ждать.

— Живой, — и он широко улыбнулся, — сегодня совершенно определенно живой!

— А вот и я!

Широко улыбаясь, навстречу им тяжело ступала Молли Эверард.

— О, мама!

Клер и Роберт понимающе переглянулись. Попытка Роберта поколебать уверенность Молли в том, что на этот раз долгожданное решение о досрочном освобождении Поля непременно будет принято, не возымела действия, как он ни бился во время их последнего свидания. Молли так страстно этого хотела, так верила, что желаемое превратилось для нее в реальность. Роберт горячо молился с того дня после их беседы, чтобы она оказалась права.

— Как вы оба поживаете?

Она явно была в приподнятом настроении, несмотря на трудности, связанные с дорогой и ожиданием. Клер сочувственно нахмурилась. Жара стояла изнуряющая, а около тюремных ворот не было ни тени, ни укрытия, ни скамейки, чтобы присесть.

— Мамочка, зачем ты стоишь здесь и ждешь нас? Надо было где-нибудь посидеть, отдохнуть!

— Отдохнешь, когда подохнешь! — засмеялась Молли. — Не могла пропустить этот день! Он уже, наверное, знает. Они должны были сказать ему еще утром. Я вся как на иголках.

Клер пропустила ее слова мимо ушей.

— Как ехалось?

— Дорога не стала короче, и поезд из Брайтстоуна комфортабельнее не стал. Особенно учитывая мой вес. Я вся потом изошла. Ужасно хочу пить и чего-нибудь перекусить!

— Подождите, только внутрь войдем, и я вам принесу самую большую чашку чая и торт. Они повернули к тюрьме. Каждый шаг давался Молли с большим трудом.

— Ты в порядке, мама? — спросила с беспокойством Клер, но зная ее, опасалась подать ей руку.

— Все отлично, милая, все отлично, — задыхающимся голосом отвечала Молли. — Только мои бедные колени. Не много резвости в них осталось. А и чего ждать после восьмидесяти лет забот и слез? Но они еще меня держат. На последнюю пару миль их хватит. Вот только взгляну, как выйдет отсюда Поль, а на остальное начхать!

— Мам, но мы же об этом говорили! Ты же знаешь, сколько раз ему отказывали — сколько раз!

— Но не сегодня, милая, не сегодня! — Она повернулась к Роберту и, уже не притворяясь, вцепилась в его руку. — Твой муженек понимает в этом побольше, чем ты, — и она подмигнула. — Я ходила к святому Иуде. Конечно, сейчас это не то, что раньше, когда там были вы. Ни в какое сравнение не идет. Но я регулярно возношу молитву Всевышнему. И на сей раз, чувствую, она дошла. Оно и понятно, не так у меня много времени осталось!

Роберт уже в который раз был потрясен ее верой и стойкостью. Если бы только мы все относились к жизни с таким мужеством и с таким оптимизмом. Он заботливо помог ей пройти оставшиеся метры до комнаты свиданий.

— Вы бы не узнали Брайтстоун в последнее время, — продолжала говорить Молли, несмотря на то, что совсем задыхалась от одышки. — С этим открытием шахты и прочее. Былой Брайтстоун, разумеется, не возродить, куда там, не мне вам об этом говорить, но все же — особенно для молодежи... — Она глянула на Роберта своими острыми глазами. — Вы-то, надеюсь, приедете? На богослужение? Поминальное?

Клер посмотрела на Роберта.

— Даже не знаю. Как, Роберт?

— Не уверен, Молли. — Они уже давно не говорили об этом. А бывшее решение ехать как-то забылось в череде будничных забот.

Старушка покачала головой.

— Ах, Роберт, они рассчитывают на тебя. Нет, ты уж приезжай. В Брайтстоуне тебя хорошо помнят, имей в виду. Не забывают. Особенно мать Джонни Андерсона! Помнишь Джонни? Того, что ты из завала извлек. Он женился, я вам не говорила? Двое детишек, да! Есть за что быть благодарным.

— Да.

— А когда Поль приедет домой...

— Мы обязательно будем, Молли, не бойтесь, — внезапно принял окончательное решение Роберт.

— О, дорогой!

Лицо Клер просияло. Он совсем забыл, что она до сих пор спит и видит Брайтстоун. И еще это... „Дорогой“... Он не мог вспомнить, когда последний раз жена обращалась к нему так.

Они были уже в комнате для свиданий. И вновь тягостное ожидание. Возбуждение Молли достигло новой и, на обеспокоенный взгляд Роберта, критической точки. Она с трудом дышала, хотя путь до помещения на первом этаже был не столь велик, лицо ее

приобрело серовато-землистый оттенок. Не менее обеспокоенная Клер взяла мать за руку. Они ждали.

Потом, думая об этом, Роберт вспомнил, что невероятно долго тянувшееся время ожидания само по себе уже красноречиво сказало все, что они хотели узнать. И все же они оказались неподготовленными. Дверь открылась, и на пороге появился Поль. Лицо его было словно выжжено огнем. Молли взглянула на него, поднялась на ноги и издала высокий неестественный вопль.

— Поль — нет!

— Да, мама. — В голосе его чувствовалось клокочущее бешенство. — Освобождения не будет.

С трудом удерживаясь на своих неверных ногах, Молли вскрикнула последний раз.

— О, сынок! — затем тяжело опустилась на колени и опрокинулась на бок. Поль склонился над ней, и только слабое движение губ подтвердило, что она знает, что он рядом. А когда появился тюремный врач, Молли уже отошла.

Много раз в своих снах Роберт возвращался в Брайтстоун — но никогда так. Конечно, это было очень мило со стороны архиепископа отпустить его на погребение Молли. Хотя в глубине души Роберт знал, что все равно приехал бы сюда, хотя бы ради Клер. Он прилетел на самолете и должен отправиться в обратный путь через час-другой, и от этого у него было чувство, словно он инопланетянин, попавший сюда из другого мира.

Бедная Клер... Не было слов, чтобы утешить ее. Все, что он мог сделать, это удостовериться, что обряд погребения, который он собирался служить, будет совершен по всем правилам и достоин Молли и ее памяти. Оставив Клер в трагически опустевшем домике матери на попечении семейства Джорди и нескольких других пожилых соседей и друзей, он отправился пешком из города в церковь, чтобы подготовить все к службе.

Погруженный в свои мысли, Роберт выбрался на дорогу, ведущую вверх на мыс. Преодолев наконец подъем, он вышел на вершину крутого утеса. Перед ним высился пасторский дом, — совсем такой же, как и двадцать лет назад, когда он в последний раз повернул ключ в замке и отдал его церковному старосте. Пройдя мимо дома, он направился к церкви и повернул к кладбищу. Благоговейно минуя последнее пристанище почивших, он отыскивал могилу своих родителей.

„ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ РОБЕРТА ДЖОРДЖА МЕЙТЛЕНДА И ЭММЫ ЛАВИНИИ, ЕГО СУПРУГИ“, — прочитал он. Упокоятся ли они с Клер здесь же, когда придет их день, и перипетии их жизни изглядятся в блаженстве вечного покоя? Неподалеку виднелась могила с надписью „ДЖОРДЖ ЭВЕРАРД, ЛЮБИМЫЙ СУПРУГ И ОТЕЦ“, к которой сейчас будет добавлено: „ЕГО ВЕРНАЯ СУПРУГА МОЛЛИ“, и этот последний союз не разделить никому. Кладбище заметно разрослось за эти годы, осматриваясь по сторонам, он видел все новые и новые надгробия. Наконец он нашел то, что искал. „В ПАМЯТЬ ДЖИМА КАЛДЕРА, ШАХТЕРА СЕГО ПРИХОДА, И ЕГО ДОЧЕРИ АЛИСОН“... В страстном порыве он распростерся ниц, будто пытаюсь побудить безразличную землю выдать свои тайны. Здесь ли она лежит? Или восстала из мертвых, чтобы преследовать его?

Воздух был сырым и теплым, а не свежим и сухим, каким, казалось, должен быть на такой высоте. В голове у него стремительно проносились мысли. Вопросы, вопросы, — а где ответы? Как и когда узнает он истину?

Служба близилась к концу. Роберт целиком отдался скорби утраты, глубоким, терзающим душу стенаниям органа и власти случая.

— Этот путь, наш последний путь все мы, очевидно, проходим в одиночку. Молли Эверард умерла так, как всем нам хотелось бы умереть, — в лоне семьи, на руках сына. Но этот последний шаг — шаг во тьму неведомой страны по ту сторону смерти — мы делаем в одиночку.

Внизу, на семейном месте, оставшаяся в полном одиночестве Клер дала наконец волю слезам. В конце церкви, охраняемый тюремными служителями, стоял Поль, и в глазах его кипела ярость.

— И все же мы никогда не бываем совсем одни. В самую темную ночь есть подле нас

Тот, Кто просит только об одном — довериться Ему, дать Ему руку, и Он осветит наш путь. В самые мрачные минуты не забывайте обетования, данного каждому из нас Иисусом: „Вот я всегда с вами до скончания века“.

— Вы можете побыть с заключенным пять минут, преподобный, до того, как мы его увезем.

Всем своим видом охранник хотел показать, что на похоронах матери несчастного надо с ним быть как можно мягче, какое бы преступление он ни совершил.

— Спасибо, офицер.

Он подошел к тому месту, где ждал Поль, окаменевшее тело которого и прямые плечи являли собой картину одиночества и непокорности. Роберт искал слова.

— Мне очень жаль, — промолвил он наконец.

Поль повернулся к нему, и тот же яростный взгляд, который Роберт ловил в церкви, словно пронзил все его существо.

— Напрасно. — В голосе его звучали жесткие, металлические нотки. — Она понимала, что дальше тянуть незачем, и все видела правильно. Когда подходишь к концу веревки, остается только одно. — Он стоял на мысу и смотрел в море — на далекий горизонт.

У Роберта к горлу подступил комок; он видел, что Поль оказался слишком близко к краю обрыва. Неужели... неужели он хочет?..

— Человек не может без конца тянуть лямку, приятель. Приходит момент, когда надо взять судьбу в свои руки. — Голос Поля был очень спокоен. Похоже, он решил идти до конца.

Что делать? Закричать? Или схватить Поля и повалить на землю, прежде чем он прыгнет? Что он задумал? Слабый ветерок затих, и опять воздух стал знойным и липким. Мысли в голове мешались. Воротничок, вечное его мучение в жару, казалось, душит его. Он видел, что взгляд Поля устремлен на край обрыва. Было что-то смертельно-притягательное в этом зрелище, в этой безмерной зияющей бездне... так и чувствуешь падение, падение и сокрушительный удар о камни внизу...

Море ревело в ушах. Он падал, падал... крик, мужской крик впереди, а позади пронзительный женский... пронзительный, пронзительный...

— Эй, дружище, — что с тобой?

Он почувствовал, как сильная рука обхватила его за пояс. Перед глазами плыло полное сочувствия лицо Поля. Роберт попытался сфокусировать взгляд: лицо Поля вновь обрело свои четкие жесткие черты, он ослабил руки и отступил на шаг.

— Пять минут прошло, Эверард! — крикнул охранник, направляясь к ним.

Поль выпрямился и пожал плечами.

— Пора идти. — Пройдя пару шагов, он обернулся к Роберту: — Но я бы на твоём месте, старина, обратился к врачу! Не знаю, что случилось с тобой, но вид у тебя, должен сказать, был такой, будто ты увидел призрак!

Опущенные жалюзи в кабинете Меррея Бейлби не пропускали холодного осеннего солнца, отчего вся комната казалась пронизанной серовато-зеленым светом. Роберт лежал на кушетке, расслабившись, насколько можно. За головой пациента, вне его поля зрения, Меррей молча поводил пальцами и затем сжал их в кулак. Вот так. Прюделав все предварительные приготовления, чтобы расчистить почву, он собирался при помощи гипноза провести Роберта в глубины его подсознания.

— О'кей.

В ушах Роберта зазвучал плавный, почти напевный ритмический голос Меррея, не похожий на его обычную речь.

— Поднимите глаза к потолку, поднимите глаза к потолку, к потолку, выше, как можно выше и фиксируйте на реальной или воображаемой точке, высоко над головой... сделайте теперь вдох, глубокий вдох, вдохните полной грудью и не выдыхайте, не выдыхайте и считайте до пяти... затем выдохните и опустите веки, расслабьте веки, пусть они станут тяжелыми и сами закрываются... выдохните, закройте глаза и засыпайте... спите теперь...

Спите теперь...

Спите теперь...

Спите...

Голос Меррея проникал в отдаленные уголки его сознания; Роберт чувствовал, как все его тело наливается тяжестью, которой он не может сопротивляться. Но он и не хотел сопротивляться — его охватывало такое внепроникающее тепло, такая обманчивая вялость, такое соблазнительное чувство свободы и вольного парения — с этим ничто не могло сравниться, ничего подобного раньше он не испытывал.

— Спите теперь... — доносилось повелительное бормотание, словно воркование голубки. — Спите... — Со вздохом человека, сбросившего наконец тяжелый груз с плеч, Роберт погрузился в сон.

— Сейчас мы возвращаемся назад... назад в Брайтстоун... вы вновь молодой священник, и вы встречаетесь впервые с девушкой, с юной очаровательной девушкой на похоронах Джорджа Эверарда...

— Нет...

— Расскажите мне...

— „В кладовке осталась всего одна коробочка чипсов, Вик“, — заговорил он высоким, не своим голосом. Меррей затаил дыхание. — Я знаю кто вы, преподобный“.

— „Зовите меня Робертом“.

— „Преподобный... Роберт...“

Теперь другой голос — постарше, ниже, но тоже женский, судя по интонации.

— „Никакая она не родственница Вика! Это Алли Калдер, дочка бывшего профсоюзного босса... Все зовут ее Алли...“ — Голос смолк.

Молчание.

— А дальше... — Почти беззвучно прошептал Меррей.

— В церкви... похороны Джорджа. Удивительно красивая девушка. С этой свиньей, этой мерзкой свиньей!

Ничто из того, что всплывало под гипнозом, не удивляло Меррея.

— Ее отец?

— Ублюдок!

— Вы ненавидели его.

— Да! Она пришла к нам! Пришла у нас работать. Клер любила ее, как... как ребенка.

— И вы любили ее...

— Да! Да! Да!

— Но не... как ребенка?

Тонкое слоновой кости лицо порозовело, и лежащее на кушетке тело вдруг словно захлестнула волна неопишемого счастья. Больше привыкший к созерцанию человеческих несчастий, Меррей был потрясен, почувствовав приступ зависти. Что бы там ни случилось, это были не обыкновенные отношения! Имеет ли он право вторгаться в самое сердце этого видения? Он сжал зубы.

— Расскажите мне.

— Я любил учить ее всему... вождению... ей так многому надо было научиться... некому было учить ее... некому любить ее... — Он проявлял явные признаки недовольства.

— Вы двигаетесь теперь еще глубже, еще глубже, — нашептывал Меррей. — Вы парите, вы свободны... вы там, где хотите быть, куда стремитесь всей душой.

Молчание.

Затем снова высокий нежный голос.

— „Смотрите! Вон там, на горизонте корабль. Куда он уходит?“

— „В Англию.“

— „А священники — они такие же, как все мужчины?“

— „Ну конечно, совсем такие же.“

— Теперь вы двигаетесь глубже, Роберт, еще глубже, вдохните воздух — и в путь. В ночь, когда на шахте произошел обвал...

Он сопротивлялся, как мог, каждый дюйм приходилось брать с бою.

— Нет! Нет!

— Вы уже там, Роберт! Вы там. Говорите. Где вы?

— Темно... О, Боже. — Его всего трясло. — Далеко, далеко вниз!

— Вниз — в шахту? В стволе?

— Крик — кричат. И плач...

— Где вы?

— Смотрю.

— Что вы видите?

— Темнота.

— Темнота, Роберт, и вы двигаетесь далеко, далеко вниз, вы в глубине шахты...

— Наверху.

Меррей с удивлением переспросил:

— Наверху?

— Очень высоко.

— Высоко? Вы очень высоко? Где? — Врач понимал, что давит на него слишком сильно. Неподвижно лежащая фигура вдруг стала в возбуждении дергаться. Сжав кулаки, Меррей склонился над пациентом, чтобы помочь расслабиться и ему, и себе. — Теперь все глубже, еще глубже. Не торопясь, спокойно, пусть все идет своим чередом...

Он подождал немного, прежде чем решил, что можно продолжать.

— Вы снова туда возвращаетесь. Темно, вы поднимаетесь все выше, вы очень высоко, и кто-то плачет...

— Пронзительно кричит...

Ответ на вопрос Меррей знал прежде, чем задал его.

— Это Алли?

— Она там! Она на обрыве со мной! Мы на самом краю! Опасность! Страшная

опасность!

— Опасность? От кого она исходит? Или от чего?

— Он хочет меня убить!

Его трясло теперь всего с головы до ног, он стонал и что-то выкрикивал, пытался поднять кулаки, словно желая защититься, но руки были как ватные, и со стороны казалось, что человек видит кошмарный сон. Меррей заметил, что он запомнил опасность, но не все событие — и главное, не то, чем кончилось дело. Оставлять его на этом было нельзя, но в то же время нельзя и толкать дальше. На сегодня достаточно. Еще один последний вопрос — и хватит. И снова он знал ответ на него.

— Где он, Роберт?

— Ушел! Ушел! Он ушел! — Раздался дикий крик. — Алли! Он умер!

Молчание — долгое молчание.

— О'кей, о'кей, не расстраивайтесь, спокойнее, спокойнее, дышите глубже, глубокие вдохи, все в порядке, вы в безопасности, вы здесь. Сейчас, еще немного, и я верну вас в полное сознание, и вы снова будете самим собой, отдохнувший, раскрепощенный, свободный — и никаких беспокойств, никакой боли.

Напряжение в мышцах постепенно спадало. Но негромко бормочущий голос у него над ухом продолжал.

— Сейчас мы начнем обратный отсчет, и сознание вернется, как только я скажу, начинайте считать: десять, девять, восемь. Но теперь, Роберт, когда вы выйдете из-под гипноза, вы не забудете. — Меррей склонился над самым ухом, чтобы быть уверенным, что каждый слог доходит до спящего. — Все, что вы восстановили под гипнозом, вы теперь будете помнить.

С жалким подобием улыбки — только на это и была она теперь способна — Джоан вошла в кабинет Роберта и приблизилась к письменному столу. С чувством удовлетворения она взглянула на записку, приготовленную к его возвращению.

„Преп: Молебен и Освящение, св. Иуда, Брайтстоун. Очень необычное и интересное богослужение, тем более, что его совершает духовное лицо такого ранга, являющееся к тому же и героем этой давней катастрофы на шахте. Все вместе — замечательный „почеловечески интересный“ рассказ для прессы и телевидения, так что надо подготовить пресс-релиз и в ближайшие дни передать в средства массовой информации. Отметь в своей записной книжке, чтобы быть готовым к интервью по выходе сообщения“.

Так. Это сработает. Немножко хорошей и добросердечной рекламы не помешает для возмещения убытков в связи с этой абсурдной демонстрацией у „Алламби“. Ну хоть одно доброе дело.

Есть и второе. Архиепископ и его коллегия полностью простили Роберту тогдашнюю неуместную выходку. Разумеется, обеспокоенность его здоровьем и твердый отказ Роберта воспользоваться случаем и снять с себя часть возложенных на него обязанностей только еще более расположили их в его пользу, и симпатии их вернулись ему сторицей.

И все же Роберт вел себя странно. Что-то у него на уме, но что именно, она никак не могла докопаться. Но пока внешне все тишь да гладь, она готова смотреть на это сквозь пальцы. Главное, чтоб ничего не пронюхала общественность. А в этом плане он сейчас молодчина — комар носа не подточит.

Но, пожалуй, настоящим бальзамом были новости о Поле Эверарде. Допустим, она с самого начала не верила в это досрочное освобождение. Но даже сама возможность освобождения или того хуже — нового следственного дознания, а то и пересмотра дела стоила ей нескольких неприятных минут и не одной бессонной ночи. Ну хоть это теперь можно спокойно выкинуть из списка забот. Словом, тем хуже для него — да только кого это трогает!

Она положила записку на стол и хотела было удалиться, но в этот момент ее внимание привлекла записная книжка Роберта, не официальная, с темно-синей обложкой, которая обычно не покидала его стола, а маленький карманный вариант, который по большей части он носил с собой. Подталкиваемая любопытством, она открыла ее и заглянула в записи на сегодняшний день. В глаза бросилось одно слово: „Меррей“.

Меррей Бейлби! Невролог и психиатр! — тот человек, к которому обращался Роберт, когда потерял память после падения в шахту! Они с Клер столкнулись с ним в соборе перед службой освящения и поставления Роберта в настоятели, и тогда он был там в качестве друга, а не доктора. Почему Роберт снова обратился к нему за консультацией? Почему?

Страх, физически явственный страх, словно страшное крылатое чудовище из кошмарного доисторического пейзажа, зашевелился у нее в душе. Нет, Роберт, нет! Почему он решил открыть эту банку с червями? Чтобы всех их погубить? Джоан была дрожь от злости и дурных предчувствий. Рука ее потянулась к телефону.

Он чувствовал себя совершенно измученным. Видит Бог, он уже слишком стар для таких игр!

Чувствуя себя выжатым как лимон, Меррей Бейлби проводил столь же вымотавшегося Роберта до дверей кабинета и через приемную к входной двери. Мужчины молча пожали друг другу руки, взаимно удовлетворенные сеансом, который прошел гораздо лучше, чем можно было ожидать. Скороговоркой бросив:

— Пока, до вторника? — Роберт удалился.

— Простите, доктор Бейлби. — Это была Джанет, его надежная и изобретательная секретарша. Одной рукой она держала трубку, другой зажимала мембрану. — Вы можете ответить?

— О нет, Джанет, Бога ради, — замахал руками Меррей. — Делай что хочешь, только меня уволь. Мне плевать даже, если это премьер-министр. Я потом перезвоню.

— Но на этот звонок, доктор, вам лучше ответить, если вы в силах. — Джанет смотрела на него очень серьезно. — Она звонит с утра, который раз, и мне кажется, вам лучше самому переговорить! Я переключу на ваш телефон.

— Да, да, конечно, я прекрасно помню вас, мисс Мейтленд, Джоан — прошлой осенью мы встречались в Соборе на инаугурации Роберта. Да, последние годы все хорошо. Чем могу служить?

Голос Джоан стал более хриплым, но ничто на свете не может изменить ее неустанную заботу о Роберте.

— Дело касается Роберта.

— Да? — Не зная почему, Меррей насторожился.

— Я знаю, что он вас посещает. Он говорил что-нибудь об этих... о своих помрачениях... или о чем-нибудь таком?

Меррей вздохнул.

— Мисс Мейтленд, вы должны знать, что я не могу обсуждать проблемы пациента — пусть даже вашего брата — с вами или с кем бы то ни было.

— Да, да, конечно, но...

— Боюсь, никаких „но“. Я знаю, как вы заботитесь о Роберте, но доверие между пациентом и психиатром священно.

Он почти физически чувствовал, как напряженно работает ее мозг перед следующим ходом.

— Не думайте, что я вмешиваюсь, доктор, но я так беспокоюсь за него, вот и все.

— Прекрасно вас понимаю.

— Я и подумала, что, может, как-нибудь могла бы помочь. Я хочу сказать, что вдруг что-то еще мучает его? Скажем, ситуация дома? Семейный кризис?

Меррей видел, что она начала импровизировать. Но даже если так, то какой кризис?

— Если что-нибудь есть, — сухо сказал он, — сразу же позвоните мне. Любые посторонние возбудители Роберту сейчас противопоказаны.

— Вы хотите сказать, что во время сеансов подошли к чему-то важному?

— Я так не говорил. — Но он сказал и понимал это.

— К чему именно? — Быстро переспросила она явно взволнованным голосом. — Что это такое? О том несчастном случае? О той ночи?

— Вы очень близки друг другу, — медленно произнес Меррей, тщательно выбирая слова. — Я знаю, что он почти во всем зависит от вас...

— В чем именно? — снова крикнула она. — Что он сказал? Он не знает! Он не знал, что делает! И это все ради него, все, что я сделала, все, что я вообще делала — все ради него!

Наступила долгая пауза.

— Зачем вы это говорите, Джоан? — спросил он необдуманно — слишком необдуманно.

Что она сказала? И зачем? Ее трясло еще сильнее. Молча она положила трубку.

Чуть позже, когда тяжелые тучи с востока начали затягивать низкое небо, она надела пальто и вышла из дома.

— А теперь выкладывайте все напрямик.

Мик Форд гордился собой за то, что достаточно владел искусством сделки. И правило номер один гласило: выясни, что ты должен сделать за то, что должен получить.

— Этот тип, Бейлби, — вы хотите убрать его, так? И просите меня сделать это?

Твердое выражение лица Джоан и весь решительный вид не могли скрыть внутренней тревоги. Еле заметная дрожь в голосе выдавала ее.

— Небольшой инцидент на дороге, — ответила она. — Ничего серьезного. Так, чтобы он не мог работать некоторое время. Чтобы было о чем поразмыслить на досуге, так сказать.

Мик Форд не выглядел чересчур привлекательным и в тот вечер по спасению „Алламби“, когда она видела его последний раз, даже несмотря на великолепие антуража званого обеда. Сейчас, в неверном свете дня с водянистым, едва пробивающимся сквозь тучи солнцем, льющим серую муть в давно немые окна штаб-квартиры профсоюзов, он казался засаленным и неухоженным.

Не прибавил ему обаяния и невинный вид, который он напустил на себя, чтобы усилить эффект произнесенной залпом фразы:

— Насилие? Коррупция? За кого вы меня принимаете?

Но ею нельзя не восхищаться, ухмыльнулся он про себя. Этой дамочке палец в рот не клади.

— У вас, Мик, связи, это всем известно.

— У кого, у меня? — он комично выкатил глаза. — Это у человека-то в моем положении?

Ей было не до игр.

— Ах бросьте, Мик. Я вас знаю. Коррупция — ваше второе имя, со дня рождения.

— Помилуйте, Джоан...

— „Ваше положение!“ Это было бы положением Поля Эверарда, если бы не ваши свидетельские показания — и вы это прекрасно знаете!

— Это был он. Я видел его.

— Так вы сказали. Но поклянитесь на самом деле.

— Что вы хотите сказать? — Его крошечные глазки подозрительно буравили ее.

Что она хочет сказать? Осторожнее, Джоан, осадила она себя.

Не теряй голову. Из того, что ты знаешь, что он лживый ублюдок, просто воспользовавшийся случаем, чтобы упечь Поля Эверарда в тюрьму, еще не следует, что ты можешь выдвинуть против него это обвинение. Потому что единственный человек в мире, который знает, что он говорит неправду — ты! — и ты не можешь открыть это, не открыв все остальное! Думай!

— Что вы хотите сказать? Хотите сказать, что я все это сделал, чтобы просто отделаться от него? Рискуя угодить за решетку?

Она схватила свою сумку с видом утопающей.

— Вы сделаете это или нет?

— Смотря что.

— Что — что? — Ей не понравилась его ухмылка.

— Смотря что вы мне предложите.

— То, что вас больше всего интересует, Мик, — деньги. Сколько?

Но мысли его были где-то далеко.

— Этот тип, Бейлби, — он часом вам ничего такого не причинил?

— Конечно, нет! Послушайте, Мик, я предлагаю вам выгодную сделку...

Но он продолжал сверлить ее своими глазками, ничего не отвечая. Ужасная мысль пришла ей в голову. Наконец до нее начало доходить. Он не хочет взятки! Ему нужно растоптать ее. Какое унижение молить Мика Форда о милости, а он тебя ногой в зубы! В бешенстве от одной мысли об этом, она вскочила, чтоб уйти. Но при первом же ее движении он поднялся, вразвалку двинулся через пустынный офис и преградил ей дорогу.

— Да что это на вас нашло, Джоани? Откуда вы этого набрались? „Небольшой инцидент. Ничего серьезного?“

Волосы у нее на затылке встали дыбом.

— Меня зовут Джоан.

— Знаете, вы ни капельки не изменились за эти двадцать лет.

Она всеми силами пыталась скрыть страх.

— Вы тоже.

Он погладил свое выпирающее брюхо с самодовольным видом.

— Ну, я набрал несколько фунтов. Но это мне не мешает.

Он стоял почти вплотную к ней. Она чувствовала его запах, тошнотворную смесь застарелого пота, пивного перегара и чего-то еще противнее.

— У вас отличное местечко там, в резиденции. Но вы всегда умели навести красу в доме. Да и на себя марафет навести. Вы все делали хорошо, Джоан, в одном, по крайней мере. — Он как бы невзначай облокотился рукой на стену позади нее. — Но в другом не очень хорошо. Вы так и не сподобились выйти замуж, не так ли? Кто-то там по вас скучает.

— Похоже, и вы не дальше ушли? Какой-то бедняжке посчастливилось ускользнуть!

Это был ее завершающий удар, и он не сработал. Мик аж причмокнул от удовольствия, и его пороссячи глазенки распахнулись.

— Я всегда восторгался твердостью вашего духа, Джоани. И вдруг такое! Такая очаровательная девушка — ах! ах! — вы же дочка пастора и все такое. Бывало мы, пацаны, трепались там, в Брайтстоуне. Да, если б к ней подмазаться, был бы класс — она такая!

Рука его коснулась ее щеки, он с отсутствующим видом поглаживал ее по шее, по плечу, с таким видом, будто левая рука не знает, что творит правая.

— Да только ни у кого из нас и полшанса не было, а, мисс Мейтленд? Разве что встать в очередь за Полем Эверардом!

Поль! О Поль! Она придушенно застонала и отдернула голову от ненавистной лапы. Он хрюкнул каким-то отвратительным горловым звуком и, сжав ее лицо железными пальцами, мокрыми слюнявыми губами поцеловал взасос; затем крепко прижал к стене, пальцы его теперь бродили по ее шее, ниже, ниже. Запутавшись в пуговицах, он рванул ворот ее платья и с садистской медлительностью сдернул с плеч бретельки лифчика.

— Ах, кто бы мог знать? — с нарочитым интересом бормотал он, уставившись на сосок, затвердевший от его прикосновения. — А он хорош! И другой тоже?

Она стояла перед ним обнаженная, закрыв глаза, стгорая от стыда и боли.

— Ты первый раз, а, Джоани? — впился он ртом в ее шею. — Не бойся, я аккуратненько. Можешь довериться мне... вот теперь мы заключаем сделку...

32

Из семи кругов ада, составляющих тюремное бытие, последний, как известно, оставлен за теми, кто после невыносимой пытки ожидания амнистии получает отказ. Как бы ни похвалялся своим безразличием заключенный, сколько бы ни пытался он подготовиться к разочарованию, в действительности нет такого человека, который мог бы напрочь изгнать надежду, которая теплится незримая и неистребимая даже в самой ожесточенной душе. И поэтому гибель надежды и насильственное погружение в новую пучину отчаяния приносит невыразимое страдание и ожесточение, избежать которых не в силах даже самые сильные люди. Да здесь и нет никакого выбора, потому что продолжать чувствовать — значит чувствовать боль.

Все это Клер, сидя за столом напротив Поля, читала в его лице. Все горячие приветствия застыли у нее в горле, когда она увидела, как он вошел, и впервые за все эти годы почувствовала, что не знает, что сказать.

Поль поздоровался отрывисто и отчужденно, словно ему тоже с огромным трудом давались слова.

— А Роберт? — спросил он.

— Он не приехал. — „Не буду я выкручиваться из-за него“, — подумала Клер. С какой

стать изображать верную жену с вечными извинениями. „Ах, у него столько работы!“, „Ах! Он никак не мог выбраться!..“ — У него столько работы, — пробормотала она. — Никак не мог выбраться.

— Еще бы, стоит ли ради этого бросать большой город! — желчно подхватил Поль, окидывая взглядом убогое помещение для свиданий с дешевой, потасканной мебелью и буфетной стойкой в углу. — Да и компания здесь не ахти какая! — Он боком сел на стул, уставив глаза куда-то вдаль, словно перед ним была не голая стена в двадцати шагах, а далекий горизонт.

— Поль... — Даже произнести его имя было свыше ее сил, не говоря уж о связной речи. Словно какой-то злой дух парализовал язык. Но надо было говорить. Надо. — Поль, что ты собираешься делать?

— Делать?

Он вздернул голову и резко расхохотался, так что все присутствующие повернулись к нему.

— Делать? Да вот подумываю податься в горы на лыжах покататься, потом прошвырнусь до Англии — всегда хотелось посмотреть, откуда появились шпиги и как их разводят. А с приходом зимы надо будет присмотреть за плодовыми деревьями в поместье и, может, посадить новенькие вдоль забора Ну и потом родственники, друзья. Всех надо повидать. У плейбоя и бизнесмена разве есть свободное время? Жизнь бьет ключом.

Клер опустила голову на грудь.

— Я не это хотела сказать? — тихо обронила она.

— А что же ты хотела сказать, — агрессивно выкрикнул он. — Думаешь, мне улыбается торчать здесь еще десять-пятнадцать лет? — Его голос вновь стал набирать силу и высоту; у женщины это назвали бы истерикой. — Пятнадцать лет, только подумай, сестричка!

— Не могу.

— Ну, а я могу! А я, значит, могу, не так ли? — Безумная гримаса исказила его лицо, и ей показалось, что он сейчас набросится на нее, вопьется зубами.

— Но разве они тебе — они тебе ничего не обещают? — запинаясь, выдавила она.

— А то как же! Спят и видят, чтобы все их мальчишки были счастливы! Мне прислали формальное послание от начальника тюрьмы: „Не нам судить почему, Эверард. Закон — что дышло. Комиссии по освобождению виднее. Их решения не всегда нам ясны, но все, что ни делается — к лучшему“. Смешно? Я думал, что сдохну! — И снова он издал дикий, лишенный всякого веселья, пугающий смешок, как в начале свидания.

Что тут скажешь? Перед лицом этой сокрушенной надежды, этого ледящего кровь сарказма, его понятного бешенства любое слово могло только подлить масла в огонь, любое утешение звучало издевательством. Она сидела как школьница, глядя на собственные ладони, и мучительно думала, что сказать, как нарушить невыносимое молчание.

Его настроение вдруг резко переменялось, словно ветер, неожиданно изменивший направление.

— Тут вот какое дело...

— Да? — Что угодно, Поль, что угодно.

— Прислали сюда нового капеллана — он прибыл как раз в тот день, когда мне дали от ворот поворот. Вечером явился ко мне. Я, говорит, знаю о происшедшем, что, значит, меня мордой об стол — и, говорит, хотел бы помочь. Ну, дружеских чувств я поначалу, прямо скажем, не выказал. Отделался доморощенными банальностями на тему великого

Начальника на Небесах.

Не нужно было и особого воображения, чтобы понять, какое терпение, человеческую доброту, да просто святость надо иметь, чтобы такое выдержать. Поль в этом состоянии был, вероятно, подобен разъяренному быку. Попытаться приблизиться к нему, вызвать на разговор значило попасть ему на рога.

— Он малость поговорил со мной и спросил, какие у меня шансы выйти не по амнистии. Я сказал, что апелляция заморожена — нет новых свидетельств, а при наличии столь неопровержимых улик против меня шансы на пересмотр равны нулю. Тогда он спросил, не хотим ли мы пойти другим путем.

— Что он имел в виду? — насторожилась Клер.

Взгляд Поля был по-прежнему агрессивный.

— Ему довелось посмотреть по телевизору, как твой муженек валял дурака во главе демонстрации или Бог весть чего. Говорит, он в Сиднее хорошо известен как заступник слабых и угнетенных. Почему бы, говорит, Роберту не начать компанию в мою защиту — апеллируя не к закону, а к человечности и требуя моего освобождения? Он уверяет, что у Роберта достаточно влияния, чтобы оказать давление на тюремное начальство и комиссию по амнистии.

— Правда? — Лицо Клер загорелось энтузиазмом. — Как это мы раньше не подумали!

— Раньше он не был столь знаменит, — с некоторым ехидством пояснил Поль. — Впрочем, может, и сейчас еще недостаточно. Что ты об этом думаешь? Стоит попытаться?

Говорил он с таким видом, будто его это особенно не касается, и она почувствовала укол в сердце.

— Что ты говоришь, — не задумываясь, выпалила она. — Конечно, стоит. Если есть хоть малейшая надежда.

— А он взялся бы?

— Разумеется, взялся...

С ужасом она почувствовала, как голос ее дрогнул. Взялся бы он? Год назад, даже месяц, она, не задумываясь, ответила бы за Роберта. А сейчас — Боже мой! — она не знает! Клер мысленно перенеслась в то утро, когда проснулась, как это теперь бывало почти всегда, одна в кровати — в кровати, которая была пуста и прошлой ночью, и ночью до этого. Она даже не знала, где находится ее муж в данную минуту, почему не с ней и куда ушел, не оставив даже записки, почему ей пришлось отправляться в тюрьму одной, чтоб не опоздать или не пропустить свидание. Она чувствовала, как краснеет от гнева и стыда. Так нельзя, Роберт, так нельзя! Что-то с этим надо делать.

Как всегда чуткий ко всему происходящему, Поль сразу же заметил растерянность Клер.

— Не возьмется, так что ли? — требовательно спросил он, и его лицо исказилось враждебностью. — Что ему мешает? — презрительно продолжал он, еще больше разъярясь от разочарования. — Бойтся ручки замарать и попортить себе карьеру? А ты спроси его, что он думает о моей карьере, которая вместе со мной здесь погребена заживо, пока он порхает по собору в своем бабьем платье?

Она больше не могла сдерживать слез, которые копились, если говорить по правде, целых двадцать лет. Потрясенный Поль схватил ее за руку.

— Эй, сестренка! — крикнул он, и голос его дрожал от избытка чувств. — Что с тобой? — Вдруг в голову ему пришла мысль, ужасающая по своей простоте. — Да послушай — у вас что, совсем плохи дела?

— Чашку чая? Кофе? Да вы садитесь. Не смотрите на этот беспорядок, у меня вчера были девчонки, и мы полночи проболтали.

Стоя на пороге комнаты, Роберт с изумлением озирался вокруг. Для него, привыкшего к чистоте и порядку, который поддерживала в доме аккуратная Клер, валяющиеся повсюду банки из-под кока-колы и пива, жуткая вонь от переполненных пепельниц и остатков дешевого обеда из китайского ресторанчика были чем-то немыслимым и говорящим о настоящей оргии.

— Девчонки? Полночи?

С трудом он отыскал, куда присесть. Роберт знал, что выглядит усталым — многие ему говорили об этом — но как можно было объяснить, что он никогда себя не чувствовал лучше. Не покидающее его последнее время острое ощущение близости цели, уверенность, что покров, окутывавший двадцать лет его память, вот-вот будет сброшен — все это переполняло его, и ему приходилось изо всех сил сдерживать свои эмоции, подавлять возбуждение, так и рвущееся наружу.

Было в этом и немало страха, что правда, то правда. Что в действительности случилось в ту ночь? Что это была за ночь, которую вызвал из глубин его подсознания Меррей? Все еще много разрозненных частей предстоит подобрать, чтобы они сложились в общую картину. Но разгадка уже близка. Он следил за девушкой, колдующей над чайником, и думал о том, что она могла бы пролить свет на его тайну.

Но главное — и он признавал это со всей откровенностью — ему просто хотелось видеть ее. Больше всего на свете хотелось быть с ней, узнавать о ней, разговаривать с ней. Когда он проснулся рано утром и выбрался из постели, стараясь не разбудить Клер, ему как никогда захотелось побыть одному, поразмыслить над ожиданиями и страхами, навеянными сеансами с Мерреем, а потом встретиться с ней, побыть в удивительной атмосфере близости, которая постепенно возникла между ними. Он не сомневался, что она тоже знала об этом. И ничего не имела против. Его сегодняшний визит был жданным и желанным. Она совсем не удивилась, когда открыла дверь. И не потому, что больше ни с кем не виделась, вовсе нет — сегодняшний бедлам тому свидетель. Он снова улыбнулся.

— Приятно узнать, что у тебя есть подружки. — Действительно, это было замечательно. Значит, она жила своей нормальной беззаботной и счастливой жизнью, как и все девушки ее возраста. „Мы только один раз живем! — вспомнил он. — И не много времени нам отпущено!“

— Да, я познакомилась с ними по работе, — улыбнулась она в ответ. — Одна из них официантка, а другая — ее подруга. Вообще-то они не совсем в моем вкусе, но когда все время одна, бывает немного скучно.

Он впервые слышал от нее признание такого рода — некоторое отступление от воинственной независимости.

— Если б ты осталась здесь, нашла бы много друзей. — Он помолчал, внимательно глядя на нее. — Не думаешь остаться? Совсем осесть? — Он с удивлением поймал себя на том, что с нетерпением ждет ответа и что этот ответ очень важен для него.

Она выказала к его вопросу еще большее равнодушие, чем это пытался сделать он, задавая его.

— Да не... Хотя — как знать. Это зависит...

— От чего?

Она вдруг сердито повернулась к нему.

— Много будете знать — скоро состаритесь, мистер Длинный Нос!

— Ах, прости. — Он сразу замолк. Но рана была нанесена.

— Почему вы меня все это спрашиваете?

— Так — из любопытства. Хочу знать.

— Обо мне?

— О тебе — и обо всем.

Но ее не так-то просто было провести. Насмешливый взгляд яснее ясного говорил, что его отговорки ее не обманут.

— Ну так спрашивайте. Валяйте. Спрашивайте, что хотите знать. — Она резким движением налила кипятка в чайник и помешала ложечкой. — Ну, валяйте.

— Э-э-э — где у тебя чашки?

Они дружно прихлебывали чай, ее дурное настроение улетучилось, но разговор никак не клеился.

— Ну, раз вы меня не спрашиваете, буду спрашивать я, — объявила она.

Он немного напрягся, но останавливать ее не собирался.

— Эта девушка — Алли. Та, которую я вам напоминаю. Вы ее любили?

У него было такое чувство, будто он что-то открывает в своей душе и пытается показать — что-то такое бесконечно хрупкое и драгоценное, что никакими словами передать невозможно.

— Очень, очень.

— Почему же вы не женились на ней?

— Я же говорил. Она умерла.

— А до того?

— Я был уже женат.

Презрение в ее глазах было явным и неприкрытым.

— Ага, погуляли и бросили! Романчик на стороне? — Он не мог понять, что больше ему причиняет боль — то, что об Алли говорят такими словами или что Эмма действительно так на это смотрит. Она поняла, что он чувствует.

— Ну я не знаю! Не обижайтесь! Но скажите мне правду.

— Правду?

— Да, правду! Вы действительно ее любили? Вы бы женились на ней, если б могли?

Он был не в силах говорить. Его воспоминания об Алли, столь новые, столь свежие, столь бесценные — только-только возвращенные ему стараниями Меррея после того, как пролежали под спудом в темной бездне времени и забвения годы и годы, не могли вынести такого беспощадного допроса. Но в то же время разговор о ней доставлял ему какое-то жестокое болезненное блаженство.

— О да! Да! — Его буквально разрывало от нахлынувших чувств и воспоминаний. — Я любил ее больше всего на свете — просто невозможно выразить, как сильно... — Он прикрыл глаза, и ее лицо в тот же миг всплыло перед ним. Он видел ее такой, какой она была, словно девушка стояла рядом: Алли улыбающаяся, Алли смеющаяся, Алли, бросающая на него эти свои странные взгляды искоса, Алли, обнимающая его, Алли, любящая его... Окружавший мир начать таять, и он сам жаждал исчезнуть, раствориться, чтобы быть с ней...

— Эй! — Глуховатый, изменившийся голос Эммы достиг его слуха, но как бы издалека. — Что с вами?

— Ничего...

— Сюда. — Маленькие ручки крепко подхватили его и отвели к кровати, на которую он с благодарностью прилег. Влажная салфетка на лбу быстро сняла боль в виске.

— В чем дело? Вы больны? — ее тон совершенно изменился.

Он покачал головой.

— Несчастный случай. Давным-давно. Сильная травма головы. Я месяцами лежал в коме. Выздоровливал два года. Когда пришел в себя — память как отшибло, ничего не помнил. — Лицо его вдруг исказилось от жесточайшей боли, пронзившей на сей раз не голову, а сердце. Она видела по закрытым векам, как бьется его пульс. — А когда очнулся — ее не было.

Наступило долгое молчание. Потом он услышал, как она пошевелилась на стуле рядом с кроватью.

— А память к вам вернулась?

— Нет. Вот только совсем недавно.

— А вы не пытались?

Он сердито засмеялся.

— Это не такое простое дело.

— А что же произошло недавно?

— Я встретил тебя.

— И сразу — раз! Как в кино — пленка прокрутилась назад?

— Нет. Отдельные черты в тебе напоминали мне о ней. Твои волосы. Форма головы. Твои ладони. И как ни странно — твой голос. О, я знаю, что ты англичанка, и не утверждаю, что ее голос звучал так же. Но дело в том, что ее интонации не были чисто австралийскими. У нее был какой-то акцент — никогда не подумаешь, что она чистая австралийка, как того можно было ожидать. А когда она говорила...

Эмма резко оборвала его, словно разговор о другой девушке был ей невыносим.

— Для того, кто начисто все забыл, вы помните чересчур много!

Он улыбнулся.

— Это ты провела меня туда И мне кажется, будто все было как вчера.

— Ах эти мужчины. Все вы одним миром мазаны! — Каждый раз слыша от нее такие слова, он ломал себе голову — на основании какого жизненного опыта девушка столь неодобрительно отзывается о половине рода человеческого. Она говорила так, будто ей уже далеко за сорок, и жизнь поступила с ней не лучшим образом — и вот теперь она выжата как лимон, брошенная и никому не нужная. Трудно было представить, что слова эти принадлежат юной девушке, только вступающей в жизнь, у которой все впереди. Она нагнулась над ним и сняла салфетку с лица.

— Я еще смочу.

Он посмотрел снизу вверх в ее ясные холодные глаза.

— Спасибо. Ты очень добра. Я никогда не забуду.

Она так и прыснула от смеха.

— Вы! Самый непомнящий из всех, что живут на свете! Если верить вам, вы забыли больше, чем иной человек переживает за всю жизнь! — Она чуть помолчала. — Хотела бы я

знать, забудете ли вы меня?

— Никогда. — Он выпалил это с какой-то невероятной силой убежденности. Но откуда у него такая уверенность?

Что-то столь же странное промелькнуло на личике Мадонны.

— Ну что ж, поживем — увидим.

— Да, — улыбнулся он. Он говорил, как думал, без задней мысли, и никак не мог предположить, что односложное слово может причинить обиду. Но она вся так и вскинулась.

— Вы думаете, я слишком молода и не понимаю, что говорю! Вы думаете, я и представить себе не могу, какую большую любовь вы утратили! Так вот послушайте, настоятель Роберт Мейтленд. Может, я для вас и ничего не значу, так, дитя малое, не в счет! Но я знаю, что это такое — страстно хотеть человека, который никогда не будет с тобой, мечтать, чтобы к тебе вернулись и любили тебя, зная, что этого не будет. Я знаю! Знаю! Знаю!

Было уже поздно, когда Роберт приехал домой. Они с Эммой говорили и говорили; он всеми способами пытался уверить ее в своей любви и заботе, она кружила вокруг да около, желая что-то открыть ему — он это чувствовал — но всячески отказываясь как-то объяснить свою внезапную вспышку.

Устало потягиваясь и разминая затекшие от долгой дороги члены, он вдруг сообразил, что уже далеко за полночь, если вовсе дело не идет к утру. Несколько абсурдно — и подозрительно для женатого человека и уважаемого представителя Церкви возвращаться домой в такой час! Что он скажет Клер? Любой жене простительно косо смотреть на супруга, который исчезает из дома ни свет ни заря „по делам“ и возвращается в два часа ночи. Как можно оправдываться? И к тому же он был с юной девушкой — никакой не родственницей — один на один в ее комнате весь вечер! Невинно, конечно, — но почему он думает, что ему поверят?

Прокручивая в уме различные варианты, он открыл входную дверь и вошел в дом. И тут же почувствовал, что случилось что-то нехорошее. Клер ожидала в холле, и новости, которыми она встретила его, исключали всякие расспросы о том, где он так поздно задержался.

— Ох, слава Богу, ты наконец приехал! — устало произнесла она. — Боюсь, Джоан заболела. Я застала ее здесь, она вся тряслась в ванной, пытаюсь помыться. Видно, промерзла до костей. Мне с трудом удалось довести ее до постели, но она продолжала так трястись, что я опасалась судорог.

— Бедняжка Джоан! Доктор был?

— Конечно. Он сказал, что это скорей всего вирус, сейчас такого добра полно.

— Мне можно повидать ее?

— Пожалуй, лучше не стоит. Доктор дал ей снотворное. Оно долго на нее не действовало, но теперь она наконец уснула. — Клер заметила тревогу в его глазах. — Хотя взглянуть на нее, думаю, можно. Это не причинит ей вреда.

Немного воспрянув, он стал подниматься по лестнице наверх.

— К сожалению, это еще не все, — донесся до него голос Клер. — Есть еще кое-что — тебе надо знать.

Он обернулся. Клер стояла внизу с выражением смертельной усталости — такой он

никогда не видел ее.

— Печальные новости, хотя, насколько мне известно, ты не виделся с ним последние годы. С Мерреем Бейлби. Несчастный случай — разбилась машина. Меррей был за рулем. Он погиб.

33

Все умирает осенью. Но Меррей?

Нет, этого не может быть.

— Меррей? Нет! Не может быть! Я только вчера видел его — я только что видел его...

Для него это был страшный удар. Но почему? Роберт годами не встречался с Мерреем, разве только иногда, в связи с какими-либо событиями. Что это с ним? Последнее время его реакции совершенно непредсказуемы! Клер не могла сдержать горькие слова, вертевшиеся на языке.

— Ты только что видел его? Ты что, считаешь, что этот факт мог спасти его от смерти?

Он удивленно посмотрел на нее.

— Нет, но я...

Она отвернулась. Он видел, как плечи ее безвольно опустились, свидетельствуя красноречивее всяких слов о чувстве усталости и отчуждения.

— Сдается, последнее время ты думаешь только о себе, Роберт. А как насчет его жены? Семьи? И всех его пациентов? — Она помолчала и повернулась к нему. — А как насчет Поля? Сегодня мне пришлось одной добираться до тюрьмы, потому что ты настолько поглощен собой, что даже не вспомнил, что сегодня его день. Как быть с этим несчастным, замурованным в клетке без всякой надежды когда-нибудь выбраться оттуда? Ты о нем хоть когда-нибудь думаешь? — Она бросила на мужа взгляд, полный упрека и гнева. — Или в мире существует один только великий настоятель Мейтленд?

* * *

Великий настоятель Мейтленд...

Слова Клер, а еще больше то, как она пожала плечами перед уходом, пронзили его сердце. После страшной новости о гибели Меррея это было больше, чем он мог вынести. Но придется справляться с этим в одиночку, судя по удаляющейся спине Клер, всем своим видом подчеркивающей непричастность к его бедам. Теперь ты один как перст, Роберт, — красноречивее слов говорило ее поведение. Что посеешь, то пожнешь. Расхлебывай теперь сам. Словно раненый бык, он копал землю, а боль прожигала до мозга костей.

В кабинете он наконец дал волю своему отчаянию. Меррей ушел... Меррей, который предложил ему единственный шанс проникнуть в эту тьму. Меррей, который уже вернул ему самую бесценную и мучительную часть его знания о своей жизни, воспоминание об Алли. Меррей единственный, у кого хранился ключ от его сознания, этого ларца со сломанным замком, содержимое которого было столь необходимо, чтобы восстановить мир в душе и спастись от безумия.

Меррей, наконец — его единственный друг в это ужасное время, единственная душа в мире, которой он полностью доверял, перед которой не боялся быть самим собой, а не

великим настоятелем Мейтлендом, и благодаря которому он пытался рискнуть думать и жить как Роберт, обыкновенный грешник...

Меррей ушел.

Уронив голову на руки, он зарыдал.

На следующий день резиденция настоятеля превратилась в обитель траура в мире печали, низкое серое небо являло собой идеальное зеркало всепоглощающей скорби. Рваные тучи с металлическим матовым блеском проносились по небу, угрожая в любой миг излить на землю все хляби небесные и подвергнуть дольний мир каре нового потопа, но потом вдруг сменяли грозное настроение на игривое и с неуклюжей слоновьей грацией неслись за кобыльим хвостом ветра. Словом, день не сулил ничего доброго. Да ничего доброго и не предлагалось троем обитателям настоятельской резиденции.

В худосочном свете раннего утра нежное как лепесток лицо Клер было серым и поблекшим не просто от утомления, а от настоящей слабости, тошнотой подступающей к горлу. Только на рассвете она решилась оставить Джоан — когда тревожные всхлипы и метания прекратились и она, судя по всему, погрузилась в тяжелое забытие без сновидений. И сон Клер был тревожным, коротким и часто прерывался внезапными пробуждениями. Сейчас ей позарез требовалась чашка, вернее, кофейник хорошего крепкого кофе, чтоб прийти в себя и начать день. Поглощенная поисками фильтров, она не расслышала мягких шагов по лестнице.

— Доброе утро, Клер.

Клер резко обернулась.

— Джоан! Что ты здесь делаешь? Тебе надо лежать!

— Я уже в порядке.

Клер с нескрываемым беспокойством смотрела на нее:

— Я собиралась подняться наверх и заглянуть к тебе — вот только кофе хотела сварить. Тебе надо лежать в постели. Ступай, я приготовлю завтрак и принесу.

— Да я уже в порядке.

Невероятно, с облегчением подумала Клер, но похоже на то. Джоан стояла перед ней уже одетая и, хотя была бледна, выглядела вполне здоровой. Только сейчас Клер поняла, насколько ужасно было видеть, как Джоан — это Джоан-то! — склонившись над биде, яростно скребла себе бедра, живот и груди. Но сегодня жар явно спал, тошнота прекратилась, а сон сделал свое дело. Да и лекарство, прописанное доктором, вероятно, помогло — просто фантастика, какие таблетки теперь производят!

Искренне обрадованная и благодарная Клер засуетилась вокруг новоисцеленной.

— Кофе? А как насчет простого тостика, чтоб не на пустой желудок?

Бледная, но сдержанная Джоан осторожно опустилась на стул и взяла чашку кофе. Тактично, не вовлекая золовку в разговор, от которого та явно предпочитала уклониться, Клер ворковала за двоих, стараясь во всем услужить Джоан. Нарезая тонкие ломтики хлеба, Клер случайно бросила взгляд на часы.

— Посмотри, сколько времени! Мне уже пора быть одетой. У меня встреча в десять, затем еще одна в двенадцать — насчет сегодняшнего большого благотворительного вечера — да поможет нам Бог собрать нужную сумму, на это так рассчитывают! — я должна все по минутам расписать... — Скинув халат, она выскочила из кухни. В этот момент в холле зазвонил телефон. — Ты возьмешь трубку, Джоан? — крикнула она. — Если я подойду, то

могу опоздать, я себя знаю!

Джоан вяло поднялась с места и направилась в холл. Она подняла трубку и тут же отпрянула от телефона.

— Привет, Джоани.

Она не могла говорить.

— Просто позвонил, чтоб узнать, как ты. Ты выглядела не очень после нашей встречи. — Он издал какой-то чмокающий, сальный звук. — Все проходит, знаешь ли.

— Мик... — нечеловеческих усилий стоило ей произнести это имя. Но она должна узнать. — Как это могло случиться?

— Что могло случиться? — Она так и видела эту притворяющуюся рожу, невинно выкатившиеся поросычьи глазки. — А что случилось? Ничего такого не случилось. Насколько я знаю.

— Но... — Слова и упреки так и рвались на язык и от этого ей трудно было говорить связно. — Но я этого не хотела! Мы так не договаривались! — Она нервно бросала взгляды на лестницу. Но Клер была под душем и не могла слышать. — Я не хотела, чтоб он погиб! Не хотела, чтоб его убили! Только — вывести ненадолго из игры! Время — вот что мне было нужно, немного времени — время перевести дыхание...

— Но ты получила с лихвой, сверх договора, Джоани, а что, не так? — Снова мерзкое хихиканье. Ее жгло словно раскаленным железом, ее женская гордость и душа — все вопило от боли.

— Время...

— Теперь у тебя его навалом. Сколько угодно.

— Если б я только могла предположить...

— Ах бросьте, мисс Мейтленд! Я думаю, именно этого вы и хотели! В буквальном смысле слова... — Его интонации напоминали его лапающую руку. Что тут можно было сказать? В голосе Мика пели торжествующие нотки удовлетворенного самолюбия. — По мне, так это чистая работа. Очень профессиональная. Объект завершен, и все концы в воду — комар носа не подточит. А ты что ожидала? Ты играешь теперь в игры со взрослыми мальчиками, Джоани! Это взрослые игры!

К горлу подступила тошнота, во рту она почувствовала горечь только что выпитого кофе.

— Прошлым вечером с тобой был тоже большой мальчик, разве не так, Джоани? Большой, правда? Тебе понравилось, а? Я видел! Мне тоже. Мне страшно понравилось. Знаешь что?

Она знала.

— Нам нужно, Джоани, провести ответный матч. Из нас получается славная парочка Ты и я — два сапога пара. Что ты делаешь в пятницу вечером?

Она открыла рот и с трудом выдохнула:

— Ухожу.

— Не думаю, Джоани. — Он говорил так, словно сожалеет о том, что ему приходится нарушать распорядок ее дня. — Я полагаю, что ты для меня свободна. В конце концов, разве мы теперь не партнеры, как ты считаешь? Так что будь наготове, как это говорится. Я посмотрю, как у меня со временем, и позвоню. Пока, Джоан.

— Кто это звонил?

Надевая на ходу плащ и сбегая по лестнице, Клер не видела лица своей золовки. К счастью для Джоан, в это время зазвонил дверной звонок.

— Кого еще там несет? — раздраженно воскликнула Клер. — Чувствую, что сегодня из дома не выберусь!

Она помчалась к двери. На пороге стояла маленькая женушка второго священника, Патси Райт.

— Патси?

— Добрый день, миссис Мейтленд.

— Заходите скорей, такой холод. Что случилось?

— Я насчет доктора Бейлби. — Когда Патси переступила порог, Клер с изумлением увидела, что она плачет. — Меня послал Джеффри. Он хотел спросить настоятеля, будем ли мы служить панихиду.

— Даже не знаю, но думаю, будем, — ответила Клер, нахмурившись. — Меррей был очень заметным человеком в Сиднее и очень известным — двадцать лет практики как-никак — людям хочется воздать ему последнюю дань уважения. Но я не знаю наверняка, думал ли об этом Роберт — он так убит.

— Ну, так мы и подумали! — затряслась Патси, и глаза ее вновь наполнились слезами. — Вы знаете, как много сделал доктор Бейлби для стариков в „Алламби“, когда Джеффри был там священником. Да и потом он многих продолжал курировать как частных пациентов бесплатно, когда дом для престарелых прекратил свое существование и Церковь перестала ему платить за лечение.

— Я этого не знала, — в замешательстве сказала Клер.

— Он был хороший человек. И хотел только одного — помогать людям. А теперь вот такое случилось с ним!

Невыносимая разъедающая смесь вины, печали и отвращения поднимались в Джоан. Она боялась, что ее сейчас вырвет, и хотела было удалиться.

При виде Джоан Патси залилась краской, словно школьница. Она никогда не забывала, с какими язвительными насмешками набросилась на нее Джоан в тот праздничный вечер в „Алламби“, когда она имела глупость позволить этой Эллен пичкать ее сплетнями насчет настоятеля и брата миссис Мейтленд. Но даже Патси сразу поняла, что мисс Мейтленд сегодня не до нее.

— Вы что-то плохо выглядите, мисс Мейтленд. С вами все в порядке?

Клер решила воспользоваться случаем и убить сразу двух зайцев.

— Она подцепила какой-то вирус, препротивный, и хотя сегодня ей уже лучше, но все же, мне кажется, надо быть поосторожнее. Патси, дорогая, я должна присутствовать на собрании в Обществе жен священников в десять; полагаю, вы тоже туда едете. Почему бы вам не снять пальто и не приготовить чашечку чая себе и Джоан, пока я сбегая по делам и все устрою, а потом мы вместе поедем на собрание. Идет?

Несколько нервничая, Патси проводила бледную Джоан на кухню.

— Вы на меня не обращайтесь внимания, мисс Мейтленд. Я сейчас немножко освоюсь, осмотрюсь, что тут где. Первым делом поставим чайник, здесь, вроде, никаких сложностей, так ведь?

Некоторая нервозность не мешала, однако, Патси оставаться врожденной жрицей чайного ритуала, и сам его привычный процесс вскоре восстановил ее обычное благодушие.

— Вы не против, если я приготовлю чай у вас на кухне? Если против, только скажите. Я

заскочила на секундочку, так что не обязательно было приглашать меня зайти. С другой стороны, чашечка чая не повредит в любое время дня, не правда ли? — Словоохотливость была у Патси в крови: она твердо верила, что при любых обстоятельствах болтовня, как ничто другое, помогает сгладить углы.

Бедняга мисс Мейтленд действительно выглядит так, что чашечка чая ей не повредит — если не что-нибудь покрепче. Известие, видать, сильно на нее подействовало, решила Патси.

— Да, это просто ужасно — про доктора Бейлби, правда? Вы думаете, благотворительный вечер отменят в знак уважения? Хотя в обществе он особенно не бывал. Скорее частное лицо, так ведь?

— М-м-м.

— А бедная его жена! Вы не знали, что в это Рождество они должны были отмечать тридцатипятилетие своего брака? Она совсем не в себе, говорят.

— О...

— А пациенты! Они все его так любили! Он ведь не какой-нибудь заурядный врач, как вы думаете? Не так просто сменить врача в самый разгар лечения.

Она пододвинула дымящуюся чашку в ледяные руки Джоан. — И как теперь будет настоятель?

— Настоятель?

Кровь прильнула к щекам Патси. „Бог ты мой, — запаниковала она, — неужели меня опять угораздило влезть куда не надо?“

— Ну да, мы думали — э, я говорила Джефффри: бедный настоятель Мейтленд — посреди лечения и все...

Холодная ладонь Джоан вцепилась в ее руку.

— Откуда вы узнали?

Патси задрожала.

— Я видела, как он входил в офис Бейлби! Мне и в голову не приходило, что это секрет! — Она нервно заморгала и собралась с мыслями, чтобы дать ясный и исчерпывающий ответ. — Вы знаете, что я не сплетница, и всегда стараюсь не лезть не в свое дело, я имею в виду настоятеля. Мало ли что болтают.

Молчание. Сверлящей ее взглядом Джоан, которая так и сидела, вцепившись в руку бедняжки Патси, этого было явно недостаточно. Совсем сбитая с толку, та не могла уже остановиться.

— Я потому и сказала Джефффри, когда мы как-то увидели настоятеля с какой-то девушкой, — не будем, говорю, распространяться об этом, не нашего ума это дело. То есть я уверена, что здесь ничего такого нет, но вы же знаете, как люди любят совать свой нос куда не надо, а служитель церкви всегда представляет особый интерес для злых языков, то есть им всегда подавай пример, даже если это не так, то есть я не имела в виду настоятеля... ну вы понимаете, что я имею в виду... Во всяком случае я ему, Джефффри, говорю: не вздумай вот так по улицам шляться с девушкой, пусть даже по церковным делам...

— С какой девушкой?

— Ну я про девушку, с которой видели настоятеля! — Окончательно растерявшаяся Патси несла уже невесть что. — О, я уверена, что это ваша близкая знакомая или что-то в этом роде, а может, прихожанка — ну, обыкновенная девушка, юная девушка, да я ее толком и не разглядела...

„Она лжет!“ — подумала Джоан, закипая от гнева. Патси не могла не разглядеть

девушку, она ее прекрасно видела. Эта любопытная корова посрамит и Шерлока Холмса! Теперь только она так перепугалась, что ни за что на свете не скажет. Надо сменить тактику; ну живо — и вперед!

— А что они делали?

— О, ничего — ничего особенного.

Полного ненависти взгляда Джоан было достаточно, чтобы к Патси частично вернулась память.

— Они ехали на машине — у Дабл Бей... смеялись... совсем как старые друзья, знаете ли, — быстро закончила Патси. — Я так и сказала Джеффри, что все выеденного яйца не стоит, но надо же знать людей, они из пальца высосут и невесть что наплетут, ведь правда? Надо соблюдать крайнюю осторожность. Тем более, когда дело касается настоятеля, столь заметной фигуры, известной всем и каждому. Имя его и так не сходит с языка. Я и говорю Джеффри: привыкай к осторожности, дорогуша, чтобы, когда ты станешь столь же знаменитым, как настоятель...

Роберт проснулся с тяжелым чувством, словно вернулся из небытия. Мир стал холоднее. Выбравшись из постели, он наспех принял душ и, не в силах даже смотреть на завтрак, укрылся в собственном кабинете. Часы проходили за часами, но он, вероятно, ничего не замечал, погрузившись в пучину своего одиночества, такого холодного и неизбывного, что выдержать это было невозможно. Он слышал, как начинает оживать дом, — обычно для вставшего ни свет ни заря это были привычные и радующие душу звуки. Сейчас же у него не возникло ни малейшего желания бежать на кухню, чтобы за дружеской болтовней выпить чашечку чая.

Но что же делать? День простирался, как голая пустыня, иссушенная и бесконечная, одно сплошное зияние. Он заставил себя взглянуть в книгу, где были отмечены предстоящие дела. Расписанные там недели и дни, время и место — все эти кропотливые записи представлялись ему сейчас бессмысленными иероглифами, пустыми каракулями. Он чувствовал одно: нельзя терять себя в беличьем колесе бессмысленных дел. А тут еще этот благотворительный вечер — неужели сегодня? Как может он заставить себя с обворожительной улыбкой и радостным лицом обхаживать представителей высшего общества Сиднея, умамливать богачей и очаровывать их жен — и все ради чего? — чтобы положить еще один куш в церковную копилку?

Как обычно мысли его перенеслись к девушке — без какого-либо усилия, спокойно и непреодолимо. Ему вдруг пришла в голову мысль, что он мог бы пройти через все, что угодно, только бы она была рядом — ее взгляд, ее яркие волосы, ее неколебимый здравый смысл и неискоренимая искренность.

Снизу до него донеслись голоса.

— Ну, до свидания.

— До свидания.

— До свидания, мисс Мейтленд — надеюсь, вам будет лучше.

Это Клер уходит, отправляется на свое собрание вместе с Патси Райт, ранней пташкой, чья неумолчная трескотня доносилась даже к нему в кабинет.

— Ты ляжешь, Джоан? Обещай, что побудешь сегодня в постели.

— Да, да, обещаю.

Хлопнула дверь, и шаги Джоан, непривычно тяжелые, раздались на лестнице Джоан

отправилась к себе пестовать свой вирус. Он один. И он уже знал, что будет делать.

Мыслями витая где-то в облаках, Роберт вывел машину и направился к окраине города. Отрешенный от всего, он ни разу не удосужился взглянуть в зеркальце заднего обзора. Перед его мысленным взором уже вставал удивленный взгляд Эммы, когда она увидит его. Он надеялся, что сумеет освободить день, а там — угощение, поездка, пикник, а то просто долгая, неторопливая прогулка и разговор обо всем и ни о чем. При мысли о ней лицо его смягчилось, скорбное выражение изгладилось под воздействием целительного бальзама нежного чувства.

Какого чувства, вопил в нем внутренний голос. Лучше все это прекратить пока не поздно! Тебя несет куда-то не туда! Ты еще не во всем разобрался! А теперь ты один. Один как перст! Но он пресек поток этих назойливых вопросов. Об этом он подумает завтра — всему свое время; и, верно, в одиночку, — Меррея больше нет и помочь некому.

А Алли — ему еще предстоит как-то разобраться с этим фактом их близости, столь долго погребенным, что сейчас он словно с первозданной интенсивностью чувствовал вновь любовь, всю ее дикую яркость и восторг, все ее невероятное целомудрие, всю печаль и боль утраты. Но какой же я тогда священник? — недоумевал он. Какой супруг? Какой человек? А чему меня это научило? Переменился ли я? Или тот факт, что случившееся оказалось волей случая погребено на дне моей памяти после несчастья в шахте, означает, что все ушло в подсознание и ничему меня не научило?

Да, сделать еще предстояло очень и очень много. Он понимал это.

Но только не сейчас.

Сейчас достаточно того, что он увидит ее, будет с ней — очень скоро, теперь уже скоро, скоро.

Наконец с бьющимся сердцем, едва выдерживая рвущуюся из него радость, он затормозил около кафе и, заметив сквозь запотевшее стекло вспышку ангельских волос, поспешил внутрь. И ни разу на протяжении всего пути не бросилась ему в глаза машина, неотступно следовавшая за ним, за каждым его движением и исчезнувшая только тогда, когда он повернул к центру города; после этого она направилась к резиденции, чтобы вернуться раньше и ни у кого не вызвать подозрений.

Будь мил с людьми.

Это часть работы.

Не будешь милым, не дадут денег, которые нужны.

С удивлением думая о том, когда же это он стал таким циником, Роберт глядел рассеянным взглядом в трюмо в спальней, готовясь к предстоящему вечеру. Из зеркала на него смотрело строгое не улыбающееся очень красивое лицо с мужественными чертами и пронизательным умным взглядом, который отнюдь не умалял, а скорее, наоборот, усиливал его привлекательность. Впрочем, сейчас ему было не до своей внешности. Застегнув запонку на крахмальной рубашке, он приступил к ритуальному сражению с галстуком и нескончаемым потоком мыслей.

Как Джоан? Достаточно ли она выздоровела, чтобы брать ее на это гала-представление? Пальцы безуспешно скользили по непокорному шелку и, оставив бесплодную попытку, начали вторую. И что же все-таки с ней такое было? Она в жизни, насколько он помнит, не

болела, и еще не было такого случая, чтобы сестра не появилась рядом с ним на важном событии.

А как насчет Клер? Может он еще на нее полагаться? Как и Джоан, она всегда была с ним, около него — готовая ко всему, всегда — до сегодняшнего дня. Но последнее время они как-то все более расходятся в разные стороны. И тем не менее, несмотря на свое увлечение Эммой, несмотря на подлинную одержимость ею и погибшей девушкой Алли, чьим таинственным двойником оказалась Эмма, он никогда не любил Клер так, как сейчас. В чем его ошибка? Как, почему он позволил ей отойти? Когда он найдет выход из этого лабиринта? И когда же — когда, Господи Боже мой, — научится он завязывать галстук? Вновь и вновь обманчивый шелк скользил по пальцам, которые превратились уже в какие-то сосиски. Он с большим трудом сдерживался, чтобы не выругаться.

— Ты готов?

Блестяще одетая Клер на минуту впорхнула в спальню. Роскошному тончайшему платью не уступала ниспадающая с плеч прозрачная вечерняя накидка. Что это за цвет? Синий? Фиолетовый? Гиацинтовый? Он как нельзя лучше оттеняет удивительный цвет ее глаз — подернутые дымкой весенние колокольчики, светящиеся на фарфоровом личике, как тогда, на брайтстоунском пляже. А шикарный шелест? Шелк? Где она все это достала? И когда? Он смутился: не исключено, что этот наряд у Клер давно, а собственный муж не соизволил его заметить. Да, конечно, так. О, Клер, если это действительно так, я сделаю все, чтоб оправдаться перед тобой, дай только закончить со всем этим. Но тут же его кольнуло болезненное подозрение. А если платье новое? Клер, оно выглядит на миллион долларов. Даже на настоятельские доходы вряд ли можно позволить себе что-либо подобное, скажи мне, дорогая?

Деньги, деньги, деньги — он весь во власти этих денег. Вот что бывает, когда начинаешь заниматься этими благотворительными гала-представлениями. Но не надо быть особо хорошим бухгалтером, чтобы увидеть зияющую бездну человеческих несчастий, которую Церковь отчаянно пытается заполнить. И даже все миллионеры Австралии — а в Австралии много миллионеров — не смогли бы тут помочь. Слишком много бедности и несчастий. Слишком много. Слишком много.

И как невыносимо трудно — еще свежа память „Алламби“, Дома для матерей-одиночек или последнего пристанища наркоманов — как трудно заставить себя проникнуться симпатией к этим жирным котам! Сами-то они себя чувствуют прекрасно, раз в год посещая большое благотворительное мероприятие. И при этом от тебя требуют, чтоб ты был очаровательным и благодарным за жалкие крохи с их пиршественного стола! Да неужели же в этом его действительное призвание? Или он оказался на этом месте в наказание за какую-то провинность, в силу отсутствия иного более важного стремления? Рано или поздно он должен ответить на все эти вопросы, принять, наконец, вызовы, бросаемые ему ежедневно из каждого закоулка его сознания.

А непослушный галстук не поддавался.

— Ты готов? — вновь послышался голос Клер, на сей раз из холла.

— Через минуту спущусь, — откликнулся он, удивляясь, насколько это далеко от действительного положения дел.

— Нужна помощь?

В дверях возникла Джоан, облаченная, словно в доспехи, в черный шелк с ног до головы. Лицо ее было очень бледно, а глаза неестественно блестели, однако она с места в

карьер отменяла все вопросы о здоровье.

— Я? Прекрасно, никогда не чувствовала себя лучше. — Он не верил ни одному ее слову, однако понимал, что спорить бесполезно.

Честно говоря, он давно уже не имел над Джоан никакой власти, и она жила сама по себе. На ней тоже было платье, которое он ни разу не видел. Высокая и стройная, как породистая лошадка, она гордо выступала на своих непомерно высоких каблуках.

Это была совсем иная Джоан.

— Привет, странник! — обратилась она к нему, одаривая оживленной улыбкой. — Хорошо провел день? — Это простейший вопрос явно скрывал что-то другое, ибо сопровождался чересчур пристальным взглядом. Но она не дала ему времени на размышление. Ее ловкие пальцы взяли за галстук, моментально сломили его слабую попытку изогнуться и начали со знанием дела складывать и завязывать узел. Роберт с удивлением подумал, что болезнь изменила ее. Однако следующие слова развеяли подобные предположения. — Я просто спросила — удачный день?

У него засосало под ложечкой. Не хотелось начинать лгать про Эмму, про то, как он провел день с ней.

— Так себе.

Новая обворожительная улыбка, теперь уже в неприятной близости.

— Я следила за тобой.

Что она имела в виду?

— Следила?

Голос ее вдруг стал каким-то чужим, и она пропела.

— У меня было такое чувство, будто ты всячески избегаешь меня.

Он почувствовал колотье в затылке.

— Почему я должен избегать тебя?

Рука, повязывающая галстук, ласково похлопала его по щеке.

— Это ты скажи мне, Роберт, ты.

Он хотел покончить с этим.

— Готово? Клер ждет. Надо идти.

Она одним рывком затянула галстук, так что шелк чуть не лопнул.

— Галстук повязан. Я готова. Идем. — Она смахнула с пиджака воображаемые пылинки. — Готово, Роберт. Ты выглядишь, как картинка! — Снова сияющая улыбка, которая исчезла бесследно, как только она приблизила к нему свое лицо. — Но я еще не закончила, — прошептала она. — Сегодня вечером нам с тобой надо будет кое о чем потолковать. Идет?

— Настоятель Мейтленд! Как мило, что вы пришли!

— Мы в восторге, Клер и я, — вы знакомы с моей сестрой, мисс Джоан Мейтленд?

— Ну, конечно. Очень рада! Замечательно. Очень мило, что пришли.

Конечно, он знал, кто это. Одна из первых дам Сиднея. Ее званые вечера были сногшибательными, о ее благотворительных праздниках ходили легенды. Она была в близких отношениях с Нэнси Рейган, Элизабет Тейлор, принцем Чарльзом и с Имельдой Маркос, хотя последнее время ей не приходилось часто видеться с ней, поскольку у Имельды, к сожалению, случились маленькие неприятности; она была на коротке с

Джаггером — тем паче, что Мик стал в последнее время намного общительнее, чем прежде, и особенно с Джерри Холлом. Мадонна обещала заскочить попозже, если позволят обстоятельства. А Принц будет в кабаре. Ну, ладно, хоть Принц. Может, есть кто и лучше...

Словом, эта женщина была другом и посредником в мире знаменитостей. Ее дом, один из немногих легендарных старинных домов Сиднея, до сих пор остававшихся в частном владении, представлял собой небольшой дворец; его гостиная, банкетный зал, приемные и оранжерея нередко предоставлялись радушной хозяйкой для благотворительных мероприятий Церкви, где он и видел ее. Почему же ему не помнить ее имя?

Да и какое все это имело значение? Подобно всем событиям такого рода, это был бал-маскарад — где все скрывали свое истинное лицо. Раскрывать карты считалось здесь гораздо худшим проявлением дурного тона, чем, скажем, обнажать интимные части тела. Он видел, что Джоан усвоила правила игры — она не собиралась показывать, что у нее на руках. Просто играла с ним в кошки-мышки и ждала.

Хозяйка, блиставшая бесценными брильянтами и чудом портновского искусства из бледно-розового и красноватого шелка, наклонилась к его уху.

— Настоятель Мейтленд — успех необычайный. Все потрудились на славу. Одни только билеты дали уйму денег, а впереди еще пожертвования. Женский комитет превзошел себя, соединив все это вместе — я очень вас прошу всех их поблагодарить потом персонально — но так или иначе, похоже на то, что лелеемый вами проект Дома святого Матфея и пара других церковных задумок получают право на жизнь.

— Да, да. Великолепно! Потрясающе. Изумительно. Чудесно. Просто сногшибательно!

Он выдал целую обойму превосходных степеней, что, тем не менее, с самого начала не прозвучало убедительно. Хозяйка, блистая, уплыла. Роберт огляделся кругом в поисках Клер, которую только что отловила Бесси Маддокс. Обе женщины так и не смирились с разрушением дома для престарелых в „Алламби“, и обе, насколько ему было известно, носились с идеей другого дома, где они могли бы вновь собрать под одну крышу рассеянную общину бесприютных душ. Вообще-то говоря, не надо на этом ставить крест. Он сам попробует что-нибудь придумать. На другом конце зала он заметил председателя Городской опеки. Сейчас, когда пыль от их последнего спора осела, неплохо будет замолвить словечко и здесь. Во всяком случае, чем черт не шутит. Попытка не пытка.

В этот момент рядом выросла Джоан, следя за направлением его взгляда. Он опять почувствовал вызов.

— О чем ты говоришь?

— Что они все подумают — о таком большом человеке, о таком герое — если только узнают?

— Джоан, хватит играть со мной в кошки-мышки. Что узнают?

Она улыбнулась ему улыбкой Горгоны.

— Не сейчас об этом будет сказано!

Говорят, кошка играет живой мышкой вовсе не из садизма, а для того, чтобы размять мышцы перед едой. К концу вечера Роберту, как он сам мрачно отметил, нужны были все силы, чтобы справиться с растущим напряжением и страхом. Он всячески пытался дать достойный отпор проискам Джоан в минуты их редких встреч во время кратких передышек от всевозможных переговоров с людьми, ради которых и было устроено все это

представление. Но Джоан продолжала играть с ним в игру, правила которой, как видно, были известны только ей, и право насладиться результатом которой она предоставила только себе и лишь в тот момент, когда почувствует, что устала.

Весь вечер он преследовал ее, и весь вечер она ускользала с каким-то неизъяснимым кокетством, уносясь в танце с одним, обхаживая другого и напоминая третьему, что от него еще ждут чека на святого Матфея.

И когда он уже оставил всякие попытки объясниться, она сама отыскала его. В глазах ее блеснуло что-то маниакальное.

— Тебе конец, Роберт. Все кончено! — решительно заявила она, сразу беря быка за рога.

— О чем ты говоришь?

Немного помолчав, Джоан вновь заговорила.

— Девушка.

— Ну и что? — Он не мог думать об Эмме и Джоан одновременно, ему было невыносимо говорить о них на одном дыхании.

— Я видела тебя сегодня!

— Сегодня?

— Я следила за тобой. Когда ты отправился в кафе повидать ее. Я видела, как ты вошел туда. Видела все, что ты делал — на протяжении всего дня. — Лицо ее вдруг исказилось. — Меррей знал?

— Бог с тобой, Джоан, — какое это к нему имеет отношение?

— Что ей нужно? — Она вцепилась ему в плечо.

— Да о чем ты?

— Это шантаж? — Джоан буквально сыпала словами в страшном волнении.

Он совсем растерялся.

— Джоан, с какой стати ей меня шантажировать?

— Я видела ее лицо! Это Алли Калдер! Что она снова здесь делает? Она умерла! Она умерла! Она мертва!

К счастью, никто из мельтешащей вокруг толпы не уловил смысла слов. Однако произведенный Джоан шум, тонкий пронзительный крик, а затем сток и полубморочное состояние привлекли к ним внимание некоторых посторонних людей.

— Сестра не вполне здорова, — кратко бросил Роберт подошедшей женщине. — Не может ли кто-нибудь найти мою жену и позвать ее сюда?

С помощью добрых самаритян Джоан усадили на удачно оказавшийся в алькове стул, в стороне от водоворота танцующей публики и от ушей сочувствующих, но излишне любопытных ближних, появившихся как из-под земли. Роберт, не долго думая, склонился над сестрой с заботливым видом, тем самым укрыв ее от посторонних взоров. Ему было не до разговоров, но она уже не могла остановиться, и все говорила и говорила.

— Роберт, Роберт! — вцепилась она в лацканы его пиджака. — Послушай меня, Роберт! Во что ты играешь с этой девицей? Мы можем все потерять!

— Джоан, все как раз наоборот. Я думаю, мы все обречем — все то, что так необходимо знать.

— Ты опять валяешь дурака. Боже, это же старо как мир! Мужчина твоих лет — бегаёт за девчонкой! Это омерзительно! Неужели ты не понимаешь, как это выглядит со стороны?

И кто бы мог подумать, что ты, Роберт, связался с девчонкой, которая годится тебе в дочери!

— Все это не так, Джоан, — все совершенно не так!

— ...с младенцем, который к тому похож — похож на кого-то другого...

— Ты видела, Джоан? Ты тоже узнала ее?

— Нет! Нет! Все это не так! Какое-то средневековое наваждение, морок! Это похоть соблазняет тебя, тебе чудится...

Он опустил на колени и посмотрел ей прямо в глаза.

— Или воспоминание? — медленно, с расстановкой произнес он.

— Нет! Нет! Нет!

— Роберт, что случилось?

Вид у Клер был встревоженный.

— Дорогой, что случилось? Ты болен?

Он отметил с некоторым удовлетворением это обращение „дорогой“, сорвавшееся с ее губ. Но было не до размышлений.

— Джоан совсем плохо. Надо отправить ее домой.

— О, бедняжка! — Внимание Клер моментально переключилось на безвольно поникшую фигуру на стуле; обхватив Джоан одной рукой за плечи, другой она стала поглаживать ее ледяную ладонь. „Сострадания у Клер хватит на то, чтобы обнять серийного убийцу, идущего на электрический стул, — подумал Роберт. — Но только не меня. Со мной она натерпелась дальше некуда“. На сердце легла невыносимая тяжесть. Джоан увидела Эмму и истолковала все таким образом... нет, это выше всяких сил. Он просто не может этого допустить — даже малейший шанс... опасность...

— Я возьму ее пальто и отвезу домой. Побудь здесь, пока я все устрою и вызову такси.

— Я отвезу вас.

— Не глупи, Роберт. — Момент теплоты прошел. Голос Клер опять обрел безличную окраску постороннего человека. — Ты должен произнести главное вступительное слово перед презентацией призов. Здесь масса полезных людей. Ты еще не закончил работу. Увидимся дома, когда все кончится.

Когда все кончится...

Кончится...

Роберт устало сидел в машине напротив многоквартирного дома на окраине. Было уже далеко за полночь, и ему давно пора домой. Только свет в ее окне не отпускал. Но он не собирался стучаться к ней в столь поздний час. Ему надо поговорить с ней. Но это могло подождать до завтра. Подождет... Лучше отправиться домой... пора...

Внезапно распахнулась дверь, и из подъезда вышел Гарри, а за ним Эмма. Отрывисто попрощавшись, парень ушел. Осторожно выйдя из машины, чтобы не привлекать внимание удаляющейся фигуры, Роберт подбежал к ступеням как раз в тот момент, когда Эмма уже закрывала за собой дверь.

— Эмма!

— Бог ты мой! Что вы здесь делаете? — Окинув его взглядом, она бросила: — Вечеринка, а? Не ахти какая веселая, судя по вашему лицу?

— Что он тут делал? Этот Гарри? В такое время?

Она вся вспыхнула.

— А вам какое дело?

— Я видел, как он смотрел на тебя.

— Ну и?

— Он раза в два моложе меня. Может, больше.

— Да при чем здесь это? Он просто приятель! Ничего больше. Принес мои снимки — он фотограф — мы хотим с ним одно дельце повернуть. Да и с какой стати я должна отчитываться перед вами!

Он чувствовал себя ужасно. Голова, начавшая болеть с того момента, как Джоан бросила, наконец, свою бомбу, теперь просто раскалывалась, хоть кричи. Выражение лица и тон Эммы вдруг изменились.

— Эй, да вы совсем плохи. Давайте-ка лучше выпьем чашечку чая перед тем, как ехать домой.

— Нет-нет. Мне надо ехать.

Она отреагировала на это с беспечностью молодости.

— Ну, ехать, так ехать. Пока, в таком случае. В среду я занята полдня. Если будете поблизости, можем...

— Эмма, я, я уйду... Я... пришел попрощаться.

Она даже подпрыгнула, словно котенок.

— Прощаться? Вы хотите сказать — совсем?

Роберт кивнул. Он боялся заговорить, чтоб не сказать лишнего.

— Что я такого сделала? Мы же не делали ничего плохого! Почему мне нельзя видеть вас? — В голосе ее звучали слезы. Он даже не думал, что может причинить ей такую боль.

— У меня... меня сегодня словно осенило — я увидел, как это все выглядит со стороны. Посмотри на меня. Я в отцы тебе гожусь. Ты юная девушка, одна — этим можно воспользоваться...

— Но это неправда! И никогда такого не будет!

— Мы-то знаем. Но как на это могут посмотреть со стороны?

— Какое мне до этого дело!

— Да, но я обязан быть осмотрительным за двоих. И мне, кроме того, есть о чем беспокоиться. Моей сестре известно, что я встречаюсь с тобой. Она мне это выложила сегодня вечером. Эта женщина не будет терпеть то, что она не одобряет или не понимает. И потребуется только время, чтобы рано или поздно она начала угрожать мне, шантажировать меня. Здесь все было повязано — ты — я — мы...

Слова эти оставляли у него во рту привкус пепла, он с трудом говорил, с трудом думал. Неужели он верит в то, что произносит? А что же с ней, ведь она дитя его сердца, подкидыш эльфов... она... она что? Кем она была ему? Или он ей? Как утопающий, он хватался за соломинку.

— К тому же я женат. Я люблю свою жену и не хотел бы подвергать ее...

— Но это не мешало вам раньше! — Голос ее стал пронзительно тонким, слезы текли по щекам от бессильной ярости и боли. — Ты ублюдок. Эгоистичный ублюдок! Так вот, что ты нес ей, вот что ты говорил Алли Калдер — вот такую лживую жвачку?

— Нет!

— И ты хочешь, чтоб я поверила?

— Да! С ней все было по-другому!

— Ну почему? Ведь я тебе никогда не надоедала. Я только хочу видеть тебя. Что в этом плохого?

— Ничего.

— Я не она. Но тут уж ничего не поделаешь. Почему ты не любишь меня?

Она плакала, как ребенок, но с неизмеримой горечью взрослого. Никогда он не чувствовал себя таким негодяем, глупцом, обманщиком, поправшим все доброе и прекрасное.

— Послушай, это моя вина. Это я начал. Надо было быть умнее. Просто видеть тебя оказалось достаточно, чтобы все вернулось. Это моя ошибка, а не твоя. Мне очень жаль. А теперь я ухожу.

Он двинулся к двери.

— Ключ к твоему прошлому — только этим я для тебя и была? — Лицо ее блестело от слез. — А как насчет будущего, Роберт? Моего будущего? Тебя это не трогает?

Двигаясь точно осужденный на смерть, он открыл дверь и стал спускаться по ступенькам.

— Не уходи, — закричала она. — Пожалуйста! Не оставляй меня! Не уходи вот так!

Но он шел не оглядываясь, затем сел в машину и всю дорогу до дома упорно не слушал команду, звучащую в каждом ударе сердца: „Поворачивай обратно! Поворачивай обратно!“

* * *

Любовь, любовь и боль — где кончается одно и начинается другое? Без чувств, без сил, совершенно опустошенный, Роберт бездумно гнал машину по автостраде, но даже опасность, подстерегающая его время от времени на шоссе, не могла заглушить карающих мыслей. Сколь же хрупко было его счастье с Эммой! И как же глупо было надеяться, что эта эфемерность может быть долгой! И как быстро, с какой легкостью Джоан вторглась в его жизнь со своим безошибочным чутьем убийцы, чтобы растоптать все и уничтожить...

Слепец... слепец... слепец...

Когда он наконец станет умнее? Все та же вечная история с Алли — с той только разницей, что на сей раз он был чист перед Господом, совершенно безгрешен — даже без греховных помыслов! Его чувство к Эмме — и он готов был принести свою душу перед суровые очи Судии даже в день Страшного Суда — было сама чистота, забота и любовь.

Но в конечном итоге, какое все это имело значение? Он попытался заставить себя во всем разобраться. Противостоять своим страхам — вот единственный путь. И начать сначала. Ну, что ж, начнем с азов.

— Это все похоть! Ты одержим похотью! — кричала Джоан. Он зло рассмеялся. „Это больше говорит о тебе, чем обо мне, Джоани“, — размышлял он. Он твердо знал, что физического вожделения к Эмме он не испытывал.

Ты то же самое думал поначалу об Алли, напоминал ему голос совести.

Но то было совсем другое!

Почему другое? Ты любил Алли, ты любишь Эмму, тебя страстно тянуло к ним, тебе хотелось заботиться о них, так ведь?

Да!

Так в чем же разница, ваше преподобие? — подначивал главный из его бесенят. Разве все не просто дело времени — и ты целовал бы эти нежные губы, ласкал юные маленькие груди, бедра, непробужденное тело...

Нет! Нет! Нет!

Чувствуя тошнотворное отвращение к себе, он резко нажал на газ и погнал машину еще быстрее. За окном кабины низкое безлунное небо склонилось над мрачной юдолью скорби. Далеко на горизонте сгрудившиеся тучи полосовали кроваво-красные плети. Уже светает. Снова и снова в голову ему приходили мрачные мысли об утрате и крушении всех надежд.

Еле волоча ноги, он вошел в дом и медленно стал подниматься по лестнице. Может, ему удастся соснуть пару часиков до начала нового рабочего дня... И он начнет все сначала. Переделает все дела в соборе, которые здорово запустил. И прежде всего — постарается уладить отношения с Клер...

В спальне горел свет. У туалетного столика в кресле с прямой спинкой сидела Клер и смотрела на него холодным пристальным взглядом. Что это за взгляд? Неприязнь? Она ждала его появления.

— Почему ты не говоришь мне, что происходит, Роберт? — начала она без всяких предисловий. — Все это время. По крайней мере я могла бы помочь.

Он лихорадочно искал, что ответить.

— Да нет, все в порядке.

Когда, в какой момент отринул он ее любовь, ее почти благоговейное отношение к себе; ведь она буквально впитывала любое его слово, каждое его изречение было для нее евангелием, и она, ничтоже сумняшеся, с энтузиазмом принималась воплощать их в жизнь? Сейчас же от ее взгляда сковало бы льдом и ад.

— У тебя и без меня сейчас забот полон рот, — смущенно пожал он плечами. — И смерть мамы... и Поль...

Она пропустила его слова мимо ушей.

— У тебя кто-то есть, правда? — спокойно спросила она.

— Да нет же!

— Роберт, не относись ко мне, как к ребенку. — Она была пугающе спокойной. — Вы оба так смотрите на меня — ты и Джоан. Я знаю, что она чем-то крайне озабочена, и это касается тебя. От нее тоже слова не добьешься. Вам кажется, что я слишком глупа.

— Да нет же...

— Будто я не знаю! Послушай, Роберт, я не собираюсь играть роль обманутой жены. И не собираюсь допытываться, где ты был допоздна вчера и в ночь, когда погиб Меррей — и в другие дни, ты сам знаешь — и все это — ужасно.

Только слабые, едва заметные придыхания в потоке ее слов свидетельствовали о том, что она на самом деле переживает. Немного помолчав, Клер продолжала.

— Вот что я тебе скажу, Роберт. Да ты и сам знаешь это не хуже меня. Мы все больше и больше отдаляемся друг от друга. Ты живешь сам по себе...

— Но у меня никого нет! — с отчаянием воскликнул он. Но она даже бровью не повела.

— И больше я с этим мириться не желаю. Ты мне лжешь на каждом шагу, ты всячески избегаешь меня — больше я этого выносить не могу. Я дошла до точки и поняла, что незачем терпеть все это. Не думаю, что брачный обет обязывает меня продолжать жить с человеком, который даже перестал притворяться, что он мой муж.

Что она такое говорит? Совсем растерявшись, он все же попытался сосредоточиться и

понять смысл ее слов.

— Когда ты вернешься из Брайтстоуна... — Брайтстоун! Бог ты мой, он совсем забыл про эту торжественную панихиду по случаю открытия шахты, — нам надо будет сесть и спокойно все обмозговать...

— Обмозговать? — Он впал в панику и скороговоркой выпалил: — Клер, но никого нет. Поверь мне, я говорю правду! У меня нет никого, кроме тебя. И никогда не было. Поверь мне! Ради всего святого!

— Роберт — я требую развода!

35

В Брайтстоун.

Что еще готовит ему жизнь?

Брайтстоун был последним местом на земле, где бы он хотел сейчас оказаться.

Все началось в Брайтстоуне, вся история — и все с самого начала пошло наперекосяк. Все плохое случилось в Брайтстоуне. Но, видно, это проклятое место еще не закончило с ним свои игры! И в тот самый момент, когда его брак трещит по швам, ему приходится оставлять Клер и возвращаться туда, чтобы служить панихиду по умершим и праздновать открытие шахты. „После этого, — клялся Роберт, — ноги моей никогда не будет в Брайтстоуне!“ Но в тот самый миг, когда он давал себе столь торжественное обещание, в самой глубине сознания зашевелилась странная мысль. Это было не случайное посещение. Это прошлое вставало на дыбы перед лицом настоящего, сталкивая его с той правдой, которую он избегал или отрицал все свои зрелые годы. Если все началось в Брайтстоуне — то почему не может там же и закончиться?

В напряженном молчании Джоан везла его на вокзал. День был хмурый, серый; небо затянуто низкими облаками. Роберта одолевало беспокойство, он совсем не выспался; потрясение от слов Клер о разводе развеяло всякую надежду поспать часок-другой. В затянувшемся споре он не смог возразить ей что-нибудь существенное по поводу того, что их брак зашел в тупик. Единственное, что ему удалось добиться от нее это обещания, что она не будет предпринимать никаких шагов до его возвращения. Все станет на свои места! — с сардонической усмешкой говорил он себе. Потому что придется биться за ее любовь и за свою жизнь — ставки немалые!

Он бросил взгляд на сидевшую за рулем Джоан и с горечью подумал, что даже в мыслях не допускает, что с ней можно поделиться всем этим. Он сам не понимал, почему еще терпит ее. Когда она стала такой далекой, такой чужой? Глядя на тонкие руки, вцепившиеся в баранку, на чуть побелевшие костяшки пальцев, слыша пронзительный с хрипотцой голос, перехватывая агрессивные взгляды, ощущая всем своим существом исходящий от нее дух накопившегося за долгие годы недовольства, он ловил себя на мысли, что видит сестру в таком свете впервые, и сердце его наполнила боль за ту девочку, которой уже нет. О, Джоан, что с тобой произошло? Что произошло со всеми нами?

Наконец они подъехали к вокзалу. При прощании Джоан изобраила лицемерное оживление и радость, будто ему предстояла увлекательная поездка.

— Везет же тебе! Ну, желаю хорошо провести время! Постарайся развлечься как следует до службы!

— Постараюсь, — бросил он, надеясь, что эти слова не будут восприняты слишком

саркастически.

— Я поставлю машину и пойду на вокзал — куплю тебе чего-нибудь почитать на дорожку.

— Ради Бога, не беспокойся.

— Не хочешь никакого журнальчика?

Она огорчилась как ребенок, которого лишили сладостей. Роберт наклонился вперед и пристально посмотрел ей в глаза.

— Нет, Джоан, — ровно произнес он. — Даже журнальчика.

Она вспыхнула.

— Не знаю, с чего ты злишься! — резко бросила она. — Я ничего не сделала! Это ты вовлек нас в эту переделку!

Он открыл дверцу.

— Ну, так я вас из нее и выведу, только подожди немного. — Он потянулся за своей сумкой.

Лицо ее осветилось надеждой.

— Ты хочешь сказать?..

— Все кончено, вот что я хотел сказать.

— Это правда?

— Джоан, Бога ради!

Она даже не пыталась скрыть дикой радости, охватившей все ее существо.

— О'кей! О'кей! Ты меня еще когда-нибудь поблагодаришь! — восторженно воскликнула она. — Ты мне еще скажешь спасибо! Подожди! И, думаю, очень скоро! Вчера я беседовала с архиепископом...

— Джоан... — Он придержал ручку дверцы. — Не надо. Не надо говорить обо мне с кем бы то ни было — или за меня. Хватит! Отныне я сам принимаю решения. Маловероятно, чтобы они пожелали сделать меня епископом. И еще менее вероятно, что они когда-либо снова будут слушать тебя. — Он без особого нажима закрыл дверцу. — Ты больше не работаешь, Джоан, — спокойно бросил он в побелевшее лицо с вылезшими из орбит глазами. — Мне придется подыскать другую помощницу. — И, не оглядываясь, зашагал к вокзалу.

Путешествие на поезде дальнего следования утомительно. Слушая стук колес, несущих его по равнинной, удаленной от моря части острова, Роберт думал о том, что с каждой милей приближается к своему прошлому, к Брайтстоуну, откуда все началось, и в то же время движется вперед к последнему шансу, пусть очень незначительному, научиться жить более осмысленно, более правильно и открыто. Его не оставляло чувство, будто с каждой милей этого пути у него отслаивается слой за слоем защитная кожа. Журнальчик. Какой тут журнальчик, когда перед ним вся книга его жизни, и ее надо перечитать, а кое-что и переписать заново!

Роберт задремал, но сон был неглубокий и не принес отдохновения; его преследовали какие-то видения, которые таяли, как только он просыпался, и оставляли неотвязное ощущение страха и утраты. Он знал, что снится ему что-то очень важное, но понять, или хотя бы уцепиться за смысл, не удавалось. Ему надо подумать о Клер, говорил он себе, об их браке, а не о разводе, что бы там она ни несла, но разум его при одной мысли об этом превращался в сухой, съездившийся орех.

А как справиться — да что там справиться, хотя бы подступиться к сосущей пустоте в сердце, к той невосполнимой утрате, которую он чувствовал при одной мысли о том, что никогда не увидит Эмму. В сочетании с былой утратой, совсем недавно возвращенной его памяти Мерреем, это давило его тяжестью двойного горя, вынести которое было не по силам смертному. Он метался между тревожными мыслями и мучительными снами, как арестант на допросе, не приближаясь, однако, к искомому ответам.

Никогда-не-возвращайся, никогда-не-возвращайся, никогда-не-возвращайся, выстукивали колеса. Он горько улыбнулся. Нет, неправда. Надо возвращаться. Тайна будущего погребена в прошлом. Без знания, без истины, грехи отцов обречены переходить к детям — и так без конца, аминь.

Верую, Господи.

Помоги моему неверию.

Даруй нам мир Твой.

Все не так просто. Стоило ему сойти под пронизывающим осенним ветром на брайтстоунский перрон, как на него обрушился поток мучительных воспоминаний о весеннем полном надежд деньке много, много лет тому назад: комитет по встрече во главе с напыщенным боссом шахты Уилкесом, Джордж и Молли Эверарды, так и сияющие от радости, и Поль, милый Поль, в гордыне своей юности и мужественности на ревущем любимом „додже“ „Голубая стрела“.

„А где все мы теперь?“ — с горькой отстраненностью размышлял он. Уилкес, сломленный убытками после катастрофы на шахте, продал ее международной корпорации, которая не знала и знать не хотела брайтстоунских обитателей и жаждала только одного — открыть шахту во что бы то ни стало и получать доходы. Джордж и Молли до срока призваны Богом; последние годы жизни Молли омрачены тяжелейшим несчастьем, которое только может выпасть на долю матери — погребен заживо ее единственный сын Поль... а Клер... Джоан... туда же надо причислить и его самого... ведущие призрачную жизнь, искривленные обрубки того, чем они должны были быть... Почему? И может ли эта, пускай и запоздалая, попытка вернуться к корню всей этой беды, всего несчастья увенчаться успехом?

— Настоятель Мейтленд?! — Сияющий молодой человек в пасторском воротничке, поспешивший взять у него из рук сумку, был явно возбужден важностью события и величием знаменитого гостя. — Я Линдсей, священник этой округи, — немного нервничая, выпалил он. — Брайтстоун один из моих приходов. Рад приветствовать вас здесь. Мы тронуты тем, что вы окажете нам честь присутствовать на нашем торжественном богослужении!

— Я не мог это пропустить, мистер Линдсей, — машинально ответил Роберт, идя вслед за молодым человеком к его машине. — Это старинное местечко... — он затаил дыхание при виде знакомых улочек Брайтстоуна, — это старинное местечко было когда-то мне очень дорого. И сдается, я не многое забыл из тех времен.

— С вашим пребыванием здесь возникли некоторые проблемы, настоятель, — все также нервничая, откликнулся Линдсей. — Мы получили ваше письмо с пожеланием остановиться в пасторском доме, и все было там приготовлено. Но епархиальный совет счел, что вам будет гораздо удобнее в отеле. Дом уже многие годы пустует с тех пор, как Брайтстоун перестал быть самостоятельным приходом.

— Я не сомневаюсь, что там будет замечательно.

— О, разумеется, женщины из прихода поддерживают его в чистоте и порядке, а на этой неделе они приготовили постель и все необходимое. Но телефон там не всегда работает, а электричество частенько барахлит, потому что мы не в состоянии содержать все как положено — это нам не по карману, — нахмурившись, он переключил скорость: машина медленно преодолевала подъем на мыс. — Вы, действительно, уверены, что хотели бы остановиться там, сэр?

— В память былых дней...

В пасторском доме время как будто остановилось. Словно во сне, Роберт вышел из машины, поднялся по каменным ступеням и толкнул тяжелую дверь. Его спутник, явно вздохнувший с облегчением при виде наведенной чистоты, запаха мебельной политуры и тщательно застеленной наверху в гостевой комнате постели, суетливо проверив все, что можно было проверить, оставил наконец господина настоятеля наедине с самим собой.

— Надеюсь, вы славно отдохнете сегодня, настоятель, — сказал он на прощание. — В холодильнике еда, а если что понадобится, мой номер на столике, рядом с телефоном — сразу звоните. Замечательно, что вы смогли приехать заранее. Комитет по поминовению хотел еще кое-что обсудить, но с ними связаться легко. Ну, отдыхайте!

Улыбнувшись и помахав рукой, Линдсей удалился. Неужели и он был таким молодым, изумлялся Роберт, таким расторопным и зеленым? Конечно, был. Только молодой и зеленый Линдсей явно не оставлял за собой обломки крушений. Это, как остро чувствовал сейчас Роберт, было его личной привилегией и вовлекало в свой круг всех, кто любил его и чья жизнь пересекалась с его жизнью за эти двадцать последних лет.

О, Боже, надо взять себя в руки, а то он скоро уподобится Старому Мореходу или иному зловещему созданию, обреченному скитаться по семи морям в муках вечного раскаяния! Пора на свежий воздух! Малоприятная и даже мучительная прогулка привела его на главную улицу Брайтстоуна. Перед ним, освещенный полуденным солнцем, развернулся городишко, словно поношенная полустертая лента, давно вышедшая из употребления. Он чувствовал, как липкий пот покрывает все тело, и в то же время его била дрожь: холод пронизывал до мозга костей, до самой души.

Ноги сами вели куда надо. В конце главной улицы, где начиналась, как он мрачно припоминал, „бедная часть города“, до сих пор работало кафе „Парагон“, предлагая разочарованной местной молодежи свой нехитрый набор молочно-фруктовых коктейлей. Секунду помешкав у входа, он распахнул дверь и вошел внутрь.

— Кофе или что?

За стойкой стоял грек, как две капли воды похожий на Вика. Он протирал грязной тряпкой стакан и смотрел на Роберта с таким же подозрением, как Вик в первое его посещение. Тот же солнечный свет проникал через то же окно, освещая то же место на полу, где стояла она...

Из задней двери вышла девушка и повернулась к нему. Она была маленькой и чернявой с выражением мучительной скуки на лице. В руке у нее было потрепанное меню. Всем своим видом девушка как бы давала понять, что ей все до лампочки. Увидев перед собой незнакомца, она широко раскрыла глаза и уставилась на него, будто он был идиотом или уродцем.

Резко развернувшись, он вышел из кафе на улицу. Чего он ищет здесь, на что надеется? Может, он и правда идиот? Что бы там ни было, надо как следует пошевелить мозгами,

прежде чем предпринимать дальнейшие шаги!

Внезапно тяжелая рука хлопнула его по спине.

— Вы посмотрите, кого я вижу! Да это же настоятель собственной персоной!

Он обернулся. Перед ним стоял Мик Форд в окружении целой свиты, по-видимому, шахтеров, потому что кое-кого он узнавал в лицо, хотя не мог бы назвать по имени.

— Мик, — с горькой улыбкой отозвался он. — Рад вас видеть здесь. Какими судьбами?

— Теми же, что и вы, настоятель. Мы здесь, полагаю, по одному делу. Открытие шахты — моя официальная работа, как и ваша, так-то вот. Должен же кто-то хоть одним глазком глянуть что тут да как в смысле новой организации и прочего. Да и кто, по-вашему, вел переговоры?

— Конечно, вы, так ведь, Мик?

Мик подозрительно посмотрел на него сквозь щелки глаз, его вечно ущемленное самолюбие искало подвоха, но не успел он ответить, как их прервали.

— Эй, Мик, — голос принадлежал высокому худощавому молодому человеку, стоявшему позади профбосса. — Познакомьте нас, а?

— Само собой! — засуетился Мик. — Роберт, это Дейв Гастингс, продюсер, делает видеофильм об открытии шахты. Это как раз то, что вам нужно, — широким жестом указывая на Роберта, бросил Мик Гастингу. — Этот человек придаст остроту вашему ролику! „Герой Катастрофы“ — вот кто такой наш настоятель. Спас уйму людей. Причем одного парня чуть ли не ценой собственной жизни — он едва сам не погиб в шахте, наш настоятель. Сейчас он настоящая звезда, с телеэкрана не сходит! Его так и называют „народный настоятель“ помните его?

— О, еще бы!

Теледеятель смотрел на него с нескрываемым интересом.

— Никакой рекламы, Мик! — твердо сказал Роберт. — В этой службе я сам заинтересован и...

— Никакой рекламы! — Все коротенькое, заплывшее жиром тело Мика заколыхалось от смеха. — Пресса со всего мира устроила десант в Брайтстоуне, настоятель! Даже из России прикатили, это же такая история! Ваша физиономия опять будет во всех газетах и на телеэкранах, как тогда! Попробуйте-ка сами остановить их!

— Эй, что за гонка?

Гарри Йетс не обманывался насчет отношения к нему Эммы и знал, что девушка не питает к нему никаких чувств, но все равно был уязвлен, когда она выхватила у него из рук пакет и бросилась к ближайшему столику, даже не удосужившись сказать „привет!“

— Возьми кофе, если хочешь, Гарри, — только и сказала она. — Я говорила мистеру Газули. Он ничего не имеет против.

„Зато я имею“, — хотел возмутиться Гарри, но побоялся ее острого язычка, правда, еще больше парень боялся, что пожалуется он хоть раз на ее отношение к себе — и пиши пропало, не видать ему ее как своих ушей. Вконец раздосадованный, он поплелся к стойке и получил чашку нехотя заваренного невкусного кофе, еще более неохотно выданного нелюбезной рукой.

— Недурно, недурно, Гарри.

Глаза Эммы блестели. Он никогда не видел ее в таком возбуждении. С восхищением она рассыпала пачку фотографий по столу; ее маленькие пальчики бегали от одного

изображения к другому, останавливались на отдельных снимках и постукивали их ноготком.

— Вот этот, например! Чертовски здорово! И как тебе это удалось?

С некоторой обидой он взял у нее из рук фотографию.

— Фотографировать не так уж сложно, Эмма, ты знаешь. Даже если объект съемки и не подозревает, что его щелкают.

Эмма с глубочайшим вниманием рассматривала снимок.

— Он не знал, — растягивая каждый слог, проговорила она.

— Но почему? В чем смысл? Я не понимаю.

— А тебе и не надо понимать, Гарри, — резко парировала она. — Я тебя просила щелкнуть мне несколько снимков по дружбе. Между прочим, предлагала заплатить, а ты сказал, что не надо, что это будет забавно.

— Я просто думал, что будет забавно пощелкать, вот и все, — проворчал Гарри. — Почему ты не попросила его улыбнуться в камеру и не сказала, что его снимают, как всех?

— Потому!..

— Что ты хочешь сказать?

— Потому что мне хотелось сделать ему сюрприз.

Гарри смотрел на бесчисленные изображения Роберта Мейтленда, разбросанные по столику: Роберт отъезжает с Эммой от кафе, Роберт покупает ей мороженое и улыбается, глядя на нее.

— Он будет очень удивлен. Вот уж сюрприз так сюрприз.

— Ну вот и хорошо. Большое спасибо, Гарри. — Она собрала фотографии и сложила их. Парень почувствовал, что сейчас ему дадут от ворот поворот.

— Послушай, Эмма, — начал было он.

Она мгновенно приняла оборонительно-агрессивную позу.

— Что-то не так, Гарри?

Он набрался храбрости.

— Видишь ли, эти снимки. Сюрприз, сказала ты. Я как-то особенно голову тогда над этим не ломал. Но потом... скажи мне, будь добра, с какой стати ты должна ему делать подарок? Кто он такой? Какой-то старый чудака, шляющийся вокруг кафе. Почему ты хотела, чтобы я всю дорогу следил за вами и делал вот такие снимки?

— Не задавай лишних вопросов, Гарри, тебе это не идет. Все, что от тебя требовалось, это направить объектив и щелкнуть. Работа окончена? Не так ли?

— Нет, не так. — Эмма бросила беспокойный взгляд через плечо. Старик Газули, насупясь, уже посматривал в их сторону. Ей в голову не приходило, что от Гарри можно ожидать неприятностей!

— Это моя работа, — он с каждым словом повышал голос. — И я имею право знать, что ты с этим собираешься делать. Мне не очень все это нравится — то, как ты заигрывала с ним, завлекала его и все такое.

— Ну, ладно, Гарри, раз ты хочешь, я тебе скажу. — Лицо ее побледнело, и глаза были холодны и тверды как сталь. — Ты говоришь о праве. Так вот, все что я делаю, я вправе делать. Клянусь тебе в этом. В мире никто не имеет большего права на время и внимание настоятеля Мейтленда, чем я, и я полмира проехала, чтобы доказать это! А твои фотографии и есть доказательство — вот что они такое. Свидетельство. Мое свидетельство. И увильнуть от этого ему не удастся, как бы он ни пытался. А он попытается, ставлю на это последний доллар, попытается! Мужчины. Все они одинаковы! Но на сей раз ему не отвертеться. На сей

раз — нет! На сей раз нет! Нет, этого не будет снова!

Она замолчала, мысли ее были где-то далеко.

— Некоторое время мы не увидимся, Гарри. Я собираюсь уехать. На несколько дней — на побережье. Ты едва ли слыхал о таком местечке, оно называется Брайтстоун. Но сначала надо заехать в другое место — вглубь континента. Пора повидать кое-кого, и этот кое-кто очень удивится, увидев меня. И обрадуется, надеюсь, — не многие женщины его посещают...

Она снова чувствовала, что устала, устала от всего, устала от жизни.

Жизни?

Какой жизни?

Вялой рукой Клер собрала свои бумаги и проверила содержимое сумки. Большой блокнот, чтобы подробно записывать суть беседы, набор ручек, записная книжка, куда следует заносить даты и время следующей встречи... Боже, что за всемогущая дребедень! Как ей удалось заделаться членом стольких всевозможных комитетов? Как вообще случилось, что она стала бесплатным придатком своего мужа да еще с ненормированным рабочим днем? А где во всем этом ее личная жизнь?

Ее жизнь, с горькой улыбкой подумала Клер. После двадцати лет это совсем не легко. Что она будет делать? Клер понимала, что придется начинать с нуля. Даже в мелочах. Скажем, следует ли вернуть свое девичье имя? Она попробовала его на кончике языка: „Клер Эверард“.

Клер Эверард? О, нет. Это была совсем другая женщина — вернее, девушка — юная, полная надежд идеалистка... Но „Клер Мейтленд“ слишком связана с Робертом и той жизнью, которую она хочет оставить. Надо выбирать новое имя, когда разводишься, чтоб оно не принадлежало ни отцу, ни мужу, а было полностью твое, имя новой женщины, которой ты хочешь стать, и которую ты хочешь явить миру. Может, она так и сделает. На свете много хороших имен.

Если б только она не чувствовала себя такой разбитой! О, Роберт, Роберт, взывала она к нему в глубине души, где мы споткнулись? Я так тебя любила... так любила. И ты любил меня, когда-то, по крайней мере. Нам было так хорошо вместе. Она с легкостью вызвала мысленный его образ: красивый орлиный профиль, добрые глаза с лучиками морщинок по углам, когда улыбается, длинное, стройное тело, которое всегда откликалось на любое желание, суля утешение или глубокое наслаждение, стоило ей только захотеть...

О, Роберт...

Она аж застонала, до боли желая его, его прикосновения, его поцелуя, его силы, от которой она чувствовала себя такой маленькой, такой нужной и надежно защищенной даже тогда, когда он возносил ее на вершины блаженства...

Со смешанным чувством гнева и изумления она подумала, что войди он сейчас в дверь, и все ее протесты и твердые решения разлетятся как пух, и она будет с ним в постели через тридцать секунд! Но что это разрешит? И что исцелит?

Голод, да... она не рискнула говорить ему о том, как сильно тоскует по любви, настоящей, горячей физической тяге друг к другу, которая всегда у них была, по близости, которой он лишил ее последние месяцы. Лечь с ним в постель — нет, это не ответ, это ничего не решало. Это все равно что наклеивать пластырь на сломанную ногу или на глубокую гноящуюся рану. А она устала от этого, устала от страдания, которое он причиняет им обоим, устала До глубины души!

Бросив мимолетный взгляд в зеркало, она прочитала в своем отражении прискорбную правду. Женщина из Зазеркалья скорее похожа на только что освободившуюся из мест

заклучения. Совсем как Джоан. Она, вероятно, подцепила вирус Джоан, когда заботливо выхаживала ее. Может, пришел ее черед и пора позаботиться и о ней? Болезнь налицо, нет только сиделки!

— Доброе утро, Клер!

Заставив себя улыбнуться, Клер подняла голову на привычное приветствие выходящей на кухню Джоан: та была уже одета и собралась на работу; в руках она держала утреннюю почту.

— Привет, Джоан. Как себя чувствуешь?

— Прекрасно! — Односложный ответ звучал как издевка, и Клер это понимала. Хотя золовка всячески настаивала на том, что ей гораздо лучше, по ее виду этого нельзя было сказать. Но разве Джоан переубедишь, если она что-то себе вбила в голову!

— Письмо тебе, остальное Роберту. Разберу, когда вернусь, — машинально сообщила она. — Я еду в офис. Масса запросов по поводу интервью Роберта в Брайтстоуне, это, безусловно, окажет ему большую услугу. Вернусь поздно, не жди меня.

Твердой походкой Джоан направилась к машине и поехала в город, с обычной своей собранностью следя за оживленным утренним движением. Все идет нормально, решила она. Роберт просто сошел с ума — бросить все, что они строили всю жизнь — подумать только! А эти слова — „ты больше не работаешь!“ Глаза ее загорелись от гнева. В жизни никто не указывал ей, что делать! Никому не позволено указывать мисс Джоан Мейтленд!

Ну ладно, Роберт, — ни один мужчина не имеет права диктовать ей! Тем более... Она даже мысленно не могла произнести это имя. Знакомая волна парализующего ужаса охватила ее при одном только воспоминании, к горлу подступила тошнота и пришлось посильнее вцепиться в баранку, чтобы не потерять управление. „Не давай себя оседлать этому грязному слюнявому отродью! — твердила она сквозь заволакивающую сознание муку. — Ты сделала то, что должна была сделать. И баста! Все. И с ним все кончено, кончено навсегда!“

Только его в этом убедить будет куда сложнее. Ей удалось выторговать себе отсрочку, прикрывшись возвращением пятничного „вируса“. Он знал, что она водит его за нос, но из чисто садистских соображений не прочь был продлить эту игру в кошки-мышки. Полагая, что податься ей все равно некуда, он готов был позволить ей ускользнуть и тянуть, сколько душе угодно.

— Увидимся, когда вернусь из Брайтстоуна, Джоани, — с обманчивой мягкостью сказал он. — И будь любезна не заполнять бальную карточку. Отныне на все танцы претендую я один.

Он? Ее передернуло от отвращения. „Танцевать“ с ней? Да он не достоин развязывать шнурки на ее башмаках. Да он не достоин... не достоин...

Он не достоин жить.

Несчастные случаи бывают со многими.

Вот Меррей Бейлби, например. А почему не Мик Форд?

Да, способы есть — именно Мик и научил ее этому.

Но он же научил ее и тому, что опасно и ненадежно связываться с третьей стороной. Такие вещи надо делать в одиночку. Тогда можно быть уверенным, что все произойдет так, как задумано. И можно быть уверенным, что все будут держать язык за зубами.

В общем это действительно только вопрос способов и средств. Средств... много. Она что-нибудь сообразит. Что-нибудь хорошее... и как можно быстрее... и тогда — гуд бай,

мистер Форд...

Решено. С чувством облегчения и странным блеском в глазах Джоан, увидев между машинами свободное пространство, переключила скорость и, нажав на газ, помчалась в город.

— Послушай, Эверард. Я тебе не мальчик на побегушках!

Охранники получают место в тюрьме не за милый нрав и доброе сердце. Начальник охраны Майкл Уоррен заранее ненавидел день посещений — зеки с самого утра начинали колобродить и уйми их, попробуй, потом — света Божьего не взвидишь. Но когда этот красавчик отказался выйти к посетителю, а посетитель все настаивал на своем, Майкл почувствовал, что дошел до ручки.

— Так выйдешь ты к ней или нет? — заорал он. — Меня все это не колышет! По мне, так не выходи на свидания, пока не сдохнешь здесь и не сгниешь. Но мне, мать твою, что-то ей надо сказать!

— Скажи, чтобы валила на все четыре стороны и не морочила мне голову.

Уоррен видел, что Эверард опять взбесился. У него крыша поехала с того самого дня, как ему отказали в амнистии. Последние пару недель он так и нарывается на драку, спит и видит как бы чего натворить. Пожалуй, не стоит чересчур затягивать узду. Уоррен поубавил тон.

— От нее так просто не отделаешься, парень, я сколько тебе талдычу. А потом, по тюремным правилам, она вправе знать причину твоего отказа.

— Отказываюсь, потому что отродясь ее не знал и знать не желаю.

Охранник крикнул.

— Не думаю, что тебя надо представлять такой крале! — Он уставился на Поля своими блестящими маслянистыми глазками, и во взгляде было что-то похотливое. — Такая, я тебе скажу, штучка, прямо под тебя...

— Закройся, Уоррен!

— Попридержи язык, Эверард, — рявкнул вертухай скорей даже дружелюбно. — Я мог бы тебе за это кое-что устроить, если б захотел. Карцер за оскорбление охранника мигом привел бы тебя в чувство. Последний раз спрашиваю, — ты выйдешь к ней?

— Да тебе хоть кол на голове теши! Сколько можно говорить — не знаю я, кто она такая. — Поль уже начал заводиться. — Не знаю я ее! Понятно? И знать не желаю! Пусть катится ко всем чертям вместе со своим благотворительным дерьмом!

— Забавно, — бросил озадаченный Уоррен. — А она толкует, что ты отлично знаешь ее. Знал, дескать, давным-давно. „Скажите, говорит, только ему мое имя. Скажите, что Алли...“

— Что?

— Алли, — да, так, вроде, — Алли Калдер.

* * *

— Кто вы?

Уоррен не без удовольствия наблюдал, как Поль затрясся, как осиновый лист. Знает ее как облупленную, чего бы там ни нес. Вот только откуда — он тянет лямку здесь уже... да,

лет двадцать с чем-то, а малышке, дай Бог, столько же — лет двадцать, двадцать один от силы. Но он ее, точно, знал, этот Эверард, только глянь на его физиономию. Так и ест ее глазами, как только порог переступил. Да оно и понятно. Штучка еще та, хоть и ребенок на вид. Слава Богу, вроде, совершеннолетняя!

— Вы Поль Эверард?

Она холодна, как кусок льда, заметил он с досадой, потому что сам дрожал, как девчонка.

— Нам обоим это известно! — резко отрезал Поль. — А теперь скажите кое-что, чего не знаю я. Как ваше настоящее имя?

— Эмма.

— Эмма как?

— Неважно. Послушайте, я могу извлечь вас отсюда.

— Вы что? — Изумление сменилось яростью. — Что это все значит? Что за шуточки? Уж не от какой-нибудь дерьмовой газетенки вы свалились на мою голову? — осенило его. — Матерьяльчик для слезливой истории — надо только завести меня?

— Нет! Я здесь сама по себе.

— И что ж вам нужно?

Она улыбнулась и вдруг стала выглядеть намного старше своих лет.

— Вы верите в справедливость? Вернее — в возмездие? Все зависит от того, как на это посмотреть.

Его и без того ни на что не годившиеся нервы начинали сдавать. Еще не хватало связываться с хитрой маленькой ведьмой, которая явилась невесть откуда и играет в свои игры. Он вскочил на ноги, отбросив стул.

— Убирайтесь вон!

— Вы этого не скажете, если выслушаете меня.

Ее неколебимое спокойствие подействовало на него сильнее, чем горячие протесты. Он в нерешительности посмотрел на девушку. Она наклонилась к нему.

— Я знаю, кто убил Джима Калдера.

Он почувствовал, что ему врезали в солнечное сплетение.

— И кто запихнул вас сюда, — все с тем же спокойствием продолжала она. — Кто подставил вас так, и кто смеется по сию пору, радуясь, как все удачно вышло. — Ее улыбка вернула его к действительности. — Я знаю, что произошло на самом деле. Ну, теперь мне убираться?

— Послушайте, послушайте... — Он с трудом подбирал слова, ошеломленный и весь во власти эмоций. — Помогите мне...

Снова улыбка.

— А я здесь зачем?

— Почему вы сказали, что вы Алли Калдер? Какое это имеет отношение к ней?

— Самое прямое. Потому что она была тоже там. Той ночью. А я дала обещание...

— Кто вы такая? Выкладывайте немедленно! — Но он сам не был уверен, что в силах вынести ответ.

— А вы не можете угадать? Если не можете, то это не имеет значения.

— Что вы пытаетесь мне втолковать?

Он совершенно потерял контроль. Ее же самообладание было абсолютным. Неужели она так отрепетировала всю сцену, разработала каждую деталь?

— Что я пытаюсь вам втолковать? Ничего такого, чтобы вы знали.

— Ну, так говорите!

— Разрешите мне для начала задать вам вопрос. Алли Калдер никогда вас к себе не подпускала, так ведь? И вы почитали ее. Вы думали, что она девушка. Вы ведь и пальцем к ней не прикасались, правда? И не пытались? Даже поцеловать?

Затаенная боль ущемленного мужского самолюбия вернулась к нему.

— Нет.

— А вам не приходило в голову, что у нее мог быть кто-то другой — в то самое время, когда вы с ней встречались?

— У Алли? Никогда!

— Подумайте... она была такой привлекательной. Какой мужчина отказался бы от такой возможности. — Она помолчала. — А один в особенности.

— Не Мик же Форд!

— Нет. — Снова молчание, и вдруг как обухом по голове: — А как насчет вашего шурина?

В глазах у него все закружилось. Алли? Роберт? Какая тут связь? Но мягкий, тихий голос не давал ни секунды передышки.

— А Джоан? Как насчет мисс Мейтленд? Она часто посещает вас? Или последние двадцать лет она чересчур занята?

Глаза ее были такие же миндалевидные, как у Алли, с такими же странными уголками. Он чувствовал, что тонет в их холодной ясной глубине.

— А потом есть еще славный старина Мик Форд. То, что вы здесь, — это его рук дело. Все остальные свидетельства были косвенными. Только он связал вас с Алли и Джимом — он опознал вас в ту ночь — тогда как в действительности видел другого человека, — человека, который прикрывался вами все эти годы, который имел вашу Алли у вас под носом... И он блее белого и любим всеми, а вы здесь, погребены заживо... Они подставили вас, Поль, все вместе — и концы в воду. Они кого угодно уберут, если тот окажется у них на пути. Вам нужны доказательства? Вот вам доказательства!

На фотографии в газете, которую она бросила на стол, два человека пожимали друг другу руки и улыбались; тот, что поменьше, фамильярно похлопывал по плечу высокого, импозантного компаньона. „БРАЙТСТОУНСКАЯ ВСТРЕЧА“, — гласил заголовок. Текст внизу словно каленым железом прожег мозг Поля. „Два старых соратника, которые присутствовали при трагическом обвале в шахте двадцать лет назад, встретились сегодня вновь, чтобы отметить открытие шахты. Его преподобие настоятель Мейтленд и профсоюзный лидер Мик Форд хорошо знают друг друга не только по былым дням в Брайтстоуне, но и по совместной работе над строительными проектами в Сиднее, ответственность за которые возложена Церковью на настоятеля...“

Подняв голову, Поль взвыл как слон, попавший в ловушку. Затем повернулся к Уоррену и одним ударом уложил его. На секунду задержавшись над распростертым охранником, он перепрыгнул через столик и выбежал во двор.

Уже через минуту тюремное радио бросало торопливые команды: „Побег — побег — побег — всем охранникам готовность номер один. Не пытайтесь — ПОВТОРЯЕМ: НЕ ПЫТАЙТЕСЬ — задерживать заключенного, он вооружен и очень опасен. Не стрелять — он

взял в заложники охранника у ворот. Принимайте его условия, не рискуйте жизнью. Вызываем всех охранников, вызываем всех охранников — побег — побег — побег...“

Что он здесь делает?

Что надеется найти?

И как далеко может продвинуться в одиночку, когда рядом нет Меррея, который помогал и руководил им? Но он обязан попробовать. Обратного хода нет.

Роберт брел, не оглядываясь, по бесконечным дюнам, без конца и края простирающимся над бухтой Крушения. Он твердо знал, зачем пришел сюда — нужно заново открыть место, где он встретил ту редкостную и несравненную любовь, и снова пережить тот волшебный, может единственный в жизни момент своей юности, настоящей юности, когда безоглядно отдаешь себя чему-то — или кому-то.

Но пустынный пейзаж не рождал даже мимолетного воспоминания, навеянного пронзительным соленым бризом. Боже, какой же он глупец! Ведь даже в расцвете своей любви к ней он не мог ни отыскать, ни отличить ту единственную дюну, где они впервые стали любовниками, ту белую чашу, дароносицу его блаженства. Они все были похожи как две капли воды — эти дюны и зияющие у их подножья ямы — все на одно лицо. Внезапно его охватило необоримое желание лечь здесь, оставить неравную борьбу и раствориться в пространстве. Но это было бы недопустимой трусостью.

Он шел и шел, пробудившаяся совесть гнала его вперед, невзирая на боль измученного тела; но вскоре темнеющее небо возвестило о близящейся ночи, и он повернул назад в пасторский дом. „По крайней мере, — с горечью думал он, — я буду спать эту ночь!“ Не обольщайся, замурлыкал самый юный из его бесов, когда он наконец вытянулся на ложе, обещавшем славную ночную работу: у нас есть другие планы относительно вас, настоятель!

Уже темнеет?

Ночи наступают сейчас быстро. Скоро начнутся штормы.

Зима будет долгой и суровой.

Ублажая себя подобными размышлениями, Джоан задернула шторы кабинета и принялась разбирать незаконченные дела. Пресса ворошит старое — очень к месту этот интерес к Брайтстоунской кампании поминовения. Тебе это только на пользу, дружище. Она разговаривала с Робертом, как привыкла это делать всю жизнь. Но последнее время ловила себя на том, что неожиданно для себя и окружающих стала подчас говорить вслух — скажем, в церковных кулуарах и даже на кухне с Клер. Несколько слов, фраза-другая срывались с языка, иногда что-то очень важное, что ей надо было обязательно сказать ему, напомнить или поделиться с ним.

Вы бы посмотрели на их физиономии! Какие же глупцы, как они не понимают, что Роберт всегда с ней — всегда был и будет, что бы ни случилось с каждым из них — до скончания века... сколь же глупы люди! Как мало они знают! Она громко рассмеялась.

Машинально Джоан навела порядок на столе. Надо, чтоб ни пылинки не было, пока его нет. Скоро он вернется, и все потечет своим чередом, как прежде. Не забыть сказать ему, что ежеквартальное заседание Комиссии по оценке недвижимости переносится на вторник...

Телефон? Думая о своем, она подняла трубку.

— Дом настоятеля Мейтленда?

Молчание. Глубокое, мужское молчание.

— Нет?

К горлу подступила знакомая тишина. Но это был не Мик Форд. Голос таил еще более тошнотворный ужас, еще большую угрозу.

— Джоан?

Прошло больше двадцати лет, а она не забыла этот голос. Его голос, голос, который когда-то значил для нее больше любого другого голоса в мире, — даже Роберта.

— Джоан? Я знаю, что ты здесь...

— Как?..

— Прекрати этот театр и слушай. Я все узнал. Чтоб мне провалиться на этом месте, я до всего докопался! Здорово, не правда ли? Любой простак, не такой глухой, как я, догадался бы давным-давно, как ты считаешь?

Она лишилась дара речи — у нее не было ни слов, ни мыслей. А голос продолжал звучать:

— Ты и твой братец! Что за парочка! Он столп Церкви, а в тебе можно держать лед, как в холодильнике. Мисс Сама Респектабельность Мейтленд и Его Преподобие Роберт. Кто бы мог назвать вас парой лжецов там в суде?

— Поль...

— Закрой рот, Джоан. Двадцать лет — теперь моя очередь говорить. Попав между молотом и наковальней, между тобой и твоим голубоглазым мальчиком, и слепец мог, наконец, понять, где собака зарыта. Ясно, что голова всему делу — ты. Котелок у тебя всегда работал что надо — знай я тогда, как он у тебя работает, ничего б такого не случилось. А что касается его — мозги у него между ног прилажены так же, как у других мужиков! Ему, конечно, такое не докумекать и не сварганить! Это по твоей части — ты все и сделала!

— Поль, ты несешь чушь — мерзкую чушь...

— Ты все задумала — но осуществил он! Он сделал то, за что расплачиваюсь я! Он убил Джима Калдера, а не ты! Он позволил тебе лгать, изворачиваться, интриговать — чтобы спасти его. Все беды из-за него — он протянул свои лапы к единственной женщине в мире, которую я хотел, имея при этом все, что может пожелать мужик — мою сестру!

В звенящем от переполнявших его чувств голосе что-то вдруг дрогнуло, и он стал немного мягче.

— Но тебе, Джоани, нечего беспокоиться. В конце концов, ты все это делала ради него. И потом — я не убиваю женщин. Мне подавай дичь покрупнее, настоящую добычу! Я взял след, Джоан. Я знаю, где он, и еду за ним. Скажи ему — этому лживому лицемеру — чтобы помолился!

Линия отключилась. Мгновение она стояла неподвижно, мозг работал в застывшем теле, как динамо-машина. Затем круто повернулась и выскочила из комнаты.

Что-то случилось. Это Клер почувствовала, едва войдя в дом.

— Джоан?

Со второго этажа доносился какой-то странный шум. Клер поднялась в спальню золовки и увидела, как та в страшной спешке запикивает свой несессер в сумку.

— Джоан? Что-нибудь случилось?

— Уезжаю! — скороговоркой отреагировала Джоан. — Ненадолго!

— Да куда?..

— О, повидать Роберта! Очень важное дело!

— Собираешься в Брайтстоун? Ты это серьезно?

— Дело!

— Что за дело? И потом, почему бы просто не позвонить, если это так неотложно?

Джоан закончила сборы.

— Надо бежать! Тебе нечего беспокоиться! Оставайся здесь! Мы позвоним!

Она уже была внизу на полпути к двери. Это безумие, подумала Клер, это чистое безумие.

— Джоан, — как можно мягче сказала она, беря золовку за руку. — Мне кажется, нам лучше поехать вместе. Мы поведем машину на пару. Да мало ли что, я могу тебе помочь. А если что-нибудь с Робертом, я должна быть с ним.

— Нет! Нет!

Она не узнает меня, подумала Клер с ужасом. Она просто не видит, кто перед ней. У нее такой взгляд, будто она никогда в жизни не видела меня — будто я ее смертельный враг, будто я чудовище. О, Боже, Боже, помоги ей... помоги нам...

— Что случилось, Джоан?

Джоан оскалилась на нее, как дикий зверь, лишенный дара речи. Клер осторожно приблизилась к тому, что когда-то было близким человеком.

— Джоан... милая Джоан...

Удар по голове свалил ее с ног. С трудом поднявшись, она двинулась вслед доносившемуся топоту убегающих ног. Ответом на слабые крики были мелькнувшие красные огоньки машины, с ревом развернувшейся и устремившейся к дороге. Приложив ладонь к ушибленному месту, Клер вернулась в холл, поднялась наверх и в свою очередь стала собирать вещи.

Свободен.

Он свободен.

К ней надо малость привыкнуть — к этой свободе.

Поль мрачно улыбался сам себе, сражаясь с незнакомой машиной. Да, далеко ты, малышка, ушла от старины „доджа“, сказочной „Голубой Стрелы“, обращался он с упреком к маленькому „дацуну“. Нет, ты не авто для мужчины — слишком много всяких мудреных штучек, — поди, ломай себе мозги, что тут да как — особенно когда всего несколько часов в большом мире...

Иии... Иииииии...!

Свободен!

Крепко держа руль, он гнал машину вперед, вопя от радости и возбуждения. Свободен! Вот так соскочить из тюряги — и чтоб у ворот тебя ждала машина! Он похлопал по баранке. Немного нечестно угонять тачку, когда она словно специально его ждала, ключи только поверни, и все! Готов поклясться, хозяева считали, что надежнее местечка для машины не сыщешь — прямо напротив ворот централа и вокруг на сто миль ни души. Ладно, это будет для них хорошим уроком на будущее, так ведь? В наши дни никому доверять нельзя. А уж беглому каторжнику — тем более. Он от души рассмеялся.

Итак, куда теперь? Есть одно место. Да не так уж далеко, если гнать, не останавливаясь.

А насчет бензина — так у него есть кое-что получше бабок. Он нежно погладил холодную сталь пистолета, лежащего на пассажирском сиденье прямо у него под рукой. А с автозаправочной тут же стукнут в полицию. Да они и так в курсе, куда он направляется, насколько знает он Джоан Мейтленд. Так что ему наплевать.

Он поежился от внезапной прохлады. В кабине было холодно — как в этих чертовых новых колымагах включается обогреватель? Перед ним разворачивался холодный зимний пейзаж, в этой пустынности было что-то совершенно невероятное для взора человека, запертого в клетке в течение двадцати лет. Набухающие черные тучи, громоздившиеся друг на друга на горизонте, предвещали что-то зловещее. Но Полю было не до них, он жил в царстве своих дум, рисуя сцены возмездия. И в этих сценах он давал себе мрачный зарок одну из шести пуль всадить в предательское сердце его преподлого преподобия Роберта — и будь что будет! До встречи в Брайтстоуне! А потом — в аду! — слал он мысленно телеграммы. Молись, настоятель!

Надо собраться с духом, дорога предстоит не из легких. А что касается разговоров с самой собой, так тут ничего плохого нет. Многие знаменитые люди разговаривали сами с собой, ну, например... например...

Да, это известные вещи. Любой может говорить с собой. А потом, как остановить эти разговоры? Как заставить замолчать других, если машина полна голосов?

— Заткнитесь! — взвизгнула Джоан. Она с трудом сдерживалась, чтобы не завывать. Но кабина вдруг погрузилась в блаженную тишину. Они и впрямь заткнулись! Хоть ненадолго, и то ладно! Так им и надо! Если б только не такой собачий холод! Она снова протянула руку к рычажку и с удивлением увидела, что он повернут до отказа. Надо будет проверить обогреватель.

Брайтстоун — сколько миль, что там было на знаке? Она не заметила, как, впрочем, не успела заметить и другие указатели, да какое это имеет значение? Она и без того знает, куда едет, и ей незачем останавливаться. Ехать и ехать. Вот что главное. Добраться до места. Снасти Роберта... потом навести полицию на этого бешеного пса Эверарда — и все взятки гладки!

Полиция. В помраченном мозгу Джоан с четкостью вспыхнула трезвая мысль. Может, надо было бы позвонить им до ухода из дома и предупредить, чтобы были на месте до появления убийцы в Брайтстоуне?

Но подумав, она решила, что это глупо. Полиция ничего не сделает сверх того, что может она сама. Ее возможности неизмеримо превосходили их, она хорошо знала Роберта, гадину Эверарда, Брайтстоун — да и все на свете в конце концов — куда им тягаться с ней! Что эти щенки по сравнению с ней... нет, забудь полицию... весь род человеческий — это жалкие твари, ползающие между небом и землей... только они с Робертом парят высоко над ними в голубой бесконечности... высшие существа... выше закона, выше смерти... выше упрёка...

Сколько миль осталось до Брайтстоуна? Темнеет — и холодно, жутко холодно. Снова зима, хотя должна быть весна; времена года покорны ее повелениям! Да! Она торжествующе рассмеялась. Словно подслушав ее мысли, пронизывающий ледяной ветер задул с новой силой, а тяжелые тучи, собиравшиеся впереди, грозили яростным штормом. Пусть разразится! — ликовала она, — пусть обрушится! И все голоса в ее голове пробудились с еще большей силой — и завывали, и завопили, и пронзительно завизжали в знак согласия.

Темнело; суровое небо, сулившее бурю, держало в страхе всю округу. Слава Богу, она успела добраться до того, как небо разверзнется и начнется шторм. Дрожа от холода, девушка расплатилась с такси и потащила свою сумку в захудалую гостиницу на незаметной улочке. Таксист на вокзальчике с первого взгляда сообразил, что ей надо, и действительно подыскал единственное местечко, которое было ей по карману. Но что за дыра Брайтстоун? Сверкающий камень? Эмма не верила глазам. Что тут сверкающего? Даже название отдавало дурацкой шуткой. Чем скорее она уберется отсюда, тем лучше.

— Теперь уже недолго, — подбодрила она себя. — Совсем недолго!

Хозяин, которого трудно было удивить, тем не менее бросил изумленный взгляд на диковинного посетителя.

— Комнату? На одного?

— Да, на одного. — Черт, с этим каши не сварить.

— Насколько?

— Ненадолго.

— Насколько ненадолго?

Вот тупая башка, подумала она, теряя всякое терпение. Вслух же вполне мило уточнила:

— Может, на ночь. Может, на две или на три. — „И что ты нос суешь, миляга, можно подумать, что в твоём клоповнике очередь на комнаты?“

— О'кей. Номер пять. За ночь вперед, само собой. И будьте добры расписаться в книге, мисс...

— Разумеется. — Она взяла ручку и написала в регистрационной книге: „мисс Алли Калдер“.

„И ЕГО ДОЧЬ АЛЛИ“...

Склонив голову, Роберт молча стоял перед могилой Джима Калдера и его дочери, отдавшись тяжелой, всепоглощающей скорби. Все утраты его жизни словно расплавились и слились в одну скорбь по Алли: потеря надежды еще мальчонкой, когда все непосредственное, все радостное было выбито из него родителями, учителями и сестрой. Потом потеря родителей, причина всех его горестей и угрызений, первородный грех, за который должно было подвергнуться наказанию.

Одна за другой эти потери проходили перед его внутренним взором. Утрата юности, закончившейся в день гибели родителей. Утрата собственной жизни, когда он отказался от права на свободный выбор и решил служить Церкви во искупление вины за смерть отца. Тщательно, шаг за шагом проводил он ревизию своей жизни, хотя душа его от этого невероятно страдала. Его некогда цельная натура была разрушена, он занимался делом, в котором давно уже разуверился; он утратил веру, а с ней и свое лицо и, наконец, главная, худшая из худших и последняя потеря — Клер.

Алли — Клер — где кончалась одна и начиналась другая? Или Алли была фантазией, сном в летнюю ночь, кратким эпизодом в долгой, как жизнь, любви к Клер? В сгущающихся сумерках перед ним живо возникло лицо жены — миловидное, слишком бледное последнее время, темные волосы отброшены со лба нетерпеливой рукой, нежность ее кожи, ощущение ее женственного тела... она была настолько реальной, что, казалось, протяни он руку в полумрак — и можно было бы прижать ее к себе.

А где же Алли — где его другая любовь? Он искал ее, о, как он искал ее все эти

последние одинокие и пустые дни — в молочном баре, где они впервые встретились, в церкви, где он увидел ее на похоронах Джорджа Эверарда, в брайтстоунском зале, где она танцевала с Полем в ту последнюю ночь, когда все еще были свободны, счастливы и по-настоящему живы.

И ему приходилось смотреть в глаза правде — Алли не было. Она ушла. Ее возродил для него Меррей, чтобы, как Роберт начинал теперь догадываться, он смог наконец попрощаться. Ветер крепчал, в его порывах слышны были стенанья вселенной; и он присоединил к ним свой голос в знак солидарности и простился с ней навеки.

С моря надвигался шторм, словно враждебное воинство на незащищенную страну. Отбросив всякие уловки, он стоял там, где застигла его стихия — не имеет теперь смысла изворачиваться, прятаться, бежать или попытаться искать укрытие. Первая молния, расколов мир надвое, низринулась в сердце вскипевшего огнем океана — затем вторая, третья. Это было внушительное зрелище, космический фейерверк, подобного которому он не видывал. Тяжелые капли дождя, предвестники близящегося потопа, обрушились на его неприкрытую голову. Через несколько секунд он промок до нитки.

Наконец Роберт с трудом заставил себя сдвинуться с места. Ему не хотелось домой — он ощущал себя абсолютно комфортно в этой дикости природы, в ладу со стихиями, в ладу с собой. Чувствуя себя очищенным, укрепившимся и готовым ко всему, он двинулся в пасторскую обитель. Перед его внутренним взором вставала Клер. Он чувствовал, что только сейчас начинает понимать, что любит ее. Надо убедить Клер в этом — возродить ее любовь, а с ней и их брак и совместную жизнь. Наконец-то Алли Калдер и ее бедный, печальный дух нашли успокоение. Прошлое было погребено. Время обратиться в будущее и идти дальше.

Он добрался до крыльца пасторского дома и, отыскав в темноте замочную скважину, отпер дверь. Полный благодарности, он переступил порог, вошел в тепло и свет уютного, пахнущего сандаловым деревом холла и сделал шаг к лестнице, чтобы подняться наверх и сбросить мокрую насквозь одежду. В этот момент едва различимый шум на крыльце привлек его внимание. Он обернулся и увидел листок бумаги, белеющий на полу.

Он понял, что там написано, прежде, чем поднял листок. „НЕ МОГУ БОЛЬШЕ ОСТАВАТЬСЯ В БРАЙТСТОУНЕ... НАЙДЕШЬ МЕНЯ НА МЫСЕ У БУХТЫ КРУШЕНИЯ НОЧЬЮ — А.“ Он рванулся к двери и распахнул ее, но никого не было видно — только неистовствовал шторм и дико отплясывал сорвавшийся с цепи ветер. Не мешкая, не задумываясь, он ринулся в бушующую стихию и вновь погрузился в ночную тьму.

В ночь, в ночь...

Надо было захватить плащ...

Да какая теперь разница...

Рассудок оцепенел, фиксируя только ритм собственных шагов. Роберт продвигался вниз по дороге, мокрый до нитки; где-то в глубине сознания гнездилась мысль о том, что в любой момент одна из этих чудовищных молний выберет его мишенью и с безжалостным безразличием обрушится на незащищенную голову. Однако страха не было. Он знал, что события движутся к predeterminedому свыше финалу и не нуждаются в его вмешательстве.

Внизу, у подножия мыса городские пабы мигали огоньками, словно маяки добрых дел в море вселенского зла. Сидящие в их душноватом тепле и уюте брайтстоунские завсегдагаи с

изумлением взирали на измочаленного штормовым ветром незнакомца, внезапно возникшего в распахнутых дверях из воющей тьмы. Только бармен, гордившийся тем, что знает всю подноготную городка, признал почетного гостя города в этом ночном пугале с прилипшими ко лбу космами волос и мокрой насквозь одежде, болтающейся на нем тяжелыми складками.

— Добрый вечер, настоятель, — бросил он с удивлением. — Чем могу служить?

Скорее усталость, чем грубость заставила Роберта говорить напрямик, без обычных вежливых реверансов. Однако он боялся, что его вопрос вызовет недоумение и отказ.

— У вас есть машина, которой я мог бы воспользоваться?

— М-м-м... — Как любой хозяин кабачка Билл Прайс построил свою карьеру на жесткой шекспировской заповеди: „Не занимай и не ссужай ^[29]“. Но в требовательных, будоражащих, горящих каким-то необычным огнем глазах, сверлящих его насквозь, было что-то такое, отчего лукавое жизненное кредо Билла впервые пошатнулось.

— Да, видите ли, настоятель...

Пока он мямлил, из задней двери вышла его жена с подносом сэндвичей. Увидев Роберта, она остановилась как вкопанная.

— Боже праведный, что они с вами сделали? — вскрикнула она, и в голосе ее звучало нечто среднее между неуверенностью и ужасом. — Неужели у вас нет плаща или чего-нибудь прикрыться?

— Да все в порядке, честное слово, спасибо, — живо откликнулся Роберт, абсолютно утративший очертания реальности.

— Но с вас же течет, хоть отжимай!

— Ах, простите, — и Роберт с недоумением взглянул на лужу, растекающуюся на ковре. — О, я сейчас же уйду. Да-да. Мне бы только машину...

Хорошо бы его как-то спровадить, подумал про себя хозяин, испугавшийся, как бы ночной гость не испортил вечер его постоянным клиентам.

— Чего говорить, настоятель. Возьмите мою. — Он сунул руку в карман за ключами. — Красный „форд“ у дверей. Ни с чем не спутаете.

— Я принесу что-нибудь сухое, настоятель, а то вы простудитесь насмерть! — заговорила Фай. — Пойдемте на минутку наверх, что-нибудь из одежонки сына вам подойдет. Нельзя же ехать в таком виде!

— Да нет, не надо, все в порядке, я же говорю, что все нормально. — И он растаял в ночи подобно духу тьмы.

— Ну хоть полотенце захватите, голову вытереть! Вы же простудитесь!

Дверь тихо закрылась, будто это была проделка ночного ветра. Хозяин паба глянул на жену и покачал головой.

— Должно быть, стряслось что-то из рук вон выходящее.

Фай кивнула головой в знак согласия.

— Судя по всему, сегодня все идет вкривь и вкось. — Билл глазами указал на телевизор, монотонно бубнящий в дальнем конце бара. — Ты видела?

— Что? — Она посмотрела на лицо, уставившееся на нее с экрана. — Кто это?

— Да ты послушай!

„...сбежал сегодня днем из государственной тюрьмы на украденном „дацуне“ синего цвета под номером 336212. Увидевшие этого человека ни в коем случае не должны пытаться задержать его: он вооружен и очень опасен. Поль Эверард, некогда проживавший в

Брайтстоуне, городке на побережье угольного района штата Новый Южный Уэльс, отбывал пожизненное заключение за убийство шахтера. Замеченные полицией машины, похожие на украденную, не позволяют составить представление о том, куда именно направляется Эверард...“

Алли...

Алли...

Где ты, любовь моя? Вернись... вернись ко мне...

Сердце Роберта переполняла боль и радость, глаза ничего не видели от слез, все тело трясло, словно в лихорадке; он вел машину против встречного ветра над обрывом. Записка! От Алли? А если не от Алли, кто мог ее написать? Голова шла кругом, мысли мешались, и вся чистота и ясность, с такой болью рожденные в часы могильного бдения, рассыпались в прах. Одно он знал наверняка — чего бы это ни стоило, надо слушаться ее призыва — даже если он доносится к нему из могилы.

Дорога к бухте Крушения была запечатлена стальным резцом в его сердце. Колеса будто сами находили дорогу, а чужая машина слушалась его рук, как старый добрый друг. Неужели теперь вопреки злой воле все будет как надо? Пожалуйста, Боже — Алли — Клер — Эмма — Алли — Клер — пусть так будет... Отец — Бог — пожалуйста...

Роберту казалось, что путь к бухте Крушения никогда не кончится. Чувства его обострились до предела; наконец он услышал сквозь рев и завыванье ветра сокрушительные удары волн о берег и понял, что добрался до вершины каменной громады. Обрыв должен быть где-то неподалеку, в опасной близости от дороги. Он съехал на обочину, выключил мотор и некоторое время сидел без движения, пытаясь взять себя в руки.

Сквозь крошечную тьму впереди фары вырывали полоску дерна, дальше, очевидно, в том месте, где край утеса обрывался в бесконечность, было чуть посветлее. Почти на краю обрыва стояло одинокое дерево, ствол его был искривлен временем и вечным сопротивлением жестоким ветрам. Роберт содрогнулся и затрясся мелкой дрожью, узнав это место. Он был здесь раньше! С ней! Но как? Когда?

Медленно... медленно...

Неимоверным усилием он заставил сердце умерить свои бешеные удары, а сознание приоткрыть двери всему тому, что с такой настойчивостью стучалось в них. Здесь. Да, здесь! Он когда-то стоял здесь, в этом самом месте, глядя вниз на бухту Крушения и видел, как Алли неслась на гребне волны в белом, как сама невинность, купальнике на фоне синезеленой водной толщи — словно она была русалкой, дельфином, морской нимфой. Да! Память вернула ему ее лицо, тело, каждый его изгиб...

Но это же самое место будило в его памяти еще что-то, темное, ужасающее. Что-то произошло здесь и он не осмеливался вспомнить...

Огромная тень выростала перед ним, простирая свои необъятные черные крыла.

— Нет! — прошептал он. — Нет!

Впереди в крошечной тьме что-то двигалось. Нервы его напряглись до предела, он чуть не закричал от страха. Легкая фигурка мелькнула в свете фар, словно ночная птица.

— Кто ты? — громко закричал он. — Алли? Алли? Приди ко мне! Приди ко мне!

Дверца открылась, и в машину села она. Это была Алли, Алли Калдер, живая и невредимая: взгляд искоса из уголков ее миндалевидных глаз, детский росчерк розовой помады на нежных лепестках губ, тонкого хлопка платье, облегающее стройную фигуру,

нитка голубых бус, которую он выиграл для нее в тот последний день на празднике у церкви. Она смотрела на него с торжествующей насмешкой, приоткрыв рот, словно желала что-то сказать. Он затаил дыхание, чувствуя, что вся его жизнь была прожита ради этого мгновения.

— Удивлен? — спросила она.

Все померкло у него в глазах.

— Эмма!

Она посмотрела на него странным восторженным взглядом.

— Я знала, что ты придешь. Как в старые добрые времена, не правда ли?

— Что ты делаешь?

Она одарила его сияющей кошачьей улыбкой.

— О, — просто — хочу — расквитаться.

— За что? — взмолился он.

— За то, что ты меня бросил! — Глаза ее сверкали от гнева. — За то, что отыскал меня, водил за нос — и вдруг сообщил, что не можешь больше меня видеть, потому что это, видите ли, опасно „в твоём положении“! Ты лицемер! И у меня есть доказательство! — Она торжествующе сунула руку в сумку и выудила оттуда пачку фотографий. Его собственная улыбающаяся физиономия с глазами, сияющими любовью, он рядом с ней, он, нежно обнимающий ее за плечи, он в магазине, покупающий ей всякую мелочь женского туалета, он с грудой этих тряпок на коленях. — Только представь, что за шум может устроить пресса со всем этим, ты же такая знаменитость — настоятель Мейтленд!

Два последних слова сорвались с ее губ словно два оружейных выстрела. Она продолжала с мстительным торжеством.

— Славненький скандал, не так ли? „Настоятель и Незнакомка“ — с массой подробностей, полученных от меня! Настоятель, кружащий вокруг моего дома, подглядывающий в окна, караулящий меня днем и ночью, устраивающий сцены из-за моего дружка...

Что она несет? До него с трудом доходило то, что она говорила. В ушах вдруг всплыли слова Джоан, сказанные ему, и он грубо оборвал ее.

— Это что? Шантаж?

— Шантаж? А вы сами ничего ничегошеньки не знаете, не так ли?

Он почувствовал, что голова раскалывается. Машинально он прижал пальцы к виску, откуда рвалась боль, пытаясь сосредоточиться.

— Я... не понимаю.

Ее резкий смех ранил его еще сильнее, чем ее слова.

— Ах да, у вас с головой того, правда ведь? Вы ничего не знаете, ничего не понимаете, ничего не помните! Неплохое объяснение, как вам кажется? И прекрасное алиби. Можно отвертеться от чего угодно — стоит только сказать, что вы ничего не помните!

— Эмма...

Она отмахнулась от него, как от мухи.

— Что ж, может освежить вам память? Вы помните Алли? Алли Калдер? Ваша бедная память сподобилась вернуть вам ее, как нечто смытое морем?

— Да...

— У вас с ней были делишки. На стороне, так сказать.

— Все это было не так...

— А потом, когда вы натешились — когда вас застучала ваша драгоценная сестрица

Джоан, вы решили бросить ее, как потом бросили и меня.

— Нет! Я любил ее! Я так ее любил, что готов был всем пожертвовать ради нее!

— Так что же вам помешало?

Ничто не могло остановить поток этих безжалостных вопросов. У него было такое впечатление, что он находится на скамье подсудимых, и борьба идет не на жизнь, а на смерть.

— Она была так молода...

— Но не настолько молода, чтоб нельзя было ее трахать!

Его душил гнев, и он стал говорить грубее, чем хотел.

— Эмма, ты не понимаешь, что несешь! Когда я говорю тебе, что любил ее, это так и есть! И именно оттого, что я любил ее, мне пришлось от нее отказаться! Реакция Джоан, когда она обо всем узнала, показала мне то, что я и без нее знал — миру дела нет до влюбленных. Он карает нарушителей закона — и все. Ей бы пришлось страдать не меньше, чем мне, а больше! В таком городишке как Брайтстоун — потерять доброе имя... оказаться в лапах этой свиньи, считающей себя ее отцом — и быть при этом слишком юной, бедной, необразованной, чтобы стать на ноги где-нибудь в другом месте...

Голос ее задрожал от избытка чувств.

— Однако ей ведь пришлось в конце концов, разве не так?

Он уставился на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Вставать на ноги в одиночку — юной, бедной, без работы...

Он схватил ее за плечи.

— О чем ты говоришь?

— Когда вы спровадили ее в Англию.

— Что? — он слышал, как его голос поднялся почти до визга. — Кого?

— А ты кого думаешь? Алли, конечно. Алли Калдер!

Это было выше его сил. Он чувствовал, как слезы радости выступили у него на глазах.

— Ты хочешь сказать — что она не погибла в море?

— О, нет, она умерла — но не тогда и не здесь. Да только тебе-то что до этого? Тебе и твоей распрекрасной сестрице? Уж коль вы раз отделались от нее...

— Джоан? Но она-то как в этом замешана?

Эмма пристально посмотрела ему в глаза, словно перед ней был полоумный.

— Той ночью, когда ты поехал на шахту, Джоан явилась сюда, на обрыв и отыскала Алли. Она передела ее в свою одежду, отвезла в ближайший город, дала ей малость денег и посадила в ночной поезд с наказанием валить отсюда как можно дальше и никогда не возвращаться. Потом швырнула ее тряпье в воду с утеса, чтоб все подумали, что она тоже погибла, как и Джим. Умно — что и говорить! Исчезновение Алли Калдер!

— Нет! Нет, нет, нет!

От его яростных воплей тряслась машина. Сидящая рядом девушка онемела от потрясения.

— Боже мой! — прошептала она, став белее полотна, что было видно даже в ночном полумраке. — Ты не знал?! Ты в самом деле не знал!

— Нет!

Она судорожно вздохнула.

— Но в таком случае ты не знаешь еще кое-чего. Когда Алли спровадили, она была

беременна.

— Беременна?..

— Да, Роберт, она носила ребенка. Твоего ребенка. — Она пристально смотрела на него глазами Алли. — Меня.

В пабе все как один пришли к выводу, что странное появление настоятеля, промокшего до нитки и выглядевшего так, будто он повстречался с призраком, было зрелищем, достойным внимания.

— Очень жаль, Мик, что ты опоздал, — уверял профбосса один из шахтеров. — Тем более, ты-то его знал.

— Но чтобы в таком виде, пожалуй, нет, — говорил Мик, напрягая все свои не Бог весть какие творческие способности, чтобы вообразить, как выглядел Роберт, и затем соединить это с известным ему образом выдающегося церковного деятеля. — Хотел бы я знать, что там такое произошло? — Мик не отличался особо богатым воображением. Но только что услышанная история пробудила в нем какую-то непонятную тревогу, заглушить которую он никак не мог. — Так говоришь, выглядело презабавно — и даже жутковато?

Ломая голову над этим вопросом, Мик, сидевший спиной к двери, не обратил внимания на следующего посетителя, хотя струя холодного ночного воздуха с улицы, где еще не угомонился шторм, пробежала через весь зал.

— Расскажи еще разок, Рой, все, что ты видел. Что-то в этом есть — мне даже не по себе...

Стоящим за стойкой Биллу Прайсу и его жене в это время было еще более не по себе при виде новоприбывшего, хотя тот обратился к ним достаточно вежливо.

— Привет всем, — улыбаясь, говорил он. — Я ищу настоятеля, настоятеля Мейтленда. Вы случайно не знаете, он остановился в пасторском доме, а? Что он делает сегодня вечером? Было бы здорово, если б вы сподобились сказать, где он.

— Иисусе Христе! — „Это он, — подумал Билл в совершенном изумлении, — в моей лавочке!“

— Ну, не совсем так. Не Иисус Христос. Хотя, сдается мне, вы кое-что могли бы сказать о втором пришествии... — Лицо незнакомца изменилось, хотя вежливая улыбка осталась на месте. — Ладно, если вам известно, кто я, вам должно быть известно, что у меня есть. — Он как бы между делом погладил пальцем оттопыривающийся карман. — Спрашиваю еще раз. Мой старый приятель Роберт Мейтленд — настоятель кафедрального собора — вы его видели?

— Он сегодня заходил сюда. Ну буквально часа два назад! — выпалила Фай, в смертельном ужасе думая о том, как бы ее обычно мирному муженьку не втемяшилось в голову натворить каких-нибудь глупостей. — Он взял машину! Сказал, что позарез нужно ехать!

— Куда ехать?

— Хоть убей, не знаю! Он не сказал! Мы больше ничего не знаем!

Похоже, не врет, подумал Поль. Судя по тому, как женщина ведет себя, она выложит все что хошь. Да и что у нее за резон покрывать Роберта, которого она раньше не видывала. Одарив всех еще одной устрашающей улыбкой, он повернулся было, чтобы уйти.

— Ничего, говорите, не знаете? Это очень хорошо и полезно для здоровья. Вы, например, не знаете меня — и даже не знаете, что я вообще подваливал сюда сегодня, так

ведь?

— Так, так!

Пора убираться. Продолжая улыбаться, Поль сделал шаг к двери. Но обычная безмятежность паба уже была нарушена. Головы начали поворачиваться в его сторону. Чувствуя на себе любопытные взгляды, Поль попытался успокоиться и не вести себя как зверь, удирающий от опасности. Однако из дальнего конца зала раздалось низкое задыхающееся бульканье. Это был голос страха, и Поль, круто развернувшись, в мгновение ока прижался спиной к стене и выхватил пистолет.

— Эверард! — Лицо Мика Форда было серым и дряблым от ужаса.

На физиономии Поля появился волчий оскал.

— Привет, Мик! Ты меня еще помнишь. Как же это мило. Приятно знать, что тебя не забыли! И главное, не надо тратить время на разъезды.

Мик бессвязно забормотал:

— Эверард... я...

— Заткнись, Мик. Ты-то уж распрекрасно знаешь, что сделал, не отвертись. За тобой должок. Жизнь. Твоя за мою. И хочешь отгадать? Сегодня день отгадок. Ты подвернулся прямо как по заказу!

— Нет! НЕТ! — Мик валялся на полу в соплях и слезах, канюча и вымаливая пощаду с нескрываемым ужасом. — Не надо, не надо... Я никогда не думал так подставлять тебя, засаживать на двадцать лет... и убирать с дороги Меррея Бейлби тоже не моя идея... я только договаривался... Не убивай меня! Не стреляй! Я сделаю все... все!

Это был уже не Мик Форд, а сама воплощенная мольба о спасении, человек уничтоженный, растоптанный, совершенно раздавленный. Выразительное пятно начало растекаться по его брюкам и тонкий острый запах страха засмердил вокруг него. Но Поль был словно вырезан из мрамора. Прищурил глаза и тщательно прицелившись, он поднял пистолет и выстрелил. Затем повернулся спиной к распростертому телу и спокойно покинул паб.

Дочь Алли.

И его.

Его дочь!

Омытый светом нежданного, незаслуженного чуда радости, Роберт все еще не мог освободиться от объятий тьмы и обмана, и Эмма не готова была отказаться от чувств оскорбленности и обиды, сопутствовавших всей ее короткой жизни. Они тщательно взвешивали информацию, но с некоторой усталостью, словно враги, которым только что велели остановиться и пополнить свои запасы.

— Я долго был в коме, это может подтвердить кто угодно, — неторопливо заметил Роберт. — А когда наконец пришел в себя, последствия сотрясения мозга были столь тяжелы, что я едва ли сознавал, где нахожусь. У меня была ретроградная амнезия, так называли это врачи. То есть я забыл все, что происходило со мной за несколько недель до несчастного случая. А мы были с ней знакомы всего несколько недель. — В его голосе звучала боль.

— Так вот что... — полувопросительно, полуподозрительно произнесла Эмма, — ты

совершенно не помнил ее? Сплошное белое пятно?

— Не совсем. Большую часть своей жизни я не утратил. И какие-то фрагменты памяти о ней — тоже. На протяжении многих лет что-то вдруг пронзало меня, как нож — взгляд, улыбка, запах — но я никогда не понимал, что и почему. А порой, — он передернул плечами от досады, — порой я вдруг слышал музыку или что-то в этом роде и весь переполнялся беспричинным счастьем — я так ее любил...

Эмма не могла не поверить ему.

— Она тебя тоже любила, — проговорила она просто. — Ты был первым, о ком я от нее узнала, о ком мы говорили. Она назвала меня в честь твоей матери. А второе мое имя Лавиния. Эмма Лавиния Калдер — вот кто я. Ты этого никогда не знал.

— Назвала тебя в честь моей матери? — Роберт поднял брови от изумления. — Да откуда же она знала имя моей матери?

— Видела на могильном камне на церковном кладбище. Если бы я родилась мальчиком, то была бы Робертом Джорджем в честь тебя и твоего отца.

— Значит... значит, она меня простила?

— Ты был ее жизнью. Она всегда жила надеждой, что когда-нибудь увидит тебя снова.

— Но как... как она могла надеяться на это?

— Она считала, что ты знаешь, где она.

— Знаю, где она? Откуда я мог знать?

— Потому что знала Джоан. Джоан знала, почему мама решила ехать в Англию, хотя могла уехать в Америку или в любое другое место на земле.

— Но почему?

— Потому что ее мать была англичанкой.

— Как, эта... — Ему не хотелось называть ее „хористкой“, это как-то и на нее бросало тень. Но она и так почувствовала, что он хотел сказать.

— Да, танцовщица. Она ездила в турне по Австралии, там встретила Джима Калдера, и они поженились. Но бабушка была из Англии.

Ну конечно! Он вдруг как будто услышал эти странные неавстралийские интонации речи Алли, вспомнил, что та говорила ему о своей матери.

— Так она отправилась в Англию посмотреть, нельзя ли найти свою семью?

— Да. Она знала девичью фамилию матери и город, откуда она родом. Бабушка скончалась в Австралии за год до этого — она так и не вернулась на родину. Но мама надеялась, что остался кто-нибудь — из родственников.

— Ну и?

Эмма покачала головой.

— Нет, ничего не получилось. Кое-что она, конечно, разыскала. Бабушка была из приличной семьи, достаточно состоятельной. Ее родители и слышать не хотели, чтобы их единственная дочь пошла на сцену. Они не разрешили ей поступить в театральное училище. В результате она сбежала с каким-то проезжим театром — единственное, что ей оставалось.

Все было яснее ясного.

— И после этого, — задумчиво проговорил он, — найти что-нибудь получше она уже не могла.

— Нет. А они так никогда и не простили ее. Она один раз приезжала домой, чтобы попробовать наладить отношения. Но отец буквально впал в неистовство и даже разговаривать с ней не захотел. Они просто послали ее ко всем чертям. А вскоре после этого

они умерли, один за другим. Ни сестер, ни братьев у бабушки не было. Но мама надеялась, что раз уж мы добрались до дома, то сможем как-то прожить.

Сердце его переполняло чувство сострадания. Ему было ясно, почему Алли поступила именно так. Это ближе всего к понятию дома — корней, своего места — то есть к тому, что она хотела бы обрести, оставаясь за пределами Австралии. А до тех пор, пока Джоан знала, где она, у нее были все основания жить там, потому что это была единственная возможность не утратить связи с ним.

— Так значит, Джоан знала, где вы?

— Да, она знала — и могла быть уверена, что мы там! Ведь Джоан обещала, что если мама не будет оттуда никуда соваться, то она пришлет тебя к нам. Мама никогда не теряла надежды свидеться с тобой. И я тоже. Мы часто говорили о том, как вот откроется дверь и на пороге появишься ты.

Он чуть не заплакал, представив, как они ждали, как страдали, как безнадежно мучились всю жизнь.

— В конце концов мама не выдержала. Она сказала, что, по-видимому, Джоан водит ее за нос и вовсе не собирается позволять драгоценному братцу повидать своего внебрачного ребенка и вообще возвращаться к этой неприятной истории. — В словах ее вновь почувствовалась вся накопленная горечь. Чему ж тут удивляться, если у нее такой ужасный взгляд на природу человеческую — и на мужчин прежде всего! — Тогда она и решилась нарушить обещание и попробовать разыскать тебя сама.

— Обещание? Какое обещание?

— Джоан взяла с нее обещание никогда в жизни не пытаться связаться с тобой. Джоан сказала, что мама единственный свидетель убийства и что, если она когда-нибудь вернется, тебя тут же будут судить и посадят за решетку.

Он почувствовал невыносимую боль, будто у него отдирали с кровью еще один слой кожи.

— Убийства?..

— Ее отца, Джима Калдера.

Вот, кажется, наконец то самое, вот оно перед его глазами, оно здесь.

— Ты убил его. Он хотел избить тебя, а ты его оттолкнул. И он свалился с обрыва.

Он слышал, как из его горла со свистом вырывается воздух.

— Я толкнул его с обрыва?..

— Она была единственным свидетелем. Она все видела. Но она и мысли не допускала, чтобы ты оказался за решеткой.

— Так Поль...

Боже праведный, не может того быть! Поль! Козел отпущения. За его грехи! Поль!

— Ты или он. Так сказала Джоан. Ты или он.

О да. Джоан.

Теперь ему все было ясно.

Отличная работа тонкая, что и говорить. В духе Джоан. Это сама мисс Мейтленд в лучшем виде. Ну, спасибо, Джоан.

— Но неужели Алли не пыталась как-то связаться со мной?

— Она хотела повидать тебя. Но еще больше хотела — так она сама говорила — чтоб ты

увидел меня, свою плоть и кровь. Она хотела, чтобы у меня была возможность получить образование, как у дочери настоятеля — законно признанной. Она надеялась, что мне удастся поступить в колледж, ей так этого хотелось. Ты помнишь — мы как-то говорили об этом в кафе, я тогда и повела себя, как чокнутая, потому что у меня как раз такой возможности никогда и не было, ни разу не было.

— Да, я помню.

— И еще ей всегда было не по себе из-за Поля. Он к ней так хорошо относился, и она очень переживала, что все так получилось. Она собрала все вырезки по процессу — полную документацию. Это, собственно, все, что она мне оставила после смерти — это да свидетельство о рождении с твоим именем, да еще пару фотокарточек, где мы вместе — там я совсем крошка. Мама скупала все газеты в Сиднее перед тем, как Джоан прислала ей деньги на отъезд. Она частенько пересматривала вырезки и плакала.

— Ну а когда она решилась, наконец, связаться со мной — что она сделала?

— Отправила тебе письма.

— Письма! Какие письма? — Боже, сколько лжи, обмана! Ради Бога, сколько можно!

— Она писала тебе. Последний год перед смертью — дважды.

— Но я ни одного не получил!

А как могло быть иначе? Ведь почту просматривала Джоан! Дикий приступ ненависти охватил его, Роберта трясло, как терьера при виде крысы. Сейчас он мог бы убить ее. И поделом. Он ей этого никогда не простит.

— Она думала, что получил. И просто плюешь на нее. Это-то и убило ее в конечном итоге.

— Убило ее?

— Врачи сказали, что у нее вирус, какой-то редкостный вирус. Но я думаю, что это разбитое сердце. — Видно было, как Эмма напряглась, чтобы не расплакаться: только костяшки пальцев побелели. Он не посмел высказать ей свое сочувствие.

— А потом я осталась одна. Она так никогда и не вышла замуж, даже другом не обзавелась. Кроме тебя, она ни о ком не думала. Всегда говорила мне одно и то же: если что-нибудь с ней стряется, я должна приехать сюда и разыскать тебя; взять с собой вырезки и свидетельство о рождении и обо всем рассказать тебе. Но я не знала, как это сделать. Да и не так-то это было просто.

— Да.

Все постепенно вставало на свои места.

— Ты хотела сначала сама узнать меня по-своему, правда? Чтобы убедиться, что я могу тебя полюбить такой, какая ты есть, а не какого-то подкидыша из Англии, свалившегося на меня помимо моей воли?

Наконец, последние детали картины улеглись на нужные места. Теперь он понял, для чего она высмотрела его в соборе, затем попала к нему на глаза, хотела залучить его на собственную территорию, на собственных условиях, в нужное ей время.

— Да, — она смотрела ему прямо в глаза. — Я хотела, чтобы ты узнал меня — такой, какая я есть. И хотела узнать, что за человек ты сам. Мне надо было понять, не использовал ли ты ее, а затем отбросил как ненужный мусор. Мне не хотелось, чтоб это оказалось правдой. Я хотела удостовериться, что ты достоин быть моим отцом.

— А если б я оказался недостойным? — Он помолчал и посмотрел в бездонность ее глаз, от которых щемило сердце. — Эмма, это все?

— Нет, — и она посмотрела ему в глаза с пронзительной искренностью. — Не все. В таком случае я готовила свою месть. Свою и мамину.

— Свою месть?

— Да. И я знала, что хочу сделать. Я все продумала. Разоблачить тебя, смешать с грязью, обольстить и потом бросить — как ты поступил с мамой.

Брайтстоун! Наконец-то!

Вцепившись в баранку, полуодуревшая от усталости Джоан увидела указатель на подступах к городку и возрадовалась в сердце своем. Доехала, цела и невредима! Теперь надо только разыскать Роберта, спасти его, и он снова полюбит ее, как любил всю жизнь, как любил ее, когда они были детьми много, много лет тому назад...

Осторожно она продвигалась по узкой улице: повороты и выбоины таили еще большую, чем обычно, опасность из-за непрекращающегося проливного дождя. Давно не обновляемое уличное освещение Брайтстоуна с трудом пробивало черноту ночи. Но зато и бояться нечего: на улице не было ни души. В такую ночь воистину хороший хозяин собаку из дома не выгонит, думала про себя Джоан. И крыса из норы носа не высунет. Кроме одной. Кроме одной. Для того она и здесь, чтоб отрубить ее длинный хвост.

Вот и мыс, и огромный старый утес вздымается впереди во всем своем гордом величии. Машина карабкалась вверх по дороге. Когда крутой подъем кончился, она попыталась разглядеть очертания пасторского дома и церкви в непроглядной мгле, но ей это не удавалось. Но она знала, что дом и церковь здесь, она чувствовала их незримое присутствие и радушие, с которым они ее приветствовали.

Преодолевая усталость и слезы, она поставила машину и с невероятным напряжением оторвала замерзшее тело от сиденья. Казалось, что она гнала машину часами, днями. Ну, все, приехала, наконец. Ей бы только поговорить с Робертом, и все опять будет замечательно.

Ни одно окно в доме не светило. Может, он в маленькой гостиной с задней стороны дома, где любила читать и работать Клер? С трудом передвигая затекшие ноги, она поднялась по ступенькам и толкнула дверь. Та оказалась открытой. Значит, он дома. Глубоко вздохнув, Джоан вступила во мрак холла. Ее встретил до боли знакомый запах старого помещения. Дома.

— Роберт!

Ни звука. Она пересекла холл и открыла дверь комнаты Клер. Всюду было темно и пусто. Но в доме чувствовался человеческий дух — все замерло в ожидании, словно дом, затаив дыхание, надеялся, что вот-вот закипит в нем человеческая жизнь, и нить из прошлого будет подхвачена, будто ее обронили лишь вчера.

И все же присутствие мужчины ощущалось с такой силой, что Джоан не сомневалась: Роберт только что вышел, просто выскочил, может по вызову комитета по празднованию на заключительное совещание-летучку. Качаясь от усталости, она побрела наверх. „Буквально минутку передохну в своей комнате, — говорила она себе, — потом внесу сумку и приготовлю все на ночь“. Ноги сами вели ее куда надо — так хорошо они помнили каждую ступеньку, каждую выбоинку в старом доме. Свет она даже не включала — зачем ей свет? Джоан знала здесь каждый дюйм.

В ее комнате ничего не изменилось, будто и не было этих долгих лет. Джоан охватило чувство благодарности. Она сделала шаг к кровати, и вдруг — без звука, без предупреждения мужская рука железной хваткой обхватила ее талию, а ладонь зажала рот и нос, так что

невозможно стало дышать. Она ощущала его тело, крепкую выпуклую грудь, длинную стройную ногу, сладострастно прижавшуюся к ней сзади. В воображении, если не в памяти, это тело когда-то давным-давно находило в ее собственном теле такой сильный отклик! Она знала каждый его изгиб, оно владело всеми ее чувствами и желаниями. Вскрик застыл на ее губах вместе с надеждой.

— Привет, Джоани, — раздался приятный голос, но в кем чувствовалась смертельная угроза. — Что такая очаровательная девушка делает в этом месте?

— Поль!

Он почувствовал, как свистит у нее в горле воздух, и рискнул немного ослабить свою хватку.

— Ты, стало быть, тоже за Робертом, — проворковал он ей на ухо. — Значит, я на верном пути?

— Пусти!

— Не торопись! Где твой разлюбленный братец — пресвятой Роберт?

— Не здесь! Ему надо было уехать. Убирайся. Для того я и здесь!

Он рассмеялся, и дыхание его теплой струей защекотало ей макушку.

— Ты врешь, Джоан. Но ведь ты что хошь готова нести, чтобы спасти его, правда ведь — все что угодно?!

Она всем существом ощущала его тело, его близость, его потрясающий мужской запах. Его руки — одна на талии и бедрах, другая, легко лежащая на груди и плечах — жгли ее, словно каленым железом.

— Твое ранье стоило мне жизни, Джоани, — почти пропел он. — Ты всегда знала, что это он убил Джима Калдера И тебе ничего не стоило подставить меня вместо него — на всю жизнь! Пожизненный приговор! За тобой должок, Джоани.

— Нет! — Она яростно извернулась в его объятиях и почувствовала мертвящую тяжесть пистолета. — Я пыталась спасти тебя, глупый ублюдок! Когда за тобой пришли, я предложила тебе алиби! Я сказала полиции, что ты всю ночь был со мной. Но ты отшвырнул меня! Ты отшвырнул свою собственную жизнь, Поль Эверард, потому что, видите ли, твоя гордость не позволила тебе сказать, что ты спал со мной!

Перехватив ее руки, он пытался рассмотреть ее лицо в неверном ночном свете.

— Вот почему ты это сделала, — задумчиво произнес он. — А я, значит, повел себя как глупый ублюдок, да? Спал с тобой? А я бы хотел! Это было бы здорово! Ты мне всегда нравилась — да и кто из брайтстоунских ребят не мечтал об этом — переспать с самой мисс Мейтленд! Но я даже толком не знаю... как-то не мог сам сделать первый шаг... а ты, оказывается, сама была не прочь!

Ловко вывернув ей руки за спину, он сжал ее запястья одной сильной рукой, а другой, почти нежно, двумя пальцами повернул к себе ее лицо. — Ты и сейчас еще равнодушна ко мне, Джоан? — нетерпеливо обратился он к ней. — Меня столько продержали — я не видел женщин целую вечность...

Он нагнулся к ее губам с жадностью истосковавшегося по любви человека, и ее тело потянулось к нему в его цепких объятиях. словно человек, чуть не умерший от жажды, он целовал и целовал ее, и с каждым ее движением тело его наливалось желанием. Неуклюжими пальцами новичка он нашел ее грудь и почувствовал затвердевшие соски, ждущие его ласки. С какой-то грубоватой настойчивостью он гладил ее спину, бока, с силой прижав к себе. По тому, как напряглось ее тело, он понял, что она готова отдаться ему. И

тогда он осторожно поднял ее на руки и понес к кровати.

Она лежала, как мрамор, в блеклом свете луны, но часто дышала, и это возбуждало его невыносимо. Сбросив пиджак и положив пистолет на тумбочку у кровати, он лег рядом с ней и расстегнул платье, обнажая безупречно гладкую кожу. Когда она наконец стала издавать горлом задыхающиеся вскрики радости, он протянул руку и поднял юбку, открывая шелковистый треугольник. В то же мгновение Джоан резко перевернулась на бок, и пальцы ее сомкнулись на рукоятке пистолета.

Времени на размышления не было. Он резким движением отбросил оружие в сторону и всем телом навалился на нее, прижимая своей тяжестью к кровати.

Выстрел отозвался у него в ушах трубой Страшного Суда. Тупая боль пронзила бок. Навалившись на нее всей своей тяжестью, Поль протянул обе руки и сомкнул сильные пальцы на длинной шее.

— Это была глупость, — устало пробормотал он. — Теперь ты сама напросилась на худшее, и, видит Бог, ты это получишь!

Она не шевелилась.

— Ты слышишь меня, Джоан?

Он яростно затряс ее. Она болталась в его руках, как тряпичная кукла, и сквозь тупую боль к нему пришло ошеломляющее понимание. Тело ее было совершенно расслаблено, слишком расслаблено, — она не издавала ни звука... Не издавала ни звука, потому что не дышала. Спрыгнув с кровати, он бегом пересек комнату и щелкнул выключателем. Освещенная ярким электрическим светом, внезапно выхватившим ее из ночной темноты, Джоан лежала на постели в луже крови. Глаза ее были широко открыты, губы улыбались, но она была мертва.

— Всю свою жизнь я считала, что тебе до нас нет дела. И вдруг выясняется — что ты просто ничего не знал.

Это было так ново для нее: он видел, что ей еще надо к этому привыкнуть. А ему самому — как свыкнуться со всем, что он сейчас узнал?

— Да, вероятно, потребуется время — нам обоим — чтобы сжиться со всем этим, — задумчиво проговорил он, уставившись невидящим взором в потоки дождя за окном. — Но в конце концов, это только начало. Теперь мы знаем правду — и можем хоть что-то исправить из всего этого нагромождения ошибок. — Он помолчал. — Эмма, я...

Он не успел закончить. Дверца внезапно распахнулась. У машины, покачиваясь под проливным дождем, стоял Поль в окровавленной рубашке. Лицо его дергалось от ярости.

— Вылезай! — приказал он, размахивая пистолетом. — Поживей!

— О нет, Поль! — закричала Эмма. — Я ошиблась! Он не знал! Он не хотел, чтоб ты расплачивался за него!

Поль зло рассмеялся.

— Теперь он и тебя обработал, так, что ли? Какое обхождение с дамами! Только подумать! Ну-ка вылезай, ты, ублюдок! Вылезай из машины — мигом — не то я пристрелю девчонку!

По его виду можно было понять, что он на все готов. Роберт не торопясь стал выбираться из машины. Пронизывающий ветер и дождь обрушились на него, но он старался не дрожать. Ему не хотелось показывать страх.

— Туда!

Пересиливая ветер, они двинулись по утесу, волоча ноги по жухлой свалившейся траве. С возрастающим ужасом Роберт понял, куда они идут. Впереди, всего в нескольких ярдах был обрыв. Рев волн, бьющихся о камни, казалось, так и звал броситься в их дикие объятия. Он был почти готов отдаться воле рока и принять прощальный поцелуй этой последней ночи. Конец всему. Конец вине...

Нет. Рано сдаваться. Он подумал об Алли, потом об Эмме, потом о Клер. И спокойно взглянул в дуло пистолета.

— И не думай, Поль! — он повысил голос, пересиливая воюющий ветер. — Можешь пристрелить меня, если хочешь, но прыгать ты меня не заставишь. А если я умру, то знай, ты убил невинного.

— Ну так и подыхай!

— Нет!

Поль в ярости направил пистолет в голову Роберта, и в этот миг раздался нечеловеческий крик Эммы. Роберт склонил голову и закрыл глаза.

— В руки Твои, Господи, предаю дух мой: да пребудешь со мной в час моей смерти...

— Ты... ты... — Вой смертельно раненного человека перекрыл и крики Эммы, и рев разбушевавшейся стихии. Рыдая, Поль отвел ствол пистолета. — Ты уничтожил меня! Ты уничтожил меня, Роберт! Как мог ты такое сделать, ничтожный лицемер! Мой собственный шурин? Все эти годы ты творил за меня молитвы, сам же меня подставив! — Возрастающая ярость шторма вторила его воплям, усиливая их своей оркестровкой. — Ты, ты! За всем этим стоял ты! Подлый негодяй! Я убью тебя! Я убью тебя! — Он медленно поднял ствол пистолета.

— Нет! Нет! Нет!

Из дула пистолета вырвался язычок красного пламени, осветив на миг окрестности. Роберт почувствовал чудовищный толчок в голову, словно его ударило какое-то титаническое существо, затем резкую боль, и понял, что пуля задела череп. В голове что-то раскололось, словно молния. Буря, драка, неистово вопящий человек, крик девушки... Ночь гибели Джима Калдера! Это и была та самая ночь!

Его трясло от неизъяснимого ужаса, он присоединил свой голос к нестройному хору человеческого и сверхчеловеческого страдания: драма достигла своего апогея, финал близок; он чувствовал, как силы покидают его, а сознание начинает мутиться. Из ночного мрака на него, стоящего на самом краю обрыва, несся человек, вопящий как провозвестник смерти. В ужасе он приготовился оттолкнуть убийцу, биться до последнего дыхания, чтобы защитить себя и спасти свою жизнь.

Он или я!

Джим! Джим! Бога ради, НЕТ!

Но когда нападающий поравнялся с ним, в свете вспыхнувшей молнии он увидел лицо Поля. Отступив на шаг в сторону от несущейся на него громады, он схватил Поля за пояс и швырнул на землю, чтобы остановить его безудержный бег вперед. Но Поль, как когда-то Джим, оказался жертвой собственной ярости, скорость его была слишком велика, чтобы ее мог мгновенно погасить человек с меньшей массой тела. К отчаянию Роберта, махина тела Поля продолжала неумолимое движение к краю обрыва; руки и ноги ослабели от потери крови и напрасно скребли по грязи и траве, пытаясь затормозить движение. Из последних сил Роберт со всего маха рухнул на тело друга и в его угасающем сознании пронеслась клятва — погибнуть вместе с Полем, если у него не хватит сил спасти его. Словно страстные

любовники, они обнялись на краю гибели, медленно, но верно скользя в вечность.

— Роб!

Поль издал последний возглас и потерял сознание.

— Боже, — взмолился Роберт, — сейчас или никогда — будь со мной!

Силы оставляли его. Он знал, что долго не продержится. Борясь со штормом, собственным страхом, скользкой предательской почвой, засасывающей их в лоно смерти, Роберт призвал последние крупницы веры и надежды. Край утеса под ними обрывался в черное ничто. Распростертое тело Поля медленно, но неуклонно двигалось в пропасть; ноги и вся нижняя часть уже исчезли на глазах у Роберта.

Последняя самая яркая вспышка молнии осветила совершенным белым светом небо. В последний момент, когда, казалось, уже нет возврата, он нашел в себе силу, о которой молился. И когда Поль, подобно человеку, возлюбившему смерть превыше жизни, завис над роковой бездной, с энергией, о которой он даже не подозревал, Роберт ринулся вперед. Толкаемый слепым бешенством, он нащупал одну жилистую руку, затем другую и одним яростным невероятным движением рванул Поля наверх буквально за миг до того, как вместе с ним низринуться в безжалостное забвение.

40

Белый покой, белая тишина, белое блаженство.

И за что ему такое счастье!

Или он умер и вознесен на небеса?

Не хотелось открывать глаза. Ласковое прикосновение знакомой руки укрепило его в этом предположении. Он действительно умер, и сейчас на небесах. Потому что на земле это было ужасно давно — Клер вот так держала его за руку с неизъяснимой нежностью и трепетной любовью. И он снова погрузился в сон, окутанный безмолвным блаженством.

Засыпая, просыпаясь, вновь впадая в забытие, он чувствовал, как скользит сквозь череду дней и ночей. Иногда он ощущал желание говорить, но это стоило слишком больших усилий. Да и слова, доносившиеся до его сознания, как бы не соприкасались с ним. Все это не так важно — разберемся после...

Потом он проснулся в луче яркого, как весна, солнечного света. И вновь почувствовал прикосновение знакомой любящей руки — близкой до боли. Он осторожно приоткрыл глаза. Клер сидела на краешке кровати, лицо ее было открытой книгой, в которой с первого взгляда читалась безраздельная и безусловная любовь. При первом же движении его век Клер разразилась неудержимым плачем.

— О, Роберт! — запричитала она, смеясь сквозь слезы. — Это уже второе смертное ложе, у которого я сижу; ради Бога, чтоб больше этого не было! Сколько можно?

С изумлением оглядывал он тихую белую комнату, крахмальную белизну постели.

— Я что, в больнице? — полюбопытствовал он.

— Да, милый. И лучшего места для тебя не придумаешь. У тебя травма головы, пулевое ранение. К счастью, неглубокое, и скоро ты совсем выздоровеешь, но пока надо соблюдать покой. Так что ни о чем не беспокойся. Поспи еще — это самое лучшее.

Он уснул.

В следующее свое пробуждение он был значительно сильнее.

— Сколько я уже здесь?

Ему казалось, это продолжается несколько дней, а то и неделю. Ее ответ был для него полной неожиданностью.

— Со вчерашнего вечера. Вас с Полем нашли на мысе. Он тоже здесь.

Поль! Вот те раз. Поль.

— Как он?

Лицо ее сразу стало мрачным.

— Очень плох. Судя по всему, в него стреляли, но полиция никак в толк не возьмет, где и как.

— Он в сознании? Что-нибудь говорит?

Она покачала головой.

— Врач говорит, что он потерял очень много крови. До сих пор не приходит в себя. Полиция ждет, чтобы допросить его. А потом его заберут обратно, в тюремную больницу.

Роберт взял ее за руку. Теперь он понял, что надо делать, и почувствовал прилив сил.

— Нет, милая, не заберут.

— Что?

— Ш-ш-ш-ш-ш. Последний вопрос. Когда нас нашли той ночью — кто-нибудь с нами был?

Она взглянула на него в полном недоумении.

— А кто там еще мог быть?

— А откуда же полиция узнала, где мы?

— Анонимный звонок, кажется. Из паба, будто бы. Поль заходил туда вечером.

— А я так не думаю, Клер.

Она внимательно посмотрела на него, в глубине души еще не совсем веря, что эта неподвижная белая фигура вновь превращается у нее на глазах в любимого нежного мужа.

— Я слушаю, милый. А что же это такое?

Он взял ее руки и стиснул в своих ладонях.

— Клер, я наделал кучу ошибок, ужасных ошибок, и узнал о них только сутки назад. У меня одна возможность сохранить себя — это честно и искренне принять все как есть и дальше положить жизнь на то, чтобы исправить, что можно. — Он прочел на ее лице тревогу и недоумение. — Видишь ли, мне не хотелось бы тревожить тебя попусту, но ты должна знать все, что случилось, от начала и до конца. И если ты решишь, если ты действительно решишь, что не можешь жить со всем этим... жить со мной после случившегося — я все пойму и освобожу тебя от обетов без всяких проволочек. Но прежде, чем ты сделаешь это, милая, — и он поднял ее ладони и прижал к своим губам, словно творя горячую молитву, — прежде чем ты сделаешь это, я хотел бы, чтоб ты твердо усвоила одну вещь: за эти последние дни я понял, как сильно люблю тебя, насколько недостоин тебя и как страстно надеюсь и молюсь, чтобы ты дала мне еще один шанс, и я мог бы попытаться доказать тебе, как много ты значишь для меня и как это для меня важно.

Он прикрыл глаза и нахмурил брови, стараясь сдержать слезы. Не следует пользоваться ее сочувствием или ее мягкостью. Наступило долгое молчание. У него было такое чувство, что жизнь его, подобно перышку, повисла в воздухе и только ждет первого порыва ветра. Наконец она заговорила.

— Роберт, не знаю, что ты хочешь сообщить мне, и было бы глупо полагать, что я тут же прощу тебя, лишь бы не потерять, как я думала, когда приехала сюда. Но одно знаю

наверное, — ее чистые глаза заглядывали ему прямо в душу, — то, как ты говорил со мной сейчас, это первый честный и искренний разговор между нами за долгие годы! Поэтому еще глупее было бы — я была бы просто дурой — взять и отбросить все просто так. Давай попробуем. В конце концов, попытка не пытка. Но попробуем вместе. Понемножку. По шажку. И тогда увидим.

— Боюсь, что шажками тут не обойдешься, надо действовать быстро, — с горечью заметил он. — Не могла бы ты найти сестру и попросить ее принести мою одежду? О, Клер, мне так много надо рассказать тебе — и еще больше сделать!

Начинать надо с Эммы, дитя, потерянного чуть не двадцать лет назад и потерявшегося снова. Почему она пропала? Почему полиция не видела ее, когда явилась спасать в ту ночь его и Поля? И куда она могла деться?

Чтобы объяснить все про Эмму, надо было объяснить свои отношения с Алли. Он чувствовал, что никогда сильнее не любил Клер, хотя и понимал, что каждым словом нещадно терзает ее. Обхватив руками колени — этот бессознательный девический жест до сих пор действовал на него безотказно, — Клер, веря и не веря, слушала всю его историю, которую он выкладывал без утайки. То, что неверность, в которой она подозревала его сейчас, на самом деле имела место больше двадцати лет назад, было в каком-то смысле отменой смертного приговора. В то же время подлинным ударом оказался объект любви.

— Но с Алли! Роберт! С Алли! — только и повторяла она. Он понимал, что потребуется время, чтоб Клер как-то свыклась с этой мыслью.

Не меньшим шоком было сообщение о том, что плод этой связи жив, мало того, находится здесь и хочет признать Роберта своим отцом.

— Я это не могу отрицать, Клер, — изрек он с такой простотой, что Клер была уязвлена в самое сердце. — Но не могу и требовать, чтобы ты это приняла, так что решай сама.

Клер еще не знала, как ей повести себя в этом деле. Но одно понимала четко: существует потерянный ребенок, пусть и двадцати лет, и мать в ней не могла с этим примириться ни на секунду.

— Первым делом, Роберт, надо ее найти, ясно? — с волнением воскликнула она. — Дай мне хоть посмотреть на нее, ладно? А там видно будет. Думаю... это все, что в моих силах — во всяком случае — пока.

* * *

Они начали с полиции и тут же получили от ворот поворот. Никаких сообщений о молодой женщине не поступало. Никаких происшествий, кроме двух мужчин в бессознательном состоянии, найденных прошлой ночью на мысе. Никаких дорожных инцидентов и пропаж. К сожалению, ничем помочь не можем.

— Но где-то на ночь она останавливалась! — настаивал Роберт; на лице его было явное беспокойство. — Потому что если она всю ночь провела под этим дождем... — Он даже не решился закончить мысль.

— Давай попробуем по отелям.

Ничтожность размеров Брайтстоуна на сей раз явила свои преимущества Пансионов в городке было раз-два и обчелся, а тех, что ей по карману, и того меньше. Так что им не

пришлось тратить время на поиски.

— Юная девушка лет двадцати, белокурая? Да, была здесь, останавливалась прошлой ночью.

— А где она сейчас?

Улыбка. Желтые искрошенные зубы.

— Спросите что полегче. Была да сплыла.

Он ни словом не обмолвился о том, что молодая дама заплатила только за ночь вперед, что так ни разу и не ночевала здесь и что, наконец, ее пожитки и сейчас стоят на чердаке. Обо всем этом особенно распространяться было незачем. В конце концов, каждый по-своему зарабатывает на хлеб.

Клер ждала его в машине; лицо ее было бледным и озабоченным. Глубоко обеспокоенный Роберт подсел к ней.

— Она уехала, — коротко доложил он.

— Куда уехала?

— Ему ничего неизвестно. Как и мне, — признался он.

Какое-то время они сидели молча.

— Давай-ка все обмозгуем, Роберт, — заговорила Клер, к своему удивлению чувствуя, что не на шутку беспокоится. — Давай попробуем взглянуть на дело ее глазами: куда она отправилась бы, что делала? Вчера ночью она была там, на мысе, с вами, вы оба были ранены и находились в смертельной опасности. Как ты думаешь, что она могла предпринять?

— Она попыталась бы найти помощь. Это, наверно, первое, что пришло бы ей в голову.

— Каким образом она могла бы это сделать?

— Машину взять она не могла. Она не умеет водить, — ответил Роберт, пытаясь собрать все по клочкам. — В полиции же сказали, что обе машины — моя и Поля, — были на месте — во всяком случае, когда они туда прибыли.

— Следовательно, ей надо было возвращаться от бухты Крушения пешком. Бедное дитя! В такую ужасную бурю! Где-нибудь внизу она нашла телефон и позвонила в полицию. Куда могла она податься после этого?

Они переглянулись и чуть не в один голос воскликнули:

— Конечно! В пасторский дом!

— Боже праведный! — выпалил Роберт. — Надо ж быть таким идиотом! — Включив мотор, он направил машину в сторону мыса. Боже, сделай так, чтоб она была там, молился он про себя. Цела и невредима Неужели Ты подарил мне ее для того, чтобы тут же отнять, и не даешь возможности показать, каким отцом я могу ей быть... Господи, Отче Всемогущий, услышь меня... пощади ее...

Они нашли ее под старым дубовым столом в холле — промокшую до нитки; девушку колотил озноб, и она почти ничего не соображала. Увидев ее бедственное состояние, Клер заплакала и заключила Эмму в свои объятия.

— Ну, ну, — шептала она, качая ее на груди — движение утешения и любви, живущее в крови у любой матери со времен Адама и Евы. Эмма приникла к ней как малое дитя и пыталась выговорить что-то неразборчивое. Наконец Клер подняла голову. — Мне кажется, она говорит „наверху“, не пойму, Роберт, что она пытается этим сказать, но, может, тебе

лучше подняться и самому взглянуть?

* * *

Она лежала на своей девичьей кровати; глаза ее были закрыты, лицо спокойно и ясно, как никогда в жизни. Она лежала, словно в глубоком сне, вся подтянутая и чистая, как всегда. Будто прилегла ненадолго отдохнуть. Только огромное пятно крови на белом покрывале свидетельствовало о том, что уснула она навеки. А аккуратно сложенные на груди руки ясно говорили, что умирала она не в одиночку.

Еще через минуту он был внизу, его лицо являло собой маску спокойствия, несмотря на пронзающую боль.

— Клер, тебе лучше увести Эмму отсюда. Отвези ее в отель, сними комнату, сделай что можешь.

— А ты?

Она сразу поняла, что произошло что-то ужасное.

— Позвони мне из отеля сразу же, как уложишь Эмму в постель. Я буду здесь. Я буду... ждать полицию.

История, которую излагал настоятель Мейтленд, была столь невероятной и сложной, что все полицейские, с которыми он встречался, передавали его по инстанции выше. И с каждой встречей, с каждым допросом бюрократическая машина начинала набирать обороты, поднимались старые досье, открывались новые расследования, и слепая Фемида, эта капризная старая дева с весами, медленно, но верно стала наконец поворачиваться в нужную сторону.

Все это время Поль, получивший в печень и селезенку пулю, отнявшую жизнь Джоан, отчаянно боролся за свою собственную — с переменным успехом. И все это время Клер либо Роберт были рядом, непрестанно что-то рассказывая или читая не приходящему в себя раненому, а что касается Клер, то та напропалую бичевала брата за его недостаточные усилия и грозила всеми карами, если он не проявит явных признаков улучшения прямо у нее на глазах.

Таким образом, вполне справедливо, что именно Клер была вознаграждена, когда Поль наконец открыл глаза и еле слышно проговорил:

— Привет, сестренка.

— Поль! О, Поль!

— Вот и я! — Голос был слаб, но принадлежал Полю — сомневаться не приходилось. — Побереги слезы... а то у тебя на мои похороны ничего не останется!

Врачи, которые в глубине души уже отчаялись поставить беднягу на ноги, настаивали на особом режиме покоя и медицинского наблюдения в период выздоровления, и потому потребовалось известное время, пока он достаточно окрепнет, чтобы довести до его сведения все, что произошло в течение недель его болезни. Первым делом Клер поспешила обрушить на голову брата новость о том, что с него снимаются все обвинения в совершенном преступлении с возмещением морального и физического ущерба за столь длительное заключение и потерю доброго имени в виде исключительно высокой денежной

компенсации.

— Роберт нанял дорогого адвоката, чтоб занимался специально этими делами, Поль, — огорошила она его, — это значит, что работать тебе не обязательно до конца жизни. Теперь ты и в самом деле сможешь быть плейбоем, как хотел всегда!

Поль изобразил ухмылку.

— Скажи ему спасибо от моего имени.

— Скажу. Но он не хочет благодарностей, он делает то, что считает нужным.

— А что полиция говорит о нем?

— Им известно, что у него не было вражды с Джимом Калдером. Известно также, что за субчик был Джим. Полиция остановилась на версии, что Джим напал на Роберта без предупреждения, в результате чего последовала случайная гибель. — Клер нагнулась и взяла его руку. — И еще кое что. Мика Форда посадили в тюрьму.

— Мика? — глаза Поля засветились любопытством.

— Ему предъявлено обвинение в участии в заговоре против Меррея Бейлби. Что он со страху наболтал в пабе, когда ты держал его на мушке, слышали все, кто там был. Его чуть ли не сразу же арестовали. И он во всем признался. Ему грозит пожизненное заключение, хотя он уверяет, что делал это для другого человека.

— Другого? Кого именно?

В голосе Клер звучала скорбь.

— Для Джоан.

— А что с Джоан... той ночью.

— Пистолет был у нее в руке, и выстрелила она. По характеру твоей и ее раны ясно, что она хотела убить тебя, а не наоборот. — Она помолчала. — Роберт считает... Роберт считает, что так даже лучше. Он бы никогда не смог простить ее за то, что она причинила тебе, и за то, что делала с ним всю его жизнь.

— Н-да. Ну и дела. — Поль посмотрел на сестру с любопытством. — Она спала и видела его епископом или что-то в этом роде. Но я всегда считал, что он хочет того же.

Клер легко рассмеялась.

— Не ты один. Все мы думали, что хотим этого. Но чем ближе к цели подходили, тем меньше нам это нравилось — и Роберту, и мне. И тем больше отдалялись друг от друга. Все дело в том, что на самом деле Роберт вовсе не тип общественного деятеля. У него это хорошо получается, когда надо, но в глубине души он вовсе не этого хотел.

— А чего же? Не может же он снова стать скромным приходским священником, а? Сдается мне, не так-то он был от этого счастлив и тогда, в молодости.

Клер улыбнулась. Она ужасно похорошела за последнее время, подумал Поль, такая же полненькая и миленькая, как бывало. Что и говорить, ей идет быть счастливой. И, похоже, она больше не намерена выпускать из рук синюю птицу.

— Да он что-нибудь придумает, не бойся. Мир велик, и нам место найдется. А с головой у него все в порядке?

Глаза у нее заблестели.

— Роберт хочет начать новую жизнь, и для себя, и для нас — для всех нас! В конечном итоге, нет худа без добра, и все, что ни делается — к лучшему. Зло, слава Богу, осталось позади. Роберт окончательно рассчитался с прошлым, и все духи обрели покой раз и навсегда. Перед ними блестящее будущее — и я жду не дождусь, когда оно начнется?

ЭПИЛОГ

ВЕСНА

1991

Крепкий морской ветер, пропитанный солью, будил в душе самые радужные надежды. Дыша полной грудью, Клер шла по палубе лайнера, приспособившись к его неспешному величественному покачиванию; теперь она понимала, пожалуй впервые, почему с давних времен больным предписывались длительные морские путешествия. Вот так, месяц в море, улыбалась она про себя, и я буду как новенькая.

Впереди, на носу, опершись на леер стояли Роберт и Эмма и оживленно беседовали. Увидев приближающуюся Клер, Роберт повернулся и принял ее в свои объятия, укрыв широким плащом.

— Поль в хорошей форме? — спросил он, как бы читая по ее лицу.

Клер отбросила со лба пряди волос и с улыбкой взглянула на Роберта. Весь вид ее говорил о полнейшей удовлетворенности.

— В потрясающей! Он собирается участвовать в лыжных гонках, представляешь? И хочет присоединиться к нам в конце года. Это просто фантастика! Говорить с Австралией, плывя посреди Атлантического океана на лайнере! Но есть кое-что поважнее, — и она лукаво посмотрела на Роберта и Эмму, — ну-ка угадайте!

— Быть того не может! — со смехом откликнулся Роберт. — Можешь не говорить — у него новая пассия!

— Точно! — рассмеялась и Клер. — Поль говорит, что она такая прелесть — закачаешься! Он даже не прочь жениться!

Эмма расплылась в улыбке.

— Ну, такое пропустить нельзя!

Клер с любовью посмотрела на Эмму. Перехватив ее внимательный взгляд, девушка улыбнулась в ответ. Она уже сейчас выглядит гораздо лучше, с радостью отметила Клер, вон как вся округлилась, и личико не такое острое и настороженное. Все, что нужно было бедной девочке, — это нормальное питание, немного любви и семейной жизни. А что будет, когда у них появится свой дом!

— Что, ты думаешь, будет делать Поль? — серьезно спросил Роберт. — У него, разумеется, хорошая пенсия, но мне, честно говоря, как-то трудно представить, что он так и будет вести праздное существование.

— Он в любой момент может вернуться к своей прежней работе! — не без ехидства бросила Клер. — Насколько мне известно, теперь, когда Мика Форда изъяли из обращения, место свободно! Но на шахту он не пойдет — не такой уж он дурак!

— Под стать своей сестренке, так, что ли? — в восторге ухмыльнулся Роберт. — Я всегда знал, что заполучил еще ту эверардовскую штучку!

— Это семейное, — убежденно вставила Клер. — Иначе как мне было справиться с двумя такими субчиками?

— Ну, справиться с нами, положим, не так сложно, но мы всегда готовы, Эмма, ты как? — Роберт зевнул и потянулся. — Надо бы пораньше лечь спать — завтра предстоит трудный денек.

— Вот еще! — запротестовала Эмма со смехом. — Прибываем-то мы завтра, а сегодня прощальный бал — гвоздь программы! Этого-то, действительно, пропустить нельзя! Хочу убедиться, что вас никто не перетанцует. Повеселимся от души!

— О, мисс Эмма, мы, может, и доковыляем туда, в качестве сопровождающих лиц, — подначивал ее Роберт. — Если у вас будут такие же толпы поклонников, как в Англии, нам придется устраивать специальные приемные дни.

— Так, решено! Отлично! Увидимся попозже. Я договорилась насчет партии в теннис на нижней палубе — вернусь через часик-два.

Оба молча смотрели на удаляющуюся девушку. Первым нарушил молчание Роберт.

— Ты счастлива, милая?

Улыбка была красноречивее слов.

— Еще как! А ты? Ты ни о чем не сожалеешь?

— Нет, ни о чем, — задумчиво проговорил Роберт. — Абсолютно ни о чем. Нет, я не жалею, что столько лет отдал Церкви — и, честно говоря, мне кажется, что я там кое-что сделал. Но теперь я твердо уверен, что выбрал этот путь главным образом из чувства вины перед отцом. А как только мне это стало ясно, я понял, что надо найти новое направление.

— О, Роберт, мне кажется, что все будет чудесно! — горячо вступила Клер. — Такая прекрасная возможность — работать в международном комитете по борьбе с голодом — участвовать в распределении помощи всем нуждающимся странам — это настоящее дело, что ни говори, и это как раз для тебя!

— Я тоже надеюсь! — Ему было трудно объяснить даже Клер, как много он ждал от этого поста и новых возможностей, которые перед ним открывались. Он чувствовал себя двадцатилетним юношей, стоящим в начале жизненного пути. — Но я думаю, что и вам с Эммой найдется уйма работы. Лондон самое что ни на есть подходящее место — там мы вполне можем начать „настоящее образование“, о котором мечтает Эмма, да поможет ей Бог. Вы сможете делать все, что угодно — будем колесить по всему свету — такова эта работа: перед нами все прелести Европы, уик-энды в Париже — где угодно!

— Уик-энды в Париже! Мда! — пропела Клер, склонив голову на плечо. — Теперь это все по мне. Потому что я снова нашла тебя, Роберт, и больше не хочу терять. — Щеки ее зарумянились. — Кстати, ты знаешь, что я хочу сказать?

— Милая Клер! Я знаю, что ты хочешь сказать! — И он зычно захохотал. — И не вижу причин стыдиться этого после всего того, что произошло! — Не обращая внимания на пассажиров, он привлек ее к себе, приподнял круглое личико и запечатлел долгий страстный поцелуй. — Примите это в качестве кредита на ваш счет, дорогая миссис Мейтленд. А сегодня ночью — бал не бал — я буду любить вас по-настоящему — великолепно, бесконечно и самозабвенно — и плевать мне на всех — пусть хоть весь лайнер знает об этом!

Трепещущими губами она поцеловала его.

— О, Роберт! — слабо пробормотала она. — Ты так мил со мной! Если сказать по-честному, — она наклонилась к нему и взяла за руку, — не подумай, что я становлюсь сентиментальной — но я не хочу, чтоб это путешествие закончилось. Мне кажется, у нас сейчас новый медовый месяц и даже лучше первого!

— Это не так уж глупо, моя дорогая. — Он еще теснее прижал ее к себе. — Так и должно быть. Нам понадобится вся наша любовь, чтобы встретить то, что нас ждет впереди — встретить будущее и сделать его прекрасным — стать хорошими родителями для Эм,

начать новую жизнь и новую деятельность в новой стране, по крайней мере на несколько следующих лет, пока не решим окончательно, где мы хотим осесть, и помочь Полю встать на ноги. Но вместе мы все это одолеем.

— В твоей программе есть одно упущение, Роберт, — одно очень важное упущение.

Он с недоумением посмотрел на нее. Она вся порозовела от возбуждения, и глаза ее ярко блестели.

— Мы будем нужны друг другу больше, чем когда-либо — потому что кое-кто еще будет очень нуждаться в нас.

— Кое-кто — кто?.. — все с тем же удивлением спросил он. Это что еще такое? Обычно Клер не любила играть с ним в загадки. Он пристально всматривался в ее лицо, пытаясь прочесть разгадку. Видно было, как она взволнована, как сжимает губы, словно пытаясь утаить самую потрясающую новость в мире. До него что-то начало доходить.

— Милая, не может?.. — Он боялся поверить.

— Да, именно так. Я сегодня видела корабельного врача — сразу после разговора с Полем. У меня будет ребенок, Роберт. После стольких лет! — Из глаз ее потекли слезы нескрываемой радости. — Новая жизнь, Поль, — наша жизнь, твоя и моя!

— Новая жизнь! О, милая! Подожди, мы скажем Полю! И Эмме! — И он заключил ее в объятия, зная, что их новая совместная жизнь, их любовь и счастье только начинаются.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

Денежная сумма, предоставленная правительством или общественной организацией для развития образования и науки — школам, высшим учебным заведениям, отдельным ученым и т. д.

Тропические певчие птицы с ярким оперением; питаются нектаром цветов и мелкими насекомыми.

Франгипания (*Plumeria rubra*) — дерево или кустарник с розовыми или красными очень душистыми цветами.

Военный священник в армии.

Священнослужитель высшей степени в церковной иерархии; главный епископ, которому предоставлено право надзора за другими епископами.

Священник, возведенный в сан посредством рукоположения, обряда возложения рук вышестоящего служителя культа на голову посвящаемого, во время которого последнему передается „божественная благодать“.

Священнослужитель низшей ступени церковной иерархии. В его обязанности входит сослужение епископам и пресвитерам при совершении таинств, обрядов и богослужений.

Добропорядочный доктор Джекил, герой романа Р.Л. Стивенсона „Странная история доктора Джекила и м-ра Хайда“; желая определить грань между добром и злом в собственной душе, посредством чудодейственного препарата обособляет ее темные силы, являя на свет своего уродливого двойника — мистера Хайда. Сравнением с Джекилом и Хайдом обычно подчеркивается двойственность характера личности.

Гершель Вильям (1738–1822) — английский астроном и оптик.

Приходской священник, который получает в свою собственность доходы от бенефиция, т. е. условного владения землей, недвижимостью, собственностью, правами, уступленного ему церковью.

Притч. 13:12.

Вид вышивания, когда ткань натягивается на круглые пяльца и придерживается рядами деревянных колец, образуя нечто вроде барабана (тамбура).

Быт. 7:10–12.

Быт. 6:8; 7:23.

Лк. 6:37.

Полное изложение в церковных книгах всех молитв, назначенных для определенного богослужения, с обозначением их последовательности.

Главный храм в епархии.

Помещение в христианском храме, где хранится священническое облачение и церковная утварь.

Совокупность всех священно- и церковнослужителей.

Tabula rasa — чистая доска (*лат.*), т. е. нечто чистое, нетронутое.

Церковно-административный орган.

Молитвы и священнодействия, совершаемые священнослужителями по просьбе верующих.

Чаша, в которую вливается вино, символизирующее кровь Христову.

Главный диакон епархии, в ведении которого находятся благотворительные дела.

Букв. „всевыжигающий огонь“ (*греч.*). В „Ветхом Завете“ — жертвенный, истребляющий огонь. Термин часто используется для обозначения катастроф большого масштаба, массового убийства. В современной истории Холокостом иногда называют массовое истребление евреев во время второй мировой войны.

Каноник или другой член капитула, владеющий доходами и имуществом, предоставляемым Церковью привилегированной части духовенства за исполнение обязанностей, связанных с занимаемой должностью.

Штатный священнослужитель, состоящий членом капитула, т. е. коллегиального учреждения при епархиальном епископе, ведающего делами епархии.

Духовное лицо, посвященное на служение церкви.

В. Шекспир. „Гамлет“. Акт первый, сцена третья. Пер. с англ. Б. Пастернака.